

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН
И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ
К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ И СОСТАВЛЕНИЕ
А.А. КАРА-МУРЗЫ, В.Л. ШАРОВОЙ,
А.Ф. ЯКОВЛЕВОЙ

А К В И Л О Н

ББК 87. 3
УДК 1 / 14
Н 63

*Издание выполнено при финансовой поддержке
Федерального агентства научных организаций,
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 16–03–14139
«Международная научная конференция “Философия российской истории
Н.М. Карамзина” (к 250-летию со дня рождения)»,
Фонда им. Фридриха Науманна*

Рецензенты

Доктор политических наук М.М. ФЕДОРОВА
Доктор исторических наук А.Н. ЕГОРОВ

Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. — М.: Аквилон, 2016. — 384 с.

В 2016 году в России отмечается 250-летие со дня рождения выдающегося русского историка, социального и политического мыслителя Н.М. Карамзина (1766–1826) — ключевой фигуры русской философии истории. В предлагаемом сборнике статьи авторы осмысливают основную историософскую концепцию Н.М. Карамзина о том, что Россия является глубоко самобытной частью европейской цивилизации. Это вторая книга в серии «Философия и исторические судьбы России», которую открыл в 2013 году сборник, посвященный 200-летию А.И. Герцена. Предназначена философам, историкам, литературоведам, а также всем, интересующимся наследием Н.М. Карамзина и в целом философией российской истории.

Научное издание

ISBN 978–5–906578–16–7

© А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева,
общая редакция, составление, 2016.
© Институт философии РАН, 2016
© Издательство «Аквилон», 2016.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
<i>КАРА-МУРЗА А.А.</i> Николай Михайлович Карамзин: между либерализмом и консерватизмом. Юбилейные заметки..	9
<i>ЖУКОВА О.А.</i> Н.М. Карамзин: философский профиль российской истории....	20
<i>ГУРЕВИЧ П.С.</i> Карамзин как первооткрыватель личности.....	43
<i>СПИРОВА Э.М.</i> Философские предпосылки сентиментализма.....	65
<i>БЫКОВА М.Ф.</i> Николай Карамзин и европейский гуманизм.....	88
<i>МЕЖУЕВ В.М.</i> Н.М.Карамзин и П.Я.Чаадаев: два подхода к российской истории — историографический и историософский.....	115
<i>ПРУЖИНИН Б.И., ЩЕДРИНА Т.Г.</i> У истоков русского историзма: формы признания Николая Михайловича Карамзина.....	135
<i>ОЛЬХОВ П.А.</i> История как открытое целое: метафизика тона Н.М. Карамзина..	148
<i>СИЗЕМСКАЯ И.Н.</i> О творческом наследии Н.М Карамзина и философском взгляде на историю.....	166
<i>КИСЕЛЕВА М.С.</i> От В.Н. Татищева к Н.М. Карамзину: интеллектуальная история и история интеллектуалов.....	177
<i>БЕССЧЕТНОВА Е.В.</i> Карамзин — рыцарь русского Просвещения.....	198

<i>КАНТОР В.К.</i>	
Карамзин, или Сотворение европейской России.....	211
<i>ЕРМАШОВ Д.В., ШИРИНЯНЦ А.А.</i>	
«Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой»: политический консерватизм Н.М. Карамзина.....	225
<i>ГРОМОВ М.Н., КУЦЕНКО Н.А.</i>	
Достойный преемник древнерусских летописцев.....	248
<i>ЛЮСЫЙ А.П.</i>	
Николай Карамзин и просвещенческие истоки московского текста.....	275
<i>ДАНИЕЛЯН Н.В.</i>	
Рационально-нравственный подход в политической философии Н.М. Карамзина: размышления над первым томом «Истории государства Российского».....	295
<i>ЛЕТНЯКОВ Д.Э.</i>	
Идеи Н.М. Карамзина и зарождение русского национализма в конце XVIII – начале XIX вв.....	307
<i>ШАРОВА В.Л.</i>	
«Для существа нравственного нет блага без свободы...»: Н.М. Карамзин об индивидуальной и интеллектуальной свободе.....	323
<i>ЧИЖКОВ Н.С.</i>	
Концепция свободы Н.М. Карамзина и её истоки.....	338
<i>ПЕНТЕГОВА А.В.</i>	
Русско-турецкие отношения в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.....	354
<i>КАРА-МУРЗА А.А.</i>	
Загадка «Тартюфа». Неизвестные страницы европейского путешествия Н.М. Карамзина (1789–1790).....	361
ОБ АВТОРАХ.....	376

CONTENTS

PREFACE.....	7
<i>KARA-MURZA A.A.</i>	
Nikolay Mikhailovich Karamzin: between liberalism and conservatism. Anniversary notes.....	9
<i>ZHUKOVA O.A.</i>	
N.M. Karamzin: a philosophical profile of Russian history.....	20
<i>GUREVICH P.S.</i>	
N.M.Karamzin as a discoverer of personality.....	43
<i>SPIROVA E.M.</i>	
Philosophical prerequisites of sentimentalism.....	65
<i>BYKOVA M.F.</i>	
Nikolay Karamzin and European humanism.....	88
<i>MEZHUEV V.M.</i>	
N.M. Karamzin and P.Y. Chaadaev: two approaches to Russian history: historiographical and historiosophical.....	115
<i>PRUZHININ B.I., SHCHEDRINA T.G.</i>	
At the sources of Russian historicism: ways of recognition of Nikolay Mikhailovich Karamzin.....	135
<i>OLKHOV P.A.</i>	
History as an open integrity: to the metaphysics of tone in the writings of Nikolay Karamzin.....	148
<i>SIZEMSKAYA I.N.</i>	
On the creative heritage of Nikolay Karamzin and philosophical view on history.....	166
<i>KISELEVA M.S.</i>	
From Vasilii Tatischev to Nikolay Karamzin: the intellectual history and the history of intellectuals in Russia.....	177

<i>BESSCHETNOVA E.V.</i> Nikolay Karamzin — the knight of Russian Enlightenment.....	198
<i>KANTOR V.K.</i> Karamzin, or The creation of the European Russia.....	211
<i>ERMASHOV D.V., SHIRINYANTS A.A.</i> «We demand the protective wisdom, rather than the creative one»: political conservatism of N. Karamzin.....	225
<i>GROMOV M.N., KUTSENKO M.A.</i> Deserving successor of ancient Russian chroniclers.....	248
<i>LYUCYI A.P.</i> Nikolay Karamzin and the Enlightenment origins of the Moscow text.....	275
<i>DANIELYAN N.V.</i> Rational-moral approach in Karamzin's political philosophy: reflecting on the first volume of «History of the Russian state».....	295
<i>LETNYAKOV D.E.</i> N.M. Karamzin's ideas and the origin of Russian nationalism in the late 1700s – the early 1800s.....	307
<i>SHAROVA V.L.</i> «There is no good for a moral being without freedom...»: Nikolay Karamzin on individual and intellectual freedom.....	323
<i>CHIZHKOV N.S.</i> The concept of freedom by N.M. Karamzin and its origins.....	338
<i>PENTEGOVA A.V.</i> Russian-Turkish relations in «History of the Russian state» by Nikolay Karamzin.....	354
<i>KARA-MURZA A.A.</i> The riddle of «Tartuffe». Unknown pages of the European voyage of N.M. Karamzin (1789–1790).....	361
CONTRIBUTORS.....	378

ПРЕДИСЛОВИЕ

2016 год — юбилейный, мы празднуем 250 лет со дня рождения Николая Михайловича Карамзина, зачинателя исторической науки в России, «нашего первого философа»¹. Эта юбилейная книга подготовлена нами к одноименной международной конференции Института философии Российской академии наук, и станет второй в серии, которую открыл в 2013 году сборник, посвященный 200-летию Александра Ивановича Герцена. Серию мы решили назвать *«Философия и исторические судьбы России»*.

Философские идеи русских мыслителей сегодня вспоминают часто, ищут в них источник для формулировки национальной идеи, для осмысления российской идентичности. Эта серия книг, которая, мы надеемся, в самом скором времени получит свое продолжение, должна способствовать преодолению существующей ангажированности в представлении российского духовно-культурного и социально-политического опыта. Задачи историков и философов здесь совпадают, существуют в одном поле — служат гармоничному сосуществованию национального и общечеловеческого в русской истории и мысли.

В рамках научного направления философии российской истории мы обращаемся к идеям русских философов относительно путей развития России, ее исторической судьбы, ее прошлого и будущего. Реализуется эта задача не только в форме книг, статей, но и самых разнообразных научно-популярных мероприятий, идейным вдохновителем которых является доктор философских наук, профессор Алексей Алексеевич Кара-Мурза. Только за последние несколько лет были проведены конференции и симпозиумы, семинары и круглые столы, посвященные таким фигурам русской философии истории, как Тимофей Грановский, Александр Герцен,

¹ По выражению Б.М. Эйхенбаума.

Николай Станкевич, Андрей Краевский, Иван Аксаков, Борис Чичерин, Николай Бердяев, Петр Струве, Георгий Федотов, Федор Степун, Владимир Вейдле и др., совместно с коллегами из Италии, Швейцарии, Германии, Франции, Польши и других стран. Ведь и Европа также находится в состоянии идейного поиска, переживает трудные времена, а идеи русских европейцев сегодня актуальны и для нее.

Как Карамзин познакомил русского человека с его собственной историей в своей «Истории государства Российского», прошлым своей страны, так и мы на страницах этой книги знакомим читателя с Карамзиным-философом. Авторы данной книги пытаются рассмотреть его творчество и деятельность более объективно и всесторонне, чем это делали его сторонники и противники в предшествующие эпохи, и, преодолевая существующие стереотипы, связанные с его идеями, стремятся взглянуть на него современным взглядом.

Конечно, Россия изменилась со времен Карамзина, но многие проблемы, внутренние ее противоречия остаются теми же. Поэтому осмыслить наследие Н.М. Карамзина, который фактически способствовал взаимопониманию философов и историков, либералов и консерваторов, русских и европейцев, столь важно для нас сегодняшних.

В этом году юбилей и у Алексея Алексеевича Кара-Мурзы, и, я думаю, символично то, что эти юбилеи совпали. Пусть наша книга станет подарком к этому общему празднику философии российской истории.

*Ученый секретарь
Института философии РАН,
Кандидат политических наук
А.Ф. Яковлева*

А.А. КАРА-МУРЗА

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН: МЕЖДУ ЛИБЕРАЛИЗМОМ И КОНСЕРВАТИЗМОМ ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ

Наследие великого русского историка и писателя Н.М.Карамзина, 250-летие со дня рождения которого отмечается в декабре 2016 года, продолжает оставаться предметом горячих споров — не только литературно-эстетических, но и политико-идеологических. Российская власть всегда была заинтересована в апологии Карамзина как консерватора и охранителя, в то время как оппозиция не может избежать соблазна обнаруживать в его наследии черты неконформистского фрондерства. Очевидно, однако, что многогранное творчество Карамзина содержит богатейший потенциал отечественного интеллектуализма как такового, питая культурными соками разные ветви национальной традиции. Именно этот «феномен Карамзина» позволил многим его последователям (П.А. Вяземский, Б.Н. Чичерин, П.Б. Струве, Б.Ф. Егоров, Ю.М. Лотман) интерпретировать его взгляды как *либерально-консервативные*, то есть совмещающие в себе веру в потенциал свободной личности и, в то же время, в ценности просвещенной государственности; в европейский универсализм и в уникальные ценности национальной культуры.

Ключевые слова: История России, консерватизм, либерализм, культура, личность, свобода, патриотизм.

Юбилеи национальных гениев — это всегда не только общий хор славословия, но и скрытая борьба — литературная, историческая, но также мировоззренческая и даже политическая, ибо в такие моменты каждая «партия» (а они в России есть всегда, даже во времена господства, казалось бы, монолитного официоза) стремится, так или иначе, включить громкое имя в свой собственный

«сценарий для России». Вот и Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), как однажды заметил В.Г. Белинский, — это «имя, за которое было дано столько кровавых битв, произошло столько отчаянных схваток, переломлено столько копий!»¹.

Вспоминается в связи с этим одна поучительная история. В конце 1819 г. Н.М. Карамзин получил приватную аудиенцию у Александра I; вместе они пили чай в императорском кабинете и, по воспоминаниям Историка, «пробыли вместе, с глазу на глаз, пять часов, от осьми до часу за полночь».

«Не хочу описывать всего разговора моего с Государем, — написал потом дома Карамзин, — но между прочим вот что я сказал Ему по-французски: “Sire, Vous avez beaucoup d’amour-propre... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je Vous dis, je l’aurais dit à Votre Pere... Sire, je méprise les libéralistes du jour: je n’aime que la liberté qu’aucun tyran ne peut m’ôter...”».

Этот небольшой фрагмент, найденный в личных бумагах Карамзина и названный им «К потомству», был опубликован затем в первой части «Неизданных сочинений» Карамзина» (1862)².

«Русский перевод» слов Карамзина, сказанных им тогда Государю, вот уже многие десятилетия, с минимальными вариациями, кочует из одного издания в другое: «Государь! У вас много самолюбия. Я не боюсь ничего. Мы все равны перед Богом. Что говорю я вам, то сказал бы я вашему отцу, государь! Я презираю либералов нынешних (встречается вариант: «современных либералов». — А. К.), я люблю только ту свободу, которую никакой тиран не может у меня отнять...»³ и т.д.

В дни 250-летнего юбилея Карамзина, пора утвердить, наконец, истину: распространенный перевод *не соответствует* смыслу французских слов, сказанных Карамзиным. Конкретно: ту, центральную фразу, ради которой весь фрагмент этот взхлеб цитируется русскими охранителями: «Я презираю либералов нынешних...» Карамзин *не произносил*. Любой человек, знающий

¹ Белинский В.Г. Литературные мечтания (1834) // Белинский В.Г. Сочинения. Т. 1. С. 60.

² Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. СПб., 1862. С. 9.

³ См. напр.: Берков В., Макогоненко Г. Вступительная статья // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в 2-х тт. Т. 1. С. 66.

французский (таких в России было и есть немало!) должен признать, что фразу “*je méprise les liberalistes du jour*” правильно перевести как: «Я презираю либералистов-однодневок» (возможны варианты: «либералистов на день» или «дежурных либералистов»). Один из немногих авторов, кто точно передал смысл карамзинских слов, был Ю.М. Лотман, который в небольшой статье 1988 г., опубликованной в скромном журнале «Литературная учеба», перевел данный фрагмент так: «Государь, я презираю *скороспелых либералистов* (курсив мой. — А. К.)»⁴, а затем повторил этот вариант в «Сотворении Карамзина»⁵.

Если говорить о возможной «ошибке в переводе», то она была бы простительна графоманствующему публицисту Серафиму Шашкову, всю жизнь страдавшему от нищеты и болезней и умершему в сорок лет, который, на основании подсмотренной у кого-то неверной цитаты, вдруг «прозрел» и вывел в «демократическом» журнале «Дело» едкую инвективу против Карамзина:

«Сколько угодливости и искательности в этом человеке, который говорил: “я презираю современных либералов; я люблю только ту свободу, которой не может отнять у меня никакой тиран”... Нравственная личность этого человека далеко не так привлекательна, как ее до сих пор рисуют его поклонники»⁶.

Однако для людей более культурных, подобная «ошибка» (в случайности которой я сильно сомневаюсь), конечно же, непростительна.

Как бы там ни было, вся эта история заставляет в очередной раз вернуться к теме «Карамзин: между либерализмом и консерватизмом», которую так сноровисто хотят раз и навсегда закрыть как ультраконсервативные апологеты Карамзина, так и его ультрадемократические ненавистники.

* * *

Сто пятьдесят лет назад, во время празднования 100-летия Карамзина, пришедшегося на середину царствования Александра II,

⁴ Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Литературная учеба. 1988. № 4. С. 50.

⁵ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. СПб.: Азбука, 2015. С. 401.

⁶ Шашков С.С. Движение русской общественной мысли в начале XIX в. // Дело. 1871. № 6. С. 150-156.

когда усилия реформаторов ударялись о сопротивление сторонников контрреформ, а сам император метался между двумя лагерями, известный литературовед и будущий академик А.Н. Пыпин попытался определить глубинную логику «карамзинских юбилеев». По его мнению, в дни круглых карамзинских дат уже давно «не спорят о “старом” и “новом слоге”, о красотах “Бедной Лизы”, о научном достоинстве “Истории Государства Российского”, о которых спорили при появлении сочинений Карамзина»; «Чисто литературная сторона дела отступает на второй план... Взамен ее критика старается определить общее содержание понятий Карамзина, в особенности его общественные понятия...»⁷.

Оценивая состоявшееся в 1866 г. празднование 100-летия Карамзина, Пыпин отмечал: «По нашим нравам у нас вообще возможны были юбилеи только одни консервативно-нравоучительные — таков же вышел и юбилей Карамзина... В Карамзине восхваляли не только его действительные заслуги в свое время, но и... выводили из Карамзина мораль для настоящей минуты и в довершение всего извлекли из Карамзина даже аргументы в пользу консервативно-крепостнических тенденций»⁸.

Однако в нынешние юбилейные дни возможна и совершенно иная трактовка наследия Н.М. Карамзина. Напомним, что согласно позиции нашего авторитетного историка-эмигранта В.В. Леонтовича, автора фундаментального труда «История либерализма в России»⁹, Карамзин стоял у истоков не только консервативной, но одновременно и *либеральной* отечественной традиции:

«Его (Карамзина. — А. К.) идеи, его общий духовный подход и даже его личность сыграли положительную роль в развитии России как раз в либеральном направлении... Он старался всячески расширить те каналы, через которые могли проникнуть и действительно проникали в Россию либеральные идеи... Карамзин, как представитель сентиментального гуманизма, под-

⁷ Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I. IV. Карамзин // Вестник Европы. 1870. № 9. С. 247.

⁸ Там же.

⁹ Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914) / Пер. с нем. И. Иловойской; предисл. А. Солженицына. М.: Русский путь, 1995. С. 98 (первое немецкое издание — «Geschichte des Liberalismus in Russland», 1957 г.).

держивал как бы кристаллизацию некоторых укорененных в гуманизме предпосылок либерального мышления»¹⁰.

Леонтович подчеркнул полную убежденность Карамзина в том (и опыт правления Екатерины II подтверждал это), что «значительные элементы либеральной программы могут осуществляться и в рамках абсолютной монархии»¹¹. Более того, Карамзин (Леонтович называет его «представителем либерального абсолютизма») «считал для абсолютной монархии возможным принять основные требования либерализма в качестве правительственной программы или даже в качестве основных принципов, на которых построено государство, при этом нисколько себе самой не повредив, и тем самым способствовал тому, чтобы направить русских монархов на путь либеральных реформ... Проведение в жизнь либеральных реформ и принятие либеральных методов управления государством являются требованием справедливости, а, следовательно, и требованием нравственным»¹².

Позицию Леонтовича о том, что Карамзин в начале своего пути был в значительной степени «либералом» (хотя и элитистского, то есть «антидемократического» толка) полностью разделяет и нынешний патриарх отечественной гуманитарной науки Б.Ф. Егоров (родившийся, к слову, в год столетия кончины Карамзина, в 1926 г.), ближайший друг и единомышленник покойного Ю.М. Лотмана, классика нашего «карамзиноведения». В небольшой, но крайне принципиальной статье под характерным названием «Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина»¹³, Егоров пишет о Карамзине как о *генетически первой* фигуре русского либерализма, проделавшей впоследствии сложную эволюцию:

«У истоков независимой, личностной общественно-политической мысли России стоит Н.М. Карамзин... Карамзин чрезвычайно высоко ценил честь и достоинство человека и весьма настороженно относился к нравам и возможностям массы; возможно, что глубокое убеждение в недискуссионной ценности для России самодержавного правления тоже базировалось у

¹⁰ Леонтович В.В. История либерализма в России. С. 98.

¹¹ Там же. С. 99.

¹² Там же.

¹³ Егоров Б.Ф. Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры. Т. 5 (XIX век). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 480-490.

Карамзина на предпочтении сильной личности перед сомнительными прерогативами народа»¹⁴.

Итак, согласно Егорову, *либералом* человека (ученого, идеолога, политика) делает центрированность его идей и действий на приоритете блага «свободной личности». Кто и что может обеспечить это приоритетное благо — самодержавный монарх, конституция, народное представительство или что-то иное — *вопрос вторичный*. Поэтому, до тех пор, пока Карамзин в своих мыслях и сочинениях ставил во главу угла приоритет «свободной личности» — *он был либералом*: «От талантливой, яркой пропаганды внутренней свободы человека, пропаганды европейского просвещения, что было характерно для молодого Карамзина, художника и публициста, идет прямая дорога к русскому либерализму средней трети XIX века»¹⁵. И, соответственно, Карамзин переставал быть либералом, когда, вместо приоритета «свободной личности», его приоритетом становилось Государство, а «судьба и ценность личностей становится как бы вторичной»¹⁶.

Возможен, однако, и существенно иной ход размышлений относительно соотношения либерализма и консерватизма в творчестве Карамзина. П.Б. Струве, в зрелые годы не устававший подчеркивать свое идейное сродство с Карамзиным, называл его родоначальником *либерального консерватизма* (понятие, впервые сформулированное другом Карамзина — князем П.А. Вяземским) — «традиции русской, свободолобивой и охранительной в одно и то же время, государственной мысли», главным содержанием которой является активное неприятие «*зазывающего и заманивающего суесловия и блудословия*» (курсив мой. — А. К.)¹⁷. К слову, к продолжателям этой традиции Струве относил Пушкина, самого Вяземского, Бориса Чичерина, «Вехи», «Московский еженедельник» братьев Трубецких и свои собственные очерки из сборника «Patriotica»¹⁸.

¹⁴ Там же. С. 483.

¹⁵ Там же. С. 483-484.

¹⁶ Там же. С. 484.

¹⁷ *Струве П.Б. Дневник политика. 1925–1935. М. – Париж: Русский путь – ИМКА-пресс, 2004. С. 331.*

¹⁸ Подробнее см.: *Кара-Мурза А.А. «Концепция личной годности» П.Б. Струве: этапы развития // Политическая концептология: журнал ме-
тадисциплинарных исследований. 2014. № 2. С. 157-181.*

Думается, Карамзин согласился бы с такой оценкой своего идейного наследника: за свою жизнь он прооппонировал практически всем «лагерям» и «партиям», и его расхождения с ними были, прежде всего, *дискурсивно-филологические*, ибо оружием Карамзина было Слово (которое в христианской традиции суть Бог), а врагами — те самые «суесловие» и «блудословие», с каких бы сторон они ни исходили¹⁹. И на этом пути десакрализации всякого «ложного слова», развенчания любой идеократии Карамзина не могли остановить ни блажь черни, ни лукавство царей.

В конце жизни Карамзин сам подтвердил свое *дискурсивное кредо* в «Мыслях об истинной свободе», написанных незадолго до смерти, в начале 1826 г. «Можно ли в нынешних книгах или журналах без жалости читать пышные слова? — печально-иронически вопрошает уже больной Карамзин, серьезно простудившийся 14 декабря близ Сенатской площади, где он с ужасом наблюдал вспышку братоубийства. — Настало время истины; истинною всё спасем; истинною всё ниспровергнем... Настало время истины: т.е. настало время спорить об ней!»²⁰. И далее он воздает по заслугам всем старым и новым оппонентам:

«Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод»²¹.

Так на чьей же стороне Истина? «Для существования нравственного, — заключает свои заметки Карамзин, — нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностью к провидению!»²². Гениальная карамзинская формула в его, фактически, «Духовном завещании» 1826 г. о *личной свободе*, которую каждый человек может подарить «самому себе с помощью Божией» позволяет го-

¹⁹ См.: Жукова О.А. О мифологических соблазнах русской истории и культуры // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 110-122.

²⁰ Карамзин Н.М. Из записной книжки <Мысли об истинной свободе (1826)> // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 161.

²¹ Там же. С. 161-162.

²² Там же. С. 162.

ворить о Карамзине, как об одном из русских зачинателей течения «христианского либерализма», учения не политического, а культуро-центричного²³.

Генезис мировоззрения молодого Н.М. Карамзина (на либеральный характер которого справедливо указали Струве, Леонтович, Егоров) пришелся на определенный период отечественной истории²⁴. Прошло не так много лет после воцарения Екатерины II, и в русской культуре постепенно закрепились комплиментарная по отношению к «просвещенной Императрице», но и весьма историко-софски содержательная, антитеза «тело versus душа» в оценке направления нашей истории XVIII в. Когда весной 1770 г., в Санкт-Петербургской Академии художеств выставили для обозрения модель фальконетовского «Медного всадника», Александр Сумароков сочинил стихотворную надпись «Ко статуе Государя Петра Великого», где выдал запоминающуюся метафору: «Петр дал нам бытие, Екатерина душу»²⁵. Похожую формулу находим и в стихотворном послесловии Михаила Хераскова к его роману «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768): «Петр россам дал тела, Екатерина душу»²⁶.

Однако не самой императрице, а литератору и историку Карамзину было суждено совершить великое дело — вдохнуть живую душу в тело созданной великим Петром Империи, наполнить самобытным гуманным смыслом самодержавный контур, не повредив при этом оболочки²⁷. Верно заметил на сей счет историк С.М. Соловьев, выступая в Актовой зале Московского университета 1 декабря 1866 г., в день 100-летнего юбилея Карамзина: «После тревожной эпохи преобразования и переходного времени... про-

²³ Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М.: ИФ РАН, 2011; см. также: Кара-Мурза А.А. На пути к христианскому либерализму: эволюция концепции «свободы» в трудах Г.П. Федотова // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2015. № 1. С. 187-208.

²⁴ См.: Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1 (21). С. 101-106.

²⁵ Сумароков А.П. Полн. собр. соч. М., 1781. Ч. 1. С. 268.

²⁶ Творения М. Хераскова. М., 1803. Ч. XII. С. 165.

²⁷ См.: Жукова О.А. Исторический образ России: традиция и традиционализм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007, № 4. С. 56-60.

изошла перемена в основном взгляде русских людей; они заявили свое недовольство одним *внешним* и требовали *внутреннего*, требовали *вложения души в тело* (везде курсив мой. — А. К.), и требование было удовлетворено... Вглядимся в эту мягкость черт Карамзина, припомним в нем это сочувствие к чувству, к нравственному содержанию человека, припомним его выражение, что чувством можно быть умнее людей умных умом»²⁸.

Загадку уникальности Карамзина в нашей культуре, похоже, разгадал П.Я. Чаадаев, который в письме А.И. Тургеневу (1838) писал о том, что он «с каждым днем более и более научается чтить память Карамзина», который становится для него символом победы человеческого ума над «фанатизмом»²⁹.

А критик А.М. Скабичевский советовал всем читателям Карамзина «откинуть в сторону его политические взгляды», и посмотреть на него, как на «моралиста-прогрессиста», который «первый, вопреки средневековой догматике, начал проповедовать и свободу страстей, и право человека на земное счастье», что было по тем временам «неслыханной ересью» и вызвало натуральные доносы, где сочинения Карамзина объявлялись «исполненными вольнодумческого якобинского яда»³⁰.

Итак, Н.М. Карамзин имеет самое прямое отношение к русской либеральной традиции. Однако, как человек предельно честный (его жизнь и труды Пушкин назвал «подвигом честного человека»³¹), Карамзин не мог не видеть легковесности многих современных ему «*liberalistes du jour*» (либералов «*дежурных*» или «*скоропесных*») — включая, кстати, и прекрасногодушного прожектера-царя. Карамзина, как и его прямого наследника — Пушкина, смущала и пугала «толпа» в любых ее проявлениях: и непросвещенная «чернь», готовая нивелировать и затопить все завоевания «свободных личностей»; и придворные «сервилисты», «жадной толпой стоящие у трона» (Лермонтов); и, увы, его современники из во многом возвращенной им сами «либералистской партии».

Вспомним здесь ироничное замечание Карамзина о «псевдолибералах», брошенное им своему младшему другу (и во многом

²⁸ Московские университетские известия. 1866–1867. № 3. С. 181.

²⁹ Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 411–412.

³⁰ Скабичевский А.М. Очерки умственного развития нашего общества. 1825–1860 // Отечественные записки. 1870. Т. 5 (192). № 10. С. 320–321.

³¹ «Северные цветы» на 1828 год. СПб., 1827. С. 225.

воспитаннику) кн. П.А. Вяземскому о «либералах, которые не либеральны даже в разговорах»³². Прав Ю.М. Лотман: «Карамзин презирал либеральные фразы и высоко ценил человеческое достоинство»³³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белинский В.Г.* Литературные мечтания // Молва. 1834. Ч. VIII. № 38. С. 173-176.
- Егоров Б.Ф.* Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры. Т. 5 (XIX век). М.: Языки русской культуры, 1996.
- Карамзин Н.М.* Из записной книжки // *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982.
- Карамзин Н.М.* Неизданные сочинения и переписка. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1862. Ч. 1.
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Ред.: Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984. 720 с.
- Кара-Мурза А.А.* Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // *Филология: научные исследования*. 2016. № 1 (21). С. 101-106.
- Кара-Мурза А.А., Жукова О.А.* Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М.: Институт философии РАН, 2011, 184 с.
- Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. М.: «Русский путь», 1995. 444 с.
- Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. СПб.: Азбука, 2015. 448 с.
- Пытин А. Н.* Очерки общественного движения при Александре I. IV. Карамзин // *Вестник Европы*. 1870. № 9.
- Струве П.Б.* Дневник политика. 1925–1935. М. – Париж: «Русский путь» – «ИМКА-пресс», 2004. 872 с.
- Сумароков А.П.* Полное собрание сочинений. М., 1781. Ч. 1.
- Творения М. Хераскова. М.: Университетская типография, 1803. Часть XII. С. 165.
- Чаадаев П.Я.* Сочинения. М.: Правда, 1989, 656 с.

³² *Карамзин Н.М.* Письма к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826. СПб.: Издательство М. Стасюлевича, 1897. С. 98-99.

³³ *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. СПб.: Азбука, 2015. С. 386.

А.А. KARA-MURZA

NICKOLAI MIKHAILOVITCH KARAMZIN:
BETWEEN LIBERALISM AND
CONSERVATISM

ANNIVERSARY NOTES

The legacy of the great Russian historian and writer N.M. Karamzin, which in December 2016 marks 250 years, continues to be the subject of heated debate — not so much literary-aesthetical as political-ideological. Russian authorities have always been interested in the apology of Karamzin as a guardian of conservatism, while the opposition has sometimes been tempted to accentuate in his legacy the features of frondeurian nonconformity. Meanwhile, it is clear that the multifaceted oeuvre of N.M. Karamzin, close the very source of the “Golden Age” of Russian culture, contains a wealth of potential of national intellectionalism as it is such, fills the branches of the national tradition with nourishing cultural sap. It is the «Karamzin phenomenon» that has allowed many of his Russian followers (pr. P.A. Vyazemsky, B.N. Chicherin, P.B. Struve, B.F. Yegorov, Yu.M. Lotman) to interpret the worldviews of Karamzin as “*liberal-conservative*”, i.e. combining the belief in the potential of a free person, and — simultaneously — the values of enlightened Government; in European universalism and — at the same time — in the distinctive values of national culture.

Key words: History of Russia, conservatism, liberalism, culture, personality, liberty, patriotism.

О.А. ЖУКОВА

Н.М. КАРАМЗИН: ФИЛОСОФСКИЙ ПРОФИЛЬ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

«История государства Российского» Н.М. Карамзина является интеллектуальным и нравственным подвигом русского мыслителя и историка. Карамзин первый, которому суждено было вернуть течение русской истории в прежнее русло — русло национальной жизни. Обращаясь к исторической памяти народа, Карамзин воссоздал русскую историю в эстетической рамке позднего просвещения и романтизма. «История» является первой русской исторической энциклопедией, которая написана как художественно-философское произведение. Творение Карамзина представляет собой героическую поэму о России. Национальный эпос, созданный Карамзиным, содержит глубокий моральный смысл. Согласно Карамзину, «История» должна воспитывать нравственные и гражданские чувства русского человека через исследование событий прошлого, обычаев и культурных традиций народа. Читая Карамзина, мы можем понять нашу родную историю как живую часть духовного опыта нации, восстанавливая тем самым историческое сознание в современном российском обществе.

Ключевые слова: национальный, культурное предание, культурный миф, нарратив, историческая память, историческое сознание, исторический канон, моральная философия, философия истории, консенсус.

ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИЕЙ ФИЛОСОФСКИЙ ОПЫТ КАРАМЗИНА

Пережив глубокий культурно-психологический шок после распада Советского Союза, современное российское общество остро нуждается в *процедуре исторического самообоснования*. Любое общество «помнит» себя в форме культурного предания, в

основе которого лежит возникший на определенном историческом этапе и транслируемый последующим поколениям культурный миф. В том или ином виде миф присутствует в общественном и индивидуальном сознании, стягивая многообразные фрагменты действительности в некий образ, в целостную картину бытия человека, мыслящего свою жизнь не только в истории, но и за ее границами, в трансцендентном мире. Миф стремится к такой памяти культуры о самой себе, когда самопонимание нации, страны, культурной общности, личности разрешает трудные вопросы истории и приходит к консенсусу, вырабатывая путем снятия противоречий предание, которое стремится стать канонической интерпретацией прошлого. Но повествование, утвержденное в форме принятого исторического канона, еще не является гарантией исторической правды. Между историческим образом и реальностью истории может быть большой зазор, даже пропасть, полнящаяся или не открытым еще знанием, или ленивым забвением, ангажированным умолчанием или сознательным беспамятством.

В духе этих рассуждений о культурном предании и реальности истории зададимся вопросом: почему нашему современнику могло бы быть интересным читать и познавать национальное предание России в авторском изложении Николая Михайловича Карамзина? Сможет ли «История государства Российского» ответить на вопрос — как развивались и взаимодействовали друг с другом духовно-нравственная, интеллектуальная и политическая традиции России? Какую оптику прошлого выстраивает главный Историк русского императора, и насколько историческое повествование от Карамзина может сегодня способствовать преодолению разрыва в наследовании традиций, активизировать процесс преемственности социального и духовного опыта нации и послужить основанием для формирования культуры памяти? Ведь Россия, травмированная драматическими событиями XX века, решает сегодня задачи колоссальной сложности при очевидном недостатке исторического времени. Может ли литературно-исторический труд начала XIX века, как и опыт философского познания отечественной истории самого автора многотомного труда, дать какое-то внятное понимание или указать направление развития для современной России, принужденной усиленно думать над своим собственным культурно-политическим проектом в жестких конкурентных условиях глобальной современности? Одним словом, не будет ли архаич-

ным обращением к труду Карамзина в процессе *философского постижения национального бытия* — в многосложной работе исторического самоопределения России в мировом ансамбле культур, цивилизаций и исторических памятней?

Приходится признать, что историческое самопознание не является сильной стороной российской политической и интеллектуальной культуры. Историческая память народа в XX веке подвергалась мучительным вивисекциям политико-идеологического свойства. С психологической точки зрения становится вполне понятным нежелание большей части общества «разбираться» с историей. Прошлое несет в себе определенный риск. Освободиться от нерешенных вопросов прошлого — симптоматично для человека постмодерна, предпочитающего идеологию внутреннего комфорта и успеха сложной духовной и философской работе, сопряженной с нравственной рефлексией. Современный человек вообще старается избавиться от бремени истории, явно или неявно избегая труда изучения культурной истории. Если история не воспринимается как важный опыт, из которого извлекается урок, то и исторические примеры не имеют значения. А ведь именно исторические примеры и культурные образцы творчества содержат в себе огромный социализирующий и воспитательный потенциал, формируя человека культуры и систему общественных ценностей. «Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна», — изречет в Предисловии к своему труду Н.М. Карамзин¹. Эту духовно-практическую и интеллектуальную силу примеров и покажет Карамзин в своей «Истории», понимая ее в духе нравственной философии эпохи Просвещения, на языке Карамзина — как «скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству»². В трактовке истории, разделяя основные философские идеи немецких просветителей³, он будет адресоваться также к авторитету древних авторов, черпая вдохновение во

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 6 книгах / в 12-ти авторских томах Н.М. Карамзина, по 2 тома в одной книге / Вступ. статья В.Г. Перельмутера. Книга 1 / Т. I – II. М.: Издательство «Книжный сад», 1993. С. 18.

² Там же. С. 18.

³ Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1 (21). С. 102.

«всякой писанной Истории»⁴. Карамзин словно последует за великим римским философом и ритором Цицероном, убежденным в том, что «*Historia vero testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis*»⁵.

Слава и мастерство мыслителей и историков древности послужили Карамзину не только образцом повествования, но и оправданием его замысла, посвященного русской истории. «Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем», — восклицает Карамзин⁶. В этом контексте уместно сравнить труд Карамзина с творением гения античной культуры — Вергилия. Создавая «Историю государства Российского», Карамзин стилем повествования и литературными приемами изображения событий и героев превратил «тени минувших столетий» в «картины» национального предания⁷, в легендарный миф, дав России право на свою историю и место в мировой книге преданий, подобно тому, как Вергилий в «Энеиде» связал нити древней греческой и римской истории, обосновав право Рима стать главным наследником средиземноморской цивилизации и занять место новогодемиурга античного мира. На эту жанровую близость карамзинской «Истории» к эпосе укажет Б.М. Эйхенбаум: «Здесь — не просто обоснование исторических занятий, но определение состава самой исторической эмоции, оправдание самой обращенности к прошлому, и притом — оправдание эстетическое, “История государства Российского” — конечно, не столько история, сколько героический эпос», — резюмирует исследователь⁸.

Можно согласиться с известным российским литературоведом, что «История» Карамзина по замыслу и художественному воплощению представляет собой героическую поэму о России — сказание о народе русском, создавшем «пространство сей единственной Державы». «Мысль цепенеет, — с благоговением и востор-

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 19.

⁵ Cicero. De orat. II, 9: «История — верная свидетельница прошлого, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины» (лат).

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 19.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Эйхенбаум Б.М. Карамзин // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Сб. статей / Сост., подгот. текста О. Эйхенбаум; вступ. ст. Г. Вялого. Л.: Художественная литература, 1969. С. 203-204.

гом пишет Карамзин, — никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских»⁹. Желая показать читателям, «как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою»¹⁰, Карамзин проделал колоссальную работу, перезапустив механизм исторической памяти в процессе создания национального предания. Он спроецировал прошлое на экран настоящего, Киевскую Русь св. Владимира и Московскую Русь Дмитрия Донского — на духовное пространство русской дворянской культуры, Киевское княжество и Московское царство — на политическую конструкцию Российской империи. Написав новым художественным языком историю России, он создал канву, на основе которой русское общество могло отныне воспитывать историческое чувство и осознавать себя ответственным творцом настоящего. То, что действительно составляет заслугу Карамзина, должно быть названо *воспитанием исторического сознания*. Что это значит? Перефразируя слова И.С. Аксакова, сказанные по поводу значения А.С. Пушкина в русской культуре, историческое чувство и историческое сознание, пробужденные Карамзиным, а затем и Пушкиным, означают «уважение к своей земле, признание прав своего народа на самобытную историческую жизнь и органическое развитие; постоянная память о том, что пред нами не мертвый материал, из которого можно лепить какие угодно фигуры, а живой организм, великий, своеобразный, могучий народ русский, с его тысячелетней историей!»¹¹.

Что следует помнить и изображать в Истории, в чем состоит труд и ремесло историка, по Карамзину? «Историк не Летописец», — подчеркнет Карамзин. Его цель — показать «свойство и связь деяний»¹², а не фиксировать время. Свои задачи как Историка Карамзин сформулирует следующим образом:

«Не позволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изо-

⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 19.

¹⁰ Там же. С. 19.

¹¹ Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... / Сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006. С. 283-284.

¹² Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 25.

бражал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить характер времени и характер Летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого»¹³.

Замысел, достойный французских просветителей, авторов «Энциклопедии», создавших компендиум современных знаний о «периодической системе культурных элементов» европейской цивилизации, представленной науками, искусствами и ремёслами! «История государства Российского» — по-настоящему *первая русская историческая энциклопедия*, написанная в жанре *историко-софской поэмы*, ставшая уникальным интеллектуальным событием и памятником культуры и соединившая в себе задачи научного и гражданского просвещения русского общества в эстетической рамке русского сентиментализма и романтизма. «Прилежно истощая материалы древнейшей Российской Истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии!» — признается Карамзин¹⁴. История как поэзия, как произведение культуры, как творение народа, создавшего огромную страну и государство, — *как легендарный эпос со своими культурными героями и эстетический миф о происхождении России!* Вот что неизменно вдохновляло Карамзина-художника и будило его творческое чувство!

На взаимную смысловую обусловленность поэтики и философских интуиций Карамзина впервые укажет Б.М. Эйхенбаум. Эта внутренняя связь проявится в стремлении автора пролить свет на историческую истину, прирастить новое знание, действуя умом, приводить факты в систему, давая при этом простор для воображения. «Слово Карамзина не стремится дать образ вещи — оно направлено к каким-то иным областям нашего воображения или, здесь лучше сказать, нашей фантазии. Эта поэтика неразрывно связана у Карамзина с общефилософскими его суждениями, — пишет Эйхенбаум. — Рассудок и воображение восходят к одному источнику — к

¹³ Там же. С. 24-25.

¹⁴ Там же. С. 25.

интуиции бытия, от которой идут нити в разные стороны. Мы слишком мало обращали до сих пор внимания на то, что Карамзин был не только художником, но и мыслителем и, можно сказать, первым нашим философом», — заключает автор знаковой статьи¹⁵.

Можно утверждать, что, на наш взгляд, в философско-эстетическом процессе открытия истории Карамзин изобрел *уникальную мнемотехнику припоминания* через художественную реконструкцию и запись культурного предания. Стремясь к главной цели «сделать Российскую Историю известнее для многих», даже для «строгих своих судей»¹⁶, он хотел научить соотечественников, сынов и граждан России вглядываться в «зерцало бытия и деятельности» своего народа¹⁷.

Карамзинская линия воспитания историей идейно связана с философскими концепциями и эстетическим опытом эпохи Просвещения. История не только свидетельствует о разнообразных культурных формах жизни народов, но и предстает накопленным опытом знаний и достижений. Само время становится движением мысли. «Время есть не что иное, как следование наших мыслей»¹⁸. Этой философской формуле времени, прежде им выведенной, Карамзин продолжал руководствоваться в работе над «Историей». Последовательность исторических мыслей прошлого он старался отыскать в различных по жанру письменных источниках русской древности. Национальное предание, переданное потомкам Николаем Михайловичем Карамзиным, имеет живую связь с русским летописанием, донося не только букву, но и дух его.

Отметим в этом контексте, что диалектику сложения культурного предания Руси / России и историософской традиции, его толкующей, можно проследить от первых летописных свидетельств «Повести временных лет». Путь создания культурно-исторического повествования, на основе которого создается национальный консенсус, от древнерусских авторов ведет к немец-

¹⁵ Эйхенбаум Б.М. Карамзин // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Сб. статей / Сост., подгот. текста О. Эйхенбаум; вступ. ст. Г. Вялого. Л.: Художественная литература, 1969. С. 204-205.

¹⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 26.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1862. Ч. 1. С. 196.

ким историографам имперской России — Готлибу Байеру, Герхарду Миллеру, Августу Шлёцеру и далее к создателям национальной истории — Михаилу Ломоносову и Василию Татищеву. Но превратить труд, посвященный истории Отечества, в культурное событие общенационального масштаба и сделать его *фактом общественного сознания*, своего рода, новой интеллектуальной дискурсивной практикой, удалось именно Николаю Михайловичу Карамзину, проявившему, как считали современники, имперскую лояльность и написавшему вслед за своими предшественниками, государственную и династическую историю. По мысли Карамзина, историческим чувством и осознанным отношением к истории Отечества должно было проникнуться все русское общество.

Воспитанный на классических текстах древней и новой истории, вобравший дух и ценности Просвещения в своем опыте общения с европейской культурой еще в «Письмах русского путешественника» Карамзин сокрушался об отсутствии литературно обработанной, философски промысленной и, вместе с тем, научно достоверной отечественной истории. «Больно... что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием... Нужен только вкус, ум, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить... Родословная князей, их ссоры, междоусобие, набегι половцев не очень любопытны, — соглашаюсь; но зачем наполнять ими целые тома? Что неважно, то сократить... Но все черты, которые означают свойства народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий: Владимир — свой Людовик XI: царь Иоанн — свой Кромвель: Годунов — и еще такой государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории и даже в истории человечества; его-то надобно представить в живописи, а прочее можно обрисовать, но так, как делал свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело»¹⁹, — рассуждал Карамзин, путешествующий по Европе. Адресуясь к образам героев европейской истории, он с присущим ему литературным чутьем и философской настроенностью ума

¹⁹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Ред.: Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984. С. 252-253.

оценивал художественный потенциал и исторический масштаб культурного предания Древней Руси и новой России.

Вкус, ум и талант, упоминаемые Карамзиным, — эстетические критерии, необходимым образом присущие гению, который дает, по Канту, новые правила искусству. Гений Карамзина определил новый культурный горизонт русской словесности, равно как и гуманитарной науки, задав высокую этическую планку труда ученого и меру духовной ответственности художника. Не случайно в оценке Пушкина, Карамзин не только великий писатель, но тот, кто своей работой историка и философа совершил «подвиг честного человека»²⁰. Своим литературным творчеством Карамзин кардинально изменил статус русской словесности, способствовал появлению читающей русской публики, и тем самым, предуготовил ее к восприятию грандиозной исторической поэмы. Как замечает Ю.М. Лотман, автор книги «Сотворение Карамзина»: «У всякого, кто изучает читательскую аудиторию 1780-х и 1800-х годов, создается впечатление, что за эти двадцать лет произошло чудо — возник читатель как культурно значимая категория»²¹. После Карамзина литература и история как художественное и идейно-смысловое начало культурной и политической жизни стали *общественно значимыми явлениями*.

«ИСТОРИЯ» КАРАМЗИНА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Просветительские усилия Карамзина заложили «основу народной исторической образованности»²². С 1803 года он посвятил себя колоссальной работе, став главным Историографом имперской России. Взяв на себя эту миссию, сочетавшую функции исследователя, летописца, художника и философа, Карамзин, по меткому замечанию П.А. Вяземского, «постригся в историографы». Каковы бы не были оценки исторического творчества Карамзина, его научной состоятельности и философско-политической программы, данные последующими поколениями русских историков,

²⁰ А.С. Пушкин об искусстве: В 2 т. М.: Искусство, 1990. Т. 1. С. 287.

²¹ Лотман Ю.М. Карамзин. СПб.: Искусство—СПБ, 1997. С. 221.

²² Шмидт С. «История государства Российского» // Круг чтения. М.: Политиздат, 1991. С. 11.

можно смело утверждать, что труд Карамзина является гражданским и научным подвигом. Культурно значимая категория читателя, появившаяся благодаря Карамзину, о которой справедливо говорит Лотман, это новое читающее и думающее русское общество, пусть пока и ограниченное сословными рамками. Именно граждане русского Отечества, которые должны знать и читать Историю, главный адресат Карамзина. Историограф Царя сделал важный шаг в сторону просвещения и интеллектуальной свободы, создав большой задел для будущей совместной работы историков и общества, всей нации.

Карамзину удалось коренным образом изменить отношение русских людей к истории своего Отечества. По существу, Карамзиным отечественная история была заново открыта и предъявлена образованному обществу в многообразии событий, персонажей и характеров. После Карамзина русская история стала восприниматься как национальное предание, имеющее глубокий нравственный и гражданский смысл. Эстетика гражданственности, восходящая к классицистской идее идеального гражданина, усиленная просветительским пафосом, придала необычайный моральный вес историческим изысканиям Карамзина и превратила чтение и обсуждение многотомного труда в общее дело — *в публичное событие духовно-нравственного и политического порядка*.

Начало публикациям было положено в 1816 году. В.А. Жуковский в письме к И.И. Дмитриеву от 18 февраля 1816 прозорливо замечал:

«У нас здесь праздник за праздником. Для меня же лучший из праздников: присутствие здесь нашего почтенного Николая Михайловича <Карамзина>.... Недавно провел у него самый приятный вечер. Он читал мне описание взятие Казани! Какое совершенство! И какая эпоха для русского — появление этой Истории! Такое сокровище для языка, для поэзии, не говоря уже о той деятельности, которая должна будет родиться в умах. Эту Историю можно назвать воскресителем прошедших веков бытия нашего народа...»²³.

²³ *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: В 2 ч. СПб.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. Ч. 2. С. 141.

У Пушкина мы встречаем важнейшее свидетельство о воздействии, произведенном в русском обществе первыми публикациями «Истории государства Российского»:

«Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов “Русской истории” вышли в 1818 году. Я прочел их в моей постели с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Русь, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили»²⁴.

Для радикально настроенных «молодых якобинцев», по определению Пушкина, Карамзин стал апологетом самодержавия. Но Пушкин справедливо отвечал таковым, что Историограф был освобожден Царем от цензуры, чем «налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности»²⁵. Эту меру личной сдержанности при полной ответственности за высказывание и, в конечном итоге, отсутствие какой-либо политической конъюнктуры высоко оценил Гоголь, открыто восхищаясь внутренней свободой Карамзина-писателя, исследователя и мыслителя. «Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почетен всеми равно, как именитейший гражданин в государстве. Он первый возвестил торжественно, что писателя не может стеснить цензура, и если уже он исполнился чистейшим желанием блага в такой мере, что желание это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищей, тогда никакая цензура для него не строга, ему везде просторно. Он это сказал и доказал. Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право. Какой урок нашему брату писателю!» — восклицал Гоголь²⁶.

²⁴ А.С. Пушкин об искусстве: В 2 т. М.: Искусство, 1990. Т. 1. С. 286.

²⁵ Там же. С. 287.

²⁶ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1984. Т. 7. С. 233.

«История государства Российского», в первую очередь как произведение русской словесности, продолжало воспитывать гражданские чувства и вдохновлять на изучение и творческое переосмысление значимых событий и сюжетов культурного предания Отечества. Значим также тот факт, что процесс формирования общенационального исторического консенсуса, начатый Карамзиным, был усилен военно-политическим успехом России, одержавшей победу над Наполеоном. Патриотическое чувство, охватившее общество, побуждало художественную и научную мысль. Особенно чутким к нравственной составляющей отечественной истории оказалось молодое поколение. Так, окрашена в патриотические и романтические тона трагедия «Василий Шуйский» (1829), написанная юным Николаем Станкевичем, ставшим идейным и духовным лидером для целого поколения русских европейцев. Используя пятистопный ямб, шестнадцатилетний автор стремится выразить свои патриотические чувства, заклеить «козни и крамолы» врагов отечества, которые «народ из низкой зависти и злобы развращают»²⁷.

Вершиной нового художественной интерпретации русской истории в духе моральной и политической философии Карамзина стала «Борис Годунов» Пушкина с посвящением автору «Истории Государства Российского» и «Жизнь за царя» Глинки, совершившие эстетический переворот в русском искусстве, в отношении к традициям, артефактам и носителям национальной культуры. К этому патриотическому роду сочинений относится и «Бородино», послужившее началом литературной известности Михаила Лермонтова. Как известно, в основу произведения были положены рассказы участников сражения, в том числе и родственников поэта. Напечатанное на страницах пушкинского «Современника», стихотворение молодого Лермонтова явно носило программный характер, словно продолжая историософскую линию Пушкина и Карамзина. Без сформированной Карамзиным *потребности* знать и изучать отечественную историю, расширившей формат публичного дискурса ее обсуждения и взрастившей вкус к национальному преданию, эти шедевры русской литературы и музыки появиться не могли.

Патриотический подъем, произведенный победой русских в Отечественной войне, на некоторое время объединил все сословия

²⁷ Станкевич Н.В. Стихотворения. Трагедия. Проза. М.: Типография и словолитня О.О. Гербека, 1890. С. 128.

Российской империи, ее правящий класс, военно-аристократическую элиту и народ, горожан и крестьян. Читатель карамзинской «Истории» был подготовлен самим ходом исторических событий! Этот момент единства придавал колоссальный творческий импульс русскому обществу, побуждая задать *исторический вопрос о самом себе*. Исторический вопрос Карамзина в литературе был задан Пушкиным и Лермонтовым, в философской прозе и публицистике он прозвучал у Герцена. Не случайно автор «Былого и дум», быть может, самых значительных литературно-философских мемуаров XIX века, начинает биографическое повествование, вплетая его в национальную память, в предание о войне с французами. Эмоционально переживая свою экзистенциальную и провиденциальную включенность в эпохальные для России события, незаконно рожденный отпрыск богатого и знатного рода Яковлевых, слушая в сотый раз рассказ няньки об эвакуации семьи с младенцем Сашей, «с гордостью улыбался, довольный, что принимал участие в войне»²⁸.

Увы, но наметившееся было патриотическое единение и сплочение народа и власти, аристократии и податного сословия драматическим образом не состоялось. Герцен, испытав тяжелые «объятия» николаевского режима, уехал из России в 1847 году. Он принадлежал к поколению, которое было пробуждено духом великой победы. Для молодых русских интеллектуалов, наследников этой славы, исторический консенсус золотой карамзинской эпохи после декабря 1825 года нужно было создавать заново. После трагедии декабристов, по мнению автора «Былого и дум», политическое развитие России было прервано, «все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни»²⁹. Испуганное дворянство выслуживалось, народ продолжал молчать. И только дети, находясь, между «крышей и основой», поднимали голову. По мнению Герцена, именно «этими детьми ошеломленная Россия начала приходить в себя»³⁰.

Для Герцена, как и для большинства образованного общества, история и литература оставались пространством свободы. В отсутствие политических свобод почвой для возрастания гражданского самосознания стали литературные гостиные. По свидетельству Герцена, «Москва входила тогда в эпоху возбужденности умст-

²⁸ Герцен А.И. Былое и думы. М.: Захаров, 2003. С. 10.

²⁹ Там же. С. 369-370.

³⁰ Там же.

венных интересов, когда литературные вопросы, за невозможностью политических, становятся вопросами жизни. Появление замечательной книги («Мертвые души» Гоголя. — О. Ж.) составляло событие; критики и антикритики читались и комментировались с тем вниманием, с которым, бывало, в Англии или во Франции следили за парламентскими прениями. Подавленность всех других сфер человеческой деятельности бросала образованную часть общества в книжный мир, и в нем одном действительно совершался, глухо и полусловами, протест против николаевского гнета, тот протест, который мы слышали открытее и громче на другой день после его смерти»³¹.

Ограниченность публичного пространства в России литературными салонами и интеллектуальными кружками свидетельствовало о том, что вопрос о русской истории, поставленный Карамзиным, был тесно связан с вопросом *о русской власти и русской свободе*. Эта кружковая форма идейного самоопределения русской молодежи стала ответом на политическое закукливание России. Николаевское правительство «разобралось» со студентами-смутьянами, среди которых оказался и Герцен, превратив их в политических заключенных и ссыльных. На этой драматической развилке пути русской молодежи в понимании прошлого, настоящего и будущего России стали расходиться. Размежевание отныне пошло по линии исторического самоопределения России, цивилизационного выбора путей ее развития в духе прославянского самобытничества Руси / России, с одной стороны, и универсализма западноевропейской культуры как основы русской цивилизации — с другой.

После декабрьского восстания 1825 года и наступившей политической реакции николаевской эпохи карамзинский патриотический консенсус истории дал трещину. Тем не менее, исторический труд Карамзина послужил источником развития социально-философской мысли и политических идей в XIX – начале XX вв., повлияв на взгляды многих русских историков и философов. В среде русских интеллектуалов середины XIX века проявила себя важнейшая линия философии истории и культуры, наследуемая от Карамзина и Станкевича, — линия русского европеизма, направленная на универсализирующий синтез ценностей национальной культуры и европейского Просвещения. Выдающийся представи-

³¹ Там же. С. 473.

тель русского европеизма, историк Т.Н. Грановский наследовал ее от своего друга и учителя Станкевича. Опираясь на историю, как на великую книгу народов, в чем он, безусловно, продолжал главную мысль Карамзина, Грановский повлиял на жизнь целого поколения мыслящих людей, которые употребили свой труд на исправление застарелых болезней российского социума, благо для них реформами Царя-освободителя открылась такая возможность. Справедливо говорить, что своими публичными историческими лекциями профессор Московского Императорского университета Грановский занял место идейного лидера и коммуникатора эпохи, произведя на современников своими текстами и выступлениями впечатление не меньшее, чем некогда литературно-философский труд Карамзина. Русскую историю своего предшественника Грановский расширил до всеобщей истории, и тем самым, подчеркнул общность исторической судьбы России и Европы. Грановский оказался пионером нового типа общественной коммуникации, продолжая работу Карамзина по формированию *публичного пространства* в России, вынося идейные споры за пределы салонов и дружеских кружков. В рамках образовательно-просветительской дискурсивной практики Грановский превратил университетскую кафедру в общественную трибуну, оставаясь верным своим внутренним принципам и клятве отдать все силы просвещению России. Он произнес эту клятву вместе с Януарием Неверовым перед Станкевичем³². И в такой постановке морального вопроса истории как великой книге нравственных примеров, могущих дать ответ современности, он был верен просветительской философии Карамзина!

В логике просвещения как «залога освобождения русского народа»³³ роль исторической науки и роль историка-исследователя и преподавателя заключалась в том, чтобы приводить сознание человека и общества к уяснению исторических законов. Настоящая цель в полной мере была воспринята и творчески воплощена В.О. Ключевским, хорошо прочувствовавшим главную проблему национальной истории — расхождение русского просвещенного ума с действительностью национально-культурной жизни, что было

³² Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма / Т.Н. Грановский, сост. А.А. Левандовский, Д.А. Цыганков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 653.

³³ Там же.

обусловлено радикализмом петровской европеизации и модернизации. Стремясь понять причину русской неустроенности, Ключевский сформулировал *религиозный и социально-политический вопрос русской истории*. Ученый рассматривал ее с точки зрения взаимосвязи трех важнейших культурологических концептов — *обращения к прошлому* (культурная память), *идентичности* (культурной, цивилизационной, политической) и *культурной преемственности* (формирование и передача традиции), что позволило Ключевскому прочитать и интерпретировать отечественную историю как целостное культурное предание. Собственно, эти вопросы уже содержал в себе героический эпос Карамзина. Но Ключевский первый акцентировал проблему формирования социальных институтов на фоне борьбы групповых интересов и влияния личностного фактора, отчетливо проявляющего себя в российской истории. По сути, Ключевский, обратившись к церковно-государственной истории Руси / России, предпринял попытку написать *историю зарождения русского гражданского общества* — историю полноправной европейской культурно-политической нации, имеющей общий христианский исток с Западной Европой. Ключевский словно бы выполнял завет Карамзина, желавшего историческую традицию Запада дополнить еще одним национальным преданием, ничем не уступающим европейским культурным повествованиям. Именно эта историософская концепция Ключевского послужила источником развития социально-философской мысли и политических идей на рубеже столетий, повлияв на взгляды выдающихся русских философов, историков культуры и церкви, политических деятелей от Милюкова и Струве до Федотова, Флоровского и Карташева, не представлявших, подчас, единства политических убеждений.

Становится понятным, почему разрушившие историческую Россию большевики, провозгласившие построение «нового мира» с чистого листа, подвергли историческое знание радикальной ревизии, буквально выхолостив его и оскопив национальную память. К формированию нового исторического сознания оказалось причастно и искусство, встроенное в идеологический формат советского государства. При этом нельзя отрицать ни значимых научных достижений советской исторической школы, ни вершинных творений советской литературы и искусства, обращавшихся к исторической тематике. Гениальный союз Эйзенштейна и Прокофьева в «Александре Невском» и «Иване Грозном», сага Герасимова «Тихий

Дон», эпохальная экранизация Бондарчука «Война и мир», как и психологический реализм фильмов о войне, снятых талантливой плеядой советских режиссеров, являются и сегодня мощным эстетическим средством воспитания исторического самосознания.

Постсоветский период также демонстрирует попытку создать новый канон истории. Философская тематизация отечественной истории связана не только с опытом переосмысления дореволюционной и советской исторической школы. Неоднозначность в интерпретации отечественной истории сегодня нередко выступает в качестве своеобразного маркера различных проблем, которые сопровождают процесс формирования нового российского социума. Кажется, что общество по-прежнему озабочено вопросом: к какой цивилизации и культуре должна отнести себя Россия? Спор об интерпретации ключевых событий национальной культуры, о политике памяти и забвения, о возможности единого учебника истории демонстрирует сложный путь исторического самопознания³⁴. Для складывающейся российской политической и культурной нации проявляет себя главная проблема — отсутствие согласия по поводу культурного предания, или нарратива культурной истории, объединяющего и примиряющего нацию в понимании прошлого. Такой консенсус необходим, чтобы наполнить смыслами настоящее и увидеть прообраз будущего.

В этом контексте заметим, что в последнее десятилетие линия на восстановление исторической преемственности постепенно начинает определять основы культурной политики государства. «Битва» за историю в карамзинской логике государственности, которую можно было бы назвать положительным опытом актуализации прошлого, привлекает сегодня внимание общества к насущным социальным и духовным проблемам политической и духовной жизни страны. Констатируем тот факт, что борьба за интерпретацию истории часто принимает политически ангажированный оттенок и вносит зерно раздора в российский социум.

Обсуждение сюжетов отечественной истории переместилось на самую массовую площадку — на телевидение. Одним из наиболее показательных примеров публичной актуализации истории, отсылающей к национальному эпосу Карамзина, стал масштабный

³⁴ См.: Жукова О.А. История русской культуры и современность // Вопросы истории. 2006. №8. С. 105-116.

телевизионный проект 2008 года «Имя России» на канале «Россия», посвященный выбору знакового для России героя, олицетворяющего дух и историческую мощь России как государства, культуры и цивилизации. Приглашение на роль ведущего проекта известного «фронтмена» Александра Любимова было неслучайным. Оно отсылало зрителей к телевизионной эпохе гласности и перестройки, к опыту ускорения и бурному развитию общественной дискуссии на злободневные темы. По замыслу авторов проекта, из 500 имен выдающихся деятелей русской и советской истории и культуры, отобранных экспертами, зрители путем голосования должны были выбрать для телевизионного этапа 12 имен, а политики, ученые и творческие деятели публично защитить избранную ими персоналию. В ведущей финальной тройке оказались имена Александра Невского (524 575), Петра Столыпина (523 766), Иосифа Сталина (519 071), к которым приблизился Александр Пушкин (516 608). В зрительском голосовании победил Александр Невский. Апелляция к святому воину, образ и подвиг которого представлял на суд зрителей и жюри (во главе с Никитой Михалковым) недавно избранный Патриарх Кирилл, продемонстрировала стремление власти и общества связать воедино все периоды жизни Руси / России и создать новый патриотический канон русско-советской истории. При этом полученный при голосовании результат, возможно, и принадлежал зрителям, но его «модерирование» явно входило в первоначальный замысел организаторов масштабного телевизионного шоу на тему исторической памяти и культурного самосознания нации. Напомним, что список менялся и даже «обнулялся» не один раз на предварительных этапах электронного голосования. Так, голосование по выходу в третий тур было начато заново по официально объявленной причине «войны машин», хакерских атак на сайт и флешмобов при голосовании.

В ряду телевизионных исторических программ стоит вспомнить и будоражающую общественное мнение передачу «Исторический процесс». Последняя была выпущена телеканалом «Россия» в 2011 году (ей предшествовала передача «Суд времени» на «5 канале», в 2010 году). В телешоу в жанре открытого диспута «боролись за историческую правду» непримиримые идеологические оппоненты — историк Николай Сванидзе и политолог Сергей Кургинян, и попеременно выступающий в роли то адвоката, то обвинителя политический журналист Леонид Млечин.

Примечательно, что оба проекта — «Имя Россия» и «Исторический процесс» относятся к периоду президентства Дмитрия Медведева, выступившего с идеей исторического проекта новой России, призванной совершить модернизационный рывок в будущее с опорой на национальную культуру и историю. Для реализации модернизационного проекта, получившего название «четырёх и» — инновации, институты, инвестиции, инфраструктура — необходим был общенациональный консенсус. Он рассматривался в качестве залога политической стабильности и экономического развития, своего рода, как моральный ресурс мобилизации. В этом смысле обращение к духу истории в политико-экономической программе экс-президента Медведева можно расценивать как запрос на метафизическую составляющую инструментального по идеологии, целям и средствам реализации проекта. Историзация инструментального проекта была, безусловно, нужна для вживления в социальную ткань и общественное сознание идеи мобилизационного «рывка» в актуальную современность. Именно эту попытку согласовать метафизические и инструментальные ценности в новом проекте строительства государства и нации достаточно зримо и ярко продемонстрировал главный официальный канал страны, создавая телевизионные проекты «Имя Россия» и «Исторический процесс».

Дискуссионный клуб с участниками «Исторического процесса» был закрыт, но «Имя Россия» сегодня имеет продолжение в виде всероссийского Интернет-форума под названием «Имя России — Исторический выбор России», демонстрируя утверждающийся патриотический консенсус, об идеологическом доминировании которого заявляет власть. Смысл и назначение своей Интернет-акции авторы определяют как «открытый проект для всех, кому не безразлична история, традиция, вера и будущее своего Отечества. Сегодня слишком многие хотят сделать из России некое безликое объединение граждан, озабоченных лишь одной целью — целью личного обогащения. Поступая так, предатели своего народа, пытаются обезличить Россию. И помешать их планам, казалось бы, нет возможности. Но мы говорим — хватит! Имя России — Личность и Национальное самосознание»³⁵. Как можно заметить, патриотическая настроенность раскрывается через риторическую формулу противостояния «врагам Отечества», к кото-

³⁵ См.: <http://nameofrussia.org> (апрель, 2016).

рым отнесена часть общества, разделяющая буржуазные ценности, по определению авторов форума, философию обогащения. Нетрудно сделать вывод, что данный дискурс присвоен левыми силами, охотно использующими патриотическую тему.

Стоит отметить появление еще одного важного инструмента, участвующего в процессе возрождения исторической памяти нации. Думается, что, как ученый и просветитель, Карамзин мог бы его одобрить. 9 мая 2013 года начал вещание специализированный телевизионный канал «История», дополнив серию цифровых каналов ВГТРК познавательного характера. Идея канала определяется девизом: «Телеканал “История” берется доказать: история — это ярко, интересно, интригующе и познавательно»³⁶. «Философия телеканала “История”, — сообщается на официальном сайте, — это самый широкий взгляд на эволюцию человечества: от древнейших цивилизаций и великих открытий прошлого до величайших загадок и тайн настоящего, а также великие войны и победы, великие люди, великая любовь и предательство — все то, что делает историю интересной и увлекательной. Программное наполнение телеканала состоит из продуктов собственного производства и лучших зарубежных форматов крупнейших мировых студий»³⁷.

Показательно, что в линейке канала четыре специальных цикла, посвященных истории России. Среди них — цикл «Символы России», рассказывающий о достижениях российской цивилизации, «История России в орденах», «История СССР. Как это было» и программа «Русский мир» — о вкладе наших соотечественников в культуру и историю. Заметно стремление авторского коллектива канала интегрировать советский период в большое время истории Руси/России, найти ценностные и идейно-политические основания для стягивания различных историко-культурных эпох в единый нарратив. Тем самым, телеканал, помимо познавательных и научно-просветительских задач, выполняет и общественно-политический заказ на формирование исторического канона, апробируя подходы и методологию историко-культурного стандарта, предлагаемого в качестве основы единого учебника истории.

Каковы бы ни были цели и ценности, разделяемые авторами упомянутых выше телевизионных каналов и многообразных Интер-

³⁶ См.: <http://istoriya.tv/index> (апрель, 2016).

³⁷ См.: <http://istoriya.tv/index> (апрель, 2016).

нет-сайтов с исторической, социально-политической и религиозно-культурной тематикой, посвященной России, данные формы актуализации исторического предания в публичном пространстве отражают важнейший социальный и ментальный процесс — *процесс формирования культурно-политической нации*. Озаботившись вопросом национально-культурной идентичности российского общества, власть активно использует инструментарий мультимедиа и возможности современного искусства. Госзаказ возвращает в российское кино большие исторические и военные сюжеты. Привлекая к историческим проектам лояльных ученых, государство ищет политического союзника и партнера в Русской Православной Церкви. Музейно-выставочные пространства с развернутыми на них грандиозными выставками становятся лабораторными площадками по выработке общенациональной идеи.

Ярким примером ренессанса национального предания в духе «Истории» Карамзина являются две интерактивные выставки-форумы: «Православная Русь. Романовы», посвященная 400-летию дома Романовых (2013), и «Моя история. Рюриковичи» (2014) в Центральном выставочном зале «Манеж». Успех выставок способствовал продолжению идеи тематической репрезентации Российской истории в мультимедийном выставочном формате. Проект увенчался открытием в начале 2016 года, в обновленном 57 павильоне на ВДНХ, исторического парка «Россия — моя история», вобрав в себя конструктивные и содержательные элементы ранее состоявшихся выставок.

Безусловно, выставочные и телевизионные опыты реконструкции отечественной истории в духе философии русской государственности и культуры Карамзина можно оценить положительно, принимая во внимание и творческий потенциал современных медиа, и охват аудитории, которой предлагается просветительский и познавательный контент. Признавая растущий интерес к Карамзину как историку и мыслителю, приветствуя масштабную телевизионную акцию публичного чтения его главного труда на канале «Культура», тем не менее, подчеркнем, что основной задачей в процессе создания актуальной версии национального предания по-прежнему является задача неангажированного изучения духовно-культурного и политического опыта России. В условиях «приватизации» публичного пространства доминантной группой властных элит она становится еще более насущной, в первую очередь для

профессиональных кругов и гражданского общества. Только в случае выполнения этой интеллектуальной и нравственной задачи новая версия истории, как прежде «История государства Российского» Николая Михайловича Карамзина, сможет взять на себя роль культурного предания, вокруг которого должен выстраиваться общественный договор — согласие нации по поводу прошлого, настоящего и будущего России. И тогда работа по осмыслению отечественной истории в контексте всеобщей, начатая Карамзиным и продолженная Грановским и Ключевским, сможет стать актом самопознания и интеллектуальной рефлексии современного российского общества, что позволит изучать прошлое не ради прошлого, но как живую часть культурного опыта нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков И.С.* У России одна-единственная столица... / Сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006. 512 с.
- А.С. Пушкин* об искусстве: В 2 т. М.: Искусство, 1990. Т. 1. 363 с.
- Герцен А.И.* Былое и думы. М.: Захаров, 2003. 976 с.
- Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями // *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 8 т. М., «Правда». 1984. Т. 7. 528 с.
- Грановский Т.Н.* Публичные чтения. Статьи. Письма / Т.Н. Грановский, сост. А.А. Левандовский, Д.А. Цыганков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 672 с.
- Жукова О.А.* История русской культуры и современность // Вопросы истории. 2006. №8. С. 105-116.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 6 книгах / в 12-ти авторских томах Н.М. Карамзина, по 2 тома в одной книге / Вступ. статья В.Г. Перельмутера. Книга 1 / Т. I – II. М.: Издательство «Книжный сад», 1993. 368 с.
- Карамзин Н.М.* Неизданные сочинения и переписка. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1862. Ч. 1.
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Ред.: Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984. 720 с.
- Кара-Мурза А.А.* Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1(21). С. 101-106.
- Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб.: Искусство–СПБ., 1997. 832 с.

Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: В 2 ч. СПб.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. Ч. 2.

Станкевич Н.В. Стихотворения. Трагедия. Проза. М.: Типография и словолитня О.О. Гербека, 1890. 245 с.

Шмидт С. «История государства Российского» // Круг чтения. М.: Политиздат, 1991. С. 10-12.

Эйхенбаум Б.М. Карамзин // *Эйхенбаум Б.М.* О прозе. Сб. статей. / Сост., подгот. текста О. Эйхенбаум; вступ. ст. Г. Вялого. Л.: Художественная литература, 1969. С. 203-213.

O.A. ZHUKOVA

N.M. KARAMZIN: A PHILOSOPHICAL PROFILE OF RUSSIAN HISTORY

Karamzin's "History of the Russian State" is an intellectual and moral feat of the Russian thinker and historian. Karamzin was the first who had the distinction of returning the flow of Russian history back, as it were, into the river-bed of national life. Through addressing the historical memory of the people, Karamzin has recreated Russian history within an aesthetic framework of the late Enlightenment and romanticism. "History" is the first Russian historical encyclopedia to be written as philosophical fiction. Karamzin's creation is narrated as a heroic poem about Russia. The national epic penned by Karamzin holds a deep moral meaning. According to Karamzin, "History" should rear moral and civil feelings of the Russian people through the study of past events, customs and cultural traditions. Through reading Karamzin, we can understand our native history as a living part of the nation's spiritual experience, thereby restoring historical consciousness in contemporary Russian society.

Key words: national, cultural story, cultural myth, narrative, historical memory, historical consciousness, Canon of history, moral philosophy, philosophy of history, consensus.

П.С. ГУРЕВИЧ

Н.М. КАРАМЗИН КАК ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ЛИЧНОСТИ

Цель статьи в том, чтобы показать огромное значение Н.М. Карамзина как первооткрывателя личности. Используя методы сравнительного анализа, автор отмечает, что в XVII в. европейская философия стремилась выразить идею высокой меры человека, однако точного слова для обозначения этого представления не было. Каким образом мы можем судить о том, что конкретный человек, хотя и является в разных ипостасях, проходит череду всевозможных перевоплощений, всё же остаётся самим собой? Что может гарантировать другим людям, что перед нами всё же один и тот же человек? Как скрепляется внутреннее личностное ядро? Ведь если каждый индивид взрослеет, обретает социальные роли, меняет собственные взгляды на протяжении жизни, то всякая попытка скорректировать идентичность кажется невозможной. Английский философ Дж. Локк тщательно продумал многие варианты этой тайны. Однако не нашёл, на наш взгляд, ответ на вопрос, что же всё-таки позволяет индивиду обеспечить собственную сохранность как неповторимой человеческой особи. Его заслуга тем не менее состоит в том, что он выстрадал слово «personality». Аналогичного слова в российской философии и словесности не было. Именно Н.М. Карамзин придумал собственный аналог данного феномена. Но образовал его от русского слова «лик». Таким образом, человек, выражающий конкретную полноту собственного жизненного существования, был назван личностью. Новые слова вводили в русский язык многие авторы. Значение первооткрывательства Н.М. Карамзина выявилось в том, что он создал таким образом определённую философскую традицию. Её можно назвать персоналистической. Она связана с философским постижением такого феномена, как личность. В статье показано, как русские философы, получив в своё распоряжение нужное слово, стремились указать и те признаки, которые соотносятся с личностью. Новое карамзинское слово нужно было освоить, оно требовало огранки и концептуальной содержательности.

Ключевые слова: философия, persona, личность, индивид, Просвещение, история, идеал, общество, духовный опыт.

ОТ МАСКИ К ЛИЧНОСТИ

Н.М. Карамзин ввёл в обиход множество слов, которые несли серьёзную смысловую нагрузку. Некоторые понятия, уже известные учёным, Николай Михайлович удостоверял своим авторитетом. Термин «словесность» впервые был употреблён в «Словаре Академии Российской» 1789–1793 гг. Его создавали не только филологи и писатели, но и учёные разных специальностей. Первый академический словарь был призван служить чистоте русского языка. Н.М. Карамзин не раз использовал это слово. И это оказалось весьма авторитетным деянием. Учёные и писатели земли Русской стали относить это понятие к разным родам, видам и жанрам словесных произведений, а также и к самой художественной литературе. Особую роль в русской философии сыграло появление в русском языке понятия «личность».

К тому времени, когда русская философия стала осваивать накопленный ею и западной мыслью опыт постижения человека, в отечественной культуре как раз недоставало данного слова. В общественном сознании постепенно складывалось представление о том, что среди людского массива можно выделить таких индивидов, которые обладают более высокой мерой человеческого. Гамлет у Шекспира эту мысль обозначил словами о своём отце: «Он человек был, в полном смысле слова». Но разве недостаточными были уже расхожие определения — «индивид», «индивидуальность»? Однако, как ни крути, индивид — это категория натуралистическая, биологическая и лишь отчасти социологическая. Между тем человек не только индивид. В качестве индивида человек не универсален, он лишён универсального содержания. Сравнивая двух разных индивидов, мы вряд ли можем указать на их безупречную особость, которая выделяет их среди других. Так, в общественном сознании закрепилось слово «индивидуальность»... Оно как раз и выражало идею примечательных характеристик конкретного человека.

Однако для просветительского века, времени общественных борений и зрелого гражданского сознания, этих слов было явно недостаточно. Как назвать человека, который служит примером

социальной мудрости или отваги, образцом тщательно выверенного поведения? Когда в древности хотели сказать о ком-то, что это социально и духовно развитый человек, использовали латинское слово «персона». Человека называли персоной, чтобы подчеркнуть, что тот не является лишь природным организмом, а обнаруживает сугубо человеческие свойства. (Напомним, что именно поэтому внимание к человеку в европейской культуре называется персоналистской традицией.)

Слово «person» в английском языке несло ту же смысловую нагрузку. Однако уже Д. Юм задумывается над тем, как обозначить некий «объединяющий принцип», который мог бы относить это слово к определённым представителям человеческого рода. В соответствии с господствующей когнитивной установкой классической философской мысли он искал признаки, которые могли бы соотноситься с устойчивым и тождественным содержанием людей такого типа. Иными словами, следовало предъявить обществу некую субстанцию, которая представляла бы собой надёжную ориентацию для выражения идеи «персоны»¹.

Философы той поры были убеждены в том, что мышление соответствует реальности, задача исследователей состоит в том, чтобы выразить идею самотождественности человека. Между тем в английском языке появилось слово «personality». Однако между этими словами «persona» и «personality» не усматривалось тождество. Теоретический вопрос можно выразить следующим образом: в каких случаях можно считать, что данный индивид не только неповторим, оригинален, но обладает ещё и неким единством, целостностью. Ведь только в случае своей законченности он может соответствовать слову «personality». В другом варианте этот индивид может предъявить самые насущные в данный момент социально и культурно востребованные маски, т.е. различные «персоны», которые слабо соотносятся друг с другом. «Personality» — это не набор масок, число которых по определению может быть безраздельным. Не случайно Т. Гоббс проводил различие между «естественным» и «искусственным» personality. Первым качеством обладает человек, чьи слова и действия принадлежат ему самому. Вторая особенность характеризует человека, который словами и

¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1966. С. 299.

действиями «репрезентирует» другого². И в том, и в другом случае мы толкуем о масках или социальных ролях. Но «естественная» *personality* является автором своей роли, а искусственная — проживает чужие роли. В конкретном человеке углядеть эти противоречия удаётся не сразу. Носитель той или иной социальной роли обладает разными типами поведения. Народ и общество передают своё право выступать от их имени одному актеру, т.е. суверену. Это состояние закреплено договором. Но эти маски меняются: суверен оказывается автором. Что же касается членов общества, то они вынуждены взять на себя роль актёров, исполняющих волю суверена.

Однако на самом деле не всё так просто. Чтобы быть автором своей роли, индивид должен обладать этим качеством хотя бы потенциально. Он также призван осознать эту способность как нечто реализуемое и даже неизбежное. По сути дела, ему, такому индивиду придётся играть роль автора. Но коль скоро речь идёт о масках, то они обе не органичны, а искусственны. По сути дела, говорится о таком феномене, как «*persona*». Но дело в том, что субъект в качестве «*personality*» просто обязан владеть этими двумя масками. В одном случае индивид раскрывает собственное Я, в другом, напротив, обозначает себя Другим. Так, в философской литературе закрепляется одно из значимых качеств «*personality*» — степень социализированности того или иного человека. Внутри социальных отношений он не может быть только самим собой, ему необходима известная лабильность или способность отвечать на общественные запросы. Так, на локковский вопрос о тождественности «*personality*», Юм отвечает в духе парадокса: «Я» не равно самому себе, потому что этого «самого-по-себе-Я» просто нет. Это в равной степени относится и к «естественной» и к «искусственной персоне».

Итак, слово «*personality*» появилось в Западной Европе не ранее XVII в. Заслуга Н.М. Карамзина заключалась не только в том, что он ввёл слово «личность». Этимологически в русском языке оно связано с «ликом», «обликом». Но вряд ли можно характеризовать эту замену как простой поиск синонима. Утвердив термин «личность», Н.М. Карамзин соединил в смысловом единстве раз-

² Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 124.

ные ипостаси социального человека. Карамзин полагал, что индивид способен к общению, интеллектуальному и нравственному совершенствованию. «Индивид» — слово, которое изначально определяет одного человека через его несамостоятельность, через его удел, производность. Существование корпускул человечества создавало проблему для сознания людей, чья жизнь была неотделима от рода, общины, конфессии, корпорации и чья духовность нуждалась в абсолютной точке отсчёта. Индивидуальность существования была очевидностью, но очевидностью пугающей! От мнимой психической атомарности, от поверхности вещей мысль упорно сворачивала к тому, что отдельный человек подлинен лишь постольку, поскольку поставлен в общий ряд и даже в конечном счёте сливается с мировым субстанциональным началом. В этом плане истинно и единственно индивиден лишь живой Космос или Бог.

Личность — это хозяин собственной судьбы, собственной жизни. Человек может стать личностью, если поставит перед собой такую цель. Кого можно назвать личностью? Такого человека, который весьма своеобразен, социализирован, духовно развит, обладает чувством ответственности за свои поступки. По этой логике среди человеческого сообщества есть личности и не-личности, т.е. люди, которые не соответствуют этому понятию. Многие авторы считают, что каждого человека можно назвать личностью. Нет безликих людей. Но в таком случае сопоставление понятий «индивид», «индивидуальность», «личность» теряет смысл. У американского фантаста Роберта Шекли есть словосочетание «минимум человека», т.е. набор элементарных качеств, позволяющих какому-то индивиду называть себя человеком. Можно, видимо, говорить и о «максимуме человека».

Итак, личностью, согласно Карамзину, можно назвать человека, который духовно богаче, чем индивид или индивидуальность. Индивид, даже если он неповторим, обладает особыми душевными качествами, далеко не всегда способен именоваться личностью. Он становится ею, если обретает духовность и социализированность. Но у исследователей есть и другая позиция. Личностью в этом случае называется не сам человек, а лишь присущая ему психическая инстанция. Точнее сказать, конкретная индивидуальность может иметь определённые личностные качества, но не быть личностью в полном смысле слова. Есть возможность проследить, как социальная философия продвигалась от слова к слову

для обозначения особого дара человека. Разглядев в индивиде оригинальные черты, философы стали называть такого человека индивидуальностью. Н.М. Карамзин, вводя самостоятельное слово «личность», утвердил высшую инстанцию в человеке, его возможность быть человеком высшей меры.

Новое карамзинское слово нужно было освоить, оно требовало огранки и концептуальной содержательности. Прежде всего, понятие, взятое на вооружение, помогло Н.М. Карамзину овладеть огромной массой исторических сведений. А.Д. Сухов пишет: «Для написания “Истории государства Российского” привлечён фактический материал, почерпнутый из летописей, грамот, судебных книг, сочинений иностранцев, в разное время посещавших страну. Интересовавшие его свидетельства Карамзин находил в архивах и библиотеках, отечественных и зарубежных, в монастырях и частных хранилищах»³. Эта информация, понятное дело, не была деперсонализированной. Речь шла о людях, о масштабе их деяний и о присущих им качествах. Чтобы распорядиться этим материалом, нужно располагать ориентирами. За скупым документом историку было важно разглядеть человека, простого и знатного, безликого и самобытного, разрушителя или созидателя.

Историческая концепция Н.М. Карамзина неразрывно связана с его концепцией личности. Его позиция была близка к той, которую позже выразил Н.А. Бердяев: историю творят личности. В этом контексте сама последовательность эпох, по Карамзину, есть не что иное, как борьба разума с неразумием, просвещения с невежеством, мракобесия с истиной. Историософская осмысленность истории у него сводилась к убеждению, что великие личности обеспечивают прорывы в бытийной непрерывности событий. Н.М. Карамзин сетовал, что в России до сих пор нет хорошей Российской истории, которая была бы написана с философским умом.

История, которую мечтал воссоздать Н.М. Карамзин, могла располагать двойственной трактовкой. Можно было выстроить её как развитие государственности, как деперсонализированную летопись событий. Другой подход предполагал акцентирование личности как культа великой истории. Люди минувших эпох живы для нас благодаря особому рода общественной практике — мемориаль-

³ Сухов А.Д. Русские философствующие историки. М.: Канон+ РО-ОИ «Реабилитация», 2016. С. 63.

ной. Если сгорел муравейник, память об этом сообществе исчезает бесследно. Однако в человеческом обществе жизнь прошедших поколений не утрачивается. Прошлое продолжает присутствовать в актуальном сознании. Н.М. Карамзин, готовясь к реализации своего замысла, затратил много усилий, изучая исторические труды европейских авторов. Принцип историзма в пост-просветительскую эпоху имел огромную популярность. Историзм выступил как закономерный результат всего идейного развития Запада, начиная с античности, как высшее выражение человеческого духа.

Историзм нередко был сугубо прагматичным⁴. Пользуясь отдельными историческими формами и приёмами, писатели стали выражать актуальное содержание, но одевали свои произведения в «исторические костюмы», отсюда ощущение игры, карнавальности. Историзм классического искусства идеален, романтичен, а историзм XIX века спекулятивен. Историзм — принцип рассмотрения мира, природных и социально-культурных явлений в динамике их изменения, становления во времени, закономерном историческом развитии, предполагающий анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями их существования.

Воссоздание государственности Н.М. Карамзин не считал своей главной задачей. В соответствии с ментальной установкой эпохи он верил в прогресс, который для него был неразрывен с гуманностью, просвещением и развитием личности. Вместе с тем Николай Михайлович полагал, что труд историка связан с вопрошанием, с мучительной разгадкой смысла протекших времён и деяний. Недаром он положительно отзывался о трагедии Пушкина «Борис Годунов». Не случайно его размышления об истории перекликаются с пушкинскими словами: «Безумны мы, когда народный плеск иль ярый вопль тревожит сердце наше». Правитель обязан обуздывать мятежные страсти, но не ради «самовластья», а для достижения счастья всех людей.

Н.М. Карамзин особенно подчёркивал, что людям важно знать жизнь простолюдинов. «История», написанная под влиянием великих заветов Просвещения, не могла быть безымянной. Карамзина увлекала идея истории в лицах. Но ведь и к историческому персонажу можно подойти по-разному. Кого-то интересует обли-

⁴ См.: Мейнике Ф. Возникновение историзма. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 480 с.

чье человека, а кого-то внутренняя самотождественность исторического деятеля. Властители интересовали Н.М. Карамзина не как исполнители социальной роли. Исторiku хотелось передать процесс возмужания исторической личности. Это, в частности, подчеркивает Ю.М. Лотман, который, касаясь личного достоинства Николая Михайловича, отметил, что это его постоянное самовоспитание. Его можно вслед за П. Чаадаевым обозначить как «сотворение себя». Главное в человеке не его формальные качества, а именно личностный рост. Он отмечал, что «творец всегда изображается в творении, и часто против своей воли».

«Идеал человека-художника, — писал Ю.М. Лотман, — имел для Карамзина глубокое значение. Понятие прогресса он неизменно, во все периоды жизни, связывал с представлением о свободе, о её росте и расширении. Однако содержание понятия “свобода” менялось. Либерально-просветительское наполнение его, представление о свободе как отсутствии насилия, о праве личности на неотъемлемые, вытекающие из Природы, права было прочно усвоено Карамзиным и никогда не покидало его, воспринимаясь как самоочевидная и даже тривиальная истина. Однако в определённые периоды творчества внимание переносилось на внутреннюю свободу духа, стоящего выше неизбежных материальных стеснений, накладываемых на него жизнью. Иногда обострялся мучительный вопрос о соотношении свободы человека и воли Провидения. Законы истории, общее благо, необходимость... Право на свободу и высшее право на самоограничение свободы — таков был круг размышлений Карамзина — современника Французской революции и Отечественной войны 1812 года, собеседника Канта и Пушкина, Жильбера Ромма и Александра I»⁵.

На формирование персоналистической позиции Н.М. Карамзина оказало влияние и учение о человеке И. Канта. Именно этот мыслитель является основоположником философской антропологии как направления философского знания. Толкуя о личности, Н.М. Карамзин прежде всего имел в виду и великих государственных деятелей. Из размышлений о Канте возникла и известная формула Н.М. Карамзина: «История народа принадлежит царю». Не исключено, что это суждение покажется сторонникам либеральной мысли апологи-

⁵ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. — <http://www.litmir.co/br/?b=157092&p=6> (октябрь, 2016).

ей монархизма. Но историк и был приверженцем срединной позиции. Для него были в равной степени чужды и апофеоз самодержавия, и бунташные настроения будущих декабристов.

Личность для Карамзина всегда ассоциировалась с богатой субъективностью. Именно в этом смысле он не является простым описателем исторической реальности. Личность немыслима без ценностей и оценок. Поэтому далеко не всегда можно проследить приоритетность личностного фактора в описаниях и анализах Н.М. Карамзина. Когда он описывает становление государственности в ранний её период, то о личностях деятелей той поры сказано не многое. Иное дело, когда речь идёт о воссоздании истории Московской Руси. Здесь у Н.М. Карамзина можно выявить даже латентно представленную психоисторичность. Автор пытается описать особенности того или иного характера. Разумеется, эти оценки не предполагают выделение типологических черт. Чаще всего речь идёт о выявлении свойств индивидуальности. Так мы встречаемся с такими обозначениями, как «Великодушные Мономаха», «Гордость Олегова», «Храбрость и добродушие Мстислава».

А вот что касается Петра I, то здесь Н.М. Карамзин не мог ограничиться отдельными, частными характеристиками. Историк считал этого царя идеалом. Ведь именно этот правитель открыл европейскую культуру для Руси. Теперь предстояло решить иную задачу — представить просвещённую Европу как источник богатейшей культуры для Руси. Для решения этой миссии требовалось провести реформу литературного языка. Заслуги Н.М. Карамзина в этом процессе известны.

ИДЕЯ СОЦИАЛИЗИРОВАННОСТИ

Н.М. Карамзин в качестве особого дара личности выделил степень его социализированности. В самом деле, индивид, который не вписан в общественный миропорядок, не уважает право и традиции, не может называться личностью. Когда рождается ребёнок, он призван войти в тот мир, который его окружает. Ему предстоит принять существующие в данной культуре нормы, законы, традиции, правила, общественные представления. Процесс освоения этого наследия называется социализацией. Он начинается в раннем детстве и продолжается всю человеческую жизнь. Ведь наличная реальность постоянно меняется. Нарождаются новые

святыни, принимаются новые законы, складываются новые традиции. Человек всё время пытается примерить к себе всё богатство социальности. Здесь снова возникает проблема: чему отдать предпочтение — личности или обществу?

Казалось бы, совершенно очевидно, что в рамках персоналистской традиции начинать надо с личности. Она самодостаточна, а присутствие других людей представляет собой только «произвольное стеснение» для личности. Однако человек реализует себя не в пустом социальном пространстве. Это означает, что личность, не вобравшая в себя социальные задатки, не может быть полноценной.

От имени человека мы можем предъявить человеческому обществу некие требования. Но неужели человек — само совершенство? Теперь мы можем говорить о подсудности человека, т.е. о том, что личность — это фигура ответственная. Да, она пытается развить себя, развернуть свой потенциал. Но ведь не в ущерб же сообществу людей...

«Гипнотики коллективизма» (так В.С. Соловьёв называет людей, отвергавших идею личности) видят в жизни человечества только общественные массы. Но что это за общество, состоящее из бесправных и безличных нулей? Будет ли это, во всяком случае, общество человеческое? По мнению В.С. Соловьёва, если отобрать у личности её общественное достояние, то останется животная особь. Социальность, следовательно, есть одно из определений личности.

Как могло родиться общество, если бы одарённые, выдающиеся личности пренебрегали социальными формами существования? Именно благодаря крупным политикам, мыслителям, военачальникам, законодателям формируются новые типы человеческого общежития. Однако дело не в личных намерениях выдающихся людей, а в рождении самой социальной формы жизни и деятельности человека.

Итак, личность — социальна, внедрена в общество и привязана к общественной жизни. Внесоциального естественного состояния человека никогда не было, это абстракция, выдуманная в XVIII в. И вместе с тем, личность сталкивается с обществом, ведёт вековую тяжбу с ним. Общество, по словам Н.А. Бердяева, защищает личность от природы, от других личностей и даже от неё самое, питает её, обогащает её многообразным содержанием, но и угнетает её, ограничивает и порабощает.

Личность и общество взаимодействуют и сталкиваются в одном плане, но они принадлежат разным планам и несоизмеримы. Общество же налагает на личность свой образ и подобие и превращает её в своего слугу и раба. Проблема личности и общества может ставиться с общественной и духовной точки зрения, с точки зрения философии общества и философии духа. И в зависимости от постановки проблемы мы будем вращаться в совершенно разных кругах. И никогда в одном из этих планов, в плане общественном, проблема эта не может быть разрешена. Не может быть разграничено то, что принадлежит личности, от того, что принадлежит обществу.

Всякая защита личности с точки зрения общества, с точки зрения социального мирозерцания есть уже признание примата общества и ведёт к рабству личности. Предполагается, что от общества может личность получить свободу, своё внутреннее право, своё достоинство, свой дух. Замечательно, что социальное по своему принципу мирозерцание (всё равно, теократическое, консервативное, либеральное, демократическое, социалистическое или анархическое) обычно оказывается тираническим по отношению к человеческому духу.

Ошибочно было бы думать, что проблема личности и общества верно ставится на почве индивидуализма, отвергающего реальность общества. Общество нельзя рассматривать как простое взаимодействие и сумму индивидов. Атомистическое понимание общества не только ложно, оно извращает само понятие личности. Личность есть менее всего атом, равный всякому другому атому. Общество есть особого рода реальность, оно есть не только в мышлении, но и в бытии, есть ступень бытия. И только потому существует конфликт личности и общества.

Совершенно иным представляется соотношение личности и общества в зависимости от того, станем ли мы на социальную или на духовную точку зрения. В плане социальном личность есть часть общества, общество всегда больше личности, личность есть малый круг, включённый в большой круг общества. С этой точки зрения личность не может противопоставлять себя обществу, ибо общество представляется источником её жизни, её питательным лоном, общество определяет её сознание и мышление, её верования и нравственные оценки. Если личность всё-таки может противопоставлять себя обществу, может бороться против его безраз-

дельной и неограниченной власти над собой, то исключительно потому, что личность принадлежит другому порядку, не социальному. Не в нём укоренено её бытие. Личность входит в социальный план, но выходит она из плана духовного и из него черпает свою силу и свои оценки. Оставаясь в плане социальном, нельзя никак утвердить примат личности и над обществом.

Философская проблема личности совсем не есть проблема той или иной организации общества, при которой личность получает больше свободы и независимости. Проблема личности, её достоинства и независимости, её свободы и права во всей глубине может быть поставлена лишь в том случае, если личность принадлежит не только социальному, но и духовному миру.

Все психологи согласны с тем, что личностью не рождаются, а становятся, и для этого человек должен предпринять немалые усилия: вначале овладеть речью, а затем с её помощью многими моторными, интеллектуальными и социокультурными навыками. Личность рассматривается как результат социализации индивида, который усваивает традиции и систему ценностных ориентаций, выработанных человечеством. Чем больше человек смог воспринять и усвоить в процессе социализации, тем более развитую личность он собой представляет⁶.

ЧЕЛОВЕК, НО НЕ ЛИЧНОСТЬ

Ещё один сложный вопрос: может ли человек не быть личностью? Судя по размышлениям русских философов — Н.М. Карамзина, В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, на этот вопрос ответ очевидный — может. Но эта позиция вызывает множество споров. В период либерализации страны в 1980-е гг. много писали о неотъемлемых правах человека. Он, индивид, имеет право на жизнь, образование, достойное существование, свободу. Всё это так. Но такой радикальный ход мысли привёл к тому, что мы стали утверждать, будто каждый человек является личностью? Ведь это совсем другой вопрос. Личностью человек становится не по определению, не по тайне рождения, а в результате сложной и напряжённой духовной работы.

⁶ Социальная психология личности в вопросах и ответах / Под ред. проф. В.А. Лабунской. М.: Гардарики, 1999. С. 15.

Является ли личностью годовалый ребёнок? Нет ничего кошмарного в том, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно. Мы можем назвать его личностью условно, имея в виду раскрывающиеся перед ним возможности. Но ему, ребёнку, ещё предстоит стать личностью. «Как же так? — возмущались мои оппоненты, столкнувшись с такой точкой зрения. — Что же это получается, мы относимся к учащемуся как к личности, а потом, выходит, он утрачивает это качество?». Здесь та же самая проблема. Мальчик является личностью не потому, что сбил с ног девочку, ударил её. Он личность как потенциальная фигура. Но это относится не только к школьнику, но и к каждому человеку.

Является ли личностью психически неполноценный человек? Если мы дадим сразу отрицательный ответ, то поставим в тупик сторонников антипсихиатрического движения. Ведь видный представитель этого движения Р. Лэинг считал шизофреника своеобразной личностью, подчас не лишённой даже духовности. Данный подход учитывает то обстоятельство, что бытие человека можно рассматривать с разных точек зрения, в частности, человека можно воспринимать в качестве личности и как вещь. Отношение к личности отлично от отношения к организму. На языке экзистенциальной феноменологии другой человек, рассмотренный в качестве личности и организма, является объектом различных интенциональных актов. Исследователь выбирает интенциональный акт или точку зрения внутри всеобщего контекста, в результате чего перед ним предстают различные стороны человеческой реальности.

Когда человек рассматривается в качестве организма, то он оказывается не чем иным, как комплексом вещей и вещественных процессов. Их объяснение основывается на машинной и биологической аналогии. Теория человека как личности и сводится к его описанию как машины или органической системы вещественных процессов. Это приводит к тому, что основанная на подобном видении человека психопатология устраняет возможность понимания дезорганизации пациента как неумения достичь личностной формы единства.

Итак, психически неполноценный человек не является личностью, но может рассматриваться в этом аспекте как индивид, переживающий определённый духовный опыт. Если полагать, что безумец, чей психический мир подвергся распаду, тоже личность, то можно дойти до абсурда. Иное дело, если мы полагаем, что пси-

хотик переживает необычный духовный опыт, который нам зачастую неведом, тогда мы включаем такого человека в поле личностного анализа.

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ

Как доказать и обосновать само существование духовного опыта? Слишком многие отрицают своеобразную качественность духовного опыта и сводят его целиком к опыту душевному, к предмету психологии. Но возражения против возможности и существования духовного опыта всегда бывают основаны на том, что его нет у тех, которые его отрицают. Из того, что кому-то (хотя бы это было и большинство человечества), недоступны качества духовного опыта, никак не следует, что этого опыта нет и он невозможен.

Ошибочно предположение, что личность есть непременно субстанция и должна быть ограничена, раздельна, и что отрицание субстанции есть отрицание личности. В действительности верно, что живая, конкретная личность нисколько не похожа на субстанцию. Природа личности — динамическая. Личность есть прежде всего качественно своеобразная духовная энергия и духовная активность — центр творческой энергии. Бытие личности совсем не предполагает принципиальной отдалённости от Бога и мира. Сверхличное в личности не отрицает личности, а конструирует и утверждает её. Бытие личности в подлинном смысле слова только и возможно при раскрытии в ней духовных начал, выводящих её из замкнутого состояния и соединяющих её с божественным миром.

В духовном опыте моя судьба перестаёт быть раздельной и замкнутой судьбой. А это значит, что духовная жизнь есть в высшей степени конкретная, сращенная жизнь. Природная же действительность есть действительность абстрактная и раздельная. В ней никогда не дано цельности и полноты, совершенной соединённости. В духовной жизни дана цельность и полнота бытия, в неё претворенно и преображенно входят все ступени бытия, преодолеваются рознь и чуждость, побеждается вечность.

Духовный опыт возможен лишь при предположении, что человек есть микрокосм, что в нём раскрывается целая вселенная, что нет трансцендентных границ, отделяющих человека от Бога и от мира. Духовная жизнь познаётся совсем не в психологическом исследовании душевных процессов. Психология есть наука о природе,

естественная наука, а не наука о духе. Духовная жизнь, как особенное, обычно ускользает от психологической науки. Большая часть психологических процессов должна быть отнесена к явлениям природного мира; эти процессы связаны с телом и материальным миром, происходят во времени, так или иначе относятся к пространству, они протекают в замкнутости, раздельности и внешней связанности. Психология исследует абстрактно духовную жизнь и имеет дело с абстрактной, а не с конкретной действительностью.

Духовная же жизнь конкретна и требует конкретного изучения. Духовная жизнь раскрывается в познании конкретной духовной культуры, а не абстрактных элементов души. Знание духовной жизни есть наука историческая, наука о культуре, а не естественная наука. Материалом философии духовной жизни является историческая духовная жизнь человечества, всегда конкретная, религиозная, мистическая, познавательная — философская и научная, нравственная, творчески-художественная жизнь человечества, великие памятники духа, великие творения в духовной жизни.

Личность не может познавать духовную жизнь в состоянии изоляции и оторванности, не может начинать с себя. Исходная точка Декарта не благоприятна для познания духовной жизни. Признание подлинной реальности духовной жизни прошлого человечества есть необходимая предпосылка философии духовной жизни. Платон для нас не только предмет исследования. Мы живём одной общей жизнью с Платоном, одним духовным опытом, мы встречаемся с ним внутри духовной жизни, в её глубине. Биографии святых и гениев, творения религиозных учителей, великих мыслителей, великих художников, памятники духовной жизни человечества имеют несоизмеримо большее значение, чем дедукции отвлечённой мысли. Духовная жизнь была подлинно конкретно явлена в духовном опыте человечества и оставила по себе творения и памятники.

Человек, погружённый в свою собственную природу, был бы лишён духовной жизни. Индивидуализация, раскрытие личности совершается самим духом, в недрах духовной жизни, она есть качество духовной жизни. В духовной жизни действуют и раскрывают свои энергии существа, личности. Существа, человеческие личности со своей вечной судьбой непосредственно даны в духовном опыте. Тайна человеческой личности выражима лишь на языке духовного опыта, а не на языке отвлечённой метафизики. По

мнению Н.А. Бердяева, плюралистическая метафизика так же абстрактна, так же рационалистична и так же не соответствует самой жизни духа, как и метафизика монистическая; спиритуализм в своём роде не менее дефектен, чем материализм. Средневековый схоластик Дунс Скот основательно возражал против схоластического учения Фомы Аквината об индивидуальности и бессмертии души и доказывал, что учение это ведёт к отрицанию бессмертия души и самого бытия человеческой индивидуальности. Но схоластическое учение самого Дунса Скотта, по словам Н.А. Бердяева, в некоторых отношениях более тонкое, чем учение Фомы Аквината, и защищающее индивидуальность, подлежит столь же основательным возражениям.

СЛОЖНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Карамзинская традиция трактовки личности, несомненно, обладает определённой ограниченностью. Русские философы в соответствии с просветительской традицией воспринимали признаки и характеристики личности как рядоположенные. Однако мыслители более позднего времени обнаружили, что такие качества личности, как социализированность, духовность, ответственность, не выстраиваются в одну линейку. Скажем, всегда ли духовен предельно социализированный индивид? Не исключено, что приверженность социальности может обернуться откровенным конформизмом. С другой стороны, всегда ли духовный человек достаточно социализирован? Отшельник или аскет, обладающий несомненным духовным опытом, сознательно обрывает социальные связи, которые мешают ему отдаться духовности. Трудно обвинить убеждённого буддиста в том, что он не духовен. Но в соответствии со своей этической установкой приверженец данного учения, оказавшись в Европе, не понимает, отчего жители этих стран живут суетной жизнью, размещают своё существование в строгих рамках казённой официальности.

Ценность размышлений В.С. Соловьёва состоит в том, что он вовсе не замыкает личностное богатство рамками конкретного общества. XX век показал, что гражданская верность обществу далеко не всегда может реализоваться в условиях преданности социальному устройству, поскольку человечество столкнулось с опытом пагубных, зверских режимов. Отсюда вытекает мысль о

том, что личность соотносится не только с реальной практикой собственного времени, своей эпохи.

Некоторые философы, например Артур Шопенгауэр, полагают, что именно в уединении, в отречении от социальных предрассудков можно развить в себе личность. Здесь рождается уже новая проблема. Можно ли рассматривать личность как нечто замкнутое в себе самой, или она предполагает предельную открытость, восприимчивость? И даже ещё шире: как возникли общество и приносящая ему социальность?

ЗАГАДКА ЧЕЛОВЕКА КАК ЛИЧНОСТИ

Проблема человека, по мнению Н.А. Бердяева, является центральной для сознания нашей эпохи. Он определяет человека как существо противоречивое и парадоксальное, ибо оно принадлежит двум мирам — природному и сверхприродному. В нём пересекаются все круги бытия. Духовная основа человека не зависит от природы и общества и не определяется ими. Частные науки могут исследовать лишь отдельные стороны человека как природного существа, но не его целостность.

Человек, по словам Н.А. Бердяева, есть загадка не в качестве организма или социального существа, а именно как личность. Личность — важнейшее понятие персонализма русского философа. Это понятие он отличает от понятия «индивид» (индивидуум). Индивид, мы помним, категория натуралистическая. Это часть рода, общества, космоса, т.е. он связан с материальным миром. Личность же означает независимость от природы и общества, которые дают лишь материю для активной формы жизни. Личность, согласно Н.А. Бердяеву, нельзя отождествлять с душой, это не биологическая или психологическая категория, а этическая и духовная.

Личность не есть часть общества или универсума, напротив, общество есть часть личности, её социальная сторона (качество), равно как и космос есть часть личности, её космическая сторона. Этим объясняется то, что в каждой личности есть и нечто общее, принадлежащее всему человеческому роду, тому или иному профессиональному типу людей. Но не в этом её суть. Иными словами, личность — это микрокосм, универсум в индивидуально-неповторимой форме, соединение универсального и индивидуального. Тайна существования личности — в её абсолютной незаме-

нимости, в её однократности и несравнимости. Личность призвана совершать самобытные, оригинальные, творческие акты.

Личность более индивидуальна, чем индивид. Индивидуальность — это неповторимый, самобытный способ бытия конкретной личности, единство уникальных и универсальных свойств человека. У Бердяева скрыто содержится определение индивидуальности и тем самым подготовлена почва для вычленения его в качестве отдельного понятия.

Бердяев подчёркивает, что личность не есть застывшее понятие, готовая данность. Она есть самосозидание. Личность формируется в борьбе со злом как внутри себя, так и вовне. Она призвана вести борьбу против рабства, за освобождение.

По словам Н.А. Бердяева, опыт жизни, борения духа создают образ человека. Человек не есть окончательно готовое и законченное существо, он образуется и творится в опыте жизни, в испытаниях своей судьбы. Человек связан со своей судьбой и не властен уйти от неё. Моя судьба есть всегда особенная, неповторимая, единственная и единая судьба. В опыте моей жизни, в её испытаниях и исканиях образуется формация моего духа.

Душа человека стала иной, чем была тогда, когда впервые принимала христианство, когда учили великие учителя церкви и догматизировали вселенские соборы, когда создавали монашество, когда господствовало средневековое теократическое государство и выковывался средневековый и византийский тип религиозности. Это изменение и уточнение психеи совершалось прежде всего под влиянием таинственного и часто незримого, глубинного действия самого христианства. Христианство изнутри побеждало варварство и грубость души, образовывало человека⁷.

Личность есть неизменное в изменении, единство в многообразии. Нас одинаково неприятно поражает, если есть неизменное в человеке и нет изменения, и если есть изменение и нет неизменного, если есть единство и нет многообразия, если есть многообразие, но нет единства. И в том, и в другом случае нарушается сущностное качественное личностное. Личность не есть застывшее состояние, она разворачивается, развивается, обогащается, но она есть развитие одного и того же пребывающего субъекта. Самое

⁷ Бердяев Н.А. *Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. С. 15.

изменение происходит для сохранения этого неизменного, пребывающего. Личность ни в коем случае не есть готовая данность, она есть задание, идеал человека. Совершенное единство, целостность личности есть идеал человека. Личность самосозидается. Ни один человек не может сказать про себя, что он вполне личность.

Н.А. Бердяев рассматривает основной парадокс существования личности. Личность должна себя созидать, обогащать, наполнять универсальным содержанием, достигать единства и цельности на протяжении всей жизни. Но для этого она должна уже быть. Должен изначально быть тот субъект, который призван себя созидать. Личность в начале пути, и она лишь в конце пути. Личность не составляется из частей, не есть агрегат, не есть слагаемое, она есть первичная цельность. Возрастание личности, реализация личности вовсе не означает образования целого из частей, но означает творческие акты личности как целого, не из чего не выводимого и не из чего не слагаемого. Образ личности целостный, он целостно присутствует во всех актах личности.

Мы уже рассматривали предпринятое Н.А. Бердяевым последовательное различение понятия индивида и личности. Индивид, по мысли философа, рождается и умирает. Личность же не рождается. Её творит Бог или сам человек. Мы рассуждаем о двух индивидах. Но при этом об одном из них, к примеру, мы можем сказать, что он обладает личностью. Это оценочный подход. Нередко биологически и психологически яркий индивид не имеет личности. «Личность есть целостность и единство, обладающее безусловной и вечной ценностью. Индивидуум может совсем не обладать такой целостностью и единством, может быть разорванным, и может быть смертным. Личность и есть образ и подобие Божие в человеке, и потому она возвышается над природной жизнью. Личность не есть часть чего-то, функции рода или общества, она есть целое, сопоставимое с целым миром, она есть продукт биологического процесса и общественной организации»⁸.

Что означает целостность применительно к личности? Скажем, кто-то стал крупным математиком, но при этом равнодушен к искусству. Другой оказался политиком. Он достиг социальных высот, но при этом превратился в делягу, в циника. Третий достиг огромных успехов в бизнесе. У него безмерное богатство, но он

⁸ *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 62.

малообразован, беден духовно. Понятие личности предполагает гармоничное, универсальное развитие всех человеческих задатков. Но разве человек не может максимально реализовать себя в какой-то одной сфере жизни? Тот же прекрасный математик, который плохо разбирается в искусстве. Можем ли мы назвать его личностью? В известном смысле, несомненно. Но, согласитесь, в этом случае человеческий идеал, который философы называли личностью, будет реализован не полностью.

Н.А. Бердяев рассматривал проблему личности как основную для философии. Когда человек рождается, он осознаёт себя индивидом. Он может сказать о себе: «Я». Но означает ли это, что сформировалась личность? Нет, Я — это изначальная данность. Личность же, по мнению Н.А. Бердяева, не есть данность, она складывается, развивается, обогащается, становится собою. В этом существенное отличие индивида от личности.

Интересное учение о личности принадлежит немецкому философу Максу Шелеру. Он построил персоналистическую этику. Шелер охарактеризовал человека как существо, которое возвышается над собой и над всей жизнью. Он считал, что определить человека через чисто природные предпосылки не представляется возможным. Основным для Шелера оказывается противоположение не человека и животного, а личности и организма. Конечно, человек бесконечно выше животного, но человек, по мысли Шелера, это не только организм. Каждый человек стремится к знаниям, к нравственному совершенству, к освоению всего специфически человеческого. Так рождается личность.

Итак, термин «личность» употребляется в различных значениях. «Личность» может обозначать то же, что «индивид», т.е. отдельно взятый человек. Иногда под личностью понимается часть внутреннего мира или особенности психической структуры. Это и совокупность общественных отношений, и недостижимый идеал, и нечто, данное от рождения. Каждое направление психологии, философии, социологии стремится дать своё определение. Но если мы говорим о личностном росте, то предполагаем, что личность нуждается в развитии и становлении. Юнг определял личность как «способную к сопротивлению и обладающую силой душевную целостность».

Это кажется странным и трудно воспринимаемым, но человек по своей природе противоречив, разнонаправлен. У него есть душа

и тело, сознание и бессознательное, он — отдельное существо, но при этом включён в систему социальных отношений, наконец, он рождается мужчиной или женщиной. И именно поэтому стремление к целостности оказывается извечным устремлением, вектором движения, волей к невозможному. Вот в метро по эскалатору спускаются люди. Какие они? Чем живут? Что выбрали для себя в качестве смысла жизни? Кто-то ограничил своё существование телесными потребностями и инстинктами, кто-то ушёл в сферу духа, живёт исключительно ради себя самого или растворился в социальной роли чиновника, матери, проводника какой-нибудь идеи. Можно, оказывается, жить, оставаясь фрагментарным, одномерным. Простое перечисление свойств и качеств не даёт представления о целостности. Последняя не является ни набором, ни комплексом. Целостность — сцепление противоположностей, которые, будучи частями, не могут существовать отдельно, но создают не просто сумму, а дополняют друг друга до чего-то принципиально иного, большего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. 382 с.
- Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 479 с.
- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3-643.
- Карамзин Н.М.* Избранные труды / Сост. А.А. Ширинянц, А.Ю. Старостин. М.: РОССПЭН, 2010. 486 с.
- Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. — <http://www.litmir.co/br/?b=157092&p=6> (октябрь, 2016).
- Мейнике Ф.* Возникновение историзма. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 480 с.
- Социальная психология личности в вопросах и ответах / Под ред. проф. В.А. Лабунской. М.: Гардарики, 1999. 397 с.
- Сухов А.Д.* Русские философствующие историки. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. 159 с.
- Юм Д.* Трактат о человеческой природе // *Юм Д.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1966. С. 77-788.

P.S. GUREVICH

N.M. KARAMZIN AS A DISCOVERER OF PERSONALITY

The objective of the article is to show a great significance of N.M. Karamzin as a pioneer in the field of personality. Using methods of comparative analysis, the author points out that in the 17th century European philosophy attempted to express the idea of man's high measure but there were no exact word to designate this idea. How can we judge that a particular individual, presenting himself as different persons, passing through a series of all possible transformations, still remains himself? What can guarantee to us that it is the same individual? How is the personal innermost kernel bound? If each individual becomes mature, acquires social roles, changes his views throughout his life time, then every attempt to correct identity seems impossible. The English philosopher J. Locke carefully thought out many variants of this mystery. But he did not find, in our view, an answer to the question: what it is that permits an individual to ensure his integrity as a unique human being. Nevertheless, his merit is in advancing the word «personality». In Russian philosophy and literature there was no analogue. It was N.M. Karamzin who introduced his analogue of this phenomenon. But he coined it using a Russian word «*lik* (face, image)». Therefore, an individual who expresses a particular fullness of his existence was called «*lichnost'*». Many authors introduced new words into the Russian language. N.M. Karamzin's significance was that he created a philosophical tradition. It might be called personalistic. It is related to philosophical comprehension of such a phenomenon as «*lichnost'*» (personality). The article shows how Russian philosophers, having received the appropriate word at their disposal, tried to define also the signs that correlate with personality. Karamzin's new word needed assimilation, it required faceting and conceptual content.

Key words: philosophy, persona, personality, individual, Enlightenment, history, ideal, society, spiritual experience.

Э.М. СПИРОВА

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

В статье анализируются особенности русского сентиментализма, заложенные Н.М. Карамзиным. Его истоки, казалось бы, хорошо изучены. Однако философские предпосылки данного художественного направления исследованы недостаточно. Остаётся открытым вопрос о том, каким образом в европейской, а затем и русской культуре обнаружил себя поворот от рационалистической рассудочности к особой чувствительности. Почему после подозрительного отношения к человеческим страстям возникло желание оправдать их, оценить их значимость для людей? В статье отмечается роль английского и французского сентиментализма, критически отвергается идея заимствования моды на чувство применительно к становлению самобытной русской традиции. Автор показывает, что твёрдое философское убеждение, которое было укоренено в европейской культуре, будто только разум отражает человеческую природу, неожиданно натолкнулось на пучину самых разнообразных человеческих страстей. Эти эмоции заполнили душу европейца. Но русский сентиментализм имел собственное философское обоснование. Обширную палитру человеческих переживаний в отечественной культуре, философии и искусстве обнаружил Н.М. Карамзин. И этот вариант сентиментализма опирался на национальную почву и выражал душу русского человека. Повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» не имеет аналогов в европейской литературе. Отвлечённое романтическое прославление любви, характерное для европейского сентиментализма, заменяется у русского писателя трагической историей. Любовь не принесла Лизе счастья, а обрекла её на гибель. Однако у Карамзина нет чувствительных мазохистских мотивов. Показано, что Лиза борется за собственное чувство. У русского писателя отсутствуют мелодраматические переживания. Трагизм повести связан с российским крепостничеством. Такой трактовки сюжета не было в европейском сентиментализме. Русский сентиментализм имеет более яркую

философскую тональность. Он более философичен, чем английский сентиментализм. Он сопряжён с метафизическими проблемами постпросветительской эпохи.

Ключевые слова: сентиментализм, разум, страсть, аффекты, фантазии, чувствительность, природа, любовь, культура, душа.

РАЗУМ ПРОТИВ СТРАСТИ

Истоки и специфика русского сентиментализма достаточно изучены. Известно, что эру приоритетности эмоциональных переживаний в отечественной философии и искусстве открыл Н.М. Карамзин «Письмами русского путешественника»¹. Очевидно, что в данном увлечении Николай Михайлович испытал влияние английского писателя Л. Стерна и французского философа Ж.-Ж. Руссо. В «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзин представил читателям хорошо отработанный арсенал чувствительности: сентиментальные обращения к читателю, исповедальные признания, восторженные описания природы, упоение простой, невзыскательной жизнью, но главное чуткой восприимчивостью слёзных переживаний, не знающих меры и всегда готовых ждать ответных излияний.

Пожалуй, лучше всех эту тенденцию выразил Ф. Тютчев:

*Слёзы людские, о слёзы людские,
Льётся вы ранней и поздней порой...
Льётся безвестные, льётся незримые,
Неистоимые, неисчислимые,
Льётся, как льются струи дождевые,
В осень глухую порою ночной.*

Откуда эта повальная чувствительность при культе рассудка и пользы? Простой ответ известен. Мода пришла в Россию из-за границы. Пушкинская Татьяна с раннего девичества влюблялась «в романы и Ричардсона, и Руссо». Она никогда бы не написала письмо Онегину, если бы не была уверена в том, что чувство, если оно искреннее, оправдывает всё: и бунташный поступок, и восторженное

¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1980. 607 с.

признание, и открытую готовность любить и быть любимой. Но Онегин не забывает остеречь милую барышню: «Учитесь властвовать собой, / Не всякий вас как я поймёт». Нет, нет, разумность, сдержанность в эмоциональных тревогах никто не отменял.

Но как же всё-таки случилось, что страсти, которые на протяжении многих веков европейской истории, порицались и клеймились, вдруг, словно прорвавшись, хлынули в культуру? Этот вопрос, судя по всему, уместный в юбилей Н.М. Карамзина, к сожалению, никто не обсудил на нужном исследовательском уровне.

Сегодня трудно представить, почему человеческие страсти так отчаянно осуждались и подавлялись в европейской культуре. В середине тысячелетия разум одержал внушительные победы над природой. Пришло время изобретений и открытий.

Человеческий разум обрёл мужество, чтобы приступить к разгадке запутанной тайны, связанной с общественным устройством. Обнаружилось неудержимое стремление людей к творчеству и созиданию. Философы заговорили о чувствительности. Но при этом имели в виду не столько эмоциональные переживания, сколько значение внерассудочного познания. Р. Декарт сообщил философскому сообществу, что чувства никогда не обманывают, если они не больны и не слишком отдалены от своего объекта. «Рациональность универсума стала метафизической формулой времени»².

Однако твёрдое философское убеждение в том, что разум составляет главное достоинство человека, неожиданно натолкнулось на пучину самых разнообразных человеческих страстей, которые никак не совмещались с общепринятой версией человеческой природы. В людях обозначилось многоликое сумасбродство — авантюризм, животная похоть, властолюбие, корыстолюбие, безверие. Уже мыслители эпохи Возрождения задумались над тем, способны ли вообще морализаторская философия и религиозные предписания пресечь пагубные страсти. В XVII в. глубокое разочарование в человеческой неподатливости уже укрепилось.

Мыслители неожиданно разглядели в хаотическом господстве фантазии и аффектов погибельную опасность. С целой системой обмолвок и тактичностей, перекрываемых почтительностью перед

² Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времён Возрождения и Реформации. М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. С. 259.

религией откровения, мыслители пытались приручить религиозный дух и сделать рациональность державным признаком духовной деятельности. Набирало силу и новое учение о человеке. Философы стали размышлять о человеческой природе, о совокупности жизни, в которой она находит своё разнообразное воплощение. Спиноза обратился к учению об аффектах, доказывал жгучую потребность в их осмыслении. Открылось беспредельное многообразие движений души. «Как изменение поверхности моря, от лёгкой ряби до грозной бури, как рост под действием ветра волн, которым в конце концов ничего больше не может противостоять, — изменчивы и страшны движения человеческой души. В конце концов они вызывают замешательство не только во внутреннем состоянии человека, но и в восприятии его внешних чувств, так что любящие, гневающиеся, испуганные видят и слышат вещи, которые в действительности не существуют»³, — так В. Дильтей описал общее восприятие мира новой антропологией.

Философы и религиозные наставники начали призывать к изучению человеческих страстей, к распознаванию в них дьявольских наущений. Любовь сама по себе благодатна. Но ей противостоит ненависть, незримо связанная со сладким чувством. И здесь заявляют о себе аффекты обиды, презрения, гнева. Да и сама любовь, сопряжённая с желанием, надеждой и страхом, чревата страданиями. Понятное дело, лучше остерегаться этого чувства...

Однако любовь не устранялась, а наоборот, обретала самые неожиданные облики. Начнём, к примеру, с так называемой куртуазной любви. Она вошла в обиход между XI и XIV вв. в Западной Европе. К ужасу церкви даже романтическое обожание казалось подозрительным и приводящим к нежелательным последствиям. Объявились поэты, которые возвеличивали страстную любовь к женщине. По европейским просторам стали гулять трубадуры и миннезингеры. Они прославляли знойные привязанности к знатым, но замужним женщинам. Они совершали подвиги в честь избранных красавиц.

Разумеется, эти соблазны были присущи не только поэзии. Куртуазная любовь воспевалась в романах о Тристане и Изольде,

³ Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времён Возрождения и Реформации. М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. С. 317.

Ланселоте и Джиневре, Троилусе и Крессиде, Парсифале, а также в подлинной истории любви Элоизы и Абеляра. Многим эта литература казалась помешательством. Допустимо ли вообще возвеличивать страдания, вызванные неразделённым чувством, упиваться сердечными муками? Но парадокс в том, что особой ценностью обладала любовь в виде неутолённой страсти. Вопреки христианскому наказу соединять жизнь с другим человеком по долгу возник культ любви по выбору сердца. Объект страсти избирался тщательно, он был вообще незаменим никем из тех, кто мог претендовать на ответное чувство. А что же требовалось от женщины, кроме обычной привлекательности? Она должна быть замужней и недостижимой. Зачем такая несуразица? Тем более, что такая страсть всё равно осуждалась за неуважение к браку и побуждение к супружеской неверности. Но поэты уверяли, что истинная безнравственность заключена в природе средневекового брака. А здесь химически чистая сердечная склонность.

Самый популярный сюжет состоял в том, что рыцарь (он же тайный поклонник) поступал на службу к прекрасной даме. Он должен был на деле доказать свою отважность и доблесть. Разве такая любовь не возвышает душу? Дама сердца обнаруживала в себе особую затейливость в том, чтобы заставить обожателя совершить подвиги. Они зачастую приводили не только к опасностям, истязанием, но могли завершиться и гибелью. Предполагалось, что эти тяготы жизни помогают людям изживать собственные греховные увлечения.

Разумеется, ничего пагубного в платонической любви нет. Она действительно стала модной в XIII и XIV вв. Не будь куртуазной поэзии, не было бы, судя по всему, ни Данте, ни Кавальканти, ни Петрарки. Не исключено, что мы бы не узнали, как можно одухотворить плотские ощущения до такой степени, как это оказалось возможным в европейской лирической поэзии. Но внутренняя жизнь человека никогда не имеет однозначных оценок. Поэтов упрекали в том, что именно они стимулировали искусство греховного соблазнения. А уж изобличение любви как наваждения мы находим в философских текстах. Оказывается, человечество вполне могло бы обойтись без этих странностей, которые захватили душу королей, поэтов, рыцарей, мечтателей. Мыслитель XVII в. Ф. Бэкон оценил эротическую страсть как безумие. «Можно заметить, — писал он, — что среди всех великих и достойных людей

(древних или современных, о которых сохранилась память) нет ни одного, который был бы увлечён любовью до безумия; это говорит о том, что великие умы и великие дела, действительно, не допускают развития этой страсти, свойственной слабым. Тем не менее необходимо сделать исключение в отношении Марка Антония, соправителя Рима, и Аппия Клавдия, децемвира и законодателя, из которых первый был действительно человеком сластолюбивым и неумеренным, а второй — строгим и мудрым. А поэтому нам представляется, что любовь (хотя и редко) может найти путь не только в сердце, для неё открытое, но и в сердце надёжно от неё защищённое, если не быть бдительным»⁴.

Бэкон ещё раз предупреждает, что у этой страсти бывают эксцессы. Но она идёт наперекор природе истинной ценности вещей. Тот, кто ценит любовную привязанность, поясняет Ф. Бэкон, теряет и богатство, и мудрость. Эта страсть достигает своей высшей точки в такие времена, когда, по его словам, человек более всего слаб, во времена великого процветания и великого бедствия. Тогда люди забывают, что страсть — дитя безрассудства. Так что лучше всего не допускать любви, удерживать её в подобающем месте. Английскому мыслителю казалось, что любовь занимает ничтожно малое место в истории человечества. Зрелый муж, озабоченный государственными делами, или мудрец, постигающий таинства мира, вряд ли впадут в любовное исступление. Иначе видят эту проблему другие историки. Исследуя общественные потрясения, социальные катаклизмы и революционные сдвиги, они парадоксальным образом видят в истории проявления одного только эроса.

В XVII в. страсти подверглись подробнейшему изучению. Каким образом можно их взять под контроль? Обуздать, применить репрессии, наказывать и казнить? Философы не теряют надежды найти способ преобразования разрушительных страстей и направить их в созидательное русло. Паскаль изумлён величием человека и восторженно отмечает, что человек «смог вывести из похоти восхитительное устройство». Паскаль имеет в виду социальную организацию, которую он характеризует как «столь прекрасный порядок»⁵. Мысль о том, что общество, в основе которого лежит

⁴ Бэкон Ф. О любви // Эрос. Антология. Маргиналии проф. П.С. Гуревича. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. С. 54.

⁵ Паскаль Б. Мысли. Афоризмы / Пер. с фр. Ю. Гинзбург. М.: АСТ: Астрель, 2011. 332 с.

себялюбие, а не милосердие, демонстрирует большую жизнеспособность, хотя и остаётся по-прежнему греховным, присутствует у многих янсенистов, современников Паскаля.

В начале XVIII в. сходную мысль выразил Джамбатиста Вико, но он считал свою идею поразительным открытием. Страсти человеческие, оказывается, могут служить общественным интересам. «Так из свирепости, скупости и честолюбия (эти три порока проливают насквозь весь род человеческий) оно создаёт войско, торговлю и двор, т.е. силу, богатство и мудрость Государств. И из этих трёх великих пороков, несомненно, уничтоживших бы поколение людей на земле, оно создаёт Гражданское Благополучие. Эта аксиома доказывает, что здесь присутствует Божественное Провидение; другими словами — Божественный Ум-Законодатель: из страстей людей, всецело преданных своим личным интересам, из-за которых они принуждены были бы жить, как дикие звери, в одиночестве, он создаёт гражданские установления, и благодаря им люди живут в Человеческом Обществе»⁶.

Постепенно укреплялось убеждение в том, что разум не может подавить страсти. Культ рассудочности становился беспредельным в эпоху Просвещения. Установка на рацию, естественно, привела к дискредитации чувств, в которых всегда таятся разрушительные опасности. Антропологический идеал Просвещения — рассудочный христианский аскет, сумевший втиснуть эмоции в русло благоразумия. Кант приходит к убеждению, что сама человеческая природа, по неизвестным нам причинам, время от времени ослепляет разум⁷.

АНГЛИЙСКИЙ СЕНТИМЕНТАЛИЗМ

Внутренний мир человека беспределен. Стремление репрессировать любые состояния души рано или поздно рождает мощный всплеск протеста. Такой естественной реакцией на рассудочность явился английский сентиментализм. Однако мир чувств не

⁶ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций (1725) // Электронная библиотека Института философии РАН. — <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/antology/document/HASH1a15cc4c5b9be6314310a3> (август, 2016).

⁷ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 349-587.

просто заявляет о себе, он требует конкретной привязки к определённой стороне человеческого бытия. И такой привязкой оказалась поэтизация деревенской жизни. В конце 20-х гг. XVIII в. родились поэмы Дж. Томсона, которые, собственно, и связывают с рождением английского сентиментализма. Шумной и суетной городской жизни Томсон противопоставил картины спокойной, почти патриархальной сельской действительности. Картины деревенской жизни напоминали читателям о том, что существует мир, где каждый человек может уйти от тягостного диктата рассудочности и отдаться полностью красоте и величавости природы.

Однако сентиментализм был эмоционально скудным. Кроме радостей жизни, английские поэты пытались растрогать читателей погребальными сюжетами, один из них описан в элегии «Сельское кладбище» Томаса Грея, вышедшей в свет в 40-х гг. Своеобразная романтизация смерти диктовалась глубоко меланхолическими переживаниями. Место вечного упокоения — не просто обитель грусти. Кладбище — место, где лирический герой может погрузиться в состояние задумчивости. Бренность человеческой жизни порождает мысли о бытии, его краткосрочности. Вместе с тем возникает идея ценности человеческого существования, призванного пробудить в сердцах людей тягу к полнокровию жизни. О таких чувствах свидетельствует также ода «К весне», написанная Т. Греем. Прославление вечного обновления природы, её неистощимых красок ещё полнее оттеняет печальные кладбищенские чувствования. Поэт стремится показать, что жизнь простых селян заслуживает не меньшего внимания, чем истории любовных походов королей и аристократов. Нужды земледельцев скромны, незатейливы. Но они вызваны ценностью труда, сочувствия к простым людям, обыденным горестям и радостям. Значительная популярность этой поэзии казалась странной адептам официальной литературы с её сюжетами отваги и доблести, призывами к неизменной рассудочности.

Сентиментализм проник не только в поэзию. Родоначальником «чувствительной» литературы XVIII – начала XX вв. стал Сэмюэл Ричардсон. Его популярность была вызвана появлением трёх эпистолярных романов — «Памела, или награждённая добродетель» (1740), «Кларисса, или История молодой леди» (1748) и «История сэра Чарльза Грандисона» (1753). Отметим, что каждая культура имеет свои способы, позволяющие удовлетворить потребность в общении и исповедальности. Внутренний мир челове-

ка, как правило, далеко не всегда понятен другим людям. Желая удовлетворить собственное побуждение к искренности, люди часто попадают в неловкое положение. Они хотят поделиться своими переживаниями, но не уверены, что не встретят равнодушие, усмешку или иронию. Вот почему в эпоху сентиментализма родился особый жанр — жанр эпистолярного письма. В эпистолярных, направленных другу, всегда было много эмоциональных подробностей, нюансов переживаний, томительных размышлений и неясных предчувствий. Но отправляя письмо, автор был уверен, что он не станет объектом насмешки или черствого непонимания. Ведь у друга тоже были чувства, которые нуждались в том, чтобы их оценили, проявив душевную окликнутость, сострадание.

Не случайно в литературе стал использоваться приём эпистолярного письма. События, которые происходили в романах, излагались как факты жизни самого автора. Это позволяло придать изложению особую документальность, вызывало доверие к чувствам героя, к его моральной непогрешимости. Пережив смерть не только жены, но и своих пятерых сыновей, будущий писатель в возрасте 51 года взялся за перо. Он стал одним из самых почитаемых представителей сентиментализма. Круг его литературных сподвижников не был весьма представительным. Но Ричардсон был знаком с С. Джонсоном, Сарой Филдинг. Что касается самого Генри Филдинга, то Ричардсон нередко находился с ним в состоянии острого конфликта.

Каковы же особенности прозы сентиментализма? Романы Ричардсона, в частности, отличались от сентиментальной поэзии. У этого автора не было тяги к описанию природы, к поэтизации труда сельчан. Но его огромная заслуга состояла в том, что его произведения отличались психологизмом, тонкой эмоциональной мотивацией. Ричардсону была близка антропология Лейбница с его принципом индивидуальности. В философской литературе этой эпохи к слову «индивид» добавилось новое — индивидуальность. Если в понятие индивида включалось описание общих физических свойств человека, то приобретённое понятие приковывало внимание к психологическим особенностям человека, его личности, неповторимости. Это и стало характеристикой сентиментального романа.

Литературное направление, бросившее вызов всеохватной рассудочности, получило своё название от романа Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие» (1768). Это произведение сохра-

нило основные черты сентиментальной поэзии. Но оно продемонстрировало также любовь к природе. В этом романе есть не только глубинное погружение в эмоциональный мир. Писатель воспроизводит события, которые сопровождали его во время путешествия с юмором. Умение увидеть комическое в дорожных путешествиях, оценить собственные откровения с долей самоиронии — драгоценное качество не только литературы, но и самой жизни.

Данное произведение в известном смысле завершает просветительский период английской литературы. Стерн начал с критической оценки чисто рассудочного, головного отношения к жизни. Одновременно он стал излагать основные идеи сентиментального восприятия бытия. Сначала писатель не захотел разделять изобличительные намерения просветительского романа. Да, несомненно, в общественной жизни много несправедливости, угроз и конфликтов. Однако гневное отношение к реальности непродуктивно. Вероятно, люди этой эпохи утратили должное ощущение, что и в условиях несправедливостей общественного строя можно найти повод для светлых чувств и лирических переживаний.

Просветительской идеологии не чужда идея личности. Однако, по убеждениям этой эпохи, основное достоинство человека такой оценки — чувство долга, умение посвящать лучшие качества собственной натуры служению общества. Трагедии, созданные в эпоху Просвещения, приучали личность к доблести и отваге, к героическому настрою души. Но сам человек при этом, несмотря на свойственные ему благородные помыслы, оставался органом общества. Статуса личности не имели эгоисты, индивидуалисты, отчуждённые социальные персонажи. Сентиментальный роман прославлял индивидуальность, человека, имеющего собственные пристрастия, подверженного сильным эмоциональным переживаниям. Именно эти состояния и раскрывали в индивидуе его несхожесть с другими людьми. Поэтому герои сентиментального романа не демонстрировали лояльность общественному организму. Их отличал крайний индивидуализм.

Роман «Тристрам Шэнди» демонстрирует предумышленное пренебрежение ко всем канонам классического буржуазного романа. В этом отношении специфично также и творчество величайшего романиста Филдинга. Характер повествования, описание героев, мотивация их поступков, композиция произведений, — всё в этом литературном творчестве отличалось от классического романа.

Однако этот отказ не носил целостного характера. Автор сентиментального романа формально соблюдал нужные приёмы — в нём можно отыскать посвящение и предисловие, воссоздание биографии, которая служит сюжетной канвой для изложения событий, авторские отступления, прямое обращение к читателям. Но при этом писатель нарушает канонические пропорции. В результате приём кажется сходным, но выполняет иную смысловую нагрузку. Тот или иной приём изложения кажется пародийным именно потому, что он доводится до абсурда, а порой выглядит настолько преувеличенным, что буквально обесмысливается.

Примечательно, что сентиментальный роман не приемлет морализирования. Представители этого направления полагают, что желание вести читателя на поводке, вооружать его должной оценкой происходящего и воспитывать в нём нужные качества, непродуктивно. В романе «Тристрам Шэнди» Стерн решительно отказывается от доктрин и эстетики Просвещения. Но в «Сентиментальном путешествии» критика просвещения сменяется изложением позитивной программы автора. Она состоит в том, что чувства имеют для человека гораздо большую значимость, нежели то или иное понятие. Социальные факты повседневности не играют в поведении героев такого же значения, как внутренние движения души.

Однако в романах Ричардсона тем не менее ощутима скрытая «наследственность» Просвещения: чувствительность играет ведущую роль, но герои неожиданно подчас обнаруживают привычную для просветителей рассудочность, демонстрируют волю и неукротимое желание добиться нужных целей. Герои Стерна тоже рассуждают, мыслят по лекалам логики, но рассудочность с её непреложностью и императивностью у них отсутствует. Во всём чувствуется приоритетность сердца перед разумом. Отдав дань размышлениям, персонажи всё же склоняются к партитуре чувствований. В той же мере они более склонны к юмору, нежели к сатире. Эта мягкая душевность в общественной позиции весьма привлекательна в сравнении с бичующим мечом, скажем, Вольтера⁸.

Является ли реализм как голос самой жизни чертой сентиментального романа. Разумеется, можно без труда проследить связь этих произведений с реалистическим методом в искусстве. Но не-

⁸ Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди. Сентиментальное путешествие. М.: Худож. лит., 1968. 687 с.

покорность прежним устоям всё равно оказывается доминирующей. Вот, к примеру, в реалистическом романе нельзя было обойтись без рассказа о том, что было с героем до описанных событий, когда он только родился на свет. Стерн понимает, что без этих подробностей многие события будут непонятны читателям. И он отдаёт дань этой традиции, но при этом можно предположить, что он отчасти даже глумиться над реалистическими устоями. В самом деле, надо ли начинать повествование с зачатия героя, а не с его рождения. Складывается впечатление, что писатель впал в неконтролируемое состояние, не знает меры и обнаруживает такую обстоятельность, что впору спросить: так ли уж важны эти доскопальные подробности, суть которых лишь в том, чтобы сообщить о появлении новорожденного.

Можно ли в чувствительном романе обойтись без любовной интриги? Понятное дело, что нет. Никто не может спастись от этого чувства, и читатели ждут сердечных откровений в отношении героя. А вместо этого автор излагает странную комическую историю о том, как престарелый дядя пытается избежать слишком пылких притязаний некоей вдовы на его холостяцкий статус. Но, откровенно говоря, комизм общей ситуации не остаётся бесплодным: там, где нелепость, там в большей степени верится в то, что на свете бывает и трогательная, пылкая и обоюдная любовь.

В просветительском романе в соответствии с пафосом эпохи воспевалась мудрость и эрудированность. И Стерн обнаруживает солидарность с этой традицией, но как-то очень старательно, демонстративно, избыточно. Читатель наталкивается на немыслимое множество греческих, латинских слов. Автор неустанно цитирует высказывания философов разных эпох, своды различных знаний, словно у него под рукой «Энциклопедия» Дидро и множество других источников. Наконец, по всем стандартам полагается внести в повествование свежие открытия в постижении человеческой природы или нравственности. Но герои не оправдывают этого стремления к учёности. Они не стараются привести в соответствии разные мнения, которые складываются у них по ходу изложения. Мысли сбиваются, разлетаются, слипаются, путаются и при этом не теряют своей «осанки» и основательности.

Как «набожный приимыш» Просвещения, Стерн не забывает обрушиться на мракобесие, на агрессивное незнание, на педантизм и косность. На страницах романа кочуют буквоеды, лицемеры,

ханжи, пустословы, жертвы суеверия. Стерн не забывает и о гуманизме. Он доказывает, что каждый человек имеет право на счастье, на свободу. Но эти устремления наталкиваются на отжившие традиции и устои. Стерн толкует даже о философских проблемах. Он возвещает, что «материя и движение бесконечны». И при этом убеждает читателей в том, что сам процесс мышления способен доставить каждому огромное наслаждение. Более того, он стремится придать этому процессу эстетический лоск. Но главное для писателя отметить миссию философии. Он замечает, что Джон Локк сумел очистить общественное сознание от многочисленных предрассудков и иллюзий. Английский философ особо подчеркнул мысль о значении чувственного опыта для познания. Ведь Локк был сенсуалистом. Но и этот мыслитель получает свою дозу иронии и «подковырок».

ФРАНЦУЗСКИЙ СЕНТИМЕНТАЛИЗМ

Сентиментализм Н.М. Карамзина неотделим и от французского сентиментализма. Ж.-Ж. Руссо почтительно отзывался о Ричардсоне. Нельзя не обратить также внимание на определённую схожесть основных литературных персонажей. Так, Юлия (роман Руссо «Юлия, или Новая Элоиза») напоминает Клариссу Гарло, Клара — её подругу, miss Howe.

Сентиментализм Ж.-Ж. Руссо опирается на серьёзную философскую традицию. Французский философ выставил в качестве идеала «развитие естественной природы». Его размежевание с традицией Просвещения выразилось в том, что он оспорил тезис о непосредственной зависимости нравственности и гражданственности от развития наук и искусств. Более того, он указал на почти неотвратимую угрозу, которая маячила от рождающейся индустриальной цивилизации.

Во французском сентиментализме выдвигается уже не только мысль об индивидуальности, но и идея личности. В противовес рассудочной культуре Просвещения он формулирует концепцию свободной и цельной личности. Особую роль Ж.-Ж. Руссо придавал воспитанию. Его педагогические идеи хорошо известны. Он предлагал подчинять обучение детей не придуманной системе воспитания, а предоставить возможность естественного природного развития для каждого.

В концепции Руссо, обстоятельно изложенной им в романе «Эмиль, или О воспитании» (1762), содержались практически все основные идеи, связанные с педагогикой свободного воспитания. В романе целая система идей, направленных на духовное возмужание личности. Руссо, по существу, воспроизводил представления христианского гуманизма об идеальной природе человека, о спонтанном процессе развития его природных сил и способностей.

Свободная и цельная личность — вот содержание того идеала «природы», который Руссо противопоставляет всякой культуре вообще, а особенно рассудочной культуре современного ему XVIII века. Отсюда его интуитивизм: чувство целостно, полноценно, между тем как рассудок частичен, односторонен, условен. Отсюда также и его «анархизм» с его идеалом независимой человеческой личности, свободной, верной самой себе и подчиняющейся лишь голосу непогрешимого чувства — совести. Так протест Руссо против культуры означает при ближайшем рассмотрении борьбу за нравственный идеал свободной и целостной личности. «Человек рождён свободным, и повсюду он в цепях», — говорит Руссо. «Природа» для него есть не столько железная необходимость, сколько свобода. И постольку также «естественное» воспитание Руссо есть прежде всего «свободное» воспитание.

Культ природы обрёл в творчестве Руссо выдающегося мастера. Природа стала автономным объектом изображения. Философ с поразительным проникновением описывает, скажем, берега Женевского озера. Природа в эпоху сентиментализма напрямую соотносится с эстетической категорией «возвышенного». В XX в. эту тенденцию выразил Г. Гадамер. Он писал: «Действительно, мы можем смотреть на природу только как художественно развитые и искушенные люди. Вспомним, что ещё в XVIII в. в путеводителях, говоря об Альпах, употребляли эпитет “страшные”; их первозданная дикость казалась несовместимой с красотой, человечностью, таинственностью бытия. Сегодня, напротив, весь мир убеждён, что высокогорные Альпы — это не только естественно и возвышенно, но и подлинно красиво»⁹.

Особую душевную пронзительность в сентиментализме получила «Исповедь» Руссо (1766–1770). Писатель рассказывал о своей

⁹ Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 297.

жизни с предельной откровенностью, как сказал бы поэт: «Лица не пряча, сердце не тая». Юношей, служа в доме знатного человека, юный Руссо, украл подсвечники. Подозрение пало на служанку и её прогнали из дома. Читатели недоумевали: «Неужели можно вот так просто, без затей, каяться перед читателями, когда никто об этом не просит. Правда ли, что осуждать себя можно перед огромной массой людей, обнажая неприглядные стороны своего поведения и своей жизни. Данное произведение считается одним из самых откровенных автобиографий в мировой литературе. В «Новой Элоизе» Руссо прославил любовное чувство как непреодолимое и не подчиняющееся никаким препонам и законам. Он в открытой форме пытался показать, что назрела потребность в коренном изменении общественных и семейных отношений.

В романах Руссо много морализаторства, зато психология сентиментализма выражена с предельной обстоятельностью и полнотой. Писательское творчество философа вызвало немало подражаний. Бернарден де Сен-Пьер в своём знаменитом произведении «Поль и Виржини» (1787) перенес место действия в Южную Африку; точно предвосхищая лучшие сочинения Шатобриана, он делает своими героями прелестную чету влюблённых, живущих вдали от городской культуры, в тесном общении с природой, искренних, чувствительных и чистых душою.

По мнению Руссо, человек обладает всеми достоинствами, которые заложила в него натура. Он добр и альтруистичен, изначально ориентирован на возвышенность чувств и одухотворённость абсолютных истин.

Н.А. Бердяев справедливо указывает на неглубокую проработку этих идей в творчестве Руссо. Отсюда и возникла острая критика руссоизма, поскольку он не подкреплялся социальной практикой человечества. «Очень интересна та экзистенциальная диалектика, — писал Н.А. Бердяев, — которая вытекала из учения Ж.-Ж. Руссо об изначально доброй природе человека, искажённой обществами и цивилизацией. Прежде всего нужно сказать, что вследствие слабости общего философского мирозерцания Руссо, противники получили возможность его легко критиковать. Но критика эта всегда допускала ошибку. Добрая природа у Руссо есть природа до грехопадения. Это есть воспоминания о рае. Состояние цивилизованного общества есть падшестъ. Ведь и Фома Аквинат считал природу человека доброй. Отсюда у него огромная роль

естественного разума, естественной морали, естественного права. Зло происходит не от природы, а от воли. Руссо начинает с восстания против устройств обществ, как источника всех зол, как угнетателя человека. Но кончает он тем, что заключает социальный контракт о новом устройстве общества. Это новое государство и общество по-новому будут угнетать человека. Отрицается неотъемлемое право и свобода и прежде всего свобода совести. Руссо предлагает изгнать христиан из нового общества»¹⁰.

Одна из главных задач Руссо — освободить человека от его низменных страстей, пороков и невежества. Французский философ считал воспитание источником обновления человека, способным жестокого человека сделать добродетельным и чутким. Воспитание, по его мнению, не создаёт добродетелей, но сдерживает пороки, оно не учит истине, но предохраняет от заблуждений. Только одному воспитанию подвластно изменить человеческую природу. Для Руссо воспитанный человек — это тот, кто претерпел много несчастий и прошёл тернистый путь жизненных испытаний. И все эти невзгоды закаляют, укрепляют и формируют в нём сильные черты характера, которые помогают ему преодолевать всё самое трудное в жизни. «Кто умеет лучше всех выносить блага и бедствия этой жизни, тот у нас, по-моему, и воспитан лучше всех, — пишет Руссо, отсюда следует, что истинное воспитание состоит не столько в правилах сколько в упражнениях. Научаться мы начинаем, начиная жить; наше воспитание начинается вместе с нами; первый наш наставник — наша кормилица. И само слово «воспитание» указывает на «питание». Таким образом, «воспитание» (в первоначальном смысле слова), наставление и образование суть три столь же различные по своей цели вещи, как мы различаем няньку, наставника и учителя»¹¹.

В основу своего учения о человеке Руссо кладёт идею о первенстве чувств, а в задачу воспитания включает развитие системы органов чувств как основу формирования личности. Руссо полагает, что материальной предпосылкой мышления служат чувства, которые нуждаются в постоянном совершенствовании, начиная с

¹⁰ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избр. тр. / Ред.-сост. Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская. М.: Моск. психол.-социал. ин-т: Флинта, 1999. С. 168.

¹¹ Руссо Ж.-Ж. Педагог. соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 31.

раннего детства. В чувствах, согласно Руссо, отражается эмоциональное состояние человека. Они определяют поступки людей, обладают искренностью и непосредственностью. Благодаря чувствам человек способен понять и посочувствовать другому человеку. Чувство — единственное средство, через которое человек воспринимает окружающий мир. Руссо выделяет чувство самосохранения и вытекающие из него чувство сострадания, сочувствия, которые являются одной из основных категорий его нравственной теории. Без сострадания и сочувствия нет нравственности. Только нравственность, основанная на сострадании и сочувствии, является истинной, только человек, способный переживать боль другого, может быть нравственно истинным. Поэтому в теории воспитания Руссо большое внимание уделяется обучению ребёнка с раннего детства сострадать чужой беде, несчастью, горю:

«...жалость, первое относительное чувствование, трогаящее сердце человеческое, если человек следует порядку природы. Что бы стать чувственным и жалостливым, ребёнок должен знать, что есть существа, подобные ему, которые страдают так же, как и он, и чувствуют те же горести, какие чувствует он, и, кроме того, другие горести, о которых он должен иметь понятие, потому что и сам может их испытывать. И в самом деле, от чего возникает в нас жалость, как не оттого, что мы переносим себя на место другого и отождествляем себя со страдающим живым существом. Покидаем, так сказать, своё бытие, чтобы пережить жизнь другого? Мы страдаем лишь настолько, насколько представляем его страдания, мы страдаем не в нас самих, а в нём»¹².

«Из всех способностей первыми формируются и совершенствуются в нас чувства, — пишет Руссо. — Их, значит, следует прежде всего развивать; а между тем их только и забывают, ими-то и пренебрегают больше всего. Упражнять чувства — это значит не только пользоваться ими: это значит хорошо судить с помощью их, учиться, так сказать, чувствовать; ибо мы умеем осязать, видеть, слышать только так, как научились. Упражняйте же не только силы, но и все чувства, ими управляющие; извлекайте из каждого всю возможную пользу, затем впечатления одного проверяйте другим. Измеряйте, считайте, взвешивайте, сравнивайте. Употребляйте силу лишь после того, как рассчитаете сопротивление, по-

¹² Там же. С. 260.

ступайте всегда так, чтоб оценка результата предшествовала употреблению средств. Покажите ребёнку как выгодно никогда не делать недостаточных или излишних усилий. Если вы приучите его предвидеть таким образом результат всех его движений и путём опыта исправлять ошибки, то не ясно ли, что, чем больше он будет действовать тем станет рассудительнее»¹³.

СЕНТИМЕНТАЛИЗМ Н.М. КАРАМЗИНА

Российский сентиментализм в литературе стал складываться в последние десятилетия XVIII в. Разумеется, поначалу он был воодушевлён тем, что на русском языке в 1780-х – начале 1790-х гг. были изданы романы Гёте «Вертер», Ричардсона «Памела», «Кларисса» и «Грандисон», Руссо «Новая Элоиза». В зарубежной литературе в то время получили развитие две разновидности романа — роман социально-бытовой (Г. Филдинг, Т.Дж. Смоллетт) и более мощная линия психологического романа (С. Ричардсон, Ж.-Ж. Руссо, И.В. Гёте). Николай Михайлович Карамзин не был ни эпигоном, ни подражателем европейского сентиментализма. Успех переведённых романов на русский язык свидетельствовал о том, что сентиментализм имел в России собственные философские и психологические предпосылки. Заслуга Н.М. Карамзина заключается не только в расшифровке философских оснований сентиментализма. Он сумел воплотить принципы сентиментализма в художественном творчестве.

Писатель был признанным главой целого литературного направления русской словесности — сентиментализма. Его ранняя проза оказала влияние на многих других русских литераторов — В. Жуковского, К. Батюшкова, А. Пушкина. Карамзин стремился приблизить литературу к жизни. Он мечтал о человеке новой культуры — «чувствительном», утончённом, с тонкой душой и умом. А с другой стороны, стремился поднять рядового читателя до уровня современной мировой культуры, чтобы крестьянин был грамотным, а светская дама говорила по-русски и читала русские книги. Он отмечал, что русский «общественно-бытовой» язык ещё нужно создать, прежде чем требовать «писать как говорят». Для развития русской литературы значение Карамзина исключительно. В литературе он соединил простоту и лиризм, создал жанр психо-

¹³ Там же. С. 145-146.

логической повести. В журналистике он ввёл образцы всех видов политических изданий, ставших в дальнейшем традиционными. В истории он создал труд, который принадлежал своей эпохе и до сих пор привлекает внимание учёных и читателей.

Настоящая эра русского сентиментализма началась с «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина. Это сочинение написано 23-летним юношей, который отправился 17 мая 1789 г. в путь через Петербург, Нарву, Дерпт, Ригу. Н.М. Карамзин побывал в Пруссии, Саксонии, Швейцарии, Франции и Англии. Свои впечатления он изложил в журнальных статьях. Это было первое крупное произведение будущего писателя и историка¹⁴. «Письма русского путешественника» — одно из крупнейших и самых популярных произведений Н.М. Карамзина.

Версия о том, что в творчестве Н.М. Карамзина нет ничего оригинального, что всё заимствовано из заграничных художественных произведений не выдерживает критики. Сентиментализм — универсальное явление. Эстафета нового направления действительно передавалась из страны к стране. Но можно ли утверждать, к примеру, что творчество Руссо связано лишь с влиянием английского сентиментализма? Да, Николай Михайлович проявил особый интерес к творчеству Стерна и Руссо. Однако в его романах действуют совсем другие персонажи, воссоздаётся иной образ жизни, чем в Англии или во Франции, выражена чисто русская ментальность. Утопическое представление о другом мире, созданном воображением писателя, обозначает российские реалии. Мечта о братстве людей окрашена у Н.М. Карамзина в религиозно-нравственные тона.

Во второй половине XVIII в. сентиментализм как передовое направление философской и эстетической мысли обрело всё большую известность. Вполне понятно, что сентиментализм, типологически был связан в России с европейским художественным движением. Но писателя интересовала не отвлечённая жизненная среда, а национальные условия в жизни России. В то время, когда европейский сентиментализм воодушевлялся идеей индивидуальности Н.М. Карамзин твёрдо и последовательно отстаивал идею личности. Особую ценность имели черты тонкого и глубокого психологизма, которые были вообще свойственны Н.М. Карамзи-

¹⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1980. 607 с.

ну. Как и Ричардсона, писателя воодушевляла душевная жизнь простых людей. Он умел выразить глубокую противоречивость самих чувств, их психологическую двойственность. Писатель со всей страстью обратился к невыразимым пучинам души.

Но настоящую славу Н.М. Карамзину принесла повесть «Бедная Лиза» (1792). Его повести вообще стали неоспоримым художественным достижением русского сентиментализма. В те времена считали, что его произведения обладают особой чувствительностью. Что же подразумевалось под этим словом? Имелось в виду свойство человека испытывать разные эмоциональные состояния, воспринимать «нежнейшие чувства» в их неизбежной органике, тонко и трепетно строить отношения с другими людьми. Эмоциональная отзывчивость оценивалась как драгоценный дар человека.

Повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» отличается от аналогичных произведений европейского сентиментализма. Английские и французские писатели стремились возвеличить любовь как особое состояние и незабвенное переживание. Они противопоставляли это чувство унылой и тягостной повседневности и, таким образом, рассказывали о благотворном влиянии любви на судьбу человека, на его восприятие жизни и судьбы. Тема бедной Лизы у Карамзина носит трагический характер. Любовь не украсила существование Лизы, а погубила её. Читатель ждёт от автора мелодраматических переживаний, знойных чувств. Повесть действительно начинается лирическим вступлением. Однако оно предвещает не торжество блаженного рая, а психологически подготавливает к суровым драматическим состояниям. Создаётся впечатление предстоящего трагического финала. Но такой исход сюжета трактуется Карамзиным не как каприз судьбы, не как изнанка чувства, а как общее следствие крепостнической реальности. В отличие от английского сентиментализма рок Лизы писатель связывает с судьбой отечества. Любовный сюжет получает социальную окраску. А «картины отечества» не имеют ничего общего с пасторальными сюжетами.

Сколь ни была бы сурова жизненная реальность, девушка отстаивает своё право на любовь, на успешность судьбы. Однако Лиза менее всего восторженная девушка, не готовая к суровой встрече с прозой жизни. Она с самого начала предчувствует злосчастье и гибель. Эраст обманывает её, и она бросается в пруд. Н.М. Карамзин не представляет читателям позицию консерватора, который пытается оградить простушек от губельных страстей. Просветители пола-

гали, что страсти только затемняют всепроникающую работу разума, ломают человеческие судьбы, погружают в ненужные кошмары и заводят в тупик. Английские сентименталисты оспаривают неизбежную пагубность страстей. Но они далеки от мысли, что именно в человеческих страстях раскрывается всё истинно человеческое.

К понятию «страсть» примыкает понятие «аффект» (от лат. *affectus* — душевное волнение, страсть), означающее бурную кратковременную эмоцию (например, гнев, ужас, ревность), которая возникает, как правило, в ответ на сильный раздражитель. В состоянии аффекта чувства обострены, активно обнаруживает себя воля и ослабляется мышление. Аффект отличается от страсти меньшей длительностью, незначительной по сравнению со страстью душевной глубиной. Страсть нередко порождает аффекты. Чувство играет огромную роль в жизни людей, не меньшую, чем разум. «Художники палеолита изобрели чувство вообще»¹⁵. Он же подчёркивает, что эмоции являются для человека более фундаментальной характеристикой, нежели речь.

Н.М. Карамзин указывает не только на опасность чувств. Он, напротив, связывает страсти с душевным исцелением, с благотворным движением сердца. Страсть, по Карамзину, раскрывает лучшие качества человека, его нераскрытый потенциал. Бедная Лиза гибнет, но своей трагической судьбой она утверждает право на любовь, независимо от социального статуса. Крестьянки тоже любить умеют. Глубина любовных переживаний определяется не разумом человека, не его учёностью, а чисто человеческой душевной настроенностью. Фатальность человека, который любит, обусловлена не самой страстью, а общественными обстоятельствами, которые нередко губят человека, отказавшегося от чинной социальной благонамеренности. Эраст, к примеру, поступает благоразумно. Он женится на аристократке, богатой вдове. Лиза не может примириться с неравенством, но жизнь сурова и ей пришлось расстаться с ней.

Отрицательным образам «знатных бояр», «роскошных людей», «светских героев» (Эраст в «Бедной Лизе», «коварный князь» в «Юлии», «богатый и знатный граф» — герой «Моей исповеди») Карамзин противопоставляет «братское общество провинциальных дворян», «среднее состояние» дворянства — «между изобилием и

¹⁵ Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М.: МГИУ, 2010. С. 86.

недостатком», «между знатностью и унижением», являющееся истинным носителем дворянской «честь», «благородства сердец», «благородной дворянской гордости». Любимый герой Карамзина — «рыцарь нашего времени» — сын «русского коренного дворянина», «ни богатого, ни убогого», выросший в «маленькой деревеньке», в «сельской простоте» патриархальной дворянской усадьбы.

Сентиментализм Н.М. Карамзина неразрывно связан с особенностями русской крепостнической действительности. Он ни в коей мере не является эпигонским по отношению к европейскому художественному направлению. В известном смысле он гораздо более философичен, чем, к примеру, английский сентиментализм. В метафизическом плане он соотнесён с философским постижением жизни и социальной философией постпросветительской эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.А.* О человеке, его свободе и духовности: Избр. тр. / Ред.-сост. Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская. М.: Моск. психол.-социал. ин-т: Флинта, 1999. 310 с.
- Бэкон Ф.* О любви // Эрос. Антология. Маргиналии проф. П.С. Гуревича. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. С. 54-56.
- Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций (1725) // Электронная библиотека Института философии РАН. — <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/antology/document/HASH1a15cc4c5b9be6314310a3> (август, 2016).
- Гадамер Г.Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 366 с.
- Гиренок Ф.И.* Аутография языка и сознания. М.: МГИУ, 2010. 247 с.
- Дильтей В.* Воззрение на мир и исследование человека со времён Возрождения и Реформации. М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. 463 с.
- Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 349-587.
- Карамзин Н.М.* Бедная Лиза: повести. СПб.: Лениздат, 2014. 285 с.
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1980. 607 с.
- Паскаль Б.* Мысли. Афоризмы / Пер. с фр. Ю. Гинзбург. М.: АСТ: Астрель, 2011. 332 с.
- Руссо Ж.-Ж.* Педагог. соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. 660 с.
- Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди. Сентиментальное путешествие. М.: Худож. лит., 1968. 687 с.

E.M. SPIROVA

PHILOSOPHICAL PREREQUISITES OF SENTIMENTALISM

The article analyses the specific foundations of Russian sentimentalism laid by N.M. Karamzin. Its sources seem to be well known. But philosophical prerequisites of this literary mode have not been studied well enough. The question remains open how in European and then in Russian culture there happened a turn from rationalistic reasonableness to a special kind of sentimentality. Why after a suspicious attitude to human passions there appeared a desire to justify them, to assess their significance for people? The article points to the role of English and French sentimentalism, criticizes the idea of borrowing a fashion for feelings with respect to the formation of a unique Russian tradition. The author shows that a firm philosophical conviction rooted in European culture that only mind reflects human nature suddenly encountered an abyss of various human passions. Emotions filled the European soul. But Russian sentimentalism had its own philosophical foundations. N.M. Karamzin found a broad palette of human experiences in Russian culture and art. This variant of sentimentalism was rooted in national soil and expressed the Russian soul. N.M. Karamzin's novel «Poor Liza» has no analogues in European literature. The Russian writer changes abstract romantic glorification of love characteristic of European sentimentalism for a tragic story. Love did not make Liza happy but doomed her to death. But there are no painful masochistic motives. Karamzin shows how Liza struggles for her feeling. There is no melodrama. The tragedy of the novel is associated with Russian serfdom. European sentimentalism did not have such interpretations of the subject. Russian sentimentalism has a more prominent philosophical colouring than English sentimentalism. It is related to metaphysical problems of the post-Enlightenment period.

Key words: sentimentalism, mind, passion, affects, fantasies, sensitivity, nature, love, culture, soul.

М.Ф. БЫКОВА

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН И ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИЗМ

Многие исследователи Карамзина обращают внимание на ярко выраженное противоречие в его работах, которое возникает в результате столкновения двух позиций — консервативной и прогрессивной — традиционно считающихся доминирующими во взглядах мыслителя. В настоящей статье предпринимается попытка задуматься о причинах этого противоречия, а также задаться вопросом о том, какая из двух основных тенденций является преобладающей и почему. Автор статьи показывает, что несмотря на явно выраженный консерватизм, а также элементы русского исторического национализма, которые можно найти в работах Карамзина, в его воззрениях все же преобладают гуманистические идеалы Просвещения, характерные для европейского самосознания того времени. Наиболее ярко данная тенденция прослеживается в его «Письмах русского путешественника». Но и в работах более позднего периода, которые обычно рассматриваются в качестве классических образцов консерватизма, гуманистические мотивы часто являются определяющими. В сознании Карамзина гуманизм, уважение достоинства человека, христианский морализм и сдержанный консерватизм выступают как взаимодополняющие элементы. При этом вера в человека и человеческий разум есть определяющие принципы его мировоззрения, которое по своему характеру и содержанию является гуманистическим.

Ключевые слова: Карамзин, европейский гуманизм, европейское Просвещение, сдержанный консерватизм, космополитизм, человеческое достоинство, нравственное самосовершенствование.

«Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное»¹. Эти слова Н.В. Гоголя являются весьма примечательными, поскольку они сразу же фокусируют внимание на той уникальной

¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1952. С. 267.

роли, которую Николай Михайлович Карамзин сыграл в развитии духовной жизни России. Широко известен как «бессмертный историограф» и, по существу, первый национальный историк, положивший начало осмыслению самобытной истории России, Карамзин по праву занимает центральное место в блестящей плеяде представителей российской духовной культуры. Ему принадлежит заслуга, которая едва ли может быть сравнима с достижениями кого-либо из других великих представителей интеллектуальной истории России. Недаром В.Г. Белинский видел в Карамзине мыслителя, «оказавшего великие и бессмертные услуги своему отечеству»².

Однако, роль Карамзина в истории развития русской мысли отнюдь не является однозначной и в этой фигуре не только переплелись различные политические и идеологические установки и позиции, но на ее примере можно также проследить многочисленные противоречия российского высшего света того времени. Так, правдивое изображение Карамзиным истинной драмы российской истории, насыщенной жестокими и кровавыми событиями, вызванными авторитарной формой правления и не могущими быть оправданными, в том числе с точки зрения исторического прогресса, несомненно представляло бесценный материал для критики прошлого и настоящего патриархального политического устройства России, а также самой патримониальной идеи, лежащей в его основе. Но в то же самое время в своей «Истории государства Российского» сам Карамзин настаивал на непрекосновенности данного устройства, убедительно отстаивая его как единственно возможный и необходимый тип правления великой России, обеспечивающий ее самобытное, мирное и великое историческое развитие.

Как человек, чье интеллектуальное и духовное становление проходило под влиянием европейской культуры Просвещения, он ценил, и в своих работах непременно отстаивал, центральные понятия просветительской идеологии, такие как развитие знания, необходимость широкого просвещения народа, идеалы нравственного совершенствования и утверждения ценности человеческой личности. К тому же, будучи представителем интеллектуальной дворянской верхушки, знакомой с западной культурой, а также с социально-политическими идеалами западного общества, ему были не чужды идеи свободы и равенства. Однако это не помешало Карам-

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 3, М., 1955. С. 513.

зину встать на защиту власти, которая притесняла свободу. И даже тот факт, что, как подчеркивает Ю. Лотман, «он защищал ее (эту власть. — М. Б.) как свободный человек»³, не меняет существа дела.

Официальный историограф при дворе Александра I, Карамзин оказал значительное влияние на императора, убеждая его в нецелесообразности либеральных преобразований государственно-политического устройства Российской империи, которые тот намеревался осуществить. По просьбе сестры Александра I, Екатерины Павловны⁴, в 1811 году Карамзин составил известную «Записку о древней и новой России»⁵, которая явилась открытой апологетикой авторитарного режима и самодержавной власти монарха и которая вошла в историю как первый «манифест» российского консерватизма. Указывая на то, что самодержавие есть изначально присущая русской жизни форма политического и государственного устройства, Карамзин страстно отстаивает его необходимость для России характеризуя его как залог благополучия и процветания государства российского⁶, «истинную душу» и «государственную судьбу»⁷.

В «Записке» критикуется реформаторский проект М.М. Сперанского, а также те незначительные реформы, которые удалось

³ Лотман Ю. Сотворение Карамзина. Москва: Книга, 1987. С. 279. О политических взглядах Карамзина, а также о той выдающейся роли, которую он играл в российской культуре, см. там же, с. 280-320.

⁴ Как известно, вокруг Великой княжны Екатерины Павловны группировались противники либеральных и реформаторских идей, опасавшиеся и открыто выступавшие против каких-либо существенных политических и социальных преобразований общества. И Карамзин не мог не понимать, чей идеологический заказ он выполняет, готовя данную «Записку».

⁵ Полное название работы: «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях».

⁶ «Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья» (Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 105).

⁷ В своем письме к П.А. Вяземскому Карамзин, характеризуя самобытность России, замечает: «Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорее может упасть, нежели еще более возвеличиться. Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима». См.: Карамзин Н.М. Письмо П.А. Вяземскому от 21 августа 1818 г. // Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826 (Из Остафьевского архива). СПб., 1898. С. 60.

провести по инициативе последнего⁸. Карамзин резко осуждает какие бы то ни было попытки учреждения конституции, в чем-то ограничивающей власть царя. «В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное», — замечает Карамзин⁹. Примерами истории Карамзин стремился доказать, что Россия «гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием»¹⁰.

Там же, в «Записке», а также в ряде других своих работ, Карамзин предстает противником теории естественного права, свойственной Просвещению, отдавая предпочтение консервативной идее о том, что в государственном общежитии гражданское право доминирует над естественным. Поэтому хотя он и считал крестьян «братьями по человечеству и христианству»¹¹, он доказывал, что «для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу»¹².

⁸ Реформы Сперанского предполагали кардинальные преобразования в сфере власти и управления Российского государства. Центральной идеей реформ было предложение о введении в империи передового принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, и учреждение высшего органа власти для каждой из этих трех ветвей. Реформа Сперанского также планировала ввести в России широкое местное самоуправление трёх ступеней: волостной, уездной и губернской. Выборность Государственной думы, основанная на широком избирательном праве (хотя многоступенчатом и неравном для дворян и крестьян) была самым важным новшеством проекта реформ. Однако из всего проекта широкой государственной реформы Сперанского в действие вошла (1 января 1810) лишь самая маловажная его часть — учреждение Государственного совета. Реализация остальных частей реформ была вначале отсрочена, а потом и вовсе отменена. Значительную роль в отказе от реформ сыграла критика Карамзина. Более подробно о личности Сперанского и его проекте реформ см.: *Томсинов В.А.* Судьба реформатора, или Жизнь Сперанского. М.: Норма, 2003; а также: *Гречишкин С.С., Луковская Д.И., Морозов В.И.* М.М. Сперанский. Материалы к биографии. М. — Augsburg, 2001.

⁹ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 102.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ *Карамзин Н.М.* Письмо сельского жителя // *Карамзин Н.М.* Избр. соч. в 2-х тт. Е. 2. М.-Л., 1964. С. 296.

¹² *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 63.

Все эти и другие противоречия как в личности Карамзина, так и в его социально-политической концепции заставляют еще раз задуматься об их причинах, а также задаться вопросом о том, какая из двух основных тенденций, отчетливо просматривающихся в его взглядах — консервативная или прогрессивная — превалирует и почему. Именно этот круг вопросов и является для меня центральным в настоящей статье. Как уже подсказывает само ее название, гипотеза, которую я намерена отстаивать в данной статье, состоит в том, что несмотря на явно выраженные элементы русского исторического национализма, которые можно найти в работах Карамзина, в его воззрениях чаще превалируют гуманистические идеалы Просвещения, характерные для европейского самосознания того времени. Наиболее ярко данная тенденция прослеживается в его «Письмах русского путешественника» (1792). Но и в работах более позднего периода, которые обычно рассматриваются в качестве классических образцов консерватизма, гуманистические мотивы часто являются определяющими. Следует также отметить, что и в самом универсалистском подходе Карамзина к истории, а также в его убеждении, что критериями и целью исторического прогресса являются развитие просвещения и укрепление нравственных устоев жизни, явно усматриваются ценностные ориентиры европейского гуманизма, которые в то время только начинали прививаться на российской почве.

Я начну свое изложение с общих размышлений о «западничестве» Карамзина, а затем обращусь к встрече Карамзина с Кантом и кратко проанализирую тему и содержание их беседы. В заключении я попытаюсь сформулировать ряд идей в поддержку моей исходной гипотезы.

КАРАМЗИН И ТЕМА «РОССИЯ И ЕВРОПА»

Многие исследователи творчества Карамзина — и не только те, которые считают доминирующими его консервативные взгляды — особенно подчеркивают антизападные настроения мыслителя, якобы выражающиеся в его неприятии западных принципов мирозерцания, а также либерально-буржуазной идеологии, чуждой российскому духу и образу жизни. Они объясняют обращение Карамзиным к изучению русской истории его стремлением найти ту характерную черту или традицию, которая позволила бы объяснить

самобытность России, а также ее способность развиваться по пути, отличном от западного. В ход идут «подходящие» цитаты, которых, надо признать, можно обнаружить достаточно много в работах и письмах Карамзина. Одна из наиболее ярких и часто приводимых — это его суждение о России, высказанное в письме к его близкому другу, историку и литератору Александру Ивановичу Тургеневу:

«Для нас, русских с душою, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существуют, все иное есть только отношение к ней, мысль, приведение. Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России»¹³.

Действительно проникновенные слова истинного патриота. Однако вряд ли можно согласиться, что здесь Карамзин отстаивает антизападническую позицию. Во-первых, нужно иметь в виду сам контекст, в котором он высказывает данную мысль. Дело в том, что А.И. Тургенев, в письме к которому Карамзин пишет эти слова о России, в тот момент находился в Европе, где он в архивах разыскивал документы по российской истории. Как это следует из общего содержания письма, Карамзин полагает, что каким бы ценным не был собранный материал, его обобщение и воссоздание целостной картины исторического развития России («делание самого дела») возможно только на родной почве. Во-вторых, хотя в приведенной выше цитате Карамзин и проводит различие между Россией и Европой, данное различие никак не является отрицанием всего европейского. Как раз наоборот, автор не только признает важную роль Европы и европейских государств в мировой культуре («мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии»), но и относится к ним с почтением и симпатией. Например, хорошо известно, что хотя Карамзину удалось побывать в Германии только один раз в своей жизни, когда он в 1789–1790 гг. совершал путешествия по Европе, он до конца своих дней сохранил глубокое уважение к этой стране, которую он с почтением называл страной поэтов и философов. В 1823 году (уже после публикации девяти томов его «Истории государства Российского») он намеревался нанять немецких учителей для своих детей и всего за пять месяцев до своей смерти, в мае 1826 г., он всерьез размышлял о

¹³ Карамзин Н.М. Письма к А.И. Тургеневу // Москвитянин. 1855. № 23-24. С. 183-184.

том, чтобы переселиться в Германию для обеспечения лучшего образования для своих сыновей¹⁴.

Для человека, выросшего на текстах Руссо и с молодых лет разделяющего идеалы европейского Просвещения, антизападничество было просто противоестественным. Да, действительно, с точки зрения своих политических идей, и в особенности в том, что касается развития российской истории, Карамзин отстаивает консервативную позицию. Но его консерватизм весьма умеренный и он без труда сосуществует с важными элементами европейского космополитизма, также характерного для его взглядов. Поэтому если и можно говорить об историческом национализме Карамзина, то только в том смысле, что все его творчество полностью подчинено одной единственной, определяющей все остальные, цели, а именно познанию России и обнаружению тех специфических оснований, которые органически обуславливают ее духовное и политическое бытие. Карамзинский «национализм» принципиально отличен от того оголтелого национализма российских идеологов прошлого и настоящего, который противопоставляет Россию Западу, напрочь отменяя все «не-русское» не только в качестве принципиально другого, но и как вредное и опасное для российского сознания. Для Карамзина Россия есть неотъемлемая часть Европы и все ее историческое развитие так или иначе связано с развитием Европы. Он не только указывает на социально-политическую и историческую взаимозависимость России и Европы, но также признает неизбежность определенной ассимиляции российского и европейского обществ, процесс, который, по мысли Карамзина, уже происходит в XIX веке.

Если у Карамзина и можно обнаружить какое-то противопоставление России и Европы, то это различие между двумя культурными традициями, а также болезненное для него (как и для всех российский патриотов) сложное отношение между новым и старым, традиционным и современным, явно просматривающееся в российской культуре. Так, например, принятие западных культурных форм, в том числе одежды, традиционно воспринимается как критика российских народных традиций и обычаев.

¹⁴ *Panofsky G.S.* Nikolai Michailovich Karamzin in Germany: Fiction as Facts. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. S. 17-18; *Bartel H. und Lindemann M.* "Karamzin entdeckt Deutschland" // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht*, hrsg. von Dagmar Herrmann. Muenchen: W. Fink, 1992. Vol. 2. S. 514-516.

Однако в целом в своих исторических воззрениях Карамзин признает и ассимилирует западные идеи и ценности. Начнем с того, что изложение истории Карамзиным четко следует принципам западного понимания истории, в частности и в особенности, идеи исторического прогресса и принципиальной необратимости движения истории. В отличие от ранее существовавших в России исторических сказаний в виде разрозненных хронологий и летописей, в которых отсутствовала идея целостности исторического процесса и его векторная устремленность в будущее, у Карамзина история — это одно единое повествование, в котором через конкретные события демонстрируется ход всего исторического развития. В этом Карамзин следует Монтескье, а также британским (шотландских) историкам, таким как Джон Джилианс (1747–1836)¹⁵, Адам Фергюсон (1723–1816)¹⁶, Уильям Робертсон (1721–1793)¹⁷, и ряду других авторов. Ко времени Карамзина уже существовали некоторые западные истории России, которые служили в качестве модели. Но сам Карамзин хотел написать историю, которая бы опиралась на первоисточники, оригинальные документы и свидетельства очевидцев. В этом смысле записки западных путешественников, которые в разное время посещали Россию, представляли бесценный материал. Однако использование таких источников одновременно создавало и определенные трудности, поскольку это способствовало тому, что в российскую историографию привносилось, постоянно подпитываясь, своеобразное напряжение, и даже противоречие, между традиционным и современным, между своим российским и чужим иностранным. Подобное противопоставление существовало и в других «современяемых» сферах общественной жизни, что, по существу, являлось одной из характеристик культуры послепетровской России.

¹⁵ Джон Джилианс (John Gillies) — шотландский историк и писатель. После смерти Уильяма Робертсона (см. *ниже*, примеч. 17) он был назначен на пост официального историографа при королевском дворе Шотландии.

¹⁶ Близкий друг Адама Смита, Адам Фергюсон (Adam Ferguson) был философом и историком. Он преподавал моральную философию в Эдинбургском университете.

¹⁷ Уильям Робертсон (William Robertson) сначала служил пастором, а позже вырос до поста члена высшего пресвитерианского церковного учреждения в Шотландии. В 1764 г. он был назначен королевским историографом Шотландии.

И, конечно, Карамзин не мог не реагировать в своих исторических и литературных повествованиях на данную проблему, чем объясняются многие его комментарии и замечания, которые часто ошибочно интерпретируются в чисто националистическом духе.

С 1803 по 1826 годы Карамзин был официальным историографом Российской Империи, находящимся на государственном жаловании. И именно в этой должности он работал над заказанной царем «Историей государства Российского», монументальным трудом, который представляет собой первое научное (основанное на современных источниках, а не просто на средневековых хрониках) изложение истории России. Однако как должность историографа при царском дворе, так и сам заказ — написание истории государства, были позаимствованы из западной традиции.

Как известно, истории часто писались по требованиям королей. Так, во Франции король Франциск I (1494–1547) использовал легитимизационную роль истории для упрочения власти монарха. Примерно до XV – начала XVI века хронологии и исторические повествования, писавшиеся в Европе, только подтверждали Богом данную власть короля. По заказу Франциска I была написана первая в истории королевская генеалогия. Сам факт создания такой генеалогии способствовал установлению законности династии правителя и монархической системы правления, а следовательно, упрочению его славы и власти. Однако в Новое время государство нуждалось в более содержательном и событийно насыщенном повествовании. Поэтому в 1677 г. король Людовик XIV (1638–1715), с чьим именем связан расцвет абсолютистской монархии не только во Франции, но и во всей Европе, назначил двух ярких мастеров писательского искусства Франции XVII века — Николу Буало-Депрео (1636–1711)¹⁸ и Жана Расина (1639–1699)¹⁹ — своими придворными историографами и отправил их на поля сражений создавать соответствующий потребностям времени образ его славы. Нелегко было писать историю, в которой король был объектом описания, и которую он сам же «творил». В ход пошли все средства: работа в архивах, публикация книг, а также подавление и запрет тех, которые не «вписывались» в созда-

¹⁸ Никола́ Буало́-Депрео́ (Nicolas Boileau) — французский поэт, критик, теоретик классицизма.

¹⁹ Жан Ба́ти́ст Ра́син (Jean Racine) — французский драматург, один из трёх выдающихся драматургов Франции XVII в., наряду с Корнелем и Мольером.

ваемый образ монарха и его форм правления. В результате была написана новая история французского королевства, воспевающая славу монарха.

Подход к истории отечества в Российской империи, особенно при дворе, был схож с французским, или более широко, европейским. История рассматривалась как «нравственное достояние князей», а вовсе не простого народа. Она писалась по заказу императора и для утверждения его славы и могущества. И вовсе не для того, чтобы стать достоянием народа, а скорее для того, чтобы потом занять почетное место в императорском кабинете наряду с другими сокровищами российской империи. Конечно, в том нет вины Карамзина, что его «История государства Российского» — плод долголетних и искренних трудов — была написана в ответ на заказ императора. Однако представляется, что этим фактом можно отчасти объяснить карамзинскую открытую апологику российской автократии и порой столь яростную поддержку самодержавия, особенно явно представленную в его «Записке о древней и новой России».

Справедливости ради нужно заметить, что взгляды Карамзина как до, так и во время написания его «Истории» претерпели серьезные изменения. Кроме того, по свидетельствам современников, Карамзин был мужественный и неподкупный человек. В предисловии к «Истории государства Российского» он пишет о необходимости для историка подчиниться фактам, правдиво представляя исторические события. В своей «Истории» он описывает не только славу сильной и нераздельной власти трона, но также насилие и жестокость, совершенные некоторыми российскими царями. Деспотизм и другие негативные проявления русской истории правдиво изображены наряду с победами и достижениями российских монархов.

Как указывает Лотман, карамзинская независимость во взглядах отдалила его от царя, чьи идеи (во всяком случае, в самом начале) были менее консервативные, чем идеи самого Карамзина²⁰. Александр I не хотел, чтобы история России, как она изображалась Карамзиным, оказалась на пути его попыток проведения либеральных реформ. В то время сам Карамзин хотел доказать, что самодержавие было традиционной формой правления в России, ко-

²⁰ Lotman Yu. "The Decembrist in Daily Life (Everyday Behaviour as a Historical-Psychological Category)" // The Semiotics of Russian Cultural History. Pp. 95-149, особенно, pp. 115-119.

торая, как таковая, должна быть сохранена в ее незыблемом виде. При этом он понимал самодержавие как систему, в которой монарху принадлежит нераздельная политическая власть, ограниченная только вопросами высшей политики. Карамзин считал, что как исконно русская система политического правления и как результат ее длительного исторического развития, самодержавие лучше всего подходит для российского общества и поэтому его не должно менять в соответствии с абстрактными принципами управления, характерными для западной культуры.

Целью Карамзина было написание истории, которая бы демонстрировала самобытность России и в определенном смысле восхваляла ее правителей, однако, он должен был принять то наследие, к которому он стремился присоединиться: западную (а другой в то время просто не существовало) традицию написания истории. Он, например, использует европейское определение образованности, определяя его как регулируемое законами культурное существование²¹. Он сравнивает Ивана Грозного с римскими императорами Калигулой²² и Нероном²³, а также с французским королем Людовиком XI²⁴. Центральная тема его работы — это вопросы о власти и ответственности, об отношении между простыми людьми и властью имущими, между традицией и политическими структурами и институтами власти. Все эти вопросы — это основные вопросы западной историографии. Карамзин по праву принадлежит к этой традиции. Он не только обращается к тем же самым вопросам. Работая на материале российской истории, он предлагает ответы, которые обогащают западную историческую традицию.

²¹ «В счастливом отдохновении мира государь пировал с вельможами и народом, как отец среди семейства многочисленного. Пустыни украсились городами, города — 18 избранными жителями; свирепость диких нравов смягчилась верою христианскою; на берегах Днепра и Волхова явились искусства византийские. Ярослав дал народу свиток законов гражданских, простых и мудрых, согласных с древними немецкими. Одним словом, Россия не только была обшита, но, в сравнении с другими, и самым образованным государством» (*Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России*. С. 17-18).

²² Гай Юлий Цезарь Август Германик — римский император (37–41), третий из династии Юлиев-Клавдиев.

²³ Нерон Клавдий Цезарь Август Германик — римский император (54–68), последний из династии Юлиев-Клавдиев.

²⁴ Король Франции в 1461–1483 гг., из династии Валуа.

О ВСТРЕЧЕ КАРАМЗИНА С КАНТОМ

Прежде чем перейти к обсуждению беседы Карамзина с Кантом, следует обратиться к предыстории самой встречи и кратко поговорить о тех событиях, которые ей предшествовали.

Карамзин, который получал свое первоначальное образование дома, обучаясь письму, литературе и наукам в родовых имениях семьи на Волге: одно — неподалеку от Самары, и другое — около Симбирска, уже с ранних лет проявлял интерес к чтению, знакомясь с произведениями отечественных поэтов и писателей. А когда он начал интенсивное изучение немецкого и французского языков, он также стал открывать для себя европейских авторов. В возрасте 11 лет он был определен в частный пансион Иоганна Матиаса Шадена (1731–1797). Немец по происхождению, Шаден был одним из первых профессоров Московского университета, где он в разное время преподавал различные дисциплины, такие как греческий язык, логику, метафизику, эстетику, а также практическую философию с систематическим изложением этики и права. Шаден был сторонником новейших педагогических теорий Иоганна Генриха Песталоцци²⁵ и приверженцем идей Жан-Жака Руссо, в особенности тех, которые были изложены в известном трактате последнего «Эмиль, или О воспитании». В пансионе Карамзин добавил к своему блестящему знанию немецкого и французского также пристойное знание английского языка, что в дальнейшем позволило ему читать в оригинале работы английских авторов и делать прекрасные переводы их работ на русский язык²⁶. Литературная программа пансиона включала, главным образом, немецкую и швейцарско-немецкую литературу, в основном моралистической направленности. Именно здесь (не без влияния Шадена) Карамзин открыл для себя Руссо и познакомился с его философскими и этическими взглядами, которые являлись центральными для эпохи Просвещения. Позже Карамзин будет неоднократно обращаться к идеям Руссо, используя их в своих собственных публикациях и узнавая их влияние во взглядах тех многочисленных ев-

²⁵ Песталоцци (1746–1827) был известным швейцарским педагогом, одним из крупнейших педагогов-гуманистов конца XVIII – начала XIX века, внесшим значительный вклад в развитие педагогической теории и практики.

²⁶ Так, например, в 1790 г. Карамзин перевел на русский язык тогда еще малоизвестную российскому читателю работу Томаса Мора «Утопия».

ропейских писателей и философов, с чьими работами он начал активно знакомиться примерно с 1785 года, когда, после нескольких лет праздной жизни помещика, он, по приглашению Ивана Петровича Тургенева, приехал в Москву. Симбирский помещик и один из сподвижников просветителя Н.И. Новикова²⁷, Тургенев проводил большую часть своего времени в Москве и был активным членом масонской ложи и Дружеского ученого общества. Созданное двумя годами раньше профессором философии московского университета И.Г.Л. Шварцем²⁸, это общество имело своей целью распространение научного и философского знания, а также моральное самосовершенствование не только его членов, но и широкой (в основном аристократической) российской общественности. Когда Карамзин приехал в Москву Шварца уже не было в живых, но он познакомился с учеником Шварца А.П. Петровым. Под влиянием Петрова Карамзин прочел основные философские и этические труды И.К. Лафатера (1741–1801), а также работы последнего, посвященные Шарлю Боннету и Мозесу Мендельсону. Находясь под глубоким впечатлением от работ Лафатера, который, по признанию самого Карамзина, «наполнил сердце [его. — М. Б.] пламенной любовью и высоким уважением»²⁹, Карамзин инициировал переписку со швейцарским богословом и писателем, переписку, которая продлилась в течение четырех лет с 1786 по 1790 гг. Именно от Лафатера Карамзин впервые услышал имя Канта, а также имена других заметных европейских философов и ведущих английских, французских, швейцарских и немецких ученых. Среди тех, кого Карамзин «открыл» для себя под влиянием Лафатера,

²⁷ О Н.И. Новикове см. *ниже*.

²⁸ Получивший образование в Германии, Иван Григорьевич (Иоганн Георг Людвиг) Шварц (1751–1784) читал лекции по филологии, истории философии и о мистическом в философии. Он занимался толкованием теософии Якоба Беме, а также уделял особое внимание работам Иоганна Георга Гамана и Иоганна Каспара Лафатера, вокруг идей которых строилась вся философия масонов. Выполненные под руководством Шварца переводы европейских мистиков и философов-моралистов подготовили русского читателя к восприятию натурфилософии Ф.В. Шеллинга. Кроме того, Шварц был одним из тех, кто выполнил русский перевод латинских и немецких философских терминов. (Подробнее о Шварце см.: *Tschizevskij D. Russian Intellectual History. Ann Arbor: Ardis, 1978.*)

²⁹ Карамзин Н.М. Переписка Карамзина с Лафатером. 1786–1790 // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 464.

были Лейбниц, Маленбранш и Юм, к чьим идеям он также стал проявлять определенный интерес.

Справедливости ради надо заметить, что философские познания Карамзина были несколько поверхностными и не систематическими. И хотя он весьма интенсивно читал труды многих из перечисленных выше авторов, в своей оценке их философских взглядов он во многом полагался на интерпретацию их позиций самим Лафатером, чье толкование ряда идей часто отличалось от того, как они понимались теми мыслителями, кого тот комментировал. О степени философской искушенности Карамзина можно также отчасти судить и на основе анализа той беседы, которую он вел с Кантом о метафизике морали, изложенной в «Письмах русского путешественника»³⁰. Очевидно, что Карамзин не был особенно силен не только в кантовской метафизике (Как известно, в «Письмах» он замечает, что у Канта «все просто, кроме... его метафизики»³¹). По-видимому, на момент встречи с кёнигсберским мудрецом Карамзин также не был посвящен и во все детали кантовской деонтологической этики. Он признается: «[Кант] записал мне титулы двух своих сочинений, которых я не читал: «*Kritik der praktischen Vernunft*» и «*Metaphysik der Sitten*»³². Стало быть, ранним летом 1789 года Карамзин еще не был знаком с двумя основными сочинениями Канта — «Критика практического разума» и «Основы метафизики нравственности» — в которых тот формулирует основные принципы своей моральной философии.

Однако это не означает, что Карамзин, нанося визит Канту, был абсолютно не сведущ в тонкостях философской мысли и не знаком с работами немецкого философа. Уже само замечание Карамзина, что он еще не читал тех двух работ, названия которых ему записал Кант, может в каком-то смысле служить косвенным свидетельством того, что другие (во всяком случае, основные) из уже опубликованных работ философа, по-видимому, были ему известны. Поэтому, замечает Ю.М. Лотман, «считать, что Карамзин

³⁰ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. М. – Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 100-102.

³¹ Там же. С. 101.

³² Там же. В первом случае указывается «Критика практического разума», а во втором имеется в виду работа Канта «Основы метафизики нравов», вышедшие в Риге в 1785 году.

переступил порог Канта любопытным скифом, лишь понаслышке судящим о философии хозяина дома, видимо, нет оснований»³³. И с этим замечанием трудно не согласиться. Более того, вспомним, какими словами Карамзин характеризует кёнигсбергского мудреца, начиная повествование о своей с ним встрече:

«Вчера же после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого метафизика, который опровергает и Малербанша и Лейбница, и Юма и Боннета, — Канта, которого иудейский Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как *der alles zermalmende Kant*, то есть все сокрушающий Кант»³⁴.

Представляется, что Карамзин прекрасно отдает себе отчет в том революционном перевороте в философии, который совершил Кант, верно схватывая если не его содержание, то, по крайней мере, его значение.

Интерес Карамзина к Канту, по-видимому, был не праздным, и визит тогда еще молодого (22-летнего) Карамзина к уже маститому философу вовсе не объяснялся всего лишь пустым любопытством и желанием первого «собрать автографы великих», на что указывают многие комментаторы.

Рискну предположить, что интерес Карамзина к Канту (как и к ряду других «знаменитостей», которых Карамзин посещает или с кем ищет встречу во время своего европейского путешествия 1789–1790 гг.) связан, прежде всего, с теми просвещенческими (гуманистическими) идеалами, которые Карамзин обнаруживает в европейской философской и научной мысли и литературе того времени и которые ему весьма импонируют. И вряд ли верно понимать фразу Карамзина о том, что он свое путешествие «предпринял единственно для того, чтобы собрать некоторые приятные впечатления и обогатить свое воображение новыми идеями»³⁵, буквально. Наверное, было бы несправедливо по отношению к самому автору интерпретировать данное высказывание всего лишь как свидетельство того, что он якобы отправился в путешествие по Европе с чисто развлекательной целью, чтобы «немного встряхнуться» и отвлечься от наскучившей ему жизни провинциального

³³ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 34.

³⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 99.

³⁵ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Дополнения. // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 76.

помещика, как это пытаются представить некоторые критики³⁶. Подобно тому, как так же неверно говорить о том, что единственной целью путешествия Карамзина было «получение новых впечатлений» и что его амбиции путешественника ограничивались пустой «охотой за знаменитостями»³⁷.

Представляется, что определяющим в решении Карамзина отправиться в путешествие по Европе была отнюдь не потребность развеяться и поразвлечься (этим, по признанию самого Карамзина, можно было заняться и в многочисленных аристократических салонах Москвы), а желание воочию познакомиться с культурной и интеллектуальной жизнью Западной Европы, «примериться» к идеям, определяющим ее интеллектуальный дискурс и знакомым молодому Карамзину не понаслышке, а по тем многочисленным литературным и философским трудам европейских авторов, которые он читал и на которые он опирался в своих собственных литературных поисках. Он ищет встречи с известными писателями, поэтами и философами вовсе не исключительно по причине того, что их имена были на слуху, а потому что он хотел получить возможность побеседовать с ними и еще глубже проникнуться их идеями. Поэтому не удивительно, что во время путешествия по Европе Карамзин «пристально наблюдал за жизнью в Западной Европе в основном с точки зрения философа и литератора»³⁸ и его наблюдения, запечатленные в «Письмах русского путешественника», были не поверхностными, а, как подчеркивает Грета Панофски, удивительно содержательными и «точными, особенно для молодого человека никогда ранее не выезжавшего за границу»³⁹.

Очевидно, что уже к моменту начала своего путешествия, Карамзин был всецело поглощен теми гуманистическими идеями и просвещенческими идеалами, которые развивались в работах Рус-

³⁶ *Pipes R.* Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. Ann Harbor: The University of Michigan Press, 2005. P. 29; *Энеллис И.* Беседа Николая Михайловича Карамзина с Иммануилом Кантом. Популярное изложение Иммануилом Кантом «Критики практического разума» // Кантовский сборник. Выпуск № 1. 2008. С. 111, 113, 114.

³⁷ *Энеллис И.* Беседа Николая Михайловича Карамзина с Иммануилом Кантом. С. 114.

³⁸ *Mazour A.G.* Modern Russian Historiography. Westport CT. and London, 1975. P. 38.

³⁹ *Panofsky G.S.* Nikolai Michailovich Karamzin in Germany. P. 15.

со, Лессинга, Мендельзона и других авторов, входящих в широкий круг его чтения. Этому также способствовала его близость к масонам и созданному ими Дружескому ученому обществу. Он не только написал несколько литературных работ от имени этого общества, но и в сотрудничестве с рядом членов этого общества, включая Петрова, он начал публиковать журнал «Детское чтение», который издавался в типографии Николая Ивановича Новикова (1744–1818), возглавлявшего издательство Московского государственного университета. Сам Новиков, который являлся одним из крупнейших представителей русского гуманизма XVIII века, страстно отстаивал просвещенческие идеалы нравственного обновления индивида и самосовершенствования, что оказало сильное влияние на воззрения Карамзина, в особенности на его понимание роли морали и нравственности в совершенствовании человека. Вполне вероятно, что именно через Новикова, Карамзин впервые познакомился с идеей категорического императива Канта. Во всяком случае, Новиков был одним из первых российских авторов, кто в работе «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру» начал обсуждать и представил подробное толкование кантовского принципа отношения к человеку как к высшей цели, а не только как к средству⁴⁰. Повидимому, в своей беседе с Кантом Карамзин руководствовался именно новиковским толкованием высшего принципа нравственности, еще не выработав своего собственного. И это, прежде всего, объяснялось тем фактом, что во время его визита к Канту, как уже отмечалось выше, Карамзин еще не был знаком с основными работами немецкого философа, в которых тот сформулировал и подробно исследовал свое понятие категорического императива. Однако это не помешало ему вступить в содержательную и весьма поучительную беседу с кёнигсбергским мыслителем.

Когда 19 июня 1789 г. Карамзин прибыл в тогдашнюю столицу Пруссии, Кенигсберг, и к вечеру постучал в дверь обители, в которой жил Иммануил Кант, он не мог быть уверен в том, примет ли его хозяин дома. К удивлению Карамзина, несмотря на то, что молодой русский дворянин заранее не предупредил о своем визите, он был принят и имел с философом трехчасовую беседу. Встрече с

⁴⁰ См.: Новиков Н.И. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру // Новиков Н.И. Избранные произведения. М. – Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. С. 387–393.

Кантом посвящен один из разделов в «Письмах русского путешественника»⁴¹. Это не просто запись разговора с немецким философом, но едва ли не первая печатная попытка в русской литературе изложить идеи Канта. Публикация беседы Карамзина с Кантом в «Письмах русского путешественника» послужили знакомству широкого круга российской образованной аристократии с кантовской мыслью.

О чем же Карамзин беседовал с Кантом? Внимание Карамзина к философии в тот период обуславливалось, прежде всего, его интересом к нравственному самосовершенствованию человека, к чему призывали философы, такие как Лафатер и Бонне, чьи работы читал молодой Карамзин. Важным фактором также было стремление к образовательному и культурному развитию личности, в поддержку чего активно выступали близкие к нему московские масоны и другие представители российского аристократического общества, его окружавшие. Поэтому не случайно, что после бесед «об общих вещах» Карамзин, «не без скачка, обратил разговор на природу и нравственность человека»⁴². Примечательно, что Кант сразу уловил, какая тема является самой важной для русского гостя и с готовностью включился в разговор о поиске смысла и назначения человека.

Кант не мог обойти вниманием вопрос о счастье человека, как в этой жизни, так и жизни последующей, ибо именно проблема счастья традиционно считалась центральной темой этики и моральной философии в целом. И все же основное внимание было уделено центральным идеям собственно кантовской этики. Он недвусмысленно указывает на то, что главным определением человека является деятельность, посредством чего мы, собственно, и придаем смысл своему существованию. Одновременно тем движущим импульсом, который заставляет нас проявлять эту деятельность и тем самым способствует нашему развитию, является стремление человека к самосовершенствованию. Он мудро замечает: «Человек не может быть никогда совершенно доволен обладаемым и стремится всегда к приобретениям. Смерть застает нас на пути к чему-нибудь, что мы еще иметь хотим. Дай человеку все, чего желает, но он в ту же минуту почувствует, что это все не есть все»⁴³. Именно стремление человека к совершенству и постоянное

⁴¹ См. Письмо 8.

⁴² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 100-101.

⁴³ Там же. С. 101.

и целенаправленное следование данному, согласно Канту, сознательному, импульсу и есть то, что отличает разумное существо от остального мира природы. Деятельность, направленная на реализацию этого (исконно человеческого) стремления, имеет своей целью нравственное развитие человека, его становление как агента морального действия. При этом источником этой деятельности и одновременно ее «внутренним мотором» является свободная воля, которая присуща каждому разумному существу.

По словам Карамзина, в их беседе Кант также упоминает нравственный закон: «Помышляя о тех услаждениях, которые имел я в жизни, не чувствую теперь удовольствия, но, представляя себе те случаи, где действовал сообразно с *законом нравственным*, начертанным у меня в сердце, радуюсь»⁴⁴. И хотя карамзинское изложение понятия «нравственного закона» у Канта весьма незатейливое и крайне упрощенное⁴⁵, он, очевидно, угадывает важность самого понятия для Канта. Интересно, что Кант не предпринимает попытки объяснить гостю свою концепцию категорического императива. Или, может быть, сам гость, который еще не знаком со всеми тонкостями кантовской теории морали, не осмеливается об этом заговорить. В любом случае, факт налицо: категорический императив в беседе Карамзина с Кантом не упоминается.

Любопытен иронический выпад Канта по поводу Лафатера — тогдашнего кумира юного Карамзина. Лафатер, деликатно заметил Кант, «имея чрезмерно живое воображение, часто ослепляется мечтами»⁴⁶. Так был нанесен первый удар по кумиру, который вскоре сменится другими, более близкими Карамзину по духу европейскими просветителями и гуманистами, такими как Монтескье, Руссо, Гердер, Шиллер, и сам Кант.

Очевидно, что во время визита Карамзина Кант предпринял попытку разъяснить своему, может быть, не совсем сведущему в философских тонкостях, гостю две центральные идеи своей этической теории: противопоставление свободной воли и естественных побуждений, а также свое понимание проблемы счастья. И хотя

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Это как Карамзин описывает кантовскую интерпретацию нравственного закона в «Письмах русского путешественника»: «Говорю о *нравственном законе*: назовем его совестью, чувством добра и зла — но они есть. Я солгал, никто не знает лжи моей, но мне стыдно» (Там же. С. 101).

⁴⁶ Там же. С. 101-102.

описание Карамзиным идей Канта в «Письмах русского путешественника» свидетельствует о весьма упрощенном и не всегда точном толковании им ряда важных идей кантовской этики, значение того длительного влияния, которое было оказано Кантом на воззрения Карамзина, трудно переоценить. Конечно, Карамзин истолковал кантовские идеи согласно собственному пониманию, в частности в ключе ранних взглядов Руссо, смешивая их также с идеями романтизма и моральными идеалами Просвещения, свойственными его собственному мировоззрению, а также в целом мировоззрению русского дворянства того времени. Однако, очевидно, что визит к Канту произвел яркое впечатление на молодого Карамзина, заставив его не только задуматься о философских проблемах морали, но, в первую очередь, по-новому взглянуть на вопросы о смысле человеческого существования и его призвании, т.е. вопросы, которые являются коренными для всей гуманистической традиции.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Говоря в целом о позиции Карамзина в «Письмах русского путешественника», можно сказать, что здесь, как и в его других, более поздних, работах он высказывает как прогрессивные, так и консервативные взгляды о политике, морали, образовании и по другим важным для того периода темам. Однако представляется, что во всем многоголосье представленных взглядов все же доминирующим элементом, особенно в этот ранний период, является для него элемент Просвещения, что явно просматривается как в самой проблематике, которая его интересует и которую он обсуждает в «Письмах русского путешественника», так и в тех подходах, которые он использует. В этом смысле позволю не согласиться с Лотманом, который считает, что «Письма русского путешественника» — это эстетически-политическая работа с сознательно скрываемым масонским содержанием⁴⁷. В «Письмах» Карамзин действительно отстаивает идеалы и ценности, схожие с теми, которые определяли идеологию

⁴⁷ Такую интерпретацию Лотман отстаивает в своей уже выше цитируемой книге «Сотворение Карамзина». Подобная идея также высказывается в: *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника Карамзина» и их место в развитии русской культуры // *Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника*. Л.: Наука, 1987. С. 525-606.

русского масонства XVIII века и с которыми Карамзин познакомился благодаря Новикову, Петрову и другим членам Дружеского учебного общества, куда сам Карамзин был вхож и идеи которого имели серьезное воздействие на его формирование. Однако, сами ценности, являющиеся центральными для масонов (такие, как филантропия, моральное самосовершенствование и стремление к нравственной добродетельности) были основополагающими идеалами европейского гуманизма в эпоху Просвещения, под влиянием которого собственно и формировались взгляды русских масонов. Поэтому, более точно было бы говорить о «Письмах» Карамзина как классике Просвещения⁴⁸, где автор не придерживается какой-либо определенной позиции по основным философским или иным вопросам, но отстаивает более широкие общегуманистические взгляды.

Представляется, что основной дискурс «Писем» — это сложная связь между устремлениями разума и достижением добродетельной жизни. И хотя Карамзин отчасти еще высказывает идеи, созвучные с основными идеями традиционной этики, такие как защита христианского образования, похвала в адрес родового экономического устройства, отказ от радикализма Руссо — в чем, несомненно, проявляется его консерватизм — прогрессивные просвещенческие взгляды (защита свободных философских поисков, восприятие кантовской (нетрадиционной) метафизики, отстаивание необходимости образования, в том числе для женщин, поддержка таких идей Руссо, как его критика искусственного характера жизни, отделенной от природы и отказа в социальной жизни от принципа гетерономии, отрицающего самодетерминирующую природу индивида) явно превалируют и определяют сам дух «Писем».

Многие фрагменты «Писем русского путешественника» Карамзина посвящены описанию европейских ландшафтов, но даже в большей степени, европейскому искусству, культуре и философии. Карамзин явно восторгается Европой и ее культурой. При этом он не перестает быть патриотом, гордящимся Россией, а также своим российским происхождением. Так, в одном из писем⁴⁹, весьма сен-

⁴⁸ Схожая характеристика «Писем русского путешественника» дается Эндрю Каном в его Введении к английскому переводу «Писем русского путешественника» Карамзина. См.: *Kahn A. Karamzin's Discourses of Enlightenment // N.M. Karamzin, Letters of a Russian Traveller, translated with an introduction, and commentary. Oxford: Voltaire Foundation, 2003. P. 459-582.*

⁴⁹ См. Письмо 101.

timentально описывая свои впечатления от просмотренной в Париже мелодрамы «Петр Великий», он не без гордости заявляет: «Я отираю слезы свои — и радуюсь, что я русский»⁵⁰. В другом письме⁵¹ он критикует Пьера Шарля Левека, автора «Российской истории», которая, по признанию самого Карамзина «лучше всех других», за то, что тот «унижает Петра Великого» за желание последнего образовать свой народ только подражая другим. Реакция Карамзина на эту критику заслуживает внимания. Он пишет:

«Я слышал такое мнение даже от русских и никогда не мог слышать [это] без досады. Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли б было русским не строить кораблей, не образовать регулярного войска, не заводить академий, фабрик, для того что все это не русскими выдуманно? Какой народ не перенимал у другого? И не должно ли *сравняться, чтобы превзойти?*»⁵².

Очевидно, что здесь Карамзин предстает как космополит, отстаивающий интересы и цели человека в аспекте человечества (*humane*), а не с точки зрения интересов какого-то определенного государства или народа. Не могу удержаться и не привести еще один фрагмент из «Писем» Карамзина, который многие из отечественных патриотов-националистов пытаются не комментировать по умолчанию. «Все *народное*, — пишет Карамзин, — ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, и что англичане или немцы избрали для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!»⁵³.

Трудно не услышать в этом и других фрагментах из «Писем русского путешественника» идеи европейского гуманизма. Достаточно вспомнить И. Г. Гердера (1744–1803), с которым, кстати, Карамзин также встречался во время своего европейского путешествия. Гердер был одним из первых европейских мыслителей, предложивших философскую концепцию гуманизма, на основе которой он строил свою философию истории. Гердер понимал гу-

⁵⁰ См. Письма. С. 399.

⁵¹ См. Письмо 103.

⁵² Письма. С. 416.

⁵³ Там же. С. 418.

манизм как расцвет принципа личности и обретение индивидом душевной гармонии и счастья⁵⁴. Для него гуманизм непосредственно связан с нравственным совершенствованием человека и развитием его моральных добродетелей, что, по его мнению, должно быть гарантировано не только основными правами человека, данными ему по природе, но также и закреплено в правовых законодательствах отдельных государств.

Влияние Гердера⁵⁵, а также других представителей европейского гуманизма эпохи Просвещения (Ш. Монтескье, Ф. Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Г. Лессина, И. Канта) явно улавливаются в работах Карамзина: как в его «Письмах русского путешественника», так и в грандиозной «Истории государства Российского». Наверное, недаром со многими из перечисленных выше мыслителей Карамзин искал встречи и беседовал во время своего европейского путешествия. И его теоретические поиски и интересы во многом совпадали с теми, которые были главными для европейских просветителей. Это — историческая эволюция человечества, взаимосвязь между эпохами, единство природы, общества и культуры. При этом, подобно европейским мыслителям-гуманистам, он уделяет особое внимание вопросам формирования и нравственного совершенствования человеческой личности, развитию благородства и гуманности. Именно эта проблематика и была центральной для Карамзина в его «Письмах русского путешественника».

Автор «Писем» есть создание эпохи Просвещения и в качестве такового он восхищается достижениями человечества, к коим принадлежат философия и искусство, религиозная толерантность, равные права мужчин и женщин на выбор спутника жизни, плюрализм политических взглядов и социальная свобода. Он — космополит, который чувствует себя весьма комфортабельно в Европе, обсуждая философию с Кантом, Гердером и другими мыслителями, без того, чтобы ощущать какую-либо ущербность или неловкость как русский в компании иностранцев.

⁵⁴ См.: Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 701 с.

⁵⁵ Идеи Гердера отразились в произведениях и других российских писателей и мыслителей XVIII и XIX веков, таких как А.Н. Радищев, Г.Р. Державин, В.А. Жуковский и Л.Н. Толстой. В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» Пьер Безухов в беседе с Андреем Болконским излагал идеи Гердера о беспредельном совершенствовании человека, указывая в качестве главных принципов его существования гуманизм, милосердие и религию.

Произведения Карамзина — от его «Писем русского путешественника» до его «Истории государства российского» — представляют собой попытку примирить две противоположные тенденции, явно отличимые в его взглядах: Просвещение и политический консерватизм. Представляется, и небезосновательно, что в «Письмах русского путешественника» эти усилия более оправданы и результативны, поскольку здесь он скорее декларирует свою политическую позицию, без того, чтобы делать какой-то конкретный и часто болезненный выбор. В «Истории государства Российского», где Карамзин защищает самодержавие, его обращение к идеалам и ценностям Просвещения часто оказывается чисто риторическим и даже противоречащим главной цели и замыслу самой работы. Однако ясно, что консерватизм Карамзина является прогрессивным по своему характеру и, стало быть, принципиально отличается от традиционных типов консерватизма. Основным признаком его консерватизма была не абстрактная доктрина *immobilism* (глубоко укоренившееся сопротивление всяким политическим изменениям) или поддержка существующей церкви, а скорее вера в то, что для управления многообразной Россией нужна нераздельная (но не безграничная) политическая власть, и что эта власть может обеспечить не только модернизацию страны, но также и реализацию основных гуманистических идеалов Просвещения, таких как свобода, справедливость, образование и моральное совершенствование каждого гражданина. В его сознании гуманизм, помощь ближнему, уважение достоинства человека, христианский морализм и сдержанный консерватизм являлись взаимодополняющими элементами. Вера в Бога, разум и человека были определяющими в его мировоззрении. В конечном итоге, для него имели значение не его принадлежность к определенному народу, а его принадлежность к человечеству как единому целому.

Вспомним известный завет Карамзина об истинной свободе:

«Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению!»⁵⁶.

⁵⁶ Отрывок, датируемый 1826 г., впервые опубликован в книге «Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина». Часть I. СПб., 1862. С. 194-195.

Эти слова звучат как манифест истинного гуманиста, верного идеалам европейского Просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953–1959. Т. 3. М., 1955.
- Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 701 с.
- Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений в 14 томах. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. 1952.
- Гречишкин С.С., Луковская Д.И., Морозов В.И.* М.М. Сперанский. Материалы к биографии. М. – Augsburg, 2001. 118 с.
- Энеллис И.* Беседа Николая Михайловича Карамзина с Иммануилом Кантом. Популярное изложение Иммануилом Кантом «Критики практического разума» // Кантовский сборник. 2008. № 1. С.109-119.
- Карамзин Н.М.* Сочинения: В 2 т. Л.: Художественная литература, 1984.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.
- Карамзин Н.М.* Переписка Карамзина с Лафатером. 1786–1790 // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 464-498.
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения в двух томах. М. – Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 79-601.
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Дополнения. // *Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника.* Л.: Наука, 1987. С. 391-448.
- Карамзин Н.М.* Письмо П.А. Вяземскому от 21 августа 1818 г. // Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826 (Из Остафьевского архива). СПб., 1898.
- Карамзин Н.М.* Письма к А.И. Тургеневу // Москвитянин. 1855. № 23-24. С. 183-184.
- Карамзин: pro et contra: личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: антология / Сост. Л.А. Сапченко; отв. ред. Д.К. Бурлака. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. 1080 с.*
- Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
- Лотман Ю.М.* Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования (1950–1990). Заметки и рецензии / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство-СПБ, 1997. 829 с.

- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника Карамзина» и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н.М. Письма русского путешественника*. Л.: Наука, 1987. С. 525-606.
- Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина". Часть I. СПб., 1862.
- Новиков Н.И. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру // *Новиков Н.И. Избранные произведения*. М. – Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. С. 387-393.
- Смирнов А.Ф. Николай Михайлович Карамзин. М.: Российская газета, 2006. 560 с.
- Сухов А.Д. Философствующий Н.М. Карамзин // *Философия и культура*. 2014. № 5. С. 687-696.
- Томсинов В.А. Судьба реформатора, или Жизнь Сперанского. М.: Издательство «Норма», 2003. 272 с.
- Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: «Книга», 1983. 176 с.
- Bartel H. und Lindemann M. "Karamzin entdeckt Deutschland" // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht*, hrsg. von Dagmar Herrmann. Muenchen: W. Fink, 1992. Vol. 2. S. 514-516.
- Black J.L. Nikolas Karamzin and Russian Society in the Nineteenth Century. Toronto: University of Toronto Press, 1975. 264 p.
- Hamburg G.M. Russia's Path toward Enlightenment. Faith, Politics, and Reason, 1500–1801. New Haven & London: Yale University Press, 2016. 900 p.
- Kahn A. Karamzin's Discourses of Enlightenment // *N.M. Karamzin, Letters of a Russian Traveller*, translated with an introduction, and commentary. Oxford: Voltaire Foundation, 2003. P. 459-582.
- Lotman Yu. "The Decembrist in Daily Life (Everyday Behaviour as a Historical-Psychological Category)" // *The Semiotics of Russian Cultural History*. P. 95-149.
- Mazour A.G. Modern Russian Historiography. Westport CT. and London, 1975. 238 p.
- Offord D. "Nation-building and Nationalism in Karamzin's 'History of the Russian State' ", *Journal of Modern Russian History and Historiography*. Vol. 3 (2010). P. 1-50.
- Panofsky G.S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: Fiction as Facts. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. 181 p.
- Pipes R. Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. Ann Harbor: The University of Michigan Press, 2005. 288 p.
- Tschizevskij D. Russian Intellectual History. Ann Arbor: Ardis, 1978.

M.F. BYKOVA

NIKOLAI KARAMZIN AND EUROPEAN HUMANISM

Many scholars of Karamzin scholars point to a contradiction, recognizable in his writings, which is the result of a collision between the two positions — conservative and progressive — that are traditionally considered to be dominant in the thinker's worldview. The paper attempts to reflect on what this contradiction causes and also discuss which of these two basic trends is prevalent and why. The author shows that despite the explicit conservatism, as well as elements of the Russian historic nationalism, which can be found in Karamzin's writings, the humanistic ideals of the Enlightenment, characteristic of European intellectual discourse at the time, still prevail in his views. Most clearly this trend can be seen in his "Letters of a Russian Traveler". However, even in the works of the later period, which are usually regarded as examples of classic conservatism, the humanistic motives are often dominant. In Karamzin's views humanism, respect for human dignity, the Christian moralism and moderate conservatism appear as the complementary elements. Faith in man and in the human reason are the defining principles of his worldview, which is humanist by its very nature and content.

Key words: Karamzin, European Humanism, European Enlightenment, moderate conservatism, Cosmopolitanism, human dignity, moral self-perfection.

В.М. МЕЖУЕВ

Н.М. КАРАМЗИН И П.Я. ЧААДАЕВ

ДВА ПОДХОДА К РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ — ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОРИОСОФСКИЙ

В статье проводится сравнение двух подходов к интерпретации истории России — историографического в версии Н.М. Карамзина и историософского — П.Я. Чаадаева. Высказывается предположение, что оба этих подхода выдержаны в духе консерватизма, но это консерватизм двух разных видов: один делает акцент на том, что прошлое — это источник национальной самобытности (Карамзин), другой предполагает в нём универсальную идею, потенциально ведущую к объединению народов и наций (Чаадаев).

Ключевые слова: Россия, история России, философия истории, историография, историософия, Н.М. Карамзин, П.Я. Чаадаев.

Сравнение Н.М. Карамзина с П.Я. Чаадаевым может показаться несколько надуманным. Несомненно, оба — яркие и значительные имена в истории русской общественной мысли, но что их связывает между собой? Будучи современниками, они принадлежали к разным возрастным поколениям: Чаадаев младше Карамзина на 28 лет и пережил его на 30 лет. Были лично знакомы. Чаадаев в чине корнета гусарского полка посещал дом Карамзина в Царском селе, где познакомился с молодым Пушкиным, на которого оказал большое влияние. К тому времени Н.М. Карамзин — широко признанный писатель, тогда как Чаадаев не напечатал еще ни одной строчки. Его первое «Философическое письмо» будет опубликовано в 1836 г. уже после смерти Карамзина. Так что при жизни они не вступали друг с другом в полемику, во всяком случае, письменную. Что же заставляет сегодня сравнивать эти имена?

Если Карамзин, по мнению ряда его биографов и исследователей его творчества, вслед за своим предшественником в русской

историографии князем М.М. Щербатовым (кстати, родным дедом Чаадаева по материнской линии) — один из родоначальников русского консерватизма, то Чаадаев в представлении многих его современников и потомков — образец русского вольнодумства, непримиримый критик прошлого и настоящего России, бунтарь-одиночка, близкий по своим воззрениям декабристам. Так думал, например, А.И. Герцен, на которого чтение «Философического письма» произвело огромное впечатление. Последующее их знакомство и общение лишь укрепило его во мнении о высоких достоинствах личности Чаадаева. Именно он зачислил Чаадаева в лагерь западников, усмотрел в нем чуть ли не предтечу всего последующего освободительного и революционного движения в России. Позже и в связи с публикацией ранее не изданных сочинений и писем Чаадаева подобное мнение будет не раз оспариваться, но и сегодня реальное место «басманного философа» в истории русской общественно-политической мысли остается предметом достаточно острой дискуссии. Во всяком случае, оценка Чаадаевым России как исторической неудачи свидетельствует не только о его западничестве, но об особой разновидности этого западничества, вдохновляемой традиционными (религиозными прежде всего) ценностями — правда, не православной России, а католической Европы. Это не либеральное, а *консервативное западничество*, которое следует отличать от *консервативного антизападничества*, апеллирующего к традиционным ценностям уже самой России. Таким консервативным антизападником и был Карамзин.

Однако и с ним не все так просто. Карамзин — антизападник в пределах своей деятельности официального историографа Российской империи, назначенного на эту должность Александром I. Но за ее пределами он даже больший западник, чем Чаадаев. Недаром его называли «просвещенным» и даже «либеральным» консерватором. Поклонник Ж.-Ж. Руссо, прямой свидетель Французской революции, по собственному признанию, республиканец «в душе», зачинатель того направления в русской литературе, которое вслед за европейской получило название сентиментализма (в терминологии В.В. Зеньковского, «эстетического гуманизма»), Карамзин лишь в своих исторических сочинениях открыто заявлял о себе как консерваторе-антизападнике, противнике либеральных реформ, убежденном приверженце Российской империи и самодержавия. Его консерватизм не обрел формы законченной теории (или идеи) России, как у ранних славянофилов, в силу чего его нельзя прямо причислить к ним, но в

равной мере не позволяет считать его и западником, даже консервативным, каким был Чаадаев. Консерватизм Карамзина — не идея, априорно владеющая его сознанием, не логический вывод из анализа им русской истории, а, скорее, чувство эстетического удовлетворения от созерцания им этой истории и желания рассказать о ней языком высокой литературной прозы. Подобная — более литературная, чем научная — манера подачи исторического материала была призвана пробудить у читателя не только интерес к русской истории, но и сознание своей сопричастности к ней. даже чувство гордости за нее, т.е. патриотическое чувство. Для писателя, кем он и был в первую очередь, история — результат деяния не каких-то безличных сил и отношений, а вполне конкретных лиц, стоявших во главе государства и управлявших ходом событий. Потому и история России в его изображении — это история в первую очередь государства в лице его великих князей и царствующих монархов.

Карамзин и Чаадаев представляют два разных подхода к объяснению русской истории — историографический и историософский (философско-исторический). Первый базируется на обращении к первоисточникам — историческим документам и свидетельствам, второй исходит из определенной идеи истории, из понимания ее общего смысла и назначения. Оба подхода не столько дополняют друг друга, сколько конфликтуют между собой. Для Карамзина история России, завершившаяся созданием великой империи — предмет восхищения и гордости, для Чаадаева — объект критики, причем весьма уничижительной. Столь противоположные оценки одного и того же предмета давали повод обвинять одного в ложно понятом патриотизме, другого в злобной русофобии. Так, например, русский историк, писатель, литературовед Н.И. Ульянов, эмигрировавший из СССР в 1947 г., в статье «Басманный философ (Мысли о Чаадаеве)», впервые опубликованной на Западе в 1957 г., писал о нем:

«Историософия Чаадаева — не от великого гнева, порожденного великой любовью, а от великого презрения. Не об исцелении прокаженного тут речь, а об изгнании его в пустыню. Россия убудочна от рождения, она — унтерменш среди народов. Кто не заметил этих высказываний, тот ничего не понял в русской теме “философических писем”»¹.

¹ Ульянов Н.И. «Басманный философ (Мысли о Чаадаеве)» // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 81-82.

Но сколь ни альтернативны суждения о России Карамзина и Чаадаева, они, как мне представляется, продиктованы разностью не только их чувств, как о том пишет Н.И. Ульянов, но и их подходов к российской истории, вообще разным пониманием того, что следует называть историей. Об этом и есть смысл поговорить в первую очередь.

Для любого историка история — это то, что уже состоялось в ней, имеет место быть, реально присутствует в исторической памяти. История дана историку в виде не абстрактных схем и законов, а исторически конкретных и эмпирически наглядных проявлений общественной жизни людей. Историк в этом смысле — специалист не по всеобщему и универсальному в истории, а по индивидуальному и локальному в ней. Во времена Карамзина сведение исторического к индивидуальному не было еще четко сформулировано (первыми об этом заговорят романтики), но в практике конкретного историографического исследования, чем, собственно, и был труд Карамзина, оно давало знать о себе уже в полной мере: знание индивидуально — в данном случае отечественной истории — оценивается Карамзиным намного выше знания общего — всемирной истории. Только первое формирует в человеке личность, что в его представлении тождественно званию патриота. «...Личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя»².

Различия в истории важнее сходств и подобий — вот кредо историка, желающего следовать эмпирическим фактам, а не абстрактным логическим построениям. Отсюда следовало, что в российской истории наиболее интересным для историка является не то, что сближает ее с историей других стран и народов, а что отличает от них. Во всемирной истории живет космополит — «существо метафизическое», т.е. нереальное, о котором нельзя сказать ничего определенного, нельзя «ни хвалить, ни осуждать его»³. «Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская ук-

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. Предисловие // Москва. № 1. М.: Художественная литература, 1988. С. 91.

³ Там же. С. 91.

рашает отечество, где живем и чувствуем»⁴. Всемирная история — предмет отвлеченного философствования, метафизического умствования, отечественная история — источник живого патриотического чувства. И потому в деле постижения российской истории долой «метафизику», пребывающую в мире умозрительных категорий. Разительный контраст с размышлениями Чаадаева на ту же тему.

Впоследствии не все русские историки, особенно советского периода, будут настроены столь же патриотично по отношению ко всей Древней Руси, хотя никто из них не будет отрицать ее исторического своеобразия на фоне остального мира. В общем ряду русских историков Карамзин был фактически первым, кто рассказал о Древней Руси столь подробно и основательно. Его недаром считают основоположником отечественной историографии. Пушкин сравнивал Карамзина, открывшего для широкого читателя Древнюю Русь, с Колумбом, открывшим Америку. А испытываемый Карамзиным восторг от открывшейся ему картины этой Руси, несмотря на наличие в ней достаточно мрачных сцен народных бедствий и страданий, был, действительно, во многом подобен чувству, испытываемому первооткрывателем. Давно подмечено, что медиевисты, как правило — патриоты Средневековья, историки античного мира — патриоты Древней Греции и Рима, а историки-востоковеды — патриоты Востока. Каждый влюблен в то, что изучает. Карамзин не стал исключением из этого правила.

Существенно другое. Карамзин — человек XVIII века, Петра и Екатерины. Он родился в нем и был им сформирован. В истории России этот век особенный — в нем российское государство достигло пика своего державного величия и военного могущества, превратившись из периферийного Московского царства в огромную империю, мало чем уступавшую по своему блеску и богатству абсолютным монархиям Западной Европы. Короче, это век появления на свет Петербургской России. Чуть позже он породит «золотой век» русской культуры, а до того предстанет первым веком «новой» — более просвещенной — России с ее Академией наук, первым Университетом, периодической печатью, музеем и публичной библиотекой, первым поколением русских поэтов и писателей, светскими формами жизни столичной и провинциальной знати — балами, маскарадами, салонами, любительскими

⁴ Там же. С. 91.

кружками и объединениями. Это век зарождения аристократически утонченной дворянской культуры, пришедшей на смену более темному и косному быту и образу жизни старинного боярства.

Карамзин, несомненно, принадлежал к этой «новой России», то есть по меркам того времени был современным человеком, отнюдь не тоскующим по старым временам. Для него очевидно, что своими приобретениями Россия обязана прежде всего реформам Петра, во многом копировавшим европейские порядки и институты. В своей «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанной в 1811 г. по просьбе великой княгини Екатерины Павловны — младшей сестры Александра I — и никогда не публиковавшейся при жизни автора, он воздаст этим реформам должное, высоко оценит их. Проведение этих реформ было оправдано тем, что уже с начала царствования династии Романовых обнаружилось отставание России от Европы в плане ее гражданского развития и просвещения. Тогда же и началось постепенное, хотя весьма осторожное и медленное сближение России с Европой. Если что и заимствовали у Европы, то как бы нехотя. И только Петр все переменит в корне. Его целью было «не только новое величие России, но и совершенное присвоение обычаев европейских»⁵. Он «исправил, умножил войско, одержал блестящую победу над врагом искусным и мужественным; завоевал Ливонию, сотворил флот, основал гавани, издал многие законы мудрые, привел в лучшее состояние торговлю, рудокопни, завел мануфактуры, училища, академию, наконец, поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы»⁶. Величайшим достоинством Петра как самодержца была его способность «употреблять людей по их способностям», находить их во всех слоях общества и ставить на важные посты в государстве и армии.

С Петра начинается «новая Россия», которую Карамзин во многих отношениях предпочитает «старой», сходясь в этом, казалось, с будущими западниками. Но откуда тогда его антизападничество, обоснованию которого, собственно, и посвящена его «Записка»? Из нее следует, что оно стало своеобразной реакцией родовитого дворянина на те приметы его времени, которые Карам-

⁵ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991. С. 32.

⁶ Там же. С. 32-33.

зин назовет «вредной стороной блестящей деятельности» Петра. Страсть к новому у Петра вышла за пределы всяческого благоразумия, требующего в любом государственно важном деле считаться с «мнением народным», с его духом и верой, издревле служившими надежной опорой российской государственности.

Эти дух и вера, спасшие когда-то Россию от самозванцев, «есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству»⁷. Говоря современным языком, в процессе модернизации и заимствования чужого опыта нельзя терять собственное лицо, пренебрегать им, выставлять на посмешище, всячески унижать. Именно в этом Карамзин обвиняет Петра. «Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам?»⁸.

Подлинное просвещение, высоко ценя науку и искусство, не требует отказа от своего быта и образа жизни. «Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ»⁹. И в просвещенных государствах живут народы с разными нравами и обычаями. Государство может заимствовать у других полезные для себя сведения, но не должно ради этого пренебрегать привычными для народа особенностями его жизни. Обычаи могут меняться под воздействием естественных причин, но их нельзя навязывать насильно, принуждать к ним, как то делал Петр.

И это еще не все. Петр ограничил свои преобразования дворянством, отделив их тем самым от простого народа. Для русских крестьян, мещан, купцов русский дворянин почти что немец — носитель чего-то непонятного и чуждого им. Общенародному единству на Руси пришел конец. Оборвалась и бывалая связь народа с боярством, царем и Церковью. Петр заменил бояр министрами, приказы — коллегиями, дьяков — секретарями, на место Думы поставил Сенат, вместо патриаршества учредил Синод. «Честью и достоинством россиян сделалось подражание»¹⁰. В равной мере изменились семейные нравы: они стали более вольными как в Европе и не такими принудительными как в Азии, но одновременно

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Там же. С. 33.

¹⁰ Там же. С. 34.

менее родственными и более публичными, менее дружескими и более приятельскими. Карамзин не считает древних русских лучше новых, новые даже в чем-то добродетельнее, нравственнее древних, стыдятся того, чего не стыдились те, но уступают им в своей гражданственности, что на языке Карамзина означает сознание своей связи с Отечеством, чувство полного слияния с ним.

Новые русские в лице дворян, хочет сказать Карамзин, менее русские, чем древние, более космополиты, чем патриоты. «Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде?», — спрашивает он. И сам же отвечает: деды наши, даже перенимая иностранные обычаи, продолжали думать, что «правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а *Святая Русь* — первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно!»¹¹. Могут ли русские и после Петра обладать таким же гражданским достоинством? «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр»¹². Знакомые по нынешним временам слова, но, как и тогда, вызывают определенное сомнение.

Сознание собственной индивидуальности, как и желание сохранить ее в потоке времени, сами по себе еще не делают человека консерватором. Он становится им, когда видит в исторически данной ему индивидуальности доказательство ненужности каких-либо дальнейших перемен, оправдание своего нежелания меняться, становится другим, в чем-то не похожим на того, кем был раньше. Такой человек, как правило, прошлое ценит выше настоящего и будущего, точнее, в настоящем и будущем ценит лишь повторение прошлого. Поскольку в прошлом народы существуют раздельно, обособленно друг от друга, постольку любая попытка превратить прошлое в норму для всего последующего придает различиям между народами большее значение, чем их единству и согласию. Это и есть консерватизм. Он неизбежно влечет за собой релятивизацию истории и, следовательно, отказ от будущего, общего для всех. Что изначально существует раздельно (в нашем случае Россия и Европа), то и впредь в целях самосохранения должно сохраняться в прежнем виде. Консерватизм Карамзина руководствуется именно такой логикой.

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Там же. С. 35.

В погоне за прогрессом и просвещением русские, сетует Карамзин, утрачивают сознание своей особенности и исключительности, а, значит, и связи со своим прошлым. Это, конечно, позиция консерватора, стремящегося восстановить и сохранить эту связь. Но что делает Карамзина не просто консерватором, но и антизападником (при том, что он никогда не отрицал пользы для России европейской просвещенности)? Прежде всего, тезис о том, что новая Россия (Россия Романовых) и Россия древняя (которая от Рюрика) едины в главном — в решающей для нее роли самодержавной власти, возвышающейся над всеми учреждениями и институтами Российского государства, скрепляющей собой все входящие в него земли, народы и сословия. Самодержавие создало Россию сначала как великое княжество, затем как царство, и, наконец, как империю. Оно провело ее через все исторические бури, невзгоды и испытания, сделало одной из самых могущественных держав мира. Самодержавие — самое ценное, что было и есть в истории России, и именно ему Россия обязана своим величием. Сама мысль о каком-либо ослаблении царской власти, об обуздании неограниченного самовластия законом и надзирающим за его исполнением государственным органом представляется Карамзину кощунственной. «Всякое доброе русское сердце содрогается от сей ужасной мысли»¹³. «Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою Государственного Устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?»¹⁴. Это далеко не только от либерализма, но вообще от западничества, ибо в Европе даже власть абсолютного монарха не означала его неограниченного самовластия, как-то уживалась с наследственными правами крупных феодалов и с автономией монастырей, цехов и университетов.

Похоже, гимн российскому самодержавию (одновременно с упоминанием всех его прегрешений, пороков, кровавых злодеяний), пропетый Карамзиным, имел своей целью восславить новую Россию, которая как бы подтверждала правильность проделанного ею пути, оправдывала всю ее предшествующую историю. И надо признать, многое в этой истории им было подмечено верно. Трудно отрицать решающую роль в ее истории государства, самодержавной

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ Там же. С. 48.

власти. И никакой другой истории, кроме той, что дал ей Бог, он (как и Пушкин) ей не желал. Его антизападничество покоится на полном принятии и одобрении той России, в которой ему привелось жить. И ничего лучшего быть не может. Смягчение нравов, гуманизация общественных институтов и порядков, просвещение умов — это да, но не разрушение сложившихся в веках государственных устоев. Раз самовластие дало такие блестящие результаты, почему бы не сохранить его на вечные времена. И никакая Европа нам в том не указ. Очевидно, историку доступна лишь та истина, которую открывается ему в уже известной ему истории.

Дело в том, однако, что история собственной страны — еще не вся история. Другие государства тоже живут в истории, что позволяет говорить о всемирной истории, которую признает и Карамзин, но только как предмет интереса отвлеченного ума и космополитически настроенных граждан. Но именно история «во всемирно-гражданском плане», по выражению Канта, окажется в центре внимания европейских философов Нового времени. Уже от просветителей идет традиция мыслить историю не в историографическом, а в историософском (философско-историческом) ключе, то есть в качестве не эмпирической истории отдельных стран и народов, а процесса развития, движимого общей для всех целью (или идеей), знание которой, согласно тому же Канту, лежит за пределами любого доступного человеку опыта. Философы могут расходиться между собой в определении этой цели, усматривать ее либо в традиции, идущей из прошлого, либо в чем-то совершенно новом (это, собственно, и отличает консерваторов от западных либералов или утопистов), но в любом случае под ней понимается нечто единое для разных стран и народов, как бы те не отличались друг от друга в начальной фазе своего существования. На первый план в таком понимании истории выходит проблема не прошлого, которое у разных народов разное, а общего для всех будущего, без чего нет и не может быть всемирной истории.

В том же духе мыслит историю и П.Я. Чаадаев в своих «Философических письмах», т.е. не как историограф, а как, прежде всего, историософ. Если в Европе к моменту публикации его первого письма «так называемая философия истории», по словам В. Гумбольдта, едва ли не вытеснила «саму историю»¹⁵, то в Рос-

¹⁵ Гумбольдт В. Размышления о всемирной истории // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 279.

сии «это был первый опыт оригинальной историософии и Чаадаеву надлежало сформулировать самые общие, фундаментальные ее положения»¹⁶. Хотя сам Чаадаев считал своей задачей «изъяснение моральной личности отдельных народов и всего человечества», по существу его интересует не судьба отдельных наций и народов, а «толкование всей человеческой истории как единого текста»¹⁷. И Россия интересна ему в контексте не ее собственной, а мировой истории, которая с учетом уровня исторического знания того времени понималась тогда преимущественно как история Европы. В этом смысле Чаадаев, несомненно, западник, хотя его западничество во многом питается идеями современных ему европейских консерваторов, под чье влияние он попал уже в самой России, но особенно в период своего пребывания в Европе.

Первое, на чем настаивает Чаадаев в своем письме — это на полном соответствии его понимания истории духу христианской религии и учению Церкви — правда, Церкви не православной, а католической. Именно Римская Церковь в наибольшей степени соответствует духу христианства, является подлинно апостольской Церковью, независимой от земных властей, исповедующей идею общечеловеческого единства на базе моральных ценностей христианства, предельно открытой ко всем народам и социальным сословиям. «...Учение, основанное на высшем начале единства и непосредственной передачи истины в непрерывном преемстве ее служителей, только и может быть самым согласным с подлинным духом религии, потому что дух этот заключается всецело в идее слияния всех, сколько их ни есть в мире, нравственных сил — в одну мысль, в одно чувство и в постепенном установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство истины среди людей»¹⁸. Отрицание такого единства, любая попытка расколоть человечество на противостоящие друг другу миры противоречит идее христианского переустройства мира и установления Царства Божиего на земле. В этом, согласно Чаадаеву, и состоит цель мировой истории¹⁹.

¹⁶ Мильчина В.А., *Основат А.Л. О Чаадаеве и его философии истории* // Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 6.

¹⁸ Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 16.

¹⁹ По словам Г.В. Флоровского, главным и единственным принципом Чаадаева был «постулат христианской философии истории. История

В контексте так понятой истории Россия, по мнению Чаадаева, утрачивает не только свое державное величие, но вообще видимость сколько-нибудь значимой исторической величины. О себе Россия может думать, конечно, все что ей угодно, но что в плане духовном она способна предложить остальному миру? В своем нынешнем виде она являет собой, скорее, состояние исторического небытия, отсутствия какого-либо общезначимого смысла и содержания. «Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия»²⁰.

Нет смысла повторять здесь все инвективы Чаадаева в адрес России — они известны каждому, кто знаком с его творчеством хотя бы в масштабе школьной программы, неоднократно цитировались и комментировались разными авторами. Главное в них — констатация полного выпадения России из процесса духовного и нравственного развития (воспитания) человеческого рода, приведшего

есть для него созидание в мире Царствия Божия. Только через строительство этого Царства можно войти или включиться в историю» (*Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Париж, 1981. Изд. 2. С. 248). Авторы уже цитированного предисловия к сочинениям П.Я. Чаадаева дают четкое изложение его философско-исторических воззрений: «Смысл истории, по Чаадаеву, определен Провидением; руководящая и постоянно обнаруживающая себя идея истории — идея религиозного единения человечества, привнесенная в мир христианством и им хранимая. Древние цивилизации (Египет, Греция, Рим) потому и оказались обреченными, что в их бытии воплотилась «языческая разьединенность», коррелятом которой является сугубо «материальный», «земной интерес». Истинная же духовность (с мощным нравственным потенциалом) составляет исключительную прерогативу «таинственно единого христианства», и, поскольку только духовный интерес «беспределен по самой своей природе», одни лишь христианские народы «постоянно идут вперед».

²⁰ Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 6.

европейские народы к высоко организованным, просвещенным и морально более совершенным формам цивилизованной жизни. Россия еще там, откуда все они когда-то вышли, и, возможно, даже далее того. Если все вокруг нее движется, то она стоит на месте. Ничего нового и своего она пока не принесла в мир, а отсутствие собственных мыслей и идей, помимо тех, что заимствованы ею извне и к тому же плохо усвоены, компенсируется здесь «ложным представлением о самих себе», возвеличивающем то, что в действительности является лишь следствием невежества и отсталости.

Не вступая в прямую полемику с Карамзиным, Чаадаев в противоположность ему рисует картину прошлого России в самых мрачных тонах²¹. «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности... Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя»²². Можно, конечно, негодовать по поводу такой оценки нашей истории, возмущаться тем, кто посмел ее высказать, обвинять его в

²¹ Следует отметить, что в чисто личном плане Чаадаев относился к Карамзину с величайшим почтением и уважением, видя в нем замечательного писателя и выдающегося историка, прославившего Россию и испытывающего к ней чувство истинной любви и преданности. В письме к А.И. Тургеневу от 1838 г., т.е. уже после смерти Карамзина, он писал о нем: «Для того, чтобы писать хорошо на нашем языке, надобно быть необыкновенным человеком, надо быть Пушкину или Карамзину... Что касается в особенности до Карамзина, то скажу тебе, что с каждым днем более и более научаюсь чтить его память. Какая была возвышенность в этой душе, какая теплота в этом сердце! Как здраво, как толково любил он свое отчество! Как простодушно любовался он его огромностию, и как хорошо разумел, что весь смысл России заключается в этой огромности! А между тем, как и всему чужому знал цену и отдавал должную справедливость! Где это нынче найдешь? А как писатель, что за стройный, звучный период, какое верное эстетическое чувство! Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное дело; мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать».

²² Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 42.

предвзятости, злонамеренности, антипатриотизме и даже безумии, солидаризируясь с официальной Россией того времени, включая царя, но и спустя почти два столетия трудно отделаться от впечатления ее определенной оправданности и обоснованности. Разве и сегодня мы не находим в нашем прошлом нечто такое, что постоянно тормозит наше продвижение вперед? Споры о том, как оценивать это прошлое, что отвергать или, наоборот, принимать в нем, не утихают до сих пор. И, как мы видим, даже те, кто причисляет себя к лагерю консерваторов, расходятся между собой в его оценке, не могут придти к взаимному согласию.

Свое отличие от Карамзина в плане отношения к отечественной истории Чаадаев формулирует как расхождение между литературным словом, ярко живописующим картины прошлого, и мыслью, пытающейся проникнуть в суть происходящего. Наша история впечатляет в изображении талантливого писателя, но не выдерживает испытания мыслью. Здесь, похоже, мы сталкиваемся с двумя разными видами консерватизма. Оба не приемлют радикальных общественно-исторических перемен в духе либерализма и, тем более, политических революций, оба высоко ценят традицию, идущую из прошлого, но понимают прошлое совершенно по-разному. Один видит в прошлом источник национальной самобытности и исторического своеобразия, границу, отделяющую свое от чужого, которую нельзя игнорировать, переступать ни при каких обстоятельствах, другой — идею, содержащую в себе некоторый общий замысел (божественный или человеческий), ведущий к объединению всех народов в одно целое. С появлением такой идеи, собственно, и начинается история. Любая другая история — типа той, что изучают историки-эмпирики — мало что говорит уму, а в случае России вообще лишена смысла.

В постижении истории, диктуемом не патриотическим чувством любви к отечеству, а умом, такой консерватор вдохновляется не этнической или национальной несхожестью своего народа с другими народами, а вселенской идеей, равно обращенной ко всем народам и содержащей в себе общую для них историческую перспективу развития. Поиском такой вселенской идеи для России на базе православия — «русской идеи» — займутся ранние славянофилы, но для самого Чаадаева она предстанет в том ее виде, в каком ее сформулирует философия истории традиционного французского католицизма (в лице, прежде всего, Жозефа де Местра). Поскольку в роли объе-

динителя народов в этой философии выступает католическая (папская) Церковь, что вполне закономерно для Европы, постольку и Чаадаев увидит в ней решение проблемы мировой истории.

Народы Европы при всех различиях между собой имеют «общее лицо, семейное сходство». Для Чаадаева это сходство задается их какой-то общей связью, соединяющей всех в одно целое. Искать эту связь нужно даже не в истории этих народов, а в их общей принадлежности к христианскому миру, ставшему для каждого из них моральной нормой, образцом публичной (общественной) жизни. Способность мыслить себя в отношении к этому общему, а не просто в отношении к собственной личности, и отличает мышление европейца от любого другого сознания (или менталитета, как сказали бы сейчас). Подобная логика мышления совершенно чужда сознанию россиян. «В наших головах нет решительно ничего общего, все там обособлено и все там шатко и неполно»²³.

Говоря проще, Чаадаев фиксирует отсутствие в российском сознании философского видения собственной истории, позволяющее увидеть в ней не просто ее эмпирически очевидное отличие от других историй, но и ее духовное сродство с ними. Ф.И. Тютчев ту же мысль, хотя и с положительным знаком, выразит в поэтической форме, ставшей расхожим афоризмом: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Будучи, несомненно, христианской страной, Россия, полагает Чаадаев, так и не смогла увидеть в христианстве то общее, что связывает ее с Западом, делает ее неотъемлемой его частью. Сознание своей обособленности, чуждости другим — не христианское сознание. Потому и состояние, в котором пребывала допетровская Русь, Чаадаев называет состоянием «языческой разьединенности». А любая цивилизация, замкнутая исключительно на себя, не имеет иной перспективы развития, кроме как постепенного угасания и исчезновения. Не об этом ли твердят все последующие теории локальных цивилизаций? Отсутствие будущего у России констатирует и Чаадаев, но только в случае, если она не присоединится к другим европейским народам, не возьмет на себя вместе с ними миссию утверждения на земле общехристианского идеала. Надежда на то, что Россия рано или поздно проникнется этим идеалом со всеми вытекающими отсюда для нее социальными последствиями, только и питает веру Чаа-

²³ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 46.

даева в это будущее. «Я, конечно, не утверждаю, что среди нас одни только пороки, а среди народов Европы одни добродетели, избави Бог. Но я говорю, что для суждения о народах надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию, а не та или другая черта их характера»²⁴.

Чуть позже в «Апологии сумасшедшего», опубликованной уже после его смерти, Чаадаев несколько изменит свою точку зрения на Россию и найдет в ее исторической обособленности определенное преимущество перед Европой. Отвечая тем, кто обвинял его в очернительстве России и антипатриотизме, он скажет слова, которые и сегодня звучат вполне актуально: «Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо»²⁵. И хорошо всем известное: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами»²⁶. В понимании собственной страны Чаадаев явно выбирает путь истины, ставя его выше того пути, который продиктован исключительно одной лишь любовью к своему Отечеству.

В таком контексте он упоминает и Карамзина, называя его первым, кто после немцев, открывших наших летописцев, «рассказал звучным слогом дела и подвиги наших государей»²⁷. Вслед за ним, как он считает, пришли «плохие писатели, неумелые антиквари и несколько неудавшихся поэтов», которые «не владея ни ученостью немцев, ни пером знаменитого историка, самоуверенно рисуют и воскрешают времена и нравы, которых уже никто у нас не помнит и не любит: таков итог наших трудов по национальной истории»²⁸. Чаадаева не устраивает история, сведенная к простому

²⁴ Там же. С. 46.

²⁵ Там же. С. 147.

²⁶ Там же. С. 157.

²⁷ Там же. С. 155.

²⁸ Там же. С. 155.

пересказу событий прошлого без какого-либо их разумного осмысления в свете некоторой общезначимой идеи. «Дело в том, что мы еще никогда не рассматривали нашу историю с философской точки зрения. Ни одно из великих событий нашего национального существования не было должным образом характеризовано, ни один из великих переломов нашей истории не был добросовестно оценен; отсюда все эти странные фантазии, все эти ретроспективные утопии, все эти мечты о невозможном будущем, которые волнуют теперь наши патриотические умы»²⁹.

Настоящая история в понимании Чаадаева — не просто вереница событий и фактов в пересказе историка. В жизни любого народа она начинается с появления идеи, которой он воодушевляется, и в желании осуществить которую находит свое предназначение. О такой истории для России и мечтает Чаадаев. Но теперь в ее обособленном существовании он видит не только недостаток, доставшийся ей от прошлого, о чем можно и не вспоминать, но и определенное достоинство, позволяющее ей ранее других достичь цели, поставленной христианством. «Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия»³⁰. Это поистине консерватизм иного типа, чем карамзинский. Он исполнен веры в будущее, хотя вдохновляется идеей, пришедшей из прошлого — христианской идеей «...У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество»³¹.

В понимании того, какое будущее ожидает Россию, пожалуй, наиболее четко проявилось различие между Карамзиным и Чаадаевым. Если первый в качестве ориентира на пути России к будущему отверг Запад и тем самым абсолютизировал собственную старину, то второй в целях обретения Россией будущего счел необходимым ее воссоединение с Западом. Поэтому столь различны и их оценки деятельности Петра I. Чаадаев снимает все претензии Карамзина к Петру, касающиеся якобы недооценки им прошлого России. Петр не лишал Россию ее прошлого, не заменял его европейским прошлым,

²⁹ Там же. С. 155.

³⁰ Там же. С. 157.

³¹ Там же. С. 157.

он лишь покончил с «пережитками» этого прошлого, «отрекся от старой России», не найдя в ней ничего, кроме «листа белой бумаги», на котором написал «слова *Европа* и *Запад*; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу»³². В нашем прошлом нет ничего, что могло бы поставить под сомнение дело Петра, указать на иной вариант развития. Оно вообще не имеет отношения ни к какому будущему. То, что сделал Петр, «было возможно лишь среди нации, чье прошлое не указывало ей властно того пути, по которому она должна была идти, чьи традиции были бессильны создать ей будущее, чьи воспоминания смелый законодатель мог стереть безнаказанно. Если мы оказались так послушны голосу государя, звавшего нас к новой жизни, то это, очевидно, потому, что в нашем прошлом не было ничего, что могло бы оправдать сопротивление»³³.

Для Чаадаева неприемлем казенный антизападнический патриотизм (он назовет его «новой школой»), который в борьбе со М.М. Сперанским и его реформаторской деятельностью, чему немало способствовал и Карамзин, поставит своей целью разрушить дело Петра, отторгнуть Россию от Запада, опять вернуться в «пустыню» прошлого. «Забыв о том, что сделал для нас Запад, не зная благодарности к великому человеку, который нас цивилизовал, и к Европе, которая нас обучила, они отвергают и Европу, и великого человека, и в пылу увлечения этот новоиспеченный патриотизм уже спешит провозгласить нас любимыми детьми Востока»³⁴. Это сказано задолго до появления «евразийства» и всех последующих проявлений национал-патриотизма. Если Карамзин учил любить и ценить историю России такой, какой она есть и без всяких прикрас, при этом не очень далеко заглядывая в ее будущее, то Чаадаев признается в любви к России, которой еще нет, к будущей России, и призывает всеми силами способствовать наступлению этого будущего³⁵.

³² Там же. С. 151.

³³ Там же. С. 151.

³⁴ Там же. С. 158.

³⁵ Чаадаев хорошо понимал, насколько его надеждам на будущее России противостоит «новая школа» казенного патриотизма. В письме к А.И. Тургеневу от 1 мая 1835 г. он писал: «...если это направление умов продолжится, мне придется проститься с моими прекрасными надеждами: можете судить, чувствую ли я себя ввиду этого счастливым. Мне, который любил в своей стране лишь ее будущее, что прикажете мне тогда делать с ней?».

Таким будущим, с его точки зрения, может быть только вхождение России в Европу, от которой до того она была отделена своим прошлым. Обретение будущего может быть оплачено Россией лишь ценой ее разрыва с этим прошлым. Речь идет, естественно, о разрыве не культурном, а цивилизационном. Нельзя попасть в будущее, опираясь на наследие прошлых времен, на традиционные институты и понятия старой Руси. Что когда-то началось на Западе и продолжается там по сей день, то Россия, если она не хочет навсегда остаться в своем прошлом, должна проделать в будущем и, возможно, проделать намного лучше того, как это было проделано на Западе.

Спор историка и философа о судьбе России, как уже говорилось, хотя и не носил характера открытой полемики и конфронтации между ними, будучи эксплицирован лишь из их текстов, получил продолжение во многих последующих идейных размежеваниях русской мысли и, как мы знаем, не завершен до сих пор. Прошлую и будущую Россию пока никому еще не удалось соединить прямой линией преемственности, что и рождает противоположность российской историографии и российской историософии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гумбольдт В.* Размышления о всемирной истории // *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. Предисловие // Москва. № 1. М.: Художественная литература, 1988.
- Мильчина В.А., Осоват А.Л.* О Чаадаеве и его философии истории // *Чаадаев П.Я.* Сочинения. М.: Правда, 1989.
- Ульянов Н.И.* «Басманный философ (Мысли о Чаадаеве)» // Вопросы философии. 1990. № 8.
- Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Париж, 1981. Изд. 2-е.
- Чаадаев П.Я.* Сочинения. М.: Правда, 1989.
- Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. М.: Современник, 1989.

V.M. MEZHUEV

N.M. KARAMZIN AND P.Y. CHAADAEV

TWO APPROCHES TO RUSSIAN HISTORY —
HISTORIOGRAPHICAL AND HISTORIOSOPHICAL

The article deals with the comparison of two different ways to study the history of Russia. One of them is historiographical, as N.M. Karamzin saw it, the other, belonging to P.Y. Chaadaev, is historiosophical. It is suggested that both of these approaches are designed in the way of conservatism, but this conservatism is of two different types: one focuses on the fact that the past is a source of national identity (Karamzin), the other assumes it to be a universal idea, potentially leading to the unification of peoples and nations (Chaadaev).

Key words: Russia, Russian history, philosophy of history, historiography, historiosophia, N.M. Karamzin, P.Y. Chaadaev.

Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина

У ИСТОКОВ РУССКОГО ИСТОРИЗМА

ФОРМЫ ПРИЗНАНИЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА*

В статье анализируются особенности интеллектуального наследия Карамзина, оказавшего огромное влияние на самосознание русского общества. Проводится мысль о том, что именно эпистемологическая специфика исторических трудов Карамзина способствовала широкому признанию его идей и стиля мышления в русской культуре. Авторы показывают, что социальное признание Карамзина обусловлено присущим его историзму личностным переживанием истории отечества, основанным, прежде всего, на знании о прошлом.

Ключевые слова: история русской философии, культурно-историческая эпистемология, стиль мышления, признание, историзм, Карамзин.

Историзм как восприятие мира в его динамике не просто вплетен в русскую философскую мысль, он — условие ее органической целостности. Его трактовкой задается тематическая структура русской философии. С XVIII века именно история является основным предметным полем размышлений русских философов, гуманистов, публицистов — она указывает направления исследования и определяет идейное предназначение создаваемых концептуальных систем — этических, религиозно-философских, социально-утопических. И мы согласны со Шпетом в том, что «...наша философская литература и возникла прежде всего как философско-историческая, и никогда не переставала интересоваться историей, как проблемой, — об этом говорить много не приходится. Но и наука история

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16–03–00826 «Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания».

у нас стоит особенно высоко. Здесь больше всего проявилась самостоятельность, зрелость и самобытность нашего научного творчества. Как не гордиться именами Соловьева, Ключевского, Антоновича, Владимирского-Буданова и многих, многих других? И замечательно, что это все — *школы*, т.е. *методы*, свои методы, и в конечном счете, следовательно, свои философские принципы. <...> При таком отношении к теоретическим проблемам истории со стороны представителей этой науки, кажется прямо-таки обязанностью и со стороны нашей философии внести свой вклад и свой свет в решение этих трудных и сложных вопросов»¹.

Именно исследования историков были самой продвинутой областью гуманитарной науки в России и именно философия истории была целостной областью русской философии. Пожалуй, только применительно к философии истории мы и можем говорить о контурах складывающейся русской философской школы. Поэтому в поисках эпистемологической традиции, в размышлениях о ее идейных основаниях, определяющих стилистическую направленность русской эпистемологической мысли, мы, прежде всего, обратились к проступающей в ней тематике особенностей исторического познания. В этой сфере, в достаточно специальной области с очерченной предметностью и способами апелляции к реальности, с ее ясными, заданными исторической наукой стандартами аргументации для нас стал отчетливо проступать специфический вариант историзма, определяющий стилистику эпистемологических идей русских мыслителей и тем самым задающий своеобразную эпистемологическую традицию в русской философии.

В силу ряда причин в русской философии сложилось понимание истории как процесса, который не исчерпывается полностью направленностью к конечной цели (наподобие гегелевского историзма). Наличие такой цели не оспаривалось, телеологические идеи отнюдь не отрицались русскими мыслителями, но акцент смещался. В центре оказывалось представление об истории как процессе, протекающем в человеке, а не вне его, — процессе, обретающем смысл в сознании и историческую конкретность реального исторического действия в поступках. История здесь предстает как процесс принципиально незавершенный, причем не в том

¹ *Шпет Г.Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. I. Материалы. М., 1916. С. VII.

смысле, что он не достиг еще конечной цели, но прежде всего в том, что он открыт действию, открыт осмысленному поступку и его неожиданным последствиям, открыт всему событийному и конкретному. За опытом экзистенциально нагруженного осмысления человеком истории, за ощущением так понятого историзма и обращается, по мнению, русских мыслителей, наука история к опыту прошлого — к реальности событий и реальности их переживания человеком (переживания не только в психологическом смысле, но в смысле экзистенциальном). Этим русский историзм отличается от историзма его «немецких учителей».

Эти идеи не приобрели четкого концептуального выражения, но они достаточно явно обнаруживают себя в способах обсуждения проблем и в понимании исследовательских перспектив, т.е. в эпистемологической стилистике русских историков, к числу которых принадлежит и Николай Михайлович Карамзин. Именно к этой традиции в понимании истории, к историзации научного мышления мы и пытаемся вернуться. Ибо сегодня она актуальна как никогда, по крайней мере, в области философско-методологического сознания науки.

* * *

Пожалуй, все, что можно было сказать о вкладе Карамзина в национальное самосознание и культуру России, было сказано, оценено, переоценено и повторено много раз по самым разным поводам — юбилейным и не только. Философы, ученые-гуманитарии (филологи, историки, психологи), литературные критики и политические деятели разных исторических эпох обращались к его идеям и интеллектуальному опыту, каждый раз находя в них актуальность, значимость и острую современность. Зачастую Карамзина истолковывали применительно к случаю или, как выразился однажды Александр Николаевич Пыпин, из Карамзина весьма часто извлекали самую разную «мораль для настоящей минуты»².

Однако и в таком, иногда откровенно конъюнктурном обращении к Карамзину для нас важен факт *признания, т.е. органического включения* его вклада в русскую общественную мысль (мы

² Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I. IV. Карамзин // Вестник Европы. 1870. № 9. С. 247.

опираемся на методологический опыт П. Рикёра, исследующего феномен признания³, при этом понятие «признание» мы используем в трех указанных Рикером значениях: «можно выделить по меньшей мере три философских центра... кантианский центр значений под эгидой слова Recognition... бергсониянский центр, под названием “узнавание воспоминаний”... гегельянский центр, со словом Anerkennung»⁴). Субъект признания: русское общество — объект признания: это «История России», рассказанная Карамзиным. Общество признает эту историю, т.е. 1) познает рассказанную историю, 2) осваивает эту историю, делает ее своей, 3) оказывает влияние на рассказанную историю, уточняя, обогащая и изменяя ее под влиянием саморефлексии, т.е. осуществляет интерпретацию этой истории в разных контекстах. Это первый уровень использования понятия «признание», т.е. в его основании лежит рефлексивное отношение «историческое наследие Карамзина — русское национальное самосознание».

Второй уровень использования понятия «признание» содержит в основании рефлексивное отношение «историческое наследие Карамзина — русское сообщество интеллектуалов». На втором уровне так же работают все три значения понятия «признание». При этом для нас важно на этом уровне акцентировать внимание на контекстах, в которых осуществляется признание, поскольку они влияют не только на интерпретацию идей Карамзина в разные исторические эпохи, но и на формирование национального самосознания через отношение к собственному интеллектуальному прошлому. Два этих уровня опосредованы, и срединное положение здесь занимает русское сообщество интеллектуалов.

И в той мере, в какой идейное наследие Карамзина живет в отечественной культуре отнюдь не только как благодарная память, любое обращение к его трудам и суждениям становится, если угодно, содержательной компонентой точек ее роста или, напротив, зон напряженной стагнации. Практически все, что он сделал, стало, в собственном смысле слова, достоянием русской культуры,

³ См. об этом: *Щедрина И.О.* «Признание» как словесный феномен: Густав Шпет и Поль Рикёр // Феноменолого-онтологический замысел Г.Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков: Г.Г. Шпет / *Comprehensio*. Шестые Шпетовские чтения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 448–457.

⁴ *Рикер П.* Путь к признанию. М.: РОССПЭН, 2010.

и апелляции к этому достоянию являются одной из важнейших составляющих ее реальной жизни.

Карамзин востребован. И мы полагаем, что главную причину такой востребованности очень точно сформулировал в свое время А.М. Скабичевский, когда указал на морализм Карамзина как на основной мотив его творчества: «...совершенно в ином виде представится он вам, если вы, откинувши в сторону все его политические взгляды, посмотрите на него как на моралиста. Он первый, вопреки средневековой догматике, начал проповедовать благо и свободу страстей и право человека на земное счастье. В этом отношении “Разговор о счастии” (1797 г.) составляет эпоху в развитии нашей мысли. В этом сочинении впервые провозглашается, что всякий человек имеет право на счастье; счастье же заключается в тех удовольствиях, которые доставляют нам страсти, дарованные нам природой для наслаждения жизнью; что страсти губительны только тогда, когда они выходят из своих границ; на этом основании нравственная обязанность наша заключается не в подавлении страстей, а в наслаждении ими в данных границах, для чего нам дан рассудок»⁵. Со сказанным, на наш взгляд, нельзя не согласиться, но при этом возникает вопрос, как сумел Карамзин убедить русское общество рубежа XVIII–XIX вв. принять такого рода мироощущение и осознать его как собственную личностно-мировоззренческую позицию? Мы оставляем здесь в стороне известные социально-экономические процессы, начавшиеся в России в ту эпоху. Эти процессы образуют, так сказать, социальный фон, в котором сложились культурные основания этого принятия. К этому «фону» мы еще обратимся, но прежде всего нас интересуют собственно культурно-исторические сдвиги в самосознании тогдашнего русского общества. Ведь это общество, по признанию того же Скабичевского, совсем иначе смотрело на мир, и предлагаемые Карамзиным (хотя бы в «Бедной Лизе») моральные идеи встречали далеко не всеобщее сочувствие, а иногда и весьма жесткое сопротивление. Очевидно, важную роль в признании морализма Карамзина играла форма, модус его представления.

Прежде чем мы попытаемся в этой небольшой статье ответить на поставленный выше вопрос, сделаем одно методологическое

⁵ Скабичевский А.М. Очерки умственного развития нашего общества. 1825–1860 // Отечественные записки. 1870. Т. 5 (192). № 10. С. 290.

замечание: при аргументации «от Карамзина» в тени, как правило, оставались формы убеждающего воздействия его идей и суждений. Конечно, вряд ли уместно предъявлять такого рода претензии к Скабичевскому или Белинскому, а тем более к Пушкину, однако мы полагаем, что, во всяком случае, сегодня обращение к наследию Карамзина (всегда преследующее определенные идейно-практические цели) требует от философов и ученых-гуманитариев рефлексивного отношения не только к содержательному мотивационному контексту (фону), в котором осуществляется признание его наследия, но и к аргументационному потенциалу его идей и суждений. Дело в том, что рецепция исторического опыта Карамзина имела весьма разные основания, более того, эти основания менялись во времени. Эта рецепция иногда прямо опиралась на эстетическое впечатление, иногда — на когнитивную достоверность, а иногда — на нравственный авторитет Карамзина или на его социально-политические заслуги перед отечеством... С нашей точки зрения (которую мы в данном случае имеем возможность скорее высказать, нежели серьезно обосновать), основой культурного признания Карамзина русским обществом была не сама по себе эстетическая форма его произведений, не присущие им моменты моральной проповеди, но глубинный историзм его творчества, его ориентация на историческое познание, реализовавшаяся и в его художественных произведениях, и в заявлениях, созвучных социально-политическому климату эпохи. И прежде всего, эта ориентация реализовалась как стремление к достоверному знанию в его собственно исторических и философско-исторических работах. «Морализм» предстал в его суждениях как нечто реально осуществлявшееся — о чем мы можем иметь достоверное знание. В основании культурно-исторического признания его «морализма» лежало достоинство знания⁶ (суждения Карамзина становились общезначимыми и прежде всего потому, что они признавались обоснованными, представлявшими историю России как целостное смысловое единство).

⁶ О понятии «достоинство знания» см.: Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы “круглого стола”. Участники: *Б.И. Пружинин, Н.С. Автономова, В.А. Бажанов, И.Н. Грифцова, И.Т. Касавин, В.Н. Князев, В.А. Лекторский, В.Л. Махлин, Л.А. Микешина, П.А. Ольхов, В.Н. Порус, Г.В. Сорина, В.П. Филатов, Т.Г. Щедрина* // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 20-56.

Это рефлексивное, по сути, уточнение представляется нам концептуально эффективным и в контексте историко-философского взгляда на труды Карамзина, и с точки зрения культурно-исторической оценки эпистемологического достоинства его идей. Предлагаемый ракурс рассмотрения наследия Николая Михайловича Карамзина отнюдь не заменяет содержательный анализ. Он позволяет актуализировать не только идеи и суждения «официального историографа», но еще и исторический опыт интеллектуала, содержащий, по слова Шпета, «пятидесятилетнюю спонтанную работу русского духа»⁷, «возможность положительной культуры» для России⁸. Когда позднее отечественные публицисты, писатели, историки, философы обращались к Карамзину, это обращение предполагало всегда апелляцию не только к содержанию сказанного им, но и к присущей его текстам мощи положительного культурного импульса. Ссылкам на Карамзина, как бы автоматически, придавалась культурная общезначимость, придавалась убедительность и достоверность, повышающие уровень аргументации обратившихся к Карамзину писателей.

Апелляции к особому рода культурной значимости Карамзина легко различить в содержательных трактовках (иногда отвлеченно концептуальных, иногда — конъюнктурно-политических) той роли, которую играли в меняющемся контексте позднейших дискуссий известные суждения Карамзина о состоянии просвещения, о культуре и науке в современной ему России. (К примеру: «...многие сердятся и предсказывают беды нашему просвещению; а я даже и не смеюсь. Все идет своим порядком» (письмо Карамзина Дмитриеву, 28 февраля 1819 г.). Или его суждения о тех или иных исторических личностях — министерство Голицына, уничтожавшее, в который раз, образование в России, он называл «министерством затмения»; или его горестные замечания об отсутствии мотивации к учению у русского дворянства и купечества: «У нас нет охотников для высших наук. Дворяне служат, а купцы желают знать существенно арифметику или языки иностранные для выгоды своей торговли»⁹. Трактовки его суждений очень и очень

⁷ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. I / Отв. ред-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 324.

⁸ Там же. С. 276.

⁹ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русский архив. 1870. № 74. С. 22-94.

различались, но всегда в этих трактовках звучит мотив достоверности карамзинских констатаций, придающий его оценкам и частным суждениям общезначимость.

Обратимся к наиболее значимому для современной культурно-исторической эпистемологии и истории философии аспекту наследия Карамзина — к его историческим трудам в контексте сегодняшнего интереса российского общества к истории. Карамзин, действительно, «внес историю России в сознание русского общества» своего времени. Эта заслуга Карамзина сама по себе рассмотрена всесторонне и обстоятельно: «Оказывается, у меня есть отечество» — знаменитая фраза Федора Толстого, читавшего «Историю Государства Российского», — выражает суть того культурного деяния, которое свершил Карамзин. И при этом, в качестве наиболее значимого фактора, способствовавшего усвоению образованным русским обществом именно карамзинского варианта истории России, подчеркивается обычно «поэтическая» форма, в которой представлен моральный пафос его исторических трудов. Как полагал крупнейший отечественный литературовед Б.М. Эйхенбаум: «Здесь — не просто обоснование исторических занятий, но определение состава самой исторической эмоции, оправдание самой обращенности к прошлому, и притом — оправдание эстетическое, “История государства российского” — конечно, не столько история, сколько героический эпос»¹⁰. И это бесспорно важная для понимания исторического творчества Карамзина констатация. Но исчерпывались ли эстетическими характеристиками условия, которые определили предпочтительную восприимчивость тогдашнего русского образованного общества именно к «Истории государства Российского»?

Бесспорно, художественный дар историка — важное условие популярности его работ. (И, в скобках, заметим не без сожаления, как не хватает сегодня работ, популяризирующих научную историю России.) Более того, эстетическое видение истории — особый и важный (подчеркнем, содержательный!) момент любого исторического исследования. История, изложенная ясным и живым языком, описывающая реальность исторического процесса так, чтобы читатель ее «видел», «слышал», чувствовал себя «реальным» сви-

¹⁰ Эйхенбаум Б.М. Карамзин // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л.: Художественная литература, 1969. С. 203-204.

детелем исторических событий, чтобы мотивация исторических персонажей была соотносима с переживаниями и оценками читателя, такая история может рассчитывать на культурно-историческое признание. Но каким может быть характер рецепции истории, основанной (пусть не полностью, но в принципе основанной) на эстетическом восприятии? Очевидно, такое изложение прошлого будет усваиваться лишь как произведение искусства. Во времена Карамзина такого рода усвоение истории вряд ли могло произвести переворот в сознании российского общества. Тем более что известный эстетизм в изложении был свойствен отнюдь не только Карамзину, он присутствовал, например, и в исторических работах Василия Никитича Татищева. И хотя историческим трудам Карамзина он был присущ в значительно большей степени, все же вряд ли поэтическая составляющая его «Истории Государства Российского» была решающим фактором ее широкого воздействия на российское общество. Надо полагать, это воздействие реализовалось в несколько ином культурном плане — в плане собственно исторических исследований, развертывавшихся в то время внутри формировавшегося исторического самосознания России.

Исторические исследования Василия Татищева были известны значительно раньше работ Карамзина. Николай Михайлович еще не родился, когда Татищев (1739 г.) собирал заинтересованных слушателей, чтобы ознакомить их с результатами своих исторических изысканий. А через десять лет образованное общество прислушивалось к спорам Ломоносова и Миллера по теме, весьма задевающей российское самосознание. Однако, при этом ничего подобного восприятию «Истории государства российского» не происходило. В чем же тогда состоял тот важный идейный нюанс историзма Карамзина (помимо, повторим, «поэтической» формы его стилистики), который до сих пор стимулирует его восприятие как историка, «пробудившего» историческое сознание России?

Прежде всего, на наш взгляд, важно констатировать, что историзм Карамзина — особенность представления им исторических событий, способы его исторического видения и осмысления — позволил его «истории» стать элементом (по сути недостающим на тот момент) национального самосознания россиян. Историзм Карамзина был не случайным явлением в русской культуре, но специфической чертой русского стиля мышления того времени, о котором Шпет писал:

«Историзм... был, пожалуй, неизбежным методом нашей философии и, во всяком разе, не случайным, как не случайно было развитие у нас *науки истории*. <...> Ни Карамзин, ни Погодин, ни Востоков, ни Буслаев, ни Даль, ни Соловьев, ни многие прочие не могли бы явиться вне России, хотя начинали они с немцев, некоторые из них — даже от рождения... Мы входили в Европу исторической и этнографической загадкою. Таковою были и для себя. Мы все могли получить от Европы уже в готовом виде, но чтобы не остаться самым в ней *вещью*, предметом познания, чтобы засвидетельствовать в себе также *лицо*, живой субъект, нам нужно было осознать и познать самих себя. *Историческое сознание и историческое познание — наше самосознание и самопознание* (курсив везде Г.Г. Шпета. — Б. П., Т. Щ.)»¹¹.

Карамзин привнес в самосознание российского общества тот способ восприятия прошлого России, который позволял трансформировать этническое сознание в национальное. Татищев, заметим, сохранил летописную стилистику, структурируя исторический событийный ряд в основном хронологически. Смысловая (т.е. так или иначе телеологическая, целевая) связность, придающая целостность этому ряду, у него практически отсутствовала, хотя он и пытался соотносить те или иные события прошлого с современной ему реальностью. Соответственно, в его сочинениях превалировал этнографический ракурс представления истории России. Собственно, и проводить свои исторические изыскания он начал исходя из потребностей, по сути, географо-этнографических — с целью уточнить границы этноса, пространственные и временные. Удовлетворяя эти потребности, он фактически, излагая историю России, оставался отчасти в рамках эпоса и, в значительной мере, в стилистике летописной памяти. Между тем нация как социально-культурный феномен нуждается в связном, т.е. так или иначе осмысленном, прошлом, что предполагает знание о прошлом, т.е. собственно, историю. Нация нуждается в сознании, опирающемся на рациональную в своих основаниях реконструкцию реального прошлого как целостного, связного процесса. Эту связность как раз и несла в себе «История государства Российского».

И не столь важно, как трактуется эта связность у Карамзина, не столь важно, насколько историческое знание, фактически фор-

¹¹ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. I / Отв. ред-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 279-280.

мировавшее в его время культурные основания национального самосознания России, отвечало всем эпистемологическим критериям достоверного знания. У истории и ныне с достоверностью проблемы. Важно, что его представление прошлого, так или иначе, выявляло внутреннюю смысловую связность событий исторического прошлого России. Ведь, в конце концов, сама идея истории появилась как осмысление событийного ряда между первым и ожидаемым вторым пришествием Христа. И именно в развитие установки на осмысленную связность, история принимает форму знания аргументированного, опирающегося на источники, форму целенаправленно, сознательно выработанного представления о прошлом, представления, претендующего на достоверность и, по возможности, на проверяемость. И при этом, подчеркнем, совсем не обязательно, чтобы эта связность имела вид исключительно причинной последовательности событий. Возможны и иные, дополняющие, а иногда и превалирующие, формы ее рационального представления. Эти функции, к примеру, может выполнять и моральное измерение исторического исследования.

И этическое, и поэтическое измерения трудов Карамзина способствовали тому, что прошлое российского этноса связывалось в единую по смыслу историю. Вполне определенная этическая составляющая обеспечивала как бы единство исторического видения отдельных, вполне «самозамкнутых» событий и тем самым компенсировала недостаток прослеженных и описанных причинных связей. При этом «моральная» составляющая трудов Карамзина, на которую указывал Скабичевский, представала в его «Истории государства Российского» не в виде морализирующей проповеди, но как нравственное видение реальных событий, основанное на рационально представленном, опирающемся на свидетельства историческом опыте. Подобным же образом (в контексте так или иначе реализуемой познавательной установки) на историзм Карамзина «работал» эстетизм его видения прошлого, художественный дар, способность поэтического представления событий. Это особенно ясно проявилось в его философско-историческом письме Филалета к Мелодору:

«Знаю, что распространение некоторых ложных идей наделало много зла в наше время, но разве просвещение тому виною? Разве науки не служат, напротив того, средством к открытию истины и к рассеянию заблуждений, пагубных для нашего спо-

койствия? Разве не истина, разве ложь есть существо наук? <...> Нет! Светильник наук не угаснет на земном шаре. <...> Просвещение всегда благотворно; просвещение ведет к добродетели, доказывая нам тесный союз частного блага с общим и открывая неиссякаемый источник блаженства в собственной груди нашей; просвещение есть лекарство для испорченного сердца и разума; одно просвещение живодетельною теплотою своею может иссушить сию тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвит все изящное, все доброе в мире; в одном просвещении найдем мы спасительный антидот для всех бедствий человеческих!»¹².

Конечно же, историзм Карамзина не соответствовал всем методологическим критериям исторической науки. Поэтому ни Лаппо-Данилевский в своих фундаментальных работах по методологии исторического знания, ни Шпет, высоко оценивавший русскую историческую школу, не упоминают Карамзина в ряду историков-профессионалов. Но, как выражался С.М. Соловьев: «...историк XIX века <Н.М. Карамзин. — Б. П., Т. III.> уже предчувствует в истории науку народного самопознания; говорит, что она есть дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего». Карамзин представил русскую историю в соответствии потребностям русского общества того времени — этноса, становящегося нацией, и перспективам исторической науки в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы “круглого стола”. Участники: Б.И. Прижинин, Н.С. Автономова, В.А. Бажанов, И.Н. Грифцова, И.Т. Касавин, В.Н. Князев, В.А. Лекторский, В.Л. Махлин, Л.А. Микешина, П.А. Ольхов, В.Н. Порус, Г.В. Сорина, В.П. Филатов, Т.Г. Щедрина // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 20-56

Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русский архив. 1870. № 74. С. 22-94.

Карамзин Н.М. Филалет к Мелодору // *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М. — Л., 1964. С. 251-258.

Пытин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I. IV. Карамзин // Вестник Европы. 1870. № 9. С. 170-248.

¹² *Карамзин Н.М.* Филалет к Мелодору // *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М. — Л., 1964. С. 256-257.

Рикер П. Путь к признанию. М.: РОССПЭН, 2010.

Скабичевский А.М. Очерки умственного развития нашего общества. 1825–1860 // Отечественные записки. 1870. Т. 5 (192). № 10. С. 255–321.

Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. I / Отв. ред-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2008.

Щедрина И.О. «Признание» как словесный феномен: Густав Шпет и Поль Рикёр // Феноменолого-онтологический замысел Г.Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков: Г.Г. Шпет / Comprehensio. Шестые Шпетовские чтения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 448–457.

Эйхенбаум Б.М. Карамзин // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л.: Художественная литература, 1969. С. 203–213.

B.I. PRUZHININ, T.G. SHCHEDRINA

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HISTORICISM

WAYS OF RECOGNITION OF NIKOLAY MIKHAILOVICH KARAMZIN

This article analyzes specific features of intellectual legacy of Karamzin, who had a great impact on self-consciousness of Russian society. The idea that precisely epistemological specifics of Karamzin's historical works made a contribution to broad acceptance of his ideas and way of thinking in Russian culture is promoted. The authors show that social recognition of Karamzin is conditioned by inherent to his historicism personal experience of history of Fatherland based thirst of all on knowledge about the past.

Key words: history of Russian philosophy, cultural-historical epistemology, style of thinking, recognition, historicism, Karamzin.

П.А. ОЛЬХОВ

ИСТОРИЯ КАК ОТКРЫТОЕ ЦЕЛОЕ

МЕТАФИЗИКА ТОНА Н.М. КАРАМЗИНА*

Статья посвящена одной из наименее исследованных сторон наследия Н.М. Карамзина — анализу предпосылочных оснований его исторического мышления. Отмечается, что в «Истории государства Российского» и иных исторически настроенных трудах Карамзина-историка нет жестких теоретических схем, метафизического или идеологического конструирования предельных смыслов исторических процессов и событий, как нет и экзегетического источниковедческого ригоризма. Карамзинская историография отличается познавательной готовностью «чувствовать целое» в истории, событийно подвижное и открытое в смысловом отношении, несводимое в плоскость научных объективаций и неподвластное «грёзам метафизики». Как исследователь, Карамзин далек от того, чтобы идентифицировать историческое знание «само по себе», по мере его автономной, универсальной ли или индивидуальной истинности. Перспективной представляется реконструкция предпосылок карамзинского исторического мышления в контексте традиции «органического» или герменевтико-реалистического, диалогического мышления в истории русской мысли, фундаментальных трудов и архивных, лабораторных текстов М.М. Бахтина, Н.Н. Страхова, А.А. Григорьева, К.Н. Бестужева-Рюмина и др. В статье уточняются размышления Бахтина о карамзинском «героическом методе» и обширные характеристики нравственной и познавательной свободы Карамзина, его таланта и тона, которые предложил Григорьев; выявляются замечания Бестужева-Рюмина о том, что в своем историческом познавательном опыте Карамзин был весьма «мерным человеком», что нашло особую поддержку в полемических размышлениях Н.Н. Страхова о карамзинских установках здравого смысла. Как показывается в ис-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00704 «Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания: эпистемологический анализ».

следовании, дальнейшая разработка проблемы исторического мышления Карамзина нуждается в сравнительном анализе отечественной и западной герменевтических традиций.

Ключевые слова: философия истории, эпистемология исторической науки, историческое знание, историческое мышление, герменевтика, «чувство целого», героический метод, метафизический тон, здравый смысл.

*«Его история была, так сказать,
пробным камнем нашего самопознания»*

А.А. ГРИГОРЬЕВ

*«От метафизики и этики некуда уйти человеку,
и отказываясь от них, он все же ими занимается»*

К.Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

Выявление познавательного достоинства «Истории государства Российского» и иных исторически настроенных трудов Н.М. Карамзина никогда не было легким делом. В них нет жестких теоретических схем, уверенного конструирования предельных смыслов исторических процессов и событий, как, впрочем, нет и догматической экзегетики, неукоснительного подчинения локальным смысловым образам и структурам исторических документов. Это приводило в недоумение уже первых читателей карамзинской историографии, не готовых к тому, что историю можно представить как некое связанное целое, в слаженном единстве интерпретаций, не придавая им никакой окончательной смысловой завершенности.

Исходные посылки исторического мышления Карамзина, как и у многих его современников, имели вполне безыскусный общий вид: «История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир...»¹. Это своего рода общее место, почти традиционный пункт согласия в понимании предназначения истории как познавательной практики — она радуется не законченностью своих результатов, а их жизненной открытостью, — тогда, когда в ней соблюдается императив деятельного человека, который и в некотором умосозерцании прошедшего находит возможность укрепиться в действительном мире своей жизни. Цицероновский центон «наставляющей» истории здесь только уточняет

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Издание пятое. Кн. 1. Т. I. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1842. С. X.

ется глубинным антропологическим настроением радости от встречи с подлинностью неготового, немертвого, именно «действительного» в познании. Однако уловить это настроение, выверить и преобразовать его методологически оказалось трудной задачей для нескольких поколений читателей Карамзина, разделившихся в большинстве своем на его поклонников, восторгавшихся подлинностью его исторических дееписаний, и противников, отрицавших «ту Россию, которую с подлинника списал Карамзин»².

Оказалась неготовой к аналитическому разговору с Карамзиным-историком прежде всего русская историческая мысль, двигавшаяся в основном своем течении по скептическому и идейно-критическому руслу. Ожесточенные полемики об исторических интерпретациях Карамзина, вспыхнувшие уже при его жизни, в десятилетия XIX в. (с началом издания уже первых томов его «Истории государства Российского») угасли в течение считанных десятилетий³; последние крупные историки, чтившие Карамзина, — его младшие современники М.П. Погодин, С.М. Соловьев и примыкающий к ним по эпохе К.Н. Бестужев-Рюмин. Не найти обращения к познавательному опыту Карамзина в энциклопедической «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского; нет его и в работах теоретика исторического знания и исторического ремесла Н.И. Кареева, или у В.М. Хвостова; беглыми, по преимуществу отрицательными, характеристиками познавательного опыта Карамзина ограничиваются в своих капитальных историографических трудах В.С. Иконников и П.Н. Милюков. Даже взвешенный, пронизательный во многих своих историко-философских описаниях и характеристиках В.В. Зеньковский в отношении Н.М. Карамзина замечает о «философском эклектизме», аполитичной и аморальной «эстетически окрашенной мечтательности» — основе карамзинского «эстетического гуманизма», «безответственного не

² Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щединой. М.: Российская Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 87.

³ См. напр.: Взгляд на историю как на науку: Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко; Институт российской истории Российской Академии наук. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 560 с.

по легкомыслию, а по своему ирреализму», и т.д.⁴ Вполне равнодушны к Карамзину и исследователи, объективирующие историческое знание с предельным теологическим усилием (П.М. Бицилли, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк).

К концу XX и в начале XXI вв. Карамзин, по слову В.Э. Вацуры, «возвращается»⁵ — уточняется биографический масштаб карамзинской историографии (Ю.М. Лотман и Н.Я. Эйдельман) и история карамзинских юбилеев (С.О. Шмидт), реконструируется «миф Карамзина» (А.Л. Зорин, А.С. Немзер, О.А. Проскурин), упорядочиваются полемические pro et contra Карамзина и источники его религиозных воззрений (Л.А. Сапченко) и пр. Карамзин возвращается, и только, пожалуй, в одном отношении его возвращение нельзя назвать сколько-нибудь успешным: на периферии внимания остается *мастерская историка* — инструментальное разнообразие и полнота его методологического опыта, несводимого к стратегиям объективирующего исторического понимания.

* * *

Продуктивную учтивость по отношению к историческому мышлению Н.М. Карамзина удавалось сохранять немногочисленным исторически ориентированным русским мыслителям, которые заинтересовывались не столько эстетическими или методологическими недоработками, сколько самой историчностью его уникальной историографии, особенной познавательной готовностью «чувствовать целое» в истории, событийно подвижное и открытое в смысловом отношении, несводимое в плоскость научных объективаций и неподвластное «грёзам метафизики». Как исследователь, далекий от того, чтобы идентифицировать историческое знание «само по себе», по мере его автономной, универсальной ли или индивидуальной истинности, Карамзин оказался лишним в перспективе концептуальной или идейной исторической критики, ме-

⁴ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. С. 139. Ср. напр.: «о Карамзине надо сказать, что в его республиканизме нет ни политического, ни морального содержания, — но он поклонялся республиканизму, как он говорит, “по чувству”, во имя его эстетической, формальной гармоничности». — Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. С. 139.

⁵ Вацура В.Э. Карамзин возвращается // Литературное обозрение. 1989. № 11. С. 33-39.

тодологического позитивизма, объективирующей феноменологии или теологии истории, но вполне своим среди мыслителей «органического» или герменевтико-реалистического, диалогического склада — в обратной перспективе — М.М. Бахтина, Н.Н. Страхова, А.А. Григорьева, отчасти Н.И. Надеждина; среди собственно историков — К.Н. Бестужева-Рюмина, С.М. Соловьева, С.В. Русова и др.

В лекции М.М. Бахтина, прочитанной в начале 1920-х годов об «Истории государства Российского» содержится достаточно отчетливое суждение об историографическом реализме Н.М. Карамзина: «Нельзя объяснять прошлое как совокупность ошибок, потому что это *прошлое нужно продолжить*. Когда народ перестает героизовать свое прошлое, это свидетельствует об иссякании его исторических сил, о кануне его гибели. Поскольку прошлое дает толчок к созданию настоящего, его нужно героизовать. *Метод героизации стал основным художественным методом “Истории”*» (запись Р.М. Миркиной)⁶. Спустя два десятилетия, в 40-х годах, Бахтин напишет заметку о речевом устройении этого реализма: «полезно сопоставить стиль Карамзина в сложных гипотаксических периодах его «Истории государства Российского» со стилем его сентиментальных повестей»⁷.

«Героизацию», которую предпринимает Карамзин, нельзя представлять как некоторый идеологический или творческий произвол, как и не произволен карамзинский стиль; это отнюдь и не проповедь, обращенная к верным, отлитая в героизм как некоторую речевую икону, как это будет после Карамзина у Т. Карлейля. Героизация здесь — именно методологическое решение, принятое Карамзиным, ориентированным на историю как на разговор, или, точнее, историчную «*дворянскую разговорность*»⁸ с ее антропологической разнонаправленностью, то зыбкую, то заемную, то скепти-

⁶ Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Рабле» [Комментарии: И.Л. Попова] // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. М.: «Русские словари», 1996. С. 490-491 (курсив мой. — П. О.).

⁷ Бахтин М.М. Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. М.: «Русские словари», 1996. С. 152-153.

⁸ Бахтин М.М. Из архивных записей к работе «Проблемы речевых жанров». Диалог I. Проблема диалогической речи // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. М.: «Русские словари», 1996. С. 11.

ческую, то недоумевающую, — разговорность эпохи революций, путешествий, политических иллюзий и повседневного здравого смысла, жажды духовного трезвомыслия, просвещения и — в мире, в котором совершались многочисленные, масштабные перемены, — исторического самосознания. У Карамзина дело идет о «понимающей» героизации прошлого, — опыте созерцания в истории России некоторого исторического «ты». Формирование этой позиции можно заметить уже в переписке Карамзина с И.К. Лафатером — одним из авторитетных собеседников, у которого Карамзин читал своего рода переложение платоновского «Алкивиада»: «Глаз наш не так устроен, чтобы видеть себя без зеркала, — а наше “я” видит себя только в другом “ты”. Мы не имеем в себе точки зрения на самих себя»⁹. «История государства Российского» уже распределяет это «ты» типологически, как «ты» правителей, законодателей и «простых граждан»; при этом «мы все граждане, в Европе и в Индии, Мексике и в Абиссинии: личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя» и т.д.¹⁰.

Карамзин не сочинял историю; методологический поворот Карамзина заключался в том, что он входил в не им начатый исторический разговор, входил, по слову А.А. Григорьева, как «практический талант» — еще до обращения к историческим изысканиям он вносил «живую струю в жизнь как живой и действительный талант...». «Вся российская словесность до Карамзина, за исключением комедий Фонвизина и нескольких удачных сатирических попыток, была рядом “выдуманных сочинений”; «ничем этим нельзя было *жить* нравственно, потому что все это только *сочинялось*». Талант Карамзина, «чуткий и глубоко впечатлительный», не был талантом сочинителя; он проявлялся как талант *свидетеля*, «который «дал обществу то, что ему было нужно». При содействии этого таланта редкостным образом сосредоточивалось и развивалось отзывчивое, диалогически мобилизующее, именно историческое начало карамзинского мышления. Уже в «Письмах русского путешественника» оказывается исторически удостоверен свидетельский талант Карамзина — «не книжно, а душевно и сер-

⁹ Переписка Карамзина с Лафатером. 1786–1790 (подг. текста Ю.М. Лотмана) // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Изд-е подг. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984. С. 470.

¹⁰ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Издание пятое. Кн. 1. Т. I. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1842. С. IX.

дечно сочувствующим общечеловеческой жизни, — приходи в эту общечеловеческую жизнь не дикарем, а сыном!»¹¹.

Религиозная сила нравственного таланта, по Григорьеву, была с самого начала историчного творчества Карамзина сравнима с силой «благородного, но не практического энтузиаста» Радищева. Нравственный энтузиазм Радищева вызывает растерянность; «Радищев не мог подействовать на жизнь и общество, потому что прямо приступил к ним с самым крайним и строгим идеалом цивилизации, с ее последними по тогдашнему времени требованиями». «Карамзин, как талант практический, начал действовать на нравственную сторону жизни общества и в этой деятельности тоже в первую эпоху шел до крайностей. Его “Софья” возбуждала благочестивый ужас, но между тем читалась жадно. Его более благо-разумные... повести, моральные рассуждения и статьи в сущности имели одну задачу — смягчить *жестокое* (по выражению Кулигина в “Трозе”) нравы, его окружавшие... достигали этой цели, даже, пожалуй, и преступали ее, т.е. не только смягчали, но и раз-мечали нравы...»¹².

Нравственная свобода Карамзина не претендовала на оригинальность; это была «струя сентиментальная, струя общеврожденная тогдашней эпохе», и не единственная. Но — «является юноша с живым сочувствием ко всему доброму, прекрасному и великому, что выработалось в общечеловеческой жизни. Этот юноша стоит вровень со всеми высокообразованными людьми тогдашней Европы, хотя и не понимает еще уединенных мыслителей Германии, не смеет еще вполне отдаться ее начинающим великим поэтам. Человек своей эпохи, человек французского образования, он, однако, уже достаточно смел для того, чтобы с весьма малым количеством тогдашних образованных людей поклоняться пьяному дикарю Шекспиру, достаточно проникателен, чтобы зайти поклониться творцу “Критики чистого разума” и хоть о пустяках, да поговорить с ним... На всё, что нашлось тогда в воздухе его эпохи, отозвался он с сочувствием, и главное-то дело, что сочувствие это было живое, а не книжное...»¹³.

¹¹ Григорьев А.А. Народность и литература // Время. 1861. № 2. — <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1861/FEBRR/narilit.htm> (август, 2016).

¹² Там же.

¹³ Там же.

Карамзин дает *своему* обществу «то, что нужно», и «нужды нет, что в тогдашней общественной эпохе эта струя была не одна; нужды нет, что наравне с великим женевским чудачком — если не больше — царил над умами великий отрицатель и пересмешник, фернейский философ; нужды нет, что благородная муза Шиллера уже сказывалась тогда своими пламенными и юношескими звуками, звавшими к любви и братству; нужды нет, что Эммануэль Кант, своими категориями, по-видимому ограничивая человеческий разум, прокладывал ему дорогу, — нужды нет, говорю я, что ничего этого не отразилось в деятельности Карамзина. Для пробуждения общества от нравственной апатии было довольно и того, что он дал»¹⁴. Карамзин был свидетелем и интерпретатором событий нравственного опыта, отливавшегося в разных познавательных формах, тогда «"волтеризм"» в азиатском быту переводилось как право все делать и ничего нравственно не бояться: стремления Шиллера были бы непонятны, — а уж до Канта куда как было далеко!»¹⁵.

Нравственная конкретно-историческая свобода, с которой начинал Карамзин, продолжилась в особой познавательной свободе «Истории государства Российского» — свободе, о которой Григорьев предлагает размышлять как об особом исследовательском *таланте и тоне мышления* Карамзина, которые для него, историка, не могут быть старше или познавательнее таланта человеческого, нравственного жизнеустройства и тона сочувствия, сострадательного переживания мыслимого.

Карамзин — «впечатлительнейшая натура» и в своей историографии — талант его нуждался в целостном представлении, но избегал навязчивых посредников, которые представляли бы это целое с некоторой предварительной теоретической завершенностью. «Ко всякому злу, — является ли оно в виде события или

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. О широком распространении доверия к нравственным выступлениям Карамзина — характерная аналитическая заметка Г.В. Флоровского о Е.Е. Голубинском, который сравнивает речи Карамзина со словом м. Илариона «О законе, Моисеем данном, и о благодати и об истине». Замечательно, что нравственному разговору не мешает «святая меланхолия» с «неким привкусом скептицизма» раннего Карамзина; Карамзин высказывается нравственно, но нравственность его не моралистична, не является нравственностью «самой по себе», самодостаточной программой правильного поведения. См.: *Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия*. Париж, 1937. С. 8, 117 и др.

личности, — относится он прямо, без теории»¹⁶. В этой прямоте нет ни познавательной наивности, ни веры в собственную исследовательскую исключительность; напротив, это прямота познавательно опытного и потому метафизически нежесткого, констеллятивного тона в историографии Карамзина.

Эта речевая находчивость А.А. Григорьева — писать о карамзинском «тоне» (изредка о «колорите», «бессознательной» захваченности и т.п.) — позволяет ему описывать предпосылочные компоненты в историческом мышлении Карамзина как некие прообразующие и, одновременно, наблюдаемые эмпирические его начала, не моделируя их как некую дискурсивную структуру личности или исторических высказываний, а сосредотачиваясь на том, что привычно в интеллектуальной мастерской историка, в которой возникают шедевры со сквозными смысловыми настроениями и напряжениями, совместимыми или «созвучными» по некоторым событийным основаниям, взаимной, живой речевой обращенности и насыщенности.

Историческое мышление Карамзина лично ограничено: «...тон его, как тон человека высоко талантливого, оригинален и носит на себе печать изучения источников, хотя и одностороннего»¹⁷. Это, так сказать, односторонность к свободе, именно предпосылочная односторонность мыслителя, проникнутого европейскими образовательными смыслами, «оторванного», «захваченного внутренне общечеловеческим развитием» и возрастающего от общих, отвлеченных или размытых общеевропейских антропологических настроений своей эпохи к конкретности понимания русской истории. Историческое мышление Карамзина вполне нагружено антропософией XVIII в., мартинизмом, масонством, сквозными для того времени смыслами сентиментальной атмосферы германского богословия (тематически ориентированного на абсолютные моменты переживания Бога как своего другого «по горизонтали», умаление доминанты сыновства в религиозно-историческом самопонимании, своего рода регресс к раболепию); но Карамзин далек от безотчетной подражательности кому бы то ни стало; его историко-антропологический проект в сущности антиантропософичен и творчески строг¹⁸.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Поклонник Руссо, — пишет А.А. Григорьев, — он становится в своей «Истории Государства Российского» совершенно иным человеком.

Карамзин не склонен к концептуальному «идоложертвенному» служению — отношению к татарскому игу, падению Твери и Новгорода, Ивану Грозному и др. как к явлениям, существенно необходимым в русской истории: «тон его, чуждый мирозерцания наших летописей в первых томах его истории, крепнет и растет в последующих до преобразования в летопись в последнем; нужды нет, что чем более сливается он со старой Русью, тем более становится он русским; он все-таки русский европеец, он участник великой жизни, совершавшейся на западе Европы...»¹⁹. Впрочем, этот тон не гарантирует и отсутствие заблуждений: «в истории междоусобицы он увлекся одним только “сказанием” Авраамия Палицына, который, как человек, по своему времени высокообразованный и стало быть имевший справедливый или нет, но во всяком случае цельный взгляд на жизнь и событие, был ближе к нему, чем простодушные летописцы и современные грамоты...»²⁰.

Тон Карамзина в его историческом мышлении выверен, прежде всего, по отношению к образу целостного и возрастающего человека; это не тон всемирной отзывчивости или тон народного быта; Карамзин аристократически устремлен к познавательному и нравственно лучшему в истории: «совершенно правое негодование историка на изменников (“воровских людей” по грамотам и летописям) опять страдает тоном своим для всякого, кто знает, как,

Будущим биографам великого писателя предлежит труд разяснить эту поистине странную разницу между Карамзиным-историком и Карамзиным-публицистом и журналистом». — Григорьев А.А. Народность и литература // *Время*. 1861. № 2. — <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1861/FEBRR/narilit.htm> (август, 2016). При всей его симпатии к Руссо Карамзина никогда не станут называть «воплощенным Эмилем» (Emil réalisé), как это случится с историческим повстанцем в мышлении Л.Н. Толстым, который в юности будет носить на груди портрет Руссо вместо нательного креста. Навык свободного от поклонения, познавательного осмотрительного и творчески ответственного поведения повсюду сохраняется и в историческом мышлении Карамзина. См. напр.: *Прот. Георгий Флоровский*. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 407. *Пумпянский Л.В.* К истории русского классицизма // *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А.П. Чудаков; сост.: Е.М. Иссерлин, Н.И. Николаев; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.И. Николаева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 104 и др.

¹⁹ Григорьев А.А. Народность и литература // *Время*. 1861. № 2. — <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1861/FEBRR/narilit.htm> (август, 2016).

²⁰ Там же.

например, летопись на одной странице говорит о каком-нибудь Заварзине как о “воровском человеке”, называя его уменьшительною кличкою, а через страницу величает его уже по имени и отчеству, не помня зла, когда он перешел на сторону правового, земского дела»²¹.

Талант и тон, с которым Карамзин развивает и уточняет «чувство целого» истории, ее смысловой обоснованности, связности и непредрешенности, с некоторой взаимностью опознаются и отстаиваются К.Н. Бестужевым-Рюминым, который указывает на то, что в своем историческом познавательном опыте Карамзин был весьма «мерным человеком»²², и находят особую поддержку в полемических размышлениях Н.Н. Страхова о карамзинских установках здравого смысла, исторически рассудительного и чуждающегося крайностей в понимании изменчивости исторических событий, их временности или направленности²³.

* * *

Процедуры исторического понимания у Карамзина не предполагали концептуальной реконструкции предельных смыслов исторического исследования, их объективации или отчуждения от исследователя; понимание возникало в некотором коммуникативно ответственном отношении к источникам, чье свидетельское достоинство дотошно выверялось под «Шлёцеровой ферулой» и различным образом переосвидетельствовалось Карамзиным, уточнялось и интонировалось в историческом целом его историографии. Карамзин обращается к ресурсам участного понимания своих собеседников, вполне соблюдая атмосферу политического разговора, возможного во время царствования Александра I, — между

²¹ Там же.

²² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Николай Михайлович Карамзин. Очерк жизни и деятельности. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1895. С. 17.

²³ См. напр.: *Ольхов П.А.* Здравый смысл и история (заметки к полемической эпитафии Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина») // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125-132. О том, насколько трудно было соблюдать мерность здравого смысла в мышлении, свидетельствуют искания ближайшего, долговременного собеседника Н.Н. Страхова — Л.Н. Толстого; Флоровский решается даже говорить о «нигилизме от здравого смысла» у Толстого. См. напр.: *Прот. Георгий Флоровский.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 408.

прочим, решается на приватную записку к императору о древней и новой России, указывая в ней на императивы вольной историчности властвующих. Он нравственно-исторически и политически урезонивает в своих размышлениях Павла I или даже Екатерину II, «дремлющую на розах»²⁴, чиновное правительство, которое проявляет симпатию к отвлеченным проектам освобождения крепостных, выступает за решительный и скорый их перевод в сугубо гражданское состояние, забывая о жизненных разрывах и разрушениях, которые наступают при реализации таких проектов.

«Что значит освободить у нас крестьян? Дать им волю жить где угодно, отнять у господ всю власть над ними, подчинить их одной власти правительства. Хорошо; но сии земледельцы не будут иметь земли, которая (в чем не может быть и спора) есть собственность дворянская. Они или останутся у помещиков с условием платить им оброк, обрабатывать господские поля, доставлять хлеб куда надобно, — одним словом, для них работать, как и прежде, или, недовольные условиями, пойдут к другому умереннейшему в требованиях владельцу. В первом случае, надеясь на естественную любовь человека к родине, господа не предпишут ли им самых тягостных условий? Дотол щадили они в крестьянах свою собственность, — тогда корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических. Напишут контракт, и земледельцы не исполнят его: тяжбы, вечные тяжбы! Во втором случае, буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей, не потерпит ли и земледелие? Не останутся ли многие поля не обработанными, многие житницы пустыми? Не вольные земледельцы, а дворяне наиболее снабжают у нас рынки хлебом. Иное зло: уже не завися от суда помещиков, решительного, безденежного, крестьяне начнут ссориться между собою и судиться в городе, — какое разорение! Освобожденные от надзора господ, имевшую собственную земскую исправу или полицию, гораздо деятельнейшую всех земских судов, станут пьянствовать, злодействовать, — какая богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников, но как худо для нравов и государственной безопасности! Одним словом, теперь дворяне, рассеянные по всему государству, содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства; отняв у них сию власть блюстительную, он

²⁴ *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [осн. содержание — оттиск из «Русского архива», стлб. 2229–2352. 1870.] Б. м.: б. и., 1870. Стб. 2266.

как Атлас возьмет себе Россию на рамена... Удержит ли? Падение страшно!!»²⁵.

Всё это рассуждение имеет довольно долгую историю восприятий и последующих полемик²⁶, но у самого Карамзина оно сопровождается историческим очерком закрепления разных крестьянских групп в крепостническом положении как устойчиво жизненным. Замечается, в том числе: «Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных, ныне имеют навык рабов»²⁷.

Подобным образом Карамзин, следуя свободному здравому смыслу, указывает на обезличивающее верхоглядство чиновничества, которое стремится к справедливости в рекрутском наборе — помимо здравого смысла, — или же «пускает пыль в глаза», хлопота об университетских зданиях, заведении кабинетов, ученых обществ, призывает знаменитых иноземных астрономов, филологов, между тем как «в Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдешь человек сто, которые совершенно знают правописание, а мы не имеем хорошей грамматики, а в именных указах употребляются слова не в их смысле»²⁸ и т.д.

Не власть идей — метафизическую сдержанность и готовность исторически лично высказаться, обязаться в своем историографическом речевом мышлении демонстрирует Карамзин. Для историков экзегетического или определенного критического, концептуального склада позиция Карамзина как будто избыточно чув-

²⁵ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [осн. содержание — оттиск из «Русского архива». Стлб. 2229–2352. 1870.] Б. м.: б. и., 1870. Стб. 2302–2303.

²⁶ См. напр.: Ольхов П.А. Здравый смысл и история (заметки к полемической эпиграфам Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина») // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125–132.

²⁷ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [осн. содержание — оттиск из «Русского архива». Стлб. 2229–2352. 1870.] Б. м.: б. и., 1870. Стб. 2304.

²⁸ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [осн. содержание — оттиск из «Русского архива». Стлб. 2229–2352. 1870.] Б. м.: б. и., 1870. Стб. 2298–2300, 2295.

ственная или теоретически недалекая — на деле, впрочем, требующая развитого чувства диалогической дистанции, в которой «истина и правда», когнитивный и этический моменты исторического знания выступают в речевой форме ответственного суждения, «донкихотски» обращенного к конкретному историческому другому, в координатном отношении к которому оказывается вся карамзинская историография. Мастерство Карамзина-историка есть уверенное проявление способности такого суждения.

* * *

Исследование историчной познавательной свободы Карамзина нуждается, судя по всему, в усилении контекстов — внимания к той методологической традиции в историческом познании, которая в истории отечественной философии и методологии исторической науки была представлена весьма неполно и сильно интерпретирована, — традиции, существенный вклад в развитие которой вносили герменевтически ориентированные мыслители, сохранившие «недоверие к окольным путям абстрактного мышления», предпочитая им «мыслящий глаз и видящую мысль»²⁹ — удерживавшие внимание к истории как к открытому и диалогически конкретному целому исторического понимания. О том, как возможно герменевтически прямое «изображение действительного мира», Карамзин пишет весьма скудно; это историк, который хорошо прибрал за собою у своего верстака. Но позднейшие «другие» Карамзина — опыт герменевтико-диалогического мышления историков уже ближайшего к Карамзину XIX столетия (Л. фон Ранке, Г. Гервинуса, И.-Г. Дройзена и др.), история философской герменевтики от Ф. Шлейермахера А. Бека до В. Дильтея, Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина и др. — создают обширные возможности для контекстуального переопределения оснований и уточнения его уникального методологического вклада в историю исторического познания.

Особую область контекстов исторического мышления Карамзина образует нецеховая историография и практико-ориентированная философия истории (Ж Мишле, Т. Карлейля, Н.Я. Данилевского, Ш. Пеги и др.), в которой развивался и находил методологическое применение познавательный опыт, накапливавшийся в истории речевого реализма европейского романа. Своего рода «романность»

²⁹ Бахтин М.М. Письмо И.И. Канаеву 11 октября 1962 г. // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 710.

исторического мышления, замеченная еще Цицероном³⁰, является условием исторического дееписания, уточнения его событийной, диалогически-познавательной подлинности в интерпретативном, «динамическом целом» (Л.Г. Фризман) Карамзина. В истории романа «образ становящегося человека начинает преодолевать... свой приватно-частный характер... и выходит в совершенно иную, просторную сферу исторического бытия»³¹. Речевые «образы растущего человека»³², которые встречаются у Карамзина, возможно интонировать как романские, но с не меньшим основанием — и как образы антропологически «участного» исторического наблюдения.

* * *

Познавательная свобода Н.М. Карамзина рассредоточена и никогда не предстает в некоем отвлеченном смысловом самотождестве исторических высказываний. Карамзин не сочиняет историю — ни в каком смысле; он реконструирует исторические события, переживая историю, накапливая и уточняя опыт такого переживания; при этом его историческое мышление всегда имеет вполне определенный речевой вид. Он метафизически осмотрителен и этически историчен; его история неких нравственных порядков, которые всегда имеют вполне определенный и свободный речевой вид, существуют в единстве его исторического дееписания, никогда не упрощаясь и не понижаясь до релятивистического облика самодостаточного исторического рассказа. Исходно, историография Карамзина — «подвиг *свободного человека*: Карамзин ведь был одним из самых внутренне свободных людей своей эпохи... спокойно, никогда не споря с критиками, Карамзин свободно разговаривал и с царями, и с декабристами, никого и ничего не боясь»³³. Это была аристократическая, дворянская разговорность и дворянская свобода, предполагавшая нравственную привычку — порядок следования предписанному абсолютному условию, «не

³⁰ Бахтин М.М. Конспект *Geschichte der Autobiographia von Georg Misch* // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 3. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 698.

³¹ Бахтин М.М. <К «Роману воспитания» > // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 3. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 332.

³² Бахтин М.М. <К «Роману воспитания» > // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 3. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 333.

³³ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Вагриус, 2004. С. 230-231.

столько неограниченной, сколько безраздельной власти»³⁴ живого самодержавия; однако в историографической продуктивности такого предписания в случае Карамзина не приходится сомневаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М.М.* Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе // *Бахтин М.М.* Собр.соч. Т. 5. М.: «Русские словари», 1996. С. 141-156.
- Бахтин М.М.* Дополнения и изменения к «Рабле» [Комментарии: И.Л. Попова] // *Бахтин М.М.* Собр.соч. Т. 5. М.: «Русские словари», 1996. С. 473-492.
- Бахтин М.М.* Из архивных записей к работе «Проблемы речевых жанров». Диалог I. Проблема диалогической речи // *Бахтин М.М.* Собр.соч. Т. 5. М.: «Русские словари», 1996. С. 209-218.
- Бахтин М.М.* <К «Роману воспитания» > // *Бахтин М.М.* Собр.соч. Т. 3. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 218-336.
- Бахтин М.М.* Конспект Geschichte der Autobiographia von Georg Misch // *Бахтин М.М.* Собр.соч. Т. 3. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 669-708.
- Бахтин М.М.* Письмо И.И. Канаеву 11 октября 1962 г. // *Бахтин М.М.* Собр.соч. Т. 3. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 709-710.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* Методы исторических занятий // Журнал Министрства Народного Просвещения. 1887. Февраль. Отд. оттиск (РГБ). Б. м. Б. г. 29 с.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* Николай Михайлович Карамзин. Очерк жизни и деятельности. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1895. 18 с.
- Валицкий А.* История русской мысли от Просвещения до марксизма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 480 с.
- Вацуро В.Э.* Карамзин возвращается // Литературное обозрение. 1989. № 11. С. 33-39.
- Взгляд на историю как на науку: Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко; Институт российской истории Российской Академии наук. М. – СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 560 с.

³⁴ *Валицкий А.* История русской мысли от Просвещения до марксизма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 68.

- Григорьев А.А. Народность и литература // Время. 1861. № 2. — <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1861/FEBRR/narilit.htm> (август, 2016).
- Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. 222 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Издание пятое. Кн. 1. Т.1. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1842. XVII, 156 стб.
- Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [осн. содержание — отгиск из «Русского архива». Стлб. 2229–2352. 1870.] Б. м.: б. и., 1870. 2229–2352 стлб.
- Ольхов П.А. Здравый смысл и история (заметки к полемической эпитафии Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина») // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125–132.
- Переписка Карамзина с Лафатером. 1786–1790 (подготовка текста Ю.М. Лотмана) // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Изд-е подг. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984. С. 464–498.
- Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937. 601 с.
- Пумпянский Л.В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А.П. Чудаков; сост.: Е.М. Иссерлин, Н.И. Николаев; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.И. Николаева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 30–157.
- Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедриной. М.: Российская Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 848 с.
- Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Вагриус, 2004. 256 с.

P.A. OLKHOV

HISTORY AS AN OPEN INTEGRITY TO THE METAPHYSICS OF TONE IN THE WRITINGS OF NIKOLAY M. KARAMZIN

The article is dedicated to one of the least explored sides of Karamzin's historical writings, the premise bases of his historical thinking. There are no any hard theoretical schemes, metaphysical or ideological construction of the ultimate meaning of historical processes and events, or source-exegetical rigor in the "History of the Russian State" and other historically-minded writings of Karamzin. The historian is ready "to feel a whole" in / of the history; the historical event is basically intrergrated as semantically

open, irreducible to the plane of scientific objectifications and eludes the “day-dreams of metaphysics”. As a researcher, Karamzin was far from being able to identify historical knowledge “in itself”, as an autonomous, universal, or whether the individual truth. To reveal the underlying presuppositions of Karamzin is promising in the context of the “organic” or hermeneutic tradition in the history of Russian thought (fundamental or laboratory texts of Mikhail M. Bakhtin, Nikolay N. Strakhov, Apollon A. Grigoriev, Konstantin N. Bestuzhev-Ryumin and others). It clarifies the Karamzin’s “*heroic method*” (M.M. Bakhtin) and the extensive characteristics of his *moral freedom*, his *talent* of holistic and responsive thinking, its metaphysically restrained *tone* (A.A. Grigoriev) in the framework of a very impressionable and “*dimensional man*” (K.N. Bestuzhev-Ryumin) tuning with its cognitively and vitally rooted *common sense* (N.N. Strakhov). As shown in the study, to solve the problem of historical thinking of Karamzin is to be correlated with a comparative analyze of the Russian and Western hermeneutical traditions of the XVIII century.

Keywords: philosophy of history, epistemology of historical science, historical knowledge, historical thinking, hermeneutics, “the feeling of a whole”, heroic method, metaphysical tone, common sense.

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н.М. КАРАМЗИНА И ФИЛОСОФСКОМ ВЗГЛЯДЕ НА ИСТОРИЮ

В статье рассматривается творческое наследие Н.М. Карамзина как предвестника отечественной философии истории. В связи с этим автор обращает внимание на реализованные им исследовательские принципы в изложении российской истории, определившие будущее концептуальное сближение исторического знания с философией на пути становления отечественной философии истории.

Ключевые слова: исторический процесс, российская история, самодержавие, российское просвещение, историческое знание, принципы исторического повествования, Карамзин, отечественная философия истории.

В декабре 2016 года исполнится 250 лет со дня рождения Николая Михайловича Карамзина, родоначальника классической русской литературы и автора «Истории государства Российского», не утратившей своей научной ценности до наших дней. Завоевав сердца читателей как автор «Бедной Лизы» он в 1818 году представил на их суд результат многолетнего кропотливого труда в качестве официального историографа — восемь томов 12-томной «Истории государства Российского», которую А.С. Пушкин назвал произведением великого писателя и подвигом честного человека. «История» в буквальном смысле открыла русскому обществу глаза на собственную историю, более того, Карамзин, как справедливо заметил Ю.М. Лотман, предлагая читающей России свою «Историю», давал *России историю*. Его труд стал не для одного поколения основным источником знакомства с прошлым своей страны, при этом изложенным так живо, что воспринимался, как «историческая поэма» — настолько были ярки образы и обрисовки харак-

теров действующих лиц (Ивана Грозного, Бориса Годунова, Лжедмитрия), настолько завораживала энергия повествования. Приглашая читателя «добраться до внутреннего смысла русской истории» (П.В. Анненков), Карамзин убеждал фактами и силой своего писательского таланта, что знание прошлого необходимо каждому человеку, ибо именно и прежде всего они делают его *гражданином своего Отечества*. Переоценить силу воздействия «Истории» на общественное сознание и мировосприятие современников просто невозможно. За короткое время она стала настольной книгой всей читающей России, которую пересказывали, зачитывали отрывки вслух в семейном кругу и в Салонах, обсуждали отдельные сюжеты, поступки царей и царедворцев, обменивались мнениями в жарких спорах. Оценка автора была общей — «нет равного ему историка между живыми» (А.И. Тургенев). Но главное, после знакомства с «Историей» российское общество почувствовало невозможность оставаться в прежнем умственном и нравственном состоянии, в прежних размышлениях над историей и судьбой России. Книга, рождая ощущение причастности к истории страны, формировала *позитивное национальное самосознание*, вектором которого становилось осознание российским обществом себя как *исторической нации* и своей принадлежности не только к собственной культуре, но к культуре и историческим судьбам европейского мира, т.е. (по представлениям того времени) всего человечества. Конечно, этому в немалой степени способствовали и другие обстоятельства, и прежде всего война 1812 года, но *увидеть себя в истории* помогла «История государства Российского» Карамзина.

Русский читатель и до Карамзина был знаком с историей своей страны, ему были известны «История Российская» В.Н. Татищева (1686–1750), представленная им в Академию в 1739 году, но, к сожалению, увидевшая свет только в 1768 году, как известно, А.Л. Шлёцер назвал Татищева отцом русской истории, «проломившим лёд в русской истории»; была известна 18-томная «История Российская от древнейших времён» М.М. Щербатова (1733–1799), над которой он работал более 14 лет, вплоть до своей кончины, автор и сегодня хорошо известного труда «О повреждении нравов в России»; читатели знали написанную ранее «Древнюю русскую историю» М.В. Ломоносова (1711–1765), построенную им с использованием большого круга источников, в том числе по всеобщей истории. Но именно Карамзин силой своего литературного

дарования и исторической интуиции смог представить историю России с древнейших времён до XVII века так ярко и полно, как никто до него. Российская история предстала в его изложении в разных обликах, через раскрытие характеров и мотивов поведения действующих в ней реальных лиц. Знаковыми словами он начинал своё повествование: «История в некотором смысле есть священная книга народов; главная, необходимая; зеркало их бытия в деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего»¹. В изложении исторических событий Карамзин руководствовался мыслью, что история любого народа даёт уроки нравственности и государственного мышления и потому строил своё повествование так, чтобы у читателя складывалась уверенность в конечном торжестве справедливости, которая утверждает благо и согласие в обществе. Её нужно знать, дабы знать, «как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное не земле счастье»². Но, пожалуй, самый главный вывод, который следовал из исторического повествования Карамзина, это признание, что аморальные действия не могут быть государственно полезными, что зло не может быть оправдано никакими благими деяниями власти. Мысль, что эту истину он довёл до сознания читателя, как он признавался, успокаивала его «великим утешением».

Если говорить о воздействии «Истории» на российскую научную мысль, то его главным следствием стало обращение («разворот») исторического знания к философскому осмыслению исторических событий, к выработке парадигмы интерпретации взаимосвязи исторического знания и философии, круга их общих научных интересов. Можно сказать, что «История государства Российского» проложила путь к взаимопониманию историков и философов, результатом которого стало становление и развитие уже в первой половине XIX века отечественной философии истории (Т.Н. Грановский, А.И. Герцен). Что даёт основания для такого утверждения?

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. В двенадцати томах. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 13.

² Там же.

Карамзин увидел российскую историю в *беспрерывном потоке перемен*, происходящих в обычаях и умах людей, в государственных законах и в уложениях, в формах организации общественной жизни и способах хозяйствования. В выявлении *внутренней связи между ними* он видел свою задачу как историка. «Не дозволяя себе никакого изобретения, — писал он, — я искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и всё, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность»³. (Не случайно, шестой том «Истории» заканчивается описанием путешествия Афанасия Никитича, в конце седьмого тома автор дает обзор культуры XV–XVI веков.) Принцип отношения к исторической реальности *как к системе*, живущей внутренними связями между входящих в неё «элементов», через некоторое время найдёт философское обоснование в толковании Грановским истории как *живого организма*, ориентировавшее описание исторической жизни народа, являющееся целью истории, с учётом культурно-антропологических, географических, политико-экономических, статистических факторов. Это «открывало двери» для соотнесения исторических перемен с природными изменениями, с учётом лишь той разнице, как писал Грановский, что «в природе этот процесс совершается как однообразное круговращение, в истории он совершается над вечно новыми предметами»⁴. История, понятая, как *органическая жизнь*, получала, по мысли Грановского, «средоточие», из которого исходят все её отдельные проявления и стихии, давала представление о её *целостности*. К этой же мысли подводит и повествование русской истории Карамзиным, как бы предвосхищая её более позднее методологическое обоснование уже с позиций общей истории и утверждавшегося в историческом знании позитивизма.

Карамзина не раз упрекали в том, что его взгляд на историю не строился на признанной европейскими историками идеи общих исторических закономерностей (Н.А. Полевой, В.О. Ключевский), поэтому он не выявляет историческую связь причин и следствий,

³ Там же. С. 20.

⁴ Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. (Авторский пересказ и записи слушателей). М.: Наука, 1961. С. 42.

не заглядывает за «исторические кулисы», упрекали в том, что его занимало не общество с его строением и складом, а историческая конкретика, а в ней — человек с его личными качествами и случайностями жизни. Взгляд Карамзина на историю, уверял Ключевский, строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике. Упрёк не совсем корректен: во-первых, мысль об общих законах истории в начале XIX века ещё не обрела в российском общественном сознании черты концептуальной идеи и уже потому Карамзин не мог руководствоваться ею, а во-вторых, акцент на «нравственно-психологических» характеристиках исторического времени соответствовал его собственному, оправдавшему себя со временем, принципу анализа, который следует ему поставить в заслугу, а не в упрёк. В определённом смысле Карамзин предостерег отечественную философию истории от абсолютизации роли общих закономерностей в историческом исследовании, интуитивно почувствовав, что излишнее внимание к ним может рождать пренебрежение фактами, недопустимое для историка. Чуть позже рассмотрению проблемы в этом ключе уделил особое внимание Т.Н. Грановский, считавший, что при жёстком следовании логическому методу невозможно достигнуть глубокого понимания отдельных явлений и их значения в целом, поскольку при этом естественные факторы истории утрачивают свой смысл и значение, что общефилософские идеи, непосредственно включенные в анализ исторического материала, могут его подавлять. Сам Грановский демонстрировал талант историка, которому, как отмечал его исследователь А.А. Левандовский, «блестяще удавалось всякий раз провести исторический анализ «между Сциллой логического фатализма и Харибдой бесплодного эмпиризма»⁵, оставаясь верным методу конкретно-исторического анализа и одновременно методологическим принципам философско-исторического подхода к истории.

В пренебрежении историческими фактами Карамзина упрекнуть нельзя, а увидеть в их описании в том числе философский интерес — можно. (Не случайно Б.М. Эйхенбаум назвал Карамзина «нашим первым философом».) Но интерес Карамзина преимущественно к исторической конкретике имел ещё одно неоспори-

⁵ Левандовский А.А. Время Грановского. М.: Молодая Гвардия, 1990. С. 291.

мое достоинство: он открывал русскую историю для русской литературы, которая ещё долгое время будет обращаться к воссозданным историком образам и историческим ситуациям. С этой точки зрения отсутствие общих, умозрительных, конструкций в «Истории» имело бесспорно положительное следствие, если оценивать её по общекультурным критериям.

Научная заслуга Карамзина как предвестника будущих отечественных философско-исторических конструкций состояла в признании *законосообразной текучести истории*, в рассмотрении её движения по траектории, вычерчиваемой переменами, происходящими в гражданском бытии людей и в духовно-нравственном развитии человечества. И в период написания «Писем Русского Путешественника» (1796), и в период завершения работы над «Историей государства Российского» (1825) он видел смысл истории в «возвышении разума к своему совершенству». Эта идея позволила уловить ему в движении истории её соотнесённость не только с формами государственного устройства и гражданского бытия, но и с духовно-нравственной жизнью народа, с национальной культурой страны. Начиная с его «Истории» утверждается общая исследовательская линия *включения исторических событий в совпадающий с ними по времени социально-культурный контекст*. Объясняя своё следование этому принципу, Карамзин писал, что хотел «не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени, и характер Летописцев; ибо одно мне казалось нужным для другого»⁶. В таком описании он видел отличие историка (и себя) от летописца: «последний смотрит единственно на время, а первый — на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать своё место»⁷. Примечательны в этой связи его предсмерт-

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. В двенадцати томах. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 20.

⁷ Там же. Примечательно, что с этой же мысли, выраженной ещё более определённо, Карамзин начинает свою «Записку о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях», написанную им в 1811 году: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее. Одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее» (Карамзин Н.М. За-

ные слова о восстании декабристов, сказанные Николаю I: «заблуждения и преступления этих людей есть заблуждения и преступления нашего времени». Ещё раз подчеркну, что российская история представляла в изложении Карамзина во взаимосвязи всех форм людской жизнедеятельности, каждая из которых играла свою роль в общем движении от войн к миру, от царствования одного самодержца к правлению другого, от одной эпохи к другой, в общем движении от дикости к цивилизации.

Такой подход, и это свидетельствует об особом даре Карамзина, о его развитой исторической интуиции, вывел его исследование на *человеческое измерение* истории. Он буквально «населил» её людьми, проявляющими себя в разных ситуациях добродетельными и порочными, трусливыми и смелыми, решительными и сомневающимися, сильными и слабыми, но всякий раз включёнными в нравственно-духовные смыслы и ценности своего времени, вне которых их действия, как и само историческое знание, лишаются адекватного содержания и объяснения⁸. В рамках такого подхода добро и зло наполнились *историософским содержанием*, т.е. предстали элементами исторической реальности. С одной стороны, это предопределило их включение в качестве концептов в будущие философско-исторические построения (Вл. Соловьёва, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова), с другой стороны, инициировало интерес к эпистемологической составляющей исторического знания. «История» Карамзина убеждала: *историк не может и не должен оставаться безучастным наблюдателем*. Представленное им историческое повествование доказывало, что адекватному описанию истории, жёсткому сле-

писка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении». М.: Наука, 1991. С. 26. «Записка», к сожалению, только через четверть века была частично опубликована «Современником», а полностью — в 1914 году).

⁸ Преимущества выбранного подхода очевидно проявились при описании опричнины в царствование Ивана Грозного, позволив Карамзину подвести читателя к выводу о её губительном влиянии на жизнь следующих поколений — общее падение нравственности, жестокость, возведённая в принцип государственного управления. Напомним, что историки, признававшие усиление государственности прогрессивной чертой эпохи Ивана Грозного, оказывались в ситуации так или иначе оправдывать и опричнину как историческую необходимость (К.Д. Кавелин, отчасти С.М. Соловьёв).

дованию историческим фактам не противоречит экзистенциальное включение в исследуемый материал, погружение историка в свой духовный опыт, складывающийся, как у каждого человека, в равной степени из умозаключений и нравственно окрашенных образов. Через некоторое время обоснование этому исследовательскому принципу даст И.В. Киреевский, введя концепт «живознание», интерпретируя его в качестве «гносеологического пространства», в котором достигается необходимое единство (мера) рационального и духовно-нравственного в познавательном процессе⁹. (Аналогом «живознания» в Западной мысли можно считать учение «о логике сердца» Паскаля и «о чувствующем уме» Якоби.) Этому принципу будет следовать в своих исследованиях по истории средневековья Т.Н. Грановский, допуская наряду с соблюдением объективности в описании исторических событий их оценку. «Пристрастие, — писал он, — бывает постыдное, когда куплено какой-нибудь выгодой, или обещанием; но пристрастие, проистекающее из убеждения, будет ли оно основательно или нет, не только не предосудительно в истории, но даже придаёт ей больший интерес»¹⁰. Сам Грановский всегда следовал этому требованию: оставаясь на позициях объективного изложения событий, он включал в анализ, со свойственным ему «тактом сердца», их нравственную оценку, считая, что историк не должен (и не может) отказать себе ни в симпатиях к побеждённым, ни в презрении к победителю. Но именно к Карамзину уходят истоки такого подхода — подхода, который со временем определит специфику отечественной философии истории. Конечно, Карамзин видел возможные «издержки» подобного субъективизма и потому предупреждал: историк, прикованный к сухим хартиям древности, имеет право на нравственную оценку событий и поведения исторического деятеля лишь при условии, если учитывает систему ценностей той исторической эпохи, которая стала объектом его интереса. «Он творит из данного вещества: не произведёт золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; от-

⁹ См.: Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Полное собрание сочинений И.В. Киреевского в двух томах / Под ред. М. Гершензона. Т. I. М.: Типография Императорского Московского университета. 1911. С. 223-265.

¹⁰ Лекции Т.Н. Грановского по истории Средневековья. (Авторский пересказ и записи слушателей). М.: Наука, 1961. С. 305.

крывать великое, где оно таится и малому не давать прав великого», — писал он в Предисловии своей «Истории»¹¹.

И наконец, ещё немаловажный момент, свидетельствующий, что «Историю государства Российского» можно и следует отнести к началу *российской философии истории*. Карамзин первым развернул тему «Россия-Европа» в сторону проблемы связи национального и общечеловеческого в движении истории. Убеждённый, что Россия с древнейших времён занимает достойное место среди европейских народов, а её история является частью европейской истории, он *предостерегал от почвеннических настроений*, отстаивая разумность и позитивность позиции будущих *западников*. (Спор между которыми определит направленность разработки основных проблем отечественной философии истории.) «Всё народное, — убеждал он в «Письмах Русского путешественника, — ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то моё, ибо я человек!»¹². Вместо религиозной идеологии «Москва — третий Рим» им была предложена светская парадигма связи России с западноевропейской историей и культурой. Имея явно «западнические» ориентации (сказался, видимо и факт пребывания в кружке Новикова и долгое сотрудничество с журналом «Вестник Европы», и приверженность идеям Просвещения) Карамзин в толковании проблемы «Россия и Европа» отстаивал сбалансированную позицию. В его повествовании Россия предстала полноправным членом общей семьи европейских народов, сохраняющей на всех поворотах своей непростой истории «национальное достоинство», поддерживаемое любовью к Отечеству. Чувство патриотизма — вот гарантия могущества страны и уважительного отношения к ней Запад. «Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя, — писал Карамзин. — Пусть греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого, и нам не чужие по своим добродетелям».

¹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. В двенадцати томах. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 18.

¹² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1983. С. 321.

телям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особую прелесть: сердце моё ещё сильнее бьётся за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живём и чувствуем»¹³. Осознание причастности к истории человечества и почитание истории своей страны есть та духовно-культурная основа, считал историк, которая является залогом нравственного совершенствования и движения народа по пути цивилизационного развития.

«История государства Российского» Н.М. Карамзина — это глубокое по намеченным философским проблемам и богатое по используемым источникам историческое повествование, не утратившее своей научной значимости до наших дней. Она заложила основы для конструктивного союза исторического знания с философией, результатом которого стала отечественная философия истории, давшая российской культуре Т.Н. Грановского, А.И. Герцена, Вл. Соловьёва, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, Л.П. Карсавина. Николай Михайлович Карамзин занимал и занимает достойное место в ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гулыга А.В. Великий памятник русской культуры // *Карамзин Н.М. История государства Российского*. В двенадцати томах. Т. I. М.: Наука, 1989. С. 460-480.
- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника* // *Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах*. Т. 1. М. — Л.: Художественная литература, 1964. С. 79-601.
- Карамзин Н.М. История государства Российского*. В четырёх книгах. М.: Книга, 1988.
- Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях*. М.: Наука, 1991. 128 с.
- Карамзин Н.М. Pro et Contra: Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей*. СПб.: РХГХ, 2006. 1280 с.
- Левандовский А.А. *Время Грановского*. М.: Молодая Гвардия, 1990. 304 с.

¹³ *Карамзин Н.М. История государства Российского*. В двенадцати томах. Т. I. М.: Наука, 1989. С. 14.

Лекции Т.Н. Грановского по истории Средневековья. (Авторский пересказ и записи слушателей). М.: Наука, 1961.

Лотман Ю.М. Карамзин. СПб.: Искусство, 1997. 832 с.

Сахаров А.Н. Уроки «бессмертного историографа» // Н.М. Карамзин. История государства Российского. В двенадцати тт. Т. I. М., Наука, 1989. С. 415-460.

Сухов А.Д. Русские философствующие историки. М.: Канон+ «РООИ» Реабилитация, 2016. 158 с.

Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. 252 с.

I.N. SIZEMSKAYA

ABOUT THE CREATIVE HERITAGE OF NIKOLAY KARAMZIN AND THE PHILOSOPHICAL VIEW ON HISTORY

The article discusses the artistic heritage N.M. Karamzin as a harbinger of the national history of philosophy. In this regard, the author draws attention to the researching principles, which Karamzin had realised, and thus they determined the further conceptual convergence of historical knowledge and the philosophy on the way to becoming the national history of philosophy.

Keywords: The historical process, Russian history, the autocracy, the Russian education, historical knowledge, the principles of the historical narrative, Karamzin, the domestic philosophy of history.

М.С. КИСЕЛЕВА

ОТ В.Н. ТАТИЩЕВА К Н.М. КАРАМЗИНУ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

В статье анализируется стартовая точка проекта интеллектуальной истории в России XVIII в. в ее связи с европейской историографией. Рассматриваются отличия в методологии строения «Истории российской» В.Н. Татищева — историка с опытом практического государственного деятеля и в сочинении истории Н.М. Карамзиным, писателем-сентименталистом, просветителем и профессиональным историографом. Показаны точки схождения обоими историками в понимании целей и задач в написании древней истории; в рецепции принципов, заимствованных из европейской историографии. Обращено внимание на различие историко-культурных контекстов начала и конца XVIII в. важных для работы историка и его продуктивных интенций. В Петровское время это — создание гражданского алфавита и календарная реформа; в конце XVIII в. — личный опыт Карамзина как путешественника в Европу. Отмечаются различия в участии российских и европейских интеллектуалов в написании трудов по российской истории, затрагивается вопрос о становлении русской истории как университетского дисциплинарного знания.

Ключевые слова: европейская историография, история, дисциплинарность, интеллектуальная проективность гуманитарного знания, В.Н. Татищев «История российская», Н.М. Карамзин, «Вестник Европы», «История государства Российского», русская культура XVIII века, университетская история, С.М. Соловьев.

*«...наша, без сомнения, счастливая судьба во
всех отношениях есть какая-то необыкновенная
скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями»*

Н.М. КАРАМЗИН

Среди профессионалов-историков, изучающих событийную историю Российской империи, нет сомнений, что Россия в течение

XVIII в. вышла на сцену европейской истории не как статист, не на вторых ролях. К концу столетия она вошла в число стран, решающих судьбы Европы, а в начале XIX в. покоритель Европы Наполеон был разбит русскими войсками. Интеллектуально Россия опаздывала, и это — несомненный факт, хотя старт движению к интеллектуальной Европе был дан еще в Московском царстве при Алексее Михайловиче. Однако исторические сюжеты, тем более из отечественной истории, не были востребованы интеллектуалами-богословами, решающими, прежде всего, задачи православного просвещения паствы¹.

Давно замечено, повышение градуса интереса к прошлому своей страны связано как с политическими поворотами в ее развитии, так и с интеллектуальным движением внутри государства. Мысль Карамзина в речи на Торжественном Собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 г. по случаю принятия его в члены Академии проста и ясна. Соединяя «жизнь человека» и «жизнь империй» через интеллектуальные и художественные достижения, Карамзин формулирует важные для своего времени понятия: не столько военные победы, сколько нравственное достоинство народа, запечатленное в художественном слове историописаний и оставленное последующим поколениям, скрепляет собой его историю. Эпоха Просвещения, оглядываясь на высокие образцы античности, видела в них идеал в отношении к историческому прошлому. Идеальная пища для читающей души — это и есть история своего народа, его славы, подвигов, страстей, но главное — творческих деяний². В этом ключе и завершает свою речь Карамзин:

¹ Об этом подробнее: *Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011. 472 с.

² С.М. Соловьев, оценивающий исторический труд Карамзина в сравнении его с «Российской историей», Татищева писал: «взгляд историка XVIII века на свой предмет в главных чертах сходен со взглядом историка XIX века: оба смотрят на историю как на науку опыта; оба следуют одному порядку при изложении ее пользы. Но при сходстве воззрения есть и разница: историк XIX века уже предчувствует в истории науку народного самопознания; говорит, что она есть дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» (*Соловьев С.М.* Н.М. Карамзин и «История государства Российского» // *Соловьев С.М.* Сочинения в 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 49).

«Тамерланы затмили бы Фемистоклов и Цесарей; но могли только убивали, а греки и римляне питают душу самого отдаленного потомства вечными красотами своих творений. <...> И жизнь наша, и жизнь империй должны содействовать раскрытию великих способностей души человеческой; здесь все для ума и чувства; все бессмертие в их успехах!»³.

Это просветительское осмысление истории можно принять как формулу ее философского прочтения, как цель и задачу живущих в истории поколений. Однако с этой ли программы начиналось построение исторической картины отечества в XVIII в.⁴? Как двигалась интеллектуальная мысль России к своему историческому прошлому? Стоит попробовать свести «начала и концы» в состоянии исторического знания в России от «славного столетия» к «дням Александровым» для понимания интеллектуального вектора движения.

* * *

Петровское время разбудило Россию, включив в процесс ее преобразования новые слои населения. Среди окружения царя сложился круг людей — Ф. Прокопович, П.П. Шафиров, Б.И. Куракин и др., которые не только участвовали в реформах, ковали военные победы, но и оказались заинтересованными и способными быть свидетелями и историописателями происходящих перемен. Сам Петр заботился о сохранении своих деяний и документировал российских успехи и преобразования. Собрание его Указов есть, по существу, летопись этого процесса, сохранение государственных архивов — работа на историю Империи. Панегирический характер с определенной долей мемуаристики в историописаниях «деяний Петровых» очевиден. Однако это — своего рода история современности, той «России молодой», которая сменила «Древнюю Русь», оставшуюся в летописных собраниях.

Петр, проведя реформу и создав «гражданский алфавит», сильно поспособствовал завершению процесса, практически уже созревшего среди русских книжников. Церковнославянский язык остался за церковной служебной книжностью и отчасти богосло-

³ Карамзин Н.М. Речь, произнесенная на Торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М. 1982.

⁴ Этому вопросу посвящена монография: Артемьева Т.В. Идея истории в России XVIII века. — Философский век. Альманах. Вып. 4. СПб., 1998. 267 с.

нием. Становящаяся потребность в гуманитарных знаниях в соединении с переходом с церковнославянского языка на русский поставила культуру перед задачей создания русской словесности — текстов, написанных на русском литературном языке. При этом обучение в открывшейся в 1724 г. в Санкт-Петербурге Академии происходило под руководством ученых-иностранцев. Определенное напряжение между писанием исторических текстов о России на русском языке и освоением гуманитарных трудов из Европы на иностранных языках существовало, несмотря на то, что по указу Петра были сделаны переводы таких исторических сочинений, как, например, труд Пуфендорфа⁵. Открытие Академии наук преследовало цель снять это противоречие и обучить будущих русских писателей историографическому труду по европейским образцам, для чего были приглашены немецкие ученые Г.-Ф. Мюллер, И.-Э. Фишер, которые читали лекции, но по-немецки, и не были сведущи в истории России. Появление трудов Мюллера о России на русском языке пришлось на 50-е гг. после его поездки в Сибирскую экспедицию и сопровождалось серьезным конфликтом между Ломоносовым и немецкой профессурой, в основе которого лежало все то же соображение: насколько иностранный ученый может понять и создать российскую историю?

Реформа календаря повернула механизм течения времени в России на новый лад. По повелению Петра I началом нового времени был назначено празднование Нового года 1 января 1700. Это событие стимулировало смелость тех, кто хотел охватить мыслью время, уже ушедшее в прошлое. Новый календарь сблизил Россию и Европу. Казалось, что и в России интеллектуалы могут интересоваться не только Священной историей, находящейся в руке Божьей и записанной в Священных книгах. Такого рода историю еще в 1706 г. собирал Димитрий Ростовский, создавая «Клейный летописец». Он соединял события Священной истории по имеющимся историописаниям западноевропейской богословской литературы и оказался перед вопросом несогласованности в хронологии событий по разным источникам⁶. Характерно, кстати, что св.

⁵ См.: «Введение в историю Европейскую через Самуила Пуфендорфия, на немецком языке сложенное...» / Перевод Г. Бужинского. СПб., 1723, содержащее раздел по истории России.

⁶ См. подробнее: *Киселева М.С.* Священная и гражданская история в контексте книжной барочной проповеди: к вопросу об истоках историче-

Димитрий споткнулся именно о хронологический вопрос... Однако нас интересует другой тип истории, которая пока отсутствовала в России и которую еще предстояло написать, выстроив последовательность событий от времени Древней Руси. Назначив новый календарь, необходимо было не потерять старый, определявший летописные события. Поэтому писание масштабного исторического труда заведомо было обречено на связывание «древних» и «новых» времен. Точкой соединения могла быть в петровские времена только новая государственность, которую строил Петр и которую историк должен был обосновать и сохранить в своем историческом труде. Таким образом, знание о прошлом не могло быть свободно от идеологического интереса настоящего Российской империи. Думаю, что именно эта доминанта во многом повлияла на столь свободное обращение с источниками Татищевым, определенную модернизацию его истории и провоцировала на «дописывание» летописей, которых подчас «не хватало» для стыковки событий и идейных конструкций, необходимых для авторских объяснений.

Более тридцати лет своей жизни Василий Никитич Татищев (19. 04. 1686 – 15. 07. 1750) положил на соби́рание источников, их обработку и создание вариантов книг «Российской истории». Из его введения ко всему историческому труду «Предуведомление об истории всеобщей и собственно русской» понятно, что для Татищева, как и затем для Карамзина античные историки являли образцы, которым надлежало следовать. Предисловия как устойчивое для всякого исторического труда начало писали еще со времен Геродота, Фукидида, Тацита и далее. Даже к «Келейному летописцу» Димитрия Ростовского предпослано «Предисловие», в котором кратко и ясно рассказано о задачах и трудностях создаваемого труда.

В «Предисловии» Татищев поделил историю на 4 типа. Божественная (Священная) история пишется по Священным книгам; Церковная посвящена истории установления церкви как института со своими правилами, спорами, ересями, обрядами, установленными порядками и т.п.; Гражданская рассказывает о деяниях человеческих; к Естественной отнесена философия природы. Свою задачу Татищев определил просто: создать историю гражданскую (светскую), описывая дела людей. Он не скрывал от читателя глав-

ную пружину всех человеческих деяний, которые составляют основу событийной истории. Это — наличие «причины или внешнего действия», которые также различаются на те, что исходят от Божественного Промысла, и те, что идут от человека. За подробностями об этих материях Татищев отсылает читателя к работам Вольфа «Физика» и «Мораль»⁷.

Историки, обсуждая методологические основания татищевских историописаний, отмечают рациональность его построений, здравый смысл как характерную черту современной ему западной интеллектуальной мысли. От него идет и аргументация о пользе истории. Татищев принимает известную еще античной философии формулу о том, что история учит, обладает особой нравственной назидательностью. Традиционное, поучающее назначение истории необходимо всем сферам знания, сложившимся в Европе еще в средневековых университетах, отмечает Татищев. Ни богословие, ни юриспруденция, ни медицина, ни философия не могут обойтись без истории. История находит место в этих науках для их собственной пользы и необходимости. Она есть собрание разного рода «полезностей». Но, для Татищева, вопрос о том, имеет ли история собственное дисциплинарное пространство, не стоял. Он, скорее, воспринял и уловил проблему, которую поставила перед русской культурой петровская эпоха — создать исторический текст о Древней России в контексте ее сегодняшнего дня.

Задачи, которые Татищев ставил, авторитеты, на которые опирался, выбор источников (находил он их или «создавал» — это уже вопрос последующих историков⁸); интенции, благодаря кото-

⁷ *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен... М., 1768. Кн.1, Ч. 1. С. 11-12. — <http://www.runivers.ru/bookreader/book9688/#page/1/mode/lup> (октябрь, 2016).

⁸ Профессиональные историки и сегодня продолжают обсуждать тему источников «татищевских известий». Первым подробным критическим разбором татищевского труда наука обязана И.П. Сенигову. См.: *Сенигов И.П.* Историко-критические исследования о Новгородских летописях и о Российской истории В.Н. Татищева // Чтения Московского Общества Истории и Древностей Российских. 1887. М. 1887. Но уже Карамзин с недоверием относился к некоторым татищевским «летописям», о чем пойдет речь далее. Масло в огонь «разоблачения» татищевских мистификаций подлил 11 лет назад А.П. Толочко (*Толочко А.* «История российской» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. 544 с.). Историк с высоким

рым взялся за написание истории, отличали его от отечественных предшественников не только в определении пользы истории. Новое время по-новому организовывало живую связь человека и его прошлого. Татищев не оригинален в утверждении, что история есть «воспоминовение бывших деяний и приключений». Но важно, *как* человек соединен с историей, *каким образом* прокладываются пути к новым способам получения исторических знаний. «Все то, — писал Татищев, — что мы пред давним или недавним временем чрез слышание, видение или ощущение прознали и воспоминаем, есть самая настоящая история»⁹. Зачем же нужна такая история? Она нужна человеку для знаний, без которых он не может быть «совершенен, мудр и полезен». Но зададимся вопросом: *что* означает «настоящая история», полученная через «слышание, видение или ощущение» «перед недавним» или, особенно, «давним» временем?

Дальнейший ход рассуждений Татищева в Предисловии направлен на прояснение этого вопроса. Восприятие давнего и недавнего для него сосредоточено, прежде всего, в политических вопросах. Татищев, вслед за историческими сочинителями во славу деяний Петра, одним из первых в отечественной историографии осознанно настаивал на выявлении тех смыслов в историческом сочинении, которые им крепко связывались с *политическими действиями* на пользу своего отечества. Татищев вводит «трехчастное» понятие политики в историю: 1) знания об «управлении внутреннем», называя его «*экономия*»; 2) «*рассуждения внешние*» - истории иностранных дел; 3) знания «*действий воинских*» - необходимых для военных побед своей страны¹⁰. Констатируя «боязнь истинной истории», Татищев, как показывают современные исследователи, понимал эту «истинность» в определенном смысле. Ис-

мастерством провел показательное текстологическое исследование изготовления Татищевым собственных «летописных» источников, причислив, тем самым, автора к разряду достойных и умелых мистификаторов XVIII в. Филологи также находят основания для критики, считая, что в первой редакции «Истории...», написанной церковнославянским языком, Татищев допускал грамматические ошибки, которые искажали смысл источника. Однако есть и другие соображения относительно источников Татищева. См., например, умеренно критическую позицию в отношении историографических принципов Татищева в: *Свердлов М.Б.* Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории российской». СПб., 2009.

⁹ *Татищев В.Н.* История российская... С. 12-13.

¹⁰ Там же. С. 14.

тинно — все, что полезно для своего государства и своего народа, исходя из современных ему интересов. Трудно не узнать в этой формуле идеологические основания петровских реформ.

В биографии Татищева сплелись все три отмеченные «части» политических деяний. Он — «внутренний управленец» на Урале (1720–1724 гг. и 1734–1737 гг.)¹¹: создатель казенных заводов, заложивший не один будущий уральский город, создавший там Горную канцелярию и открывший начальные школы, в которых могли учиться и солдатские дети. Его произвели в советники Берг-коллегии и назначили в сибирский обер-бергамт — институции, осуществлявшей развитие горной промышленности, ведущего направления тогдашней экономики России¹². Он был назначен главой Оренбургской экспедиции (июль 1737 – март 1739 гг.) для устройства управления среди башкир в связи с Башкирским восстанием (1735–1740 гг.).

Татищев имел опыт отношений и по дипломатической службе. Во время русско-шведской войны он принимал участие в организации мирного конгресса на Аландских островах (1718 г.), который не завершился подписанием договора. Его дипломатические поручения имели и мирный характер. Татищев был послан в Швецию (декабрь 1724 – апрель 1726 гг.) для знакомства с горным и рудным делом, он делал чертежи и планы заводов, изучал торговлю стокгольмского порта, шведскую монетную систему, нанял гранильного мастера для мастерских на Урале. Он завел знакомства со шведскими учеными, чему способствовало образование, полученное еще в 1712–1716 гг. в Германии (Берлин, Дрезден, Бреславль) по инженерному и артиллерийскому делу.

¹¹ См.: *Киселев М.А.* Государственная деятельность В.Н. Татищева на Урале в 1721 г. (на примере управления Алапаевского завода) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 3. С. 31–38; *Он же.* Урало-шведские грезы В.Н. Татищева // Новый мир. 2016. № 9. С. 120–137.

¹² Пожалуй, наиболее благодарными Татищеву учеными являются отечественные географы, геологи, палеографы и этнографы. Их работы по истории отечественной экономической географии и этнографии, исследованию почв, горных массивов и климата демонстрируют, в том числе, успех идеи Татищева объединить историю и географию для понимания прошлого своего государства. См., например: *Архипова Н.П., Ястребов Е.В.* Как были открыты Уральские горы. Свердловск. 1990 и др.

Татищев был лично знаком и с «действиями воинскими»: сражался и был ранен в битве под Полтавой (1709 г.), участвовал в Прутском походе (1718 г.), после «генерального смотра» петровской армии (5 апреля 1716 г.) он был переведен из кавалерии в артиллерию и, выдержав экзамен, был произведен в инженер-поручики артиллерии (16 мая 1716 г.), налаживал в действующей армии под Кенигсбергом и Данцигом артиллерийское хозяйство (1717 г.).

Из этой краткой биографической справки можно извлечь простое, в своей очевидности, заключение. Отойдя от дел и приступив к написанию истории, а этим Татищев занялся в последнее десятилетие своей жизни, он, конечно же, не мог не привнести в создание своего исторического труда именно то, что он сам «прознал в недавние времена» как активный государственный деятель.

Из сказанного можно сформулировать те начала и принципы, на которых возводилась татищевская «Российская история»: 1) практический подход к ее строительству («строительство» — чрезвычайно распространенная метафора Татищева); 2) обращение к европейской историографической традиции; пользование трудами Геродота, современных философов и историков: рецепция понимания места и назначения истории, вопросов периодизации и хронологии; 3) ориентир на политическую составляющую исторических событий, причем часто чрезвычайно модернизированную, связанную с личным опытом историка¹³; 4) связь истории с географией и этнографией: необходимость показать исторический контакт России с народами-соседями; успешность этой задачи за-

¹³ О мире татищевской истории современный историк пишет: «В этом мире возможны политические речи князей, правители здесь обладают политэкономическими знаниями, здесь составляют и циркулируют проекты реформ государственного устройства. Это культура с развитым понятием индивидуальности, о чем свидетельствуют многочисленные словесные портреты, а также моральные и поведенческие характеристики князей. В этой, татищевской, Руси князья — не раннесредневековые предводители дружин, но зачастую просвещенные монархи, не чуждые философии, изучающие иностранные языки и собирающие внушительные книжные коллекции. Некоторые из них — даже вольнодумцы, позволяющие себе сомневаться в пользе институциональной церкви, подходящие к миру с меркой разума и общественной пользы» (Толочко А. «История российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение. — Киев: Критика, 2005. С. 19).

висит от знания языков и образа жизни этих народов; 5) понимание необходимости собирания летописных источников (или их «создания») как основы для написания исторического нарратива; 6) процедура редактирования написанного исторического текста (Татищев создал две редакции «Российской истории»: первая — в летописной стилистике на церковнославянском языке, известна по второй части списка 1746 года; вторая написана русским языком XVIII в.); 7) наличие «умеренного» аргумента Божественного провидения в историческом повествовании; 8) связь истории Древней Руси и Имперской России благодаря мистификации и модернизации источников — прием, поставивший перед последующими поколениями историков вопрос о том, обречена ли история быть идеологическим инструментом государственной политики; 9) критический характер «татищевских известий», на что обратил внимание Толочко: «Парадоксально, но <...> это и первый опыт *критического* писания истории, по своим техническим возможностям, именно в мистифицированных фрагментах наиболее ярко проявленный, наиболее превзошедший свое время»¹⁴.

Сам Татищев все эти позиции так или иначе отрефлексировал в своем Предисловии к «Российской истории». Он также отметил необходимые «качества историка» (желание знать, открывать источники: свидетельства и документы; любить чтение и иметь прекрасную память и др.). Татищеву важны и другие основания, потребные для успешного построения (буквально: «строительства дома») отечественной истории:

«...так же, как человек домовитый к строению дома множество потребных материалов соберет и в надежном хранилище содержит, чтобы, когда что потребно, мог взять и употребить; но к тому нужно еще разум приложить, чтоб прежде начатия определение о распорядке строения и употреблении по местам соответствующих тому материалов припасов положить, а без того строение его будет нетвердо, нехорошо и непокойно. Так же и к писанию истории весьма нужен здравый смысл, к чему наука Логики много полезна. Другое суждение, чтоб как строитель мог отличить материалы годные от негодных, гнилые от здоровых, так же и писателю истории нужно с прилежанием рассмотреть, чтоб басен за истину и сочиненное за настоящее не принять, а более беречься предосуждения, но даже

¹⁴ Толочко А. «История российская» Василия Татищева... С. 22.

о лучшем древнем писателе научную критику знать не нужно. Третье, как всякое строение требует украшения, так всякое сказание красноречия и внятного в сем сложения, которому наука риторика наставляет...»¹⁵.

Итак, без науки Логике, различения истинного и выдуманного и риторических приемов для заинтересованного чтения Татищев не видел возможности исторических сочинений.

С.М. Соловьев, оценивая труд Татищева, показал «поисковый» характер его истории, считал, что он «употребил тридцатилетний труд для того только, чтобы собрать, свести источники, и, оставя свод нетронутым, на стороне, в примечаниях попытаться впервые дополнить, уяснить и подвергнуть критике летописные известия»¹⁶. Татищевская работа, по мнению Соловьева, была не оценена современниками. Им были «недовольны»: как те, кто «хотели Русской истории, а не свода летописей», считая, что автор «не имеет достаточно философии»; так и те, кто «сочли дерзостью попытку подвергнуть критике источники»¹⁷. Однако основные направления для дальнейшего движения отечественной истории обозначились именно стараниями Татищева: развитие фактической базы и поиск некоей общей идеи русской истории, которая могла бы или объединить, или развести будущих историков.

* * *

Николай Михайлович Карамзин назвал свой двенадцатитомный труд «История государства Российского». Однако менее всего в авторе этой истории можно увидеть практического государственника, каким был Татищев, опытного царедворца и даже обласканного властью историографа. Как представляется, два принципиальных обстоятельства легли в основание его труда. Во-первых, он желал просвещения своего народа, которому необходима история своего государства для осознания своего духовного единства, понимания места и назначения России в мировой истории. Во-вторых, он видел задачу создания истории на языке понятном, доступном и открывающем возможности свободного языкового контакта с древней летописной историей Руси. Уместен вопрос, желал

¹⁵ Татищев В.Н. История российская... С. 18.

¹⁶ Соловьев С.М. Писатели русской истории XVIII века // Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М.: Мысль. 1995. С. 203.

¹⁷ Соловьев С.М. Н.М. Карамзин... С. 49.

ли Карамзин видеть «Историю государства Российского» своего рода учебником, положенным в основание дисциплинарного исторического знания в отечестве? На этот вопрос, скорее, следует ответить отрицательно. Пушкин, как помним, называл каждый новый том карамзинской истории «свежей газетой». Но при этом, автор, к примеру, подробно обсуждает позиции предшественников по вопросу о хронологии российской истории и принимает за образец европейский вариант, получивший к началу XIX в. учебный статус: Древнейшая (от Рюрика до Ивана III), Средняя (от Ивана до Петра) и Новая эпохи (от Петра до Александра). Соловьев, как университетский историк, преподающий дисциплинарное знание, после подробного разбора хронологического вопроса соглашается с Карамзиным: «Неудачность возражений, предложенных позднейшими писателями против деления русской истории, принятой Карамзиным, всего лучше показывает достоинство этого деления. Мы не можем не признать правильности деления русской истории на древнюю и новую и не можем не признать XVII и отчасти XVI века переходным временем. Следовательно, Карамзин имел полное право принять древнюю, среднюю и новую русскую историю»¹⁸.

Как Карамзин работал над «Историей...», как приносил новые главы на суд слушателей, читая их в интеллектуальных кругах Москвы и Санкт-Петербурга, как с почтением и терпением относился «к тусклому зеркалу древней Летописи», как искал живые краски для создания характеров людей, чтобы «поднять из гроба знаменитых предков наших» своим словом, как чувствовал себя «современником» Игорей и Всеволодов — все это, и многое другое позволяет думать, что Карамзин создал литературно-просветительский тип исторического повествования. Соловьев именно так и определяет характер его исторического труда: «...слова, сказанные об общей занимательности русской истории, всего лучше определяют взгляд Карамзина на его предмет: он смотрит на историю со стороны искусства»¹⁹. Представляется, что Соловьев прав, не ограничив определение труда историка только словесностью, а расширив до включения в широкое поле искусства. И тому есть доказательства.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ Там же. С. 52.

В январе 1802 г. Карамзин принял на себя труд главного редактора и издателя журнала «Вестник Европы». Его обращение «К издателю» в первой январской книжке содержало краткую характеристику европейской политической ситуации в самых оптимистических тонах. Все в мирной, наконец, Европе должно способствовать талантам, которые «в свободной тишине и на досуге могут заниматься всеми полезными и милыми для души предметами; когда литература, по настоящему расположению умов, более нежели когда-нибудь должна иметь влияние на нравы и счастье»²⁰. В нем же Карамзин говорит о задаче журнала — пересаживать европейские цветы словесности на русскую почву (задача, заметим, известная России еще со времен «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого). Два раздела были учреждены в журнале — о литературе и о политике. Литература, по замыслу издателя, не могла в новом столетии восприниматься вне событийного контекста, а политика соседствовала или напрямую связывалась с литературой. Иначе и не мог думать Карамзин, совершивший путешествие в Европу в самый разгар революционных событий во Франции. Но политика сегодня, это — история завтра. Единение словесности, современности и давнего, но дорогого прошлого — это и есть атмосфера, в которой вынашивались исторические замыслы Карамзина. И понятно, что они не могли не осуществиться в этом единстве. Однако не только литература, а именно «искусство», соединявшее и литературу, и живопись, и историю — вот самое широкое поле сентиментального просветителя Карамзина.

В статье 1802 г., напечатанной в декабрьской 24 книжке «Вестника Европы» вторым номером в разделе «Литература и смесь» с названием «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств» в жанре письма к господину NN, Карамзин откликается на принятое графом А.С. Строгановым, Президентом Императорской Академии художеств, решение обязать учеников избирать темы своих работ на сюжеты из отечественной истории. Карамзин видит в этом решении масштабную задачу воспитания патриотического духа народа из глубины веков средствами искусства: «Не только историк и поэт, но и живописец и ваятель бывают органами патриотизма. Если истори-

²⁰ Карамзин Н.М. К издателю // Вестник Европы. 1802. № 1. — <http://eurovestnik.ru/node/4> (октябрь, 2016).

ческий характер изображен разительно на полотне или мраморе, то он делается для нас и в самых летописях занимательнее; мы любопытствуем узнать источник, из которого художник взял свою идею, и с большим вниманием входим в описание дел человека, помня, какое живое впечатление произвел в нас его образ. Я не верю той любви к отечеству, которая презирает его летописи, или не занимается ими; надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведение о прошедшем»²¹. Карамзин принимает предложение, дать совет художникам, как «любитель отечественной истории», к писанию тех картин, которых сделают историю ближе ее народу.

Источником его советов стали летописи. Летописные сюжеты, по мысли Карамзина, могут быть основой *разных типов* картин в зависимости от того, какие герои будут изображены художниками. Карамзин с большим энтузиазмом берется описать сюжеты возможных картин, рисует образы князей, строит композиции, расставляет фигуры... Почти как потом в своей истории. Вот Рюрик «опершись на лук свой, задумался», вот «Синеус и Трувор советуются между собою», кто-то ловит рыбу, кто-то встречает послов славян, он дает рекомендации художникам о типажах лиц варягов и славян, попутно замечая, как не терпящий «баснословий» источниковед: «Если бы Гостомысл был в самом деле историческим характером, то мы, конечно бы захотели его изображения; но Нестор не говорит об нем ни слова; а все другие летописи слишком новы, баснословны и списаны с польских, также весьма новых и баснословных. Я бьюсь об заклад, что прежде XVI века, или прежде Стриковского, нигде не упоминалось о Гостомысле; Нестор жил в одиннадцатом и не имел о нем идеи. Это кажется мне решительным. — Вадим *храбрый* принадлежит также к баснословию нашей истории»²². Но Олег, прибывающий щит к цареградским воротам, может «воспламенить воображение художника», впрочем, как и самого Карамзина.

Этот ряд героических картин отличается историком от *философического типа*. Картину этого типа, как считает Карамзин, сле-

²¹ Карамзин Н.М. О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств // Вестник Европы. 1802. № 24. — <http://eurovestnik.ru/node/323> (октябрь, 2016).

²² Там же.

дует писать, к примеру, на сюжет о смерти князя Олега; впечатление от нее должно быть «нравоучительное»: «Впечатление сей картины должно быть (как я сказал) философическое, моральное: помни тленность человеческой жизни! Я изобразил бы Олега в то мгновение, как он с видом презрения отталкивает череп; змея выставляет голову, но еще не ужалила его: чувство боли и выражение его неприятны в лице геройском. За ним стоят воины с греческими трофеями, в знак одержанных им побед. В некотором отдалении можно представить одного из волхвов, который смотрит на Олега с видом значительным»²³. Трудно не вспомнить в этом описании стихотворение А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» и не узнать в нем карамзинский источник из «Вестника Европы».

Карамзин подробно *описывает исторические картины* на сюжеты Нестеровой летописи, перечисляя героев: княгиня Ольга, князь Святослав, Владимир Креститель, Горислава, бой Переяслава с печенегом, князь Ярослав со свитком законов и монахами с «переведенными книгами», король французский Генрих с русской принцессой Анной, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий и т.д. Карамзин действительно вообразил себе «целую картинную галерею отечественной истории и действие ее на сердце любителей искусства»²⁴. Но и скульпторы могут внести свой вклад и изобразить героев и победителей в войнах. Завершение этой статьи — кредо Карамзина-историка: «Повторим истину несомнительную: в девятнадцатом веке один тот народ может быть великим и почтенным, который благородными искусствами, литературой и науками способствует успехам человечества в его славном течении к цели умственного и морального совершенства!»²⁵. В этом симбиозе литературы, искусства и истории Карамзин предуготовлял себя к своему будущему служению, видя, заметим себе, Россию среди других просвещенных стран и народов.

Император Александр I именным указом от 31 октября (12 ноября) 1803 года даровал Николаю Михайловичу Карамзину звание историографа. «Пострижение» в историографы принципиаль-

²³ Там же.

²⁴ Карамзин Н.М. О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств // Вестник Европы. 1802. № 24. — <http://eurovestnik.ru/node/323> (октябрь, 2016).

²⁵ Там же.

но не изменило отношение Карамзина к своему делу. Он ушел в работу с источниками, но остался верен правилам художественного видения событий в их словесном изложении. Производительность его труда пером и чернилами, без специальных секретарей и помощников, была по тем времена поразительна: с 1803 по 1826 год он написал и издал 11 объемных томов «Истории государства Российского», 12 том уже после его смерти был издан его вдовой, Екатериной Андреевной Карамзиной.

* * *

В своей работе историографа Карамзин не мог не оглянуться назад и не обратиться к тем историческим трудам, которые были написаны в прошлом XVIII в. Создавая «Пантеон российских авторов», опубликованный отдельными тетрадками в 1802 г. П.П. Бекетовым, иконографом и издателем, земляком Карамзина²⁶, среди других имен Карамзин составил небольшой текст о Татищеве и его вкладе в создание отечественной истории. Карамзин с почтением отметил трудолюбие автора как редкого человека «по деятельности ума своего и страстной охоте к историческим наукам», однако отметил, что он «вместо истории оставил только материалы ее и прибавил к летописям свои замечания»²⁷. К открытию Татищевым Иоакимовской летописи до Нестора он отнесся не то чтобы

²⁶ 28 марта 1800 года Карамзин в письме И.И. Дмитриеву сообщил о начале работы над «Пантеоном»: «Я пишу теперь нотицы к портретам русских авторов». Одним из главных источников был «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. Новикова, изданный в 1772 г. Надо сказать, что 60-70 гг. и до конца XVIII в. Россию настиг историографический издательский «бум»: публиковались как труды современников, так и работы Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, затем уже после смерти М.В.Ломоносова его «Древняя Российская история» (1766 г.); в 1767 г. вышел I том «Истории Российской», Ф. Эмина, наконец, в 1768 г. 1 часть I книги «Истории Российской» В.Н.Татищева. В 1779 г. М.М. Щербатов выпустил первый том «Истории Российской от древнейших времен». Параллельно начались издания историографических источников — летописей и законодательных памятников: в 1767 г. — Кенигсбергская и Никоновская летописи, «Русская Правда»; в 1768 г. — «Судебник» Ивана IV; с 1773 г. начала выходить «Древняя Российская Вивлиофика» Н.И. Новикова. Это был прорыв к европейским нормам существования исторического знания, необходимая ступень к дисциплинарному становлению истории как науки.

²⁷ Карамзин Н.М. Пантеон российских авторов // Карамзин Н.М. ... С. 69.

с недоверием; он сообщил о мнении «знатоков древностей», которые «не хотят верить истине ее»²⁸. Карамзин здесь же формулирует важный для писания истории принцип: «Историк должен все обделать в голове своей; ему труд, а нам плоды трудов его. Мы охотно идем за ним во мрак давно прошедших веков, если факел его светит перед нами ясно»²⁹.

Отношение к опыту Татищева в работе с документами и пример того, как нельзя измышлять факты в истории, мы находим в статье Карамзина «О тайной канцелярии», напечатанной в 22 книжке «Вестника Европы» 1803 г.³⁰. Статья начинается с упоминания труда П.-Ш. Левека, французского историка, жившего и преподававшего в кадетском корпусе в Москве в 1770-е гг. и опубликовавшего книгу «История России» (1780). Левек обратил внимание, при каких обстоятельствах закончилось писание летописей в России. Он воспользовался соображением Татищева (позаимствованным у него же и Шлецером), который связал прекращение летописного труда с учреждением царем Алексеем Михайловичем Тайной канцелярии. Татищев полагал, что Тайная канцелярия «устрасила летописцев и заставила их безмолвствовать»³¹. Однако Карамзин, опираясь на собственный историографический опыт, показал в статье, что Татищев ввел в заблуждение поздних историков. Почему? Он неправильно понял значение слова «тайная». Тайная, пишет Карамзин, означала *домашняя или приватная*: «в сию канцелярию входили экономические дела Государевы; под ее ведением находились некоторые села и деревни, которые Он считал собственными <...>; и когда Царь хотел изъявить Свое отменное благоволение к какому-нибудь монастырю, Он подчинял его Тайной Канцелярии <...>. Дьяк или Секретарь управлял ею, всюду ездил с Государем и писал личные царские указы. Одним словом, она была Кабинетом и никогда не занималась наказанием государственных преступников. Имя тайной обмануло Татищева: он вообразил то гибельное судилище, которое прославилось, к несчастию,

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Позднейший анализ этого вопроса см.: Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 2. Киев. 1908. Гл. VI. — <http://www.runivers.ru/today4.php?ID=63236> I (октябрь, 2016).

³¹ Карамзин Н.М. Тайна канцелярия // Карамзин Н.М. О древней и новой России. С. 281.

в новейшие времена; а находя, что летописи идут по большей части не далее кончины Михаила Феодоровича, заключил, что монахи не смели писать их при Его сыне, и догадку свою выдал за историческую истину, вместе с летописью Иоакима и многими любопытными анекдотами, которых источника мы никогда не узнаем»³². Как видим, Карамзин становится в позицию критика Татищева и это понятно. По мере публикации источников и расширения собственных занятий историей, навыки критики источника становятся все более необходимыми для Карамзина.

* * *

Проблема, которая обсуждается в этой статье, впервые с позиций историографа, создателя нового грандиозного проекта Российской истории поднял С.М. Соловьев в работах о писателях-историографах XVIII в. и о карамзинской «Истории...». Сравнение татищевской и карамзинской методологии и способов решения ими источниковедческих вопросов были необходимы Соловьеву не только для собственной работы, чтобы содержательно оценить достоинства и слабые места их трудов, но и для того, чтобы прочертить путь российской историографии всего-то за сто лет³³! Первой была «История российская» В.Н. Татищева, завершающим трудом — «История государства Российского» Н.М. Карамзина. В.Н. Татищев прокладывал пути и создавал «строительный материал» для написания Древней истории России. Н.М. Карамзин путешествовал по векам и княжествам Древней Руси, задавая себе вопросы, ища разумных объяснений событиям, описанным в доступных ему источниках. Его литературная манера историописания делала историю государства живой и подвижной. «Записки путешественника» Карамзина, его личный опыт общения с Европой и

³² Там же. С. 282.

³³ Свои работы Соловьев публиковал, начиная с 1853 г., параллельно с выходом 3-7 томов своей «Истории...». См.: 1. Публикация статьи «Н.М. Карамзин и его литературная деятельность...» в нескольких номерах «Отечественных записок» (1853–1856 гг., Т. 80, № 10; Т. 92, № 2; Т. 94, № 5; Т. 99, № 4; Т. 100, № 5; Т. 105, № 4). 2. работа «Писатели русской истории XVIII века» издана в 1855 г. в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачевым; 3. Работы о Г.Ф. Мюллере и А.Л. Шлёцере в «Современнике» 1854 г. и в журнале «Русский вестник». Все работы опубликованы в: *Соловьев С.М. Сочинения* в 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995.

европейцами-интеллектуалами раздвинул горизонт писателя-историка. «Вестник Европы» стал его пропедевтикой в интеллектуальную жизнь гуманитарной и литературной России.

Татищев был строителем государства, которому требовалась история «с практической точки зрения». Карамзин же находил в творении истории радость интеллектуального труда. Соловьев писал совсем другую историю — историю как научную дисциплину, как труд университетского профессора. С ним Россия в середине XIX в. и вошла в пространство интеллектуальной истории Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемьева Т.В.* Идея истории в России XVIII века. Философский век. Альманах: Вып. 4. СПб., 1998. 267 с.
- Архипова Н.П., Ястребов Е.В.* Как были открыты Уральские горы. Свердловск: Сред.-Урал.кн.изд-во, 1990.
- Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Т.2. Кн.2. Киев, 1908. Гл. VI.— <http://www.runivers.ru/today4.php?ID=632361> (октябрь, 2016).
- Карамзин Н.М.* К издателю // Вестник Европы. 1802. № 1. — <http://eurovestnik.ru/node/4> (октябрь, 2016).
- Карамзин Н.М.* О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств // Вестник Европы. 1802. № 24. <http://eurovestnik.ru/node/323> (октябрь, 2016).
- Карамзин Н.М.* О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств // Вестник Европы. 1802. № 24. — <http://eurovestnik.ru/node/323> (октябрь, 2016).
- Карамзин Н.М.* Пантеон российских авторов // *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 65-75.
- Карамзин Н.М.* Речь, произнесенная на Торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 141-147.
- Карамзин Н.М.* О Тайной канцелярии // *Карамзин Н.М.* О древней и новой России. М., 2002. С. 280-283.
- Киселев М.А.* Государственная деятельность В.Н. Татищева на Урале в 1721 г. (на примере управления Алапаевского завода) // Вестник вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 3. С. 31-38.
- Киселев М.А.* Урало-шведские грезы В.Н. Татищева // Новый мир. 2016. № 9. С. 120-137.

- Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011. 472 с.
- Киселева М.С.* Священная и гражданская история в контексте книжной барочной проповеди: к вопросу об истоках исторического знания в России // VOX: Филос. журн. 2014. № 17. С.10-17. — <http://vox-journal.org/content/vox17/Vox17-KiselevaMS.pdf> (октябрь, 2016).
- Свердлов М.Б.* Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории российской». СПб., 2009.
- Сенигов И.П.* Историко-критические исследования о Новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева // Чтения Московского Общества Истории и Древностей Российских. 1887. М. 1887.
- Смирнов Г.А.* Роль В.Н. Татищева в развитии горного дела на Урале. Очерки по истории геологических знаний. Вып. 5. М.: АН СССР, 1956.
- Соловьев С.М.* Н.М.Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» // *Соловьев С.М.* Сочинения в 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М.: Мысль. 1995. С. 43-186.
- Соловьев С.М.* Писатели русской истории XVIII века // *Соловьев С.М.* Сочинения в 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М.: Мысль. 1995. С. 187-259.
- Татищев В.Н.* История российская. М., 1768. Кн. 1. Ч. 1. — <http://www.runivers.ru/bookreader/book9688/#page/10/mode/1up> (октябрь, 2016).
- Толочко А.* «История российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 544 с.

M.S. KISELEVA

FROM VASILII TATISCHEV TO NIKOLAY KARAMZIN

THE INTELLECTUAL HISTORY AND THE HISTORY OF INTELLECTUALS IN RUSSIA

The article analyzes the starting point of the intellectual history of the project in the 18th century Russia in its relationship with the European historiography. We consider the differences in the methodology structure of “History of Russia” by Tatishchev — historian with experience of practical statesman and “History of the Russian state” by Karamzin, a sentimentalist, a writer, an educator and a professional historian. The author shows the convergence of the two historians in the point of understanding the goals and objectives in the writing of ancient history; in the reception of the principles borrowed from European historiography. Attention is paid to the difference of his-

torical and cultural contexts of the beginning and end of the 18th century, which are important for the work of the historian and his productive intentions. At the time of Peter there were the creation of civil alphabet and calendar reform. At the end of the 18th century there was Karamzin's experience as a traveler in Europe. There have been differences in the participation of Russian and European intellectuals to write books on Russian history. Author discusses the question about the issue of the establishment of Russian history as disciplinary knowledge in the universities.

Key words: European historiography, history, disciplinary, intellectual projective humanities, Tatishchev "History of Russia", Karamzin, "Herald of Europe", "History of the Russian state", Russian culture of 18th century, the history of the university, Solovyov.

Е.В. БЕССЧЕТНОВА

Н.М. КАРАМЗИН — РЫЦАРЬ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В настоящей статье автор на примере творчества Н.М. Карамзина рассматривает основные вехи развития идей русских просветителей. Н.М. Карамзин, бесспорно, относился к новому типу русского культурного человека, который прошел долгий путь к пониманию, того, что значит не только считать себя, но и в действительности быть просвещенной личностью. Он был первым русским путешественником, отправившимся на Запад не учиться, а наблюдать, и реформатором русского языка, соединившим в нем русскую самобытность с европейскими словами, и первым русским бытописателем, русским «Тацитом».

Ключевые слова: Россия, Европа, русское просвещение, русская мысль, разум, понятие свободы, идеи европейского просвещения, Карамзин, Кант.

17 мая 1789 года началось путешествие молодого двадцатитрехлетнего русского писателя Николая Карамзина. Из Твери через Петербург, Ригу, Полангу выехал он на Запад, описывая его как некое место чудес, где господствуют духовность и гуманизм, где практически каждый город и каждое селение имеют свои предания прошлого, составляющие их общую карту памяти. Ю.М. Лотман справедливо отметил, что Карамзин решил совершить свое путешествие не из праздного любопытства, он «отправился в путешествие, чтобы заглянуть в лицо европейской культуры. Его интересовали не знаменитости. Он не был туристом, спешащим увидеть неизвестное. Ему надо было увидеть хорошо известное, поверить впечатления от книг личным знакомством так же, как он поверял хорошо изученные по книгам и описаниям пейзажи и исторические памятники непосредственными впечатлениями. Отправляясь в путь, он уже знал Европу. Надо было выяснить, можно

ли ей верить»¹. Карамзин передвигается от мыслителя к мыслителю, обращаясь к ним, чтобы дать ответы на волнующие его вопросы. Описывая встречу с Филиппом Морицем в Берлине русский путешественник, цитирует его слова, которые, по сути, и стали целью предпринятого Карамзиным мероприятия:

«Ничего нет приятнее, как путешествовать, — говорит Мориц. — Все идеи, которые мы получаем из книг, можно назвать мёртвыми в сравнении с идеями очевидца. — Кто хочет видеть просвещенный народ, который посредством своего трудолюбия дошел до высочайшей степени утончения в жизни, тому надобно ехать в Англию; кто хочет иметь надлежащее понятие о древних, тот должен видеть Италию»².

Путевые заметки Карамзина и его письма друзьям (супругам Плещеевым, ближайшему другу молодому литератору А.А. Петрову и поэту И.И. Дмитриеву), которые стали основой для «Писем русского путешественника», пропитаны восторженной любовью молодого человека к святым местам европейской культуры и истории. Карамзин чувствовал себя её неотъемлемой частью, так как с младенческих лет в ней находился, знал английский язык, свободно говорил на немецком и французском языках, читал на них и переводил труды западных мыслителей. Первой работой Карамзина был перевод идиллии швейцарского поэта Геснера «Деревянная нога», которая была издана в 1783 году (Карамзину тогда было всего 17 лет), в 1787 году был опубликован перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь», а еще через год трагедии Лессинга «Эмилия Галотти». Параллельно Карамзин был увлечен работами Руссо и Стерна, двумя авторами, которым в «Письмах русского путешественника» уделено особое внимание. Достаточно вспомнить, как эмоционально и восторженно описывает Карамзин свое пребывание в Лозанне и свое паломничество к местам, где происходили события, описанные в романе Руссо «Новая Элоиза». А приехав в Дувр, Карамзин первым делом отправился в трактир, где жил Стерн. Стоит отметить, что жанровая природа «Писем русского путешественника» также не случайна. Карамзин, желая подчеркнуть подлинность и реальную основу своего произведения, опира-

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 24.

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. С. 82.

ется в данном случае на авангардный прием европейской прозы того периода — описание событий в нелитературной форме (в виде дневниковых записей, путевых заметок, писем). Так, к примеру «Новая Элоиза» — это роман в письмах, а «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» — это путевые заметки.

Свое путешествие Карамзин начинает с веры в просвещение, трактуя его вслед за Кантом как выход из состояния несовершеннолетия. Ю.М. Лотман в своей работе «Сотворение Карамзина» очень точно отметил:

«У него (у Карамзина) была своя Дульцинея. Она называлась вера в человека, его доброе сердце и высокий Разум. Он ехал на свидание со своей Дульциней»³.

Чтение философов-просветителей стало основой убежденности писателя в силу и мудрость человеческого разума, в возможность развития человека и его плодотворную деятельность. Карамзин писал:

«Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует важное, общее соединение теории с практикой, умозрения с деятельностью, что люди, уверясь нравственным образом в изящности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности и под сению мира, в крове тишины и спокойствия, наслаждаться истинными благами жизни»⁴.

Тем символичнее, что первая интеллектуальная встреча Карамзина была именно с все разрушающим Кантом. Эту встречу русский путешественник описал следующим образом: «Я не имел к нему писем, но смелость города берет, — и мне отворились двери в кабинет его. <...> Первые слова мои были: «Я русский дворянин, люблю великих мужей и желаю изъявить мое почтение Канту». Он тотчас попросил меня сесть, говоря: «Я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости»⁵. Карамзин в «Письмах...» очень скромно, кратко и без лиш-

³ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 60.

⁴ Карамзин Н.М. Филарет к Мелодору. Рыцарь нашего времени. М.: Директ-Медиа, 2010. С. 5.

⁵ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. С.47.

них эмоций говорит об этом знаменательном событии. Он вставляет небольшую речь Канта (всего один абзац текста), в которой доступным языком изложены главные принципы этики немецкого философа. Кант, конечно, не намеревался объяснить своему русскому гостю, что он понимает под категорическим императивом, но в то же самое время затронул тему счастья как в жизни земной, так и жизни будущей, упомянул противопоставление свободы и воли и естественных побуждений, а также говорил о значении нравственного закона:

«Помышляя о тех усаждениях, которые имел я в жизни, не чувствую теперь удовольствия, но, представляя себе те случаи, где действовал сообразно с законом нравственным, начертанным у меня в сердце, радуюсь»⁶.

Один из исследователей творчества Канта в предисловии к выполненному им английскому переводу «Основ метафизики нравственности» отметил, что на момент встречи с русским путешественником Кант был сильно заинтересован в понимании его этики широкими кругами⁷. Впрочем, Карамзин был благодарным слушателем, он, хотя и не занимался профессионально этико-философскими вопросами, живо ими интересовался, и, что немало важно, умел и хотел учиться. Современная исследовательница очень точно резюмировала основные идеи рассматриваемой речи: «Кант объяснил Карамзину, что (1) понимание добра и зла — совесть — является врожденным, но в жизни обычно не существует рационального равновесия между человеческими поступками и их справедливым вознаграждением, поэтому живущие согласно нравственным законам не всегда преуспевают. А также, что (2) если человек, как он и должен, признает существование Вечного Созидющего Разума, который рационален и благодетелен, то он признает и существование жизни после смерти, в коей добро вознаграждается, а равновесие между нравственным поведением и заслуженным вознаграждением восстанавливается, хотя существование жизни после смерти и не может быть доказано человеческим

⁶ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. С. 47.

⁷ Эннелис И. Беседа Николая Михайловича Карамзина с Иммануилом Кантом. Популярное изложение Иммануилом Кантом «Критики практического разума» // Кантовский сборник. 2008. № 1 (27). С. 117.

разумом»⁸. В завершении Кант порекомендовал молодому человеку познакомиться с двумя работами, в которых он и раскрывает вышеизложенные идеи, — «Критикой практического разума» и «Метафизикой нравов».

Интересно, что Карамзин в «Письмах...» не пишет о каком-то особом влиянии идей Канта на формирование своих собственных взглядов, хотя и говорит о влиянии, которое на него оказали французские просветители и швейцарские натурфилософы, вполне вероятно, что причиной этому было общее негативное отношение к философии Канта в московском окружении Карамзина. Он скромно завершает описание встречи фразой: «Домик у него (у Канта) маленький, и внутри приборов немного. Все просто, кроме его метафизики»⁹. Но между тем, как и уже в «Письмах...», так и в более поздних работах, в частности в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», Карамзин о многих общественных процессах рассуждает сообразно кантовской позиции. Скорее всего, наибольшее влияние на русского мыслителя оказали две работы — «Идея всеобщей истории во всемирно гражданском плане» и «Ответ на вопрос: Что есть Просвещение?». Оба текста были опубликованы в 1784 г., за 4 года до начала Карамзиным своего путешествия, который, свободно владея немецким языком, вполне возможно был с ними знаком. Кроме этого, Карамзин был в курсе полемики Канта и Мендельсона, читал работу Канта «Грезы духовидца, объясненные грезами метафизика», так как в письме Лафатеру задает вопрос «Как душа наша связана с телом?», который поднимает немецкий философ в упомянутой выше работе. Да и из большинства рассуждений Карамзина о смысле понятия просвещения следует, что русский писатель вслед за немецким философом понимал его как процесс, формирующий у человека способность суждения, то есть, как писал Кант, способность пользоваться своим рассудком без руководства кого-либо другого. Именно эта способность характеризует человека в качестве автономной личности. Карамзин же в свою очередь неоднократно отмечал, что независимость мысли является его главной

⁸ Эннелис И. Беседа Николая Михайловича Карамзина с Иммануилом Кантом. Популярное изложение Иммануилом Кантом «Критики практического разума» // Кантовский сборник. 2008. № 1 (27). С. 118.

⁹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. С. 49.

целью. К старту своего путешествия он освободился от опеки своих прежних учителей и был готов начать судить самостоятельно о явлениях и предметах действительности. Карамзин писал:

«Законы разума всенародно возглашаются и просвещение более и более распространяется — просвещение, которого одна искра может осветить бездну заблуждений»¹⁰.

Вслед за Кантом молодой русский путешественник был убежден, что только свободное публичное применение разума может быть источником распространения просвещения в мире. Немецкий философ под публичным применением разума понимал деятельность ученого, «обращающегося ко всей читающей публике»¹¹. Именно этот путь определил для себя Карамзин как наиболее приемлемый для собственного становления. Он желал провести свою жизнь в созерцании:

«Окончив свое путешествие, которое предпринял единственно для того, чтобы собрать некоторые приятные впечатления и обогатить свое воображение новыми идеями, буду жить в мире с натурою и с добрыми, любить изящное и наслаждаться им»¹².

Стоит отметить, что именно о жизни созерцательной Аристотель говорил как о жизни счастливой, доступной лишь мудрецам. Следуя своему идеалу, Карамзин уже в восемнадцать лет снял с себя мундир офицера Преображенского полка и в отличие от большинства своих современников, которые делили свою жизнь между наукой, искусством и службой, никогда не стремился добиться успеха в этой сфере и до конца жизни отказывался от предлагаемых ему государственных чинов. В 1803 году он был назначен историографом, но эта «должность», которая после смерти Карамзина больше никому не была присвоена, никоим образом не препятствовала его желанию посвятить свою жизнь наукам и искусствам, в данном случае искусству бытописания. И здесь снова справедлива параллель с идеями Канта, который был убежден, что частное применение разума (применение разума на доверенном

¹⁰ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. С. 115.

¹¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Том 1. М.: Ками, 1994. С. 131.

¹² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. С. 122.

гражданском посту или службе) очень часто может быть ограничено. В то время как общественным идеалом Карамзина была независимость и свобода личности и мысли. Он писал:

«Да, пусть я только и делал, что описывал историю варварских веков, пусть меня не видали ни на поле боя, ни в совете мужей государственных. Но поскольку я не трус и не ленивец, я говорю: “Значит так было угодно Небесам” и, без смешной гордости моим ремеслом писателя, я без стыда вижу себя среди наших генералов и министров»¹³.

А говоря о том, каким должен быть настоящий мыслитель, Карамзин писал:

«Тот есть для меня истинный философ, кто со всеми может ужиться в мире; кто любит и несогласных с его образом мыслей. Должно показывать заблуждения разума человеческого с благородным жаром, но без злобы. Скажи человеку, что он ошибается и почему; но не поноси сердца его и не называй его безумцем»¹⁴.

И Карамзин, безусловно, демонстрировал это на собственном примере, так как, говоря о революции, в отличие от многих литераторов своего времени, он не использовал громких слов негодования. Он четко и точно сформулировал свою линию неодобрения. И снова его позиция совпала с позицией Канта, который писал, что

«...посредством революции можно добиться, пожалуй, устранения личного деспотизма, а также угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя осуществить истинного преобразования образа мышления; новые предрассудки, так же, как старые, будут служить помочами для безумной толпы»¹⁵.

Карамзин же в свою очередь описал свои впечатления от увиденного в Париже следующим образом:

«Говорить ли о Французской Революции? Вы читаете газеты: следственно происшествия вам известны. <...> Не думайте,

¹³ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 67.

¹⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. С. 71.

¹⁵ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Том 1. М.: Ками, 1994. С. 131.

однако же, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции. Едва ли сотая часть действует; все другие смотрят, судят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре. Те, которым потерять нечего, дерзки как хищные волки; те, которые всего могут лишиться, робки как зайцы; одни хотят все отнять, другие хотят спасти что-нибудь. Оборонительная война с наглым неприятелем редко бывает счастлива»¹⁶.

Говоря о просвещении в России, Карамзин писал:

«Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие иеремиады об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиогномии или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не таковы, как брадатые предки тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии, для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям»¹⁷.

И далее Карамзин добавляет, что путь образования или просвещения для всех народов один, и, взяв за образец для подражания уже найденное другими народами, Пётр поступил разумно и дальновидно:

«Избирать во всём лучшее — есть действие ума просвещённого, а Пётр Великий хотел просветить ум во всех отношениях»¹⁸.

Письмо, помеченное маем 1790 г., содержит и другие интересные размышления молодого автора. Он писал:

«Всё народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек»¹⁹.

В этом заключается вся суть европейского духа – воспринимать себя частью единой всеевропейской культуры. Но стоит отметить, что Карамзин мыслит гораздо шире, он идет дальше и го-

¹⁶ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. С. 320.

¹⁷ Там же. С. 355.

¹⁸ Там же. С. 354.

¹⁹ Там же. С. 355.

ворит о человечестве в целом, о важности гуманистических ценностей для всего мира, а также о всеобщей преемственности идей. Ход истории устроен так, что народы возвышаются, а через какое-то время их величие падает. Но Карамзин писал:

«...одно утешает меня — то, что с падением народов не падает весь род человеческий: одни уступают свое место другим, и если запустеет Европа, то в середине Африки или в Канаде процветут новые политические общества, процветут науки, искусства и искусства»²⁰.

При этом мыслитель без сомнения убежден в том, что новые формы будут многограннее, разнообразнее и пышнее. Карамзин верил в прогресс человечества, постепенно приближающегося к царству разума:

«Там, где жили Гомеры и Платоны, живут ныне невежды и варвары, но зато в северной Европе существует певец “Мессиады”, которому сам Гомер отдал бы лавровый венец свой; зато у подошвы Юры видим Боннета, а в Кенигсберге — Канта, перед которым Платон в рассуждении философии есть младенец»²¹.

Также позднее, завершив своё путешествие, Карамзин перевел индийскую драму «Сакунтала» с английского языка, в предисловии к которой отметил:

«Творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной. Человек везде — человек; везде имеет он чувствительное сердце, и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю»²².

Он был убежден, что национальные особенности никоим образом не могут быть основой суждений о том, что один народ привносит в развитие культуры больше, нежели какой-либо другой, все страны в равной степени участвуют в процессе формирования общечеловеческих ценностей. Подтверждая это, Карамзин писал:

²⁰ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. С. 355.

²¹ Там же. С. 304.

²² Гамаюнов Л.С. Из истории изучения Индии в России / Очерки по истории русского востоковедения (Сборник статей). М.: Восточная литература, 1956. С. 83.

«Гении рождаются во всех землях, вселенная — отечество их, — и можно ли по справедливости сказать, чтобы, например, Локк был глубокомысленнее Декарта и Лейбница?»²³.

Различие может быть только во времени, когда вступил народ на путь просвещения, недавно как, к примеру, современная Карамзину Россия, или же так давно, что его вполне можно назвать народом просвещенным, в «Письмах...» к таковым русский писатель относил англичан:

«Что англичане просвещены и рассудительны, соглашаюсь: здесь ремесленники читают Юмову “Историю”, служанка — Йориковы проповеди и “Клариссу”; здесь лавошник рассуждает основательно о торговых выгодах своего отечества, и земледелец говорит вам о Шеридановом красноречии; здесь газеты и журналы у всех в руках не только в городе, но и в маленьких деревеньках»²⁴.

На протяжении всей своей жизни Карамзин сохранял уважение к свободе, просвещению и независимости личности. Он писал в августе 1818 года П.А. Вяземскому: «Я в душе республиканец, и таким умру»²⁵, и месяцем позже И.И. Дмитриеву:

«Двор не возвысит меня. Люблю только любить Государя. К нему не лезу и не полезу. Не требую ни Конституции, ни Представителей, но по чувствам останусь республиканцем и при том верным подданным Царя Русского: вот противоречие, но только мнимое»²⁶.

Но в действительности «великая весна 90-х годов», говоря словами А.И. Герцена, сменилась разочарованием. Карамзин своими собственными глазами увидел, как идеи философов-просветителей могут превратиться в свою противоположность, как призывы к свободе, равенству и братству на самом деле могут стать призывами к кровавым мятежам, а после приведут к установлению диктатуры. Карамзин изменил свой взгляд на грядущее будущее. В своих письмах И.И. Дмитриеву и А.А. Плещееву он достаточно пессимистически высказывался о возможности прогрессивного развития общест-

²³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. С. 518.

²⁴ Там же. С. 519.

²⁵ Ситовский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». М.: Книга по требованию, 2012. С. 108.

²⁶ Там же. С. 109.

ва, о роли человека в нем и о республиканском устройстве, трактуемом Кантом, в качестве необходимого политического условия нравственного воспитания граждан. Карамзин все чаще стал употреблять словосочетание «республиканская утопия» и все чаще стал говорить, что «обольщался мечтами». Он писал:

«Вы полагаетесь на существующий общественный порядок, не думая о том, что этот порядок подвержен неизбежным революциям и что вам невозможно ни предвидеть, ни предупредить ту, которая заденет ваших детей»²⁷.

После жестокости и жесткости европейских революций он уже не смотрел на Запад как на чудо-место и начал искать духовность и гуманизм в российской государственности. В «Записке о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» Карамзин отметил:

«Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою Государственного Устава её она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?»²⁸.

Карамзин полагает, что ответ на этот вопрос очевиден и испытан ходом истории. Для счастья России необходим просвещенный монарх. Именно о таком государе писал Кант, говоря, что он готов рискнуть сказать: «рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь»²⁹. Карамзин же в свою очередь писал:

«Наш государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! Да приучит подданных к благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила; мысли народные <...> Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого — никогда!»³⁰.

²⁷ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 28.

²⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М.: Наука, 1991. С. 105.

²⁹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Ками, 1994. С. 145.

³⁰ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М.: Наука, 1991. С. 105.

Самодержавие у Карамзина отнюдь не равно самовластью. Хотя даже Пушкин поначалу ставил это ему в укор, написав строки:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

В действительности Карамзин писал о благоразумной государственной системе, в своих работах не хвалил и не воспевал императора, а, напротив, пользуясь правом ученого свободно и публично применять свой разум, он просто и ясно обосновывал свою позицию и показывал, какие действия государя направлены против блага России. Он всегда смотрел вперед, создавал новые смыслы, вводил в употребление новые слова, такие как гуманизм, ответственность, человечный, менял сознание всей страны, и, самое важное, на своем собственном примере показал, что значит пронести в себе в течение всей жизни свет истинного Просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гамаюнов Л.С. Из истории изучения Индии в России // Очерки по истории русского востоковедения (Сборник статей). М.: Восточная литература, 1956. С. 74-117.
- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Том 1. М.: Кامي, 1994. 586 с.
- Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М.: Наука, 1991. 127 с.
- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. 608 с.
- Карамзин Н.М. Филарет к Мелодору. Рыцарь нашего времени. М.: Директ-Медиа, 2010. 170 с.
- Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. 382 с.
- Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». М.: Книга по требованию, 2012. 668 с.
- Эннелис И. Беседа Николая Михайловича Карамзина с Иммануилом Кантом. Популярное изложение Иммануилом Кантом «Критики практического разума» // Кантовский сборник. 2008. № 1 (27). С. 109-119.

E.V. BESSCHETNOVA

NIKOLAY KARAMZIN —
THE KNIGHT OF RUSSIAN ENLIGHTENMENT

In the article the author examines on the example of Karamzin's works the main phases of the development of Russian enlightener's ideas. Nikolay Karamzin, no doubt, has created a new type of Russian cultural person, which made a long way to understand what means to be an enlightened individual. He was the first Russian traveler who went to the West not to learn, but to observe, he was the reformer of the Russian language, combining Russian identity with European words, and the first Russian historian, Russian "Tacitus".

Key words: Russia, Europe, Russian enlightenment, Russian thought, personality, independence, concept of freedom, ideas of European enlightenment, Karamzin, Kant.

В.К. КАНТОР

КАРАМЗИН, ИЛИ СОТВОРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Автор статьи рассматривает одну из важнейших проблем духовного взросления русской культуры. Петр Великий вернул Россию в Европу как военно-политическую силу. Этот культурный герой был военный и политический строитель. Необходим был второй культурный герой — строитель духовных смыслов России. Неимоверное усилие Карамзина, давшего России самосознание и самопознание, утвердившего европейские ценности в России, означало, что явился второй культурный герой — создатель духовных смыслов. Его по праву можно назвать русским европейцем, создавшим почву для развития великой культуры.

Ключевые слова: Россия, Европа, самопознание, культурный герой, русский европеец, Карамзин, Пушкин.

До Петра Великого Московская Русь воспринималась западными путешественниками почти как дикая Африка, где были свои владыки, но жизнь текла вне всяких норм, как в захваченной неприятелем стране, поскольку не было никаких гарантий жизни и собственности. Но, как писал Пушкин, случай — мгновенное и мощное орудие провидения — решает многое. Необходим был культурный герой, из тех, что знали все народы, начиная от Гильгамеша. Тесея, Геракла и кончая Карлом Великим. Интересно, что, рассуждая о судьбе России, три русских мыслителя (Карамзин, Пушкин, Хомяков) независимо друг от друга употребили одну и ту же формулу: «Явился Петр». Петр Великий как явление! Как политическая и военная сила Россия вошла в Европу при Петре, но необходимо было интеллектуальное утверждение европейских ценностей, которые создали бы из Калибана волшебника Просперо.

И это произошло: возник тип русского европейца, который, несмотря на внутренние и внешние катаклизмы в течение двух столетий, состоялся и уцелел, выступив против большевизма в России, сражаясь против нацизма в Европе. Но кто сделал это «неимоверное усилие» (Аверинцев) по превращению русских людей в европейцев, в **русских европейцев**? Попыток было немало, но решающей оказалась деятельность Карамзина, создавшего — без преувеличения — практически всю область русской духовности: прозаик, поэт, переводчик, свободно говоривший на нескольких европейских языках, путешественник, открывший России Европу, великий историк и незаурядный мыслитель, заложивший в России нормы цивилизованного прочтения мира. Мы называем его вслед за Пушкиным последним русским летописцем и первым русским историком, мы помним, что Пушкин посвятил Карамзину своего Бориса, не всегда, правда, отдавая себе отчет, что нужна была особая точка отсчета в описаниях российской дикости, чтобы она могла стать и точкой отсчета для написания первой русской исторической трагедии (по шекспировским канонам, но нужен был материал для этих канонов). Недаром Пушкин колебался, как назвать свою пьесу, и назвал ее «Комедией о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве». Там, конечно и юродивый, и сцена в корчме у Литовской границе, где Пушкин позволяет себе откровенное хулиганство, когда Отрепьев, понимая, что в Литву ведет только один путь, о нем и спрашивает молодую хозяйку: «А далеке ли до Луёвых гор?». «Луёвы горы» в конечном варианте Пушкин оставляет, но начинает понимать, что написалось нечто большее, чем раешная потешка. И посвятил в итоге ее Карамзину, без которого, этого размаха в понимании русской судьбы не было бы. «Драгоценной для россиян памяти НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВЧА КАРАМЗИНА сей труд, гением его вдохновенный, с благодарностию посвящает Александр Пушкин». Если сначала он читал историю Карамзина «как свежую газету», да еще и «злободневную», по его же выражению, то потом он осознал, что Карамзин заложил основы русского миропонимания. Миропонимания, где Россия выглядела как часть Европы, причем важная часть. Еще до Тютчева, сказавшего, что навстречу Европе Карла Великого встала Европа Петра Великого, Карамзин, не употребляя подобной высокой формулы, показал Россию как часть европейского материка, способную к самопознанию, а стало быть,

и к тому, чтобы выразить европейскую ментальность. Кстати, Карамзин дал Пушкину не только материал для размышления о России, он подарил ему великого мыслителя в друзья. Пушкин, как известно, легко сходилась с людьми, но Чаадаев среди всех был неразменным золотым. Пушкин познакомился с Чаадаевым у Карамзина. Это заметил Гершензон: «Когда они впервые встретились у Карамзина в Царском селе, Чаадаеву было 22, Пушкину 17, он еще учился в Лицее»¹.

Пустое пространство, дикую Скифию, Карамзин сумел оживить и двинуть в мир, причем не придумывая немислимых сюжетов, а рисуя и осмысливая то, что было. Было хорошее, писал о хорошем, были ужасы Ивана Грозного — ужаснее о злодеяниях Грозного ярче Карамзина не написал никто. Недаром Пушкин назвал его Историю не только созданием великого писателя, но и подвигом честного человека. Более того у Пушкина было неожиданное сравнение, когда он написал, что «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Россия как целый материк, но в отличие от Америки с исторической жизнью. Но почему же никто ее из европейцев не замечал, словно некий железный занавес намертво закрыл Русь от Запада. А ведь занавес был. Это татаро-монгольское нашествие. Оценивая масштабы разрушения Руси монгольскими ордами, русские историки проводили аналогию с падением Римской империи в эпоху переселения народов. «Россия, — писал Н.М.Карамзин, — испытала тогда все бедствия, претерпенные Римскою империею от времен Феодосия Великого до седьмого века, когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и разнствуют между собою только в силе»². Несмотря на уважение к памяти Карамзина, ему необходимо возразить. Во-первых, варвары, ворвавшиеся в области Римской империи, пришли в Рим как христиане, и христианство оказало в дальнейшем решающее влияние на их культуру. Татаро-монголы остались чужды христианству, обходясь с церковью, как с необходимым для их нужд орудием. Не церковь подчиняла завоевателей,

¹ Гершензон Михаил. Избранное. Том 1. Мудрость Пушкина. М. — Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 131.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I–IV. Калуга: Золотая аллея, 1993. С. 419.

а завоеватели-варвары подчинили себе церковь. Во-вторых, германские племена попали на почву высокоразвитой античной цивилизации, складывавшейся и укреплявшейся не одно столетие. Русь же сама только ступила на путь цивилизации. И если германцы в конечном счете подпали под влияние покоренного ими Рима, то на Руси произошло обратное: Русь оказалась под мощным воздействием Золотой Орды. То есть только становящаяся цивилизация была *сызнова варваризована*.

И трагедия Руси, и ее историческая заслуга Руси перед Европой была значительна. Это был путь в несколько столетий. От первых новгородско-киевских князей, которые ходили походами на Византию, до спасения Западной Европы погибающей Русью от татаро-монгольского нашествия, иными словами, спасения христианского мира. Пушкин подхватил эту мысль Карамзина: «Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами (то есть, для Карамзина и Пушкина — европейцами. — В. К.), сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех»³. Спасение Западной Европы отныне стало своего рода парадигмой бытия России, той самой России, которую Запад не хотел замечать.

Становление Карамзина началось с «Писем русского путешественника». Едва ли не впервые незападный путешественник поехал в африканскую Россию, а русский, причем весьма образованный дворянин, поехал в Европу — не учиться, как при Петре или Екатерине, а смотреть, наблюдать, делать выводы. То есть поехал как равный. Не по слухам, не по байкам, даже не по легендам, а чтобы самому все увидеть. Что за создание такое — Европа и так ли уж Россия существует вне этого пространства. Ведь европейские тексты Карамзин читает, понимает, переживает, даже начинает свое путешествие, ставя себя в контекст европейских путешественников. Более того, сообщает, что хотел писать роман из европейской жизни, но сжег его, ибо надо самому видеть, что пи-

³ Переписка А.С. Пушкина. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1982. С. 289.

шешь: «Вечер приятен. В нескольких шагах от корчмы течет чистая река. Берег покрыт мягкой зеленою травою и осенен в иных местах густыми деревьями. Я отказался от ужина, вышел на берег. <...> Некогда начал было я писать роман и хотел в воображении объездить точно те земли, в которые теперь еду. В мысленном путешествии, выехав из России, остановился я ночевать в корчме: и в действительном то же случилось»⁴. Как видим, с самого начала он сообщает читателю, что он, как автор, существует в европейском контексте, который он знает лучше, чем европейцы российское пространство. Это ему быстро становится ясно: «Между тем вышли на берег два Немца, которые в особливой кибитке едут с нами до Кенигсберга; легли подле меня на траве, закурили трубки и от скуки начали бранить Русской народ. Я, перестав писать, хладнокровно спросил у них, были ли они в России далее Риги? «Нет», — отвечали они. «А когда так, государи мои, — сказал я, — то вы не можете судить о Русских; побывав только в пограничном городе». Они не рассудили за благо спорить, но долго не хотели признать меня Русским, воображая, что мы не умеем говорить иностранными языками. <...> — «Хорош гусь!» — думал я — и пожелал им доброго вечера»⁵.

Это первое столкновение с европейским типом восприятия мира, увертюра к «Письмам», которая показывает, что Европа видит только себя. А Карамзин хочет увидеть Европу в реальности, причем, не ставя себя не выше и не ниже собеседников. Позиция внятная — уважения и желания узнать то, что не знаешь. Вообще-то уже в таком подходе звучит подлинно европейский подход, тот, который когда-то сделал Европу Европой. Карамзин составил маршрут, желая посетить и пообщаться с крупнейшими умами Европы (как мы понимаем, иностранные языки были ему вполне доступны). Неожиданно в его путешествие вклинилась Французская революция, которая во многом сменила вектор его миропонимания. Как писал великий русский филолог Буслаев: «Если русская литература, со времен Петра Великого, довершая дело преобразования, имела свою задачу внести к нам плоды западного просвещения, то Карамзин блистательно исполнил свое назначение.

⁴ Карамзин Н.А. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 11-12.

⁵ Там же. С. 12.

Он воспитал в себе человека, чтобы потом, с полным сознанием, явить в себе русского патриота. Любовь к человечеству была для него основой разумной любви к родине, и западное просвещение было ему дорого потому, что он чувствовал в себе силу водворить его в своем отечестве»⁶.

В своей работе «Что такое Просвещение?» Кант, которого в первую очередь посетил Карамзин, связывал совершеннолетие человека и его способность пользоваться собственным разумом с развитием свободы. Карамзин умел и смел пользоваться собственным разумом. Поэтому, пытаясь усвоить западноевропейские идеи, он никогда не был рабом великого имени. Приняв от Руссо принцип сентиментализма, введя его в русскую литературу, написав знаменитую «Бедную Лизу», создавшую так называемый «лизин текст» в русской литературе, создавая стихи, которым подражают его современники, он издавал журналы, в том числе переживший в разные эпохи и в разных обликах «Вестник Европы», который должен был дать русскому образованному обществу ориентир духовной жизни. Он модернизировал русскую лексику, обогатив язык словами-кальками, такими, как «впечатление» и «влияние», «влюблённость», «трогательный» и «занимательный». Именно он ввёл в обиход слова «промышленность», «сосредоточить», «моральный», «эстетический», «эпоха», «сцена», «гармония», «катастрофа», «будущность». Разумеется, он стал знаменем молодых русских европейцев, объединившихся в общество «Арзамас». Противостоял карамзинистам адмирал Шишков, который вместе с Г. Державиным основали литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811) с уставом и своим журналом, к этому обществу примкнули П. Катенин, И. Крылов. Шишкову казалось, что реформа языка, осуществленная Карамзиным, антипатриотична и даже антирелигиозна. Шишков утверждал, что «новшества» Карамзина «искажили» благородную и величественную его простоту. Шишков упрекал Карамзина в неумеренном употреблении варваризмов («эпоха», «гармония», «энтузиазм», «катастрофа»). Но как пишет современный немецкий славист Дирк Уффельманн, «Карамзин показал, что субъективная свобода соот-

⁶ Буслаев Ф.И. Письма русского путешественника // Буслаев Ф.И. О литературе. Исследования, статьи. М.: Художественная литература, 1990. С. 450.

ветствует независимости, Шишков подчинил единичное сознание коллективным правилам»⁷. Эта независимость позволила Карамзину оставаться во всем верным себе.

Но вот просвещенное меньшинство разбудило толпу и начало кровавую французскую революцию. Якобинцы видели своего предшественника в великом Руссо отвергшим науку и культуру, как позднее предшественником большевиков стал руссоист Лев Толстой с его великим отказом от всех завоеваний цивилизации, которая-де не нужна народу. Карамзин сумел разделить Руссо-художника и Руссо-мыслителя: «Добрый Руссо! Ты, который всегда хвалишь мудрость природы, называешь себя другом ее и сыном и хочешь обратить людей к ее простым, спасительным законам! Скажи, не сама ли природа вложила в нас сию живую склонность ко знаниям? Не она ли приводит ее в движение своими великолепными чудесами, столь изобильно вокруг нас рассеянными? Не она ли призывает нас к наукам?»⁸. Карамзин еще республиканец, создает повесть «Марфа-посадница», о защитнице новгородской вольности, хотя добавляет, что Марфа была благородна, но историческая закономерность истории вела к монархии. Трагедия Франции убеждала его, что перевороты чаще всего оказываются катастрофой для страны. Напомню тютчевские строки: «Его призывали всеблагие / Как собеседника на пир».

Из тех, кто посетил сей мир в роковые минуты, не каждый становится достойным собеседником богов. Карамзин стал. Прекраснодушный мечтатель, сентиментальный ревнитель просвещения, он сумел увидеть суровую линию исторического развития.

И вижу ясно, что с Платоном
Республик нам не учредить,
С Питтаком, Фалесом, Зеноном,
Сердец жестоких не смягчить...

— писал Карамзин в 1794 году. 31 октября 1803 году Карамзин назначен историографом с окладом 2000 рублей в год. Главный выразитель государственного самосознания император Александр I хотел знать историю государства, которым он управлял. К началу

⁷ *Uffelmann Dirk*. Die russische Kulturosophie. Logik und Axiologie der Argumentation. Frankfurt am Main. Peter Lang Verlag, 1999. S. 139.

⁸ *Карамзин Н.М.* Нечто о науках, искусствах и просвещении // *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 41.

XIX века Россия вошла в тесный, небывалый ранее контакт с Европой как могучее и жизнеспособное государство, а не как стихийная азиатская орда. На взгляд европейцев, однако, русское государство возникло почти что из ниоткуда. Необходим был взгляд, рассматривавший Россию не изолированно, а в новом историческом контексте, **в контексте европейской истории**, пусть поначалу этот контекст и будет чисто литературным, мысленным, не выявленным научно (сравнения с Римом и Грецией, воспоминания о Таците и Ливии, как предшественниках, на которых ориентируется русский историк). Необходимо было показать, что Россия — страна с историей, а не случайный пришелец, страна, достойная своих европейских соседей. Вместе с тем надо учесть и то обстоятельство, что общение с Европой шло теперь не только на государственном уровне, но и на общественном. В России, по мнению Белинского, с конца XVIII века возникает общество, и это общество тоже хочет понять, что же оно такое, ибо оно не уверено, что имеет достойное внимания историческое прошлое, особенно сравнивая рабскую жизнь в России с европейскими свободами. «Восклицание известного Фёдора Толстого, — замечает Эйдельман, — (после прочтения Карамзина): «Оказывается, у меня есть Отечество!» — выражало ощущение сотен, даже тысяч образованных людей». Это была вторая линия, определявшая потребность в историческом исследовании. «Историк XIX века, — писал о Карамзине С.М. Соловьев, — уже предчувствует в истории **науку народного самопознания**; говорит, что она есть дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. <...> Историк, бывший свидетелем великих политических бурь и потом восстановления порядка; историк, писавший при государе, который был главным виновником этого восстановления, должен был обратить внимание преимущественно на то, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами обуздывалось их бурное стремление, учреждался порядок»⁹. Это был человек, способный объединить эти два интереса в один и одухотворить его своим личным интересом, интересом свободной и независимой личности, которая пытается не предписывать истории

⁹ *Соловьев С.М.* Н.М.Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского // *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Книга XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 49 (выделено мною. — В. К.).

свои законы, а постигать их. Мудрость, понятая молодыми современниками историка (включая и юного Пушкина) далеко не сразу.

Настоящий христианин, переживший отказ французов от христианства, увидевший в этом движении путь в кровавую пропасть, Карамзин надеется найти противоядие в истории. Он пишет: «Что Библия для христиан, то История для народов»¹⁰. Именно преодоление мятежных страстей народных ожидал он от исторического сочинения. Он хотел поставить русскую историю в контекст европейской, это был первый пункт его задачи. «Карамзин как великий писатель был вполне русский человек, человек своей почвы, своей страны. Сначала он приступил к жизни, его окружавшей, с требованиями высшего идеала, идеала, выработанного жизнью остального человечества. Идеал этот, конечно, оказался несостоятелен перед действительностью, которая окружала великого писателя... <...> И Карамзин <...> подложил требования западного человеческого идеала под данные нашей истории, он *первый* взглянул на эту странную историю под европейским углом зрения»¹¹. Но он также хотел, чтобы войдя в исторический контекст, Россия не забывала своих грехов и ужасов правления, помнила не только подвиги.

Это вот «золотое сечение», наложенное на историю, человеческая мера, применённая к историческим событиям и историческим деятелям, была мерой жизни самого Карамзина, мерой его отношения как к друзьям, противникам, так и к «сильным мира сего». Парадокс Карамзина в том, что, сохраняя в душе республиканские идеалы, он стал монархистом, ибо полагал, что самодержавие не случайный эпизод для России, а возникло исторически и есть некая гарантия от исторических потрясений, от выпадения России за пределы христианского развития.

В первых же строчках «Истории» он формулирует принципы своего подхода к мироустройству и не изменяет им далее: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъясне-

¹⁰ Карамзин Н.М. Мысли об истории // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 159.

¹¹ См.: Григорьев А.А. Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы // Григорьев А.А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. С. 186. — <http://nemaloknig.info/read-255192/?page=8-c50> (октябрь, 2016).

ние настоящего и пример будущего. <...> Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем»¹².

Заметим, что Европа уже не исключение для Карамзина — она среди прочих. Первый удар по своему европеизму он получил от якобинцев. Ужаснувшийся бесчеловечностью Французской революции, отказавшейся от многих базовых ценностей, прежде всего от защиты человеческой личности (одна казнь великого Лавуазье почти пугачевская по своей жесткости), Карамзин начал искать возможность гуманизма *в просвещенном российском самодержавии*.

Карамзин здесь подошел к важнейшей интеллектуально-гуманистической позиции, возможной для историка. «Молодые якобинцы», полемизировавшие с Карамзиным, мечтавшие о немедленном создании республики по новгородскому образцу, не желали учитывать исторического своеобразия развития и становления России, решительными мерами надеясь превратить её в подобие Европы... Если вспомнить о крепостном праве, военных поселениях, солдатчине, то нетерпение понятное, естественное. Но в известном смысле путь к неподражаемому, истинному европеизму, о котором, как мы знаем, мечтал и Карамзин, возможен только через самопознание и самосознание, через реальное знание о себе и отказ от идеологических иллюзий, как консервативных, так и либеральных, во всяком случае, если и не отказ, то осмысление их. «Карамзин, — пишет исследователь, — не устаёт повторять своё: что общество, государство складываются естественно, закономерно и всегда соответствуют духу народа, что преобразователям, нравится или не нравится, придётся с этим считаться»¹³.

¹² Карамзин Н.М. История государства Российского. Тома I–IV. Калуга: Золотая аллея. 1993. С. 6–7.

¹³ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. С. 139. — <http://nemaloknig.info/read-255192/?page=8-c49> (октябрь, 2016).

Так что же делать? Принять самодержавие как последнее слово русской истории? В этом обвиняли Карамзина будущие декабристы. Но у историка была другая задача. Введение исторического параметра превращало хаос Прошлого в закономерно развивающийся космос.

«Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья»¹⁴, — писал Карамзин. Пушкин был поначалу этим расстроен. С самодержцами у Пушкина были сложные отношения, но именно он стал певцом великого императора, написав «Полтаву», «Медного всадника», «Арапа Петра Великого». Самодержцы бывают разные, но это не отменяет идею. Зрелый Пушкин понял, что Петр и в самом деле был создатель России, великий работник. Хочу процитировать слова Бердяева, заметившего, что «многие наивные и непоследовательные люди думают, что можно отвергнуть Петра и сохранить Пушкина, что можно совершить разрыв в единой и целостной судьбе народа и его культуры. Но Пушкин неразрывно связан с Петром, и он сознавал эту органическую связь. Он был поэтом императорской, великодержавной России»¹⁵.

Это была империя, создающая цивилизованное пространство, охватывавшее самые разные социальные слои и разные народы. Не случайны слова Г.П. Федотова, что Пушкин был «певец Империи и свободы»¹⁶. Цивилизующееся пространство империи давало возможность свободы. Как писал Г.П. Федотов, «Петровская реформа действительно вывела Россию на мировые просторы, поставив ее на перекрестке всех великих культур Запада, и создала породу *русских европейцев* (курсив мой. — В. К). Их отличает прежде всего свобода и широта духа — отличает не только от москвичей, но и от настоящих западных европейцев. В течение долгого времени Европа как целое жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москва-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее»¹⁷.

¹⁴ Карамзин Н.Я. Записка о древней и новой России. М.: Наука, 1991. С. 105.

¹⁵ Бердяев Н.А. Россия и Великороссия // Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. СПб.: РХГИ, 1999. С. 237.

¹⁶ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. СПб.: София, 1991. С. 141.

¹⁷ Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. СПб.: София, 1991. С. 178.

Именно русские европейцы оказались в эпоху тоталитаризма защитниками европейской свободы. А истоком их идей — из русских мыслителей — был Карамзин.

В 1826 г. историк написал «Мысли об истинной свободе. Эти мысли стоит прочесть внимательно: «Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод. <...> Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание. <...> Нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностью к Провидению!»¹⁸. И Пушкин написал: «Веленью Божию, о Муза, будь послушна!».

Поразительно, что П.Я. Чаадаев, которого часто ругают как ненавистника России, в Карамзине прежде всего оценил интеллектуального, духовного творца великой страны — России: «Что касается в особенности до Карамзина, то скажу тебе, что с каждым днем более и более научаюсь чтить его память. Какая была возвышенность в этой душе, какая теплота в этом сердце! Как здраво, как толково любил он свое отечество! Как простодушно любовался он его огромностию, и как хорошо разумел, что весь смысл России заключается в этой огромности! А между тем, как и всему чуждому знал цену и отдавал должную справедливость! Где это нынче найдешь?»¹⁹.

Был ли он консерватором, как уверяют сегодня многие? Но консерватор — хранитель недвижности, а Карамзин вводил новые смыслы и перестраивал российское сознание. Он был человеком меры — в понимании Аристотеля. Как Аристотель он выступал за «золотую середину», которая есть понятие, противоположное по-

¹⁸ Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 161.

¹⁹ Чаадаев П.Я. Письмо А.И. Тургеневу. 1838 // Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 411-412.

средственности; это своего рода совершенство или вершина, напоминающая линию хребта между двумя безднами или между пропастью и болотом, или, точнее, между Сциллой и Харибдой. Но это понятие меры всегда плохо усваивалось в России, как властью, так и оппозицией. Поэтому Карамзин так важен и сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.А.* Россия и Великороссия // *Бердяев Н.А.* Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. СПб.: РХГИ, 1999. С. 233–242.
- Буслаев Ф.И.* Письма русского путешественника // *Буслаев Ф.И.* О литературе. Исследования, статьи. М.: Художественная литература, 1990. С. 448–460.
- Гершензон Михаил.* Избранное. Том 1. Мудрость Пушкина. М. – Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. 592 с.
- Григорьев А.А.* Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы // *Григорьев А.А.* Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. С. 200–234.
- Карамзин Н.А.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 718 с.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I–IV. Калуга: Золотая аллея, 1993. 560 с.
- Карамзин Н.М.* Нечто о науках, искусствах и просвещении // *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 40–54.
- Карамзин Н.М.* Мысли об истинной свободе // *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 161.
- Карамзин Н.М.* Мысли об истории // *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 159–160.
- Карамзин Н.Я.* Записка о древней и новой России. М.: Наука, 1991. 127 с.
- Переписка А.С. Пушкина. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1982. 575 с.
- Соловьев С.М.* Н.М.Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» // *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Книга XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 43–186.
- Федотов Г.П.* Письма о русской культуре // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. СПб.: София, 1991. 350 с.
- Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. СПб.: София, 1991. С. 163–187.

Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. 176 с.

Uffelmann Dirk. Die russische Kulturosophie. Logik und Axiologie der Argumentation. Frankfurt am Main. Peter Lang Verlag, 1999. 465 S.

V.K. KANTOR

KARAMZIN, OR THE CREATION OF EUROPEAN RUSSIA

In his article, the author examines one of the most important spiritual issues of growing Russian culture. Peter the Great has returned Russia to Europe as a military and political force. This cultural hero was a military and political builder. Needed was a second cultural hero — Russian builder of spiritual meanings. An incredible effort of Karamzin, who gave Russian self-awareness and self-knowledge, which approved the European values in Russia meant that the second hero, the cultural hero — a creator of spiritual meanings — had appeared. He can rightly be called a European Russian, who paved the way for the development of a great culture.

Key words: Russia, Europe, self-knowledge, a cultural hero, Russian European, Karamzin, Pushkin.

Д.В. ЕРМАШОВ, А.А. ШИРИНЯНЦ

«ТРЕБУЕМ БОЛЕЕ МУДРОСТИ ХРАНИТЕЛЬНОЙ, НЕЖЕЛИ ТВОРЧЕСКОЙ»

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КОНСЕРВАТИЗМ Н.М. КАРАМЗИНА**

В статье рассматриваются взгляды Н.М. Карамзина на сущность русского самодержавия. Показано, что в начале XIX в. европейские устремления мыслящей части русского общества сменились осознанием того, что любые попытки приблизить Россию к европейской цивилизации не должны вести к утрате ее собственных национальных начал и духовных ценностей. Консервативный «разворот» в России ознаменовался переменой европейских приоритетов, источников политической мысли, в которых русские теоретики находили вдохновение для своих консервативных воззрений. Инициатором консервативного «хранительного» разворота русской социально-политической мысли стал историк и мыслитель Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). Именно он поставил во главу угла в политике «мудрость хранительную» и осуществил в своих трудах синтез политических принципов самодержавия и гуманистических идей. Анализ «Исторического похвального слова Екатерине II», записки «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении», «Истории государства Российского» и других произведений Н.М. Карамзина показывает, что карамзинский вариант «хранительного» консерватизма — это не просто прагматически-политическая доктрина, выражавшая интересы лишь узко-корпоративного придворного круга, «официальную догму», это начало консервативного направления социально-политической мысли, — имевшее огромное влияние в России, а сам Н.М. Карамзин по праву является отцом-основателем русского политического консерватизма.

Ключевые слова: история социально-политических учений России XIX века, Н.М. Карамзин, русское самодержавие, русский консерватизм, «хранительство».

В сознании наших современников имя Н.М. Карамзина стало олицетворением русского политического консерватизма. Но так было не всегда. В отечественной исследовательской литературе долгое время господствовала довольно упрощенная схема эволюции русского историка: либерал и западник — в начале и патриот, консерватор — в конце. Приводились и соответствующие цитаты, подтверждающие «либерализм» или монархизм Карамзина. Но, как справедливо заметил Ю.М. Лотман, настоящий научный поиск не сводится к умению подбирать цитаты. С этой позиции, часто цитировавшимся «либеральным» словам Карамзина: «Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Руских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое*, ибо я человек!»¹, — можно противопоставить следующий отрывок из тех же «Писем русского путешественника» (1791):

«У нас всякой, кто умеет только сказать: *comment vous portez-vous?* без всякой нужды коверкает Французской язык, чтобы с Руским не говорить по-Руски; а в нашем так называемом *хорошем обществе* без Французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? За чем быть попугаями и обезьянами вместе?»².

Не может свидетельствовать в пользу «либерализма» Н.М. Карамзина и то, что сам он, как и многие русские консерваторы, не употреблял термин «консерватизм» для характеристики своих взглядов. Объяснение этому факту очень простое: слово «консерватор» и производные от него слова вплоть до XVIII века на Руси не использовались, а в XVIII веке употреблялись слова «консерва» и «консерв», которыми обозначались сваренные в сахаре плоды, корни, травы, используемые в медицине или кулинарии. В императорской России XVIII – начала XIX веков «консерваторами» обычно называли хранителей и смотрителей музеев, библиотек, архивов, т.е. людей, призванных хранить и сохранять для потомков культурные ценности. Что касается политических коннотаций этих слов, то они начинают активно возникать и использоваться лишь

¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 141.

² Там же. С. 151.

во второй половине XIX века. В первой же его половине, слова «консерватор», «консерватизм», «консервативный» в русской политической лексике употребляются довольно редко³.

Отметим еще одно обстоятельство. В то время, многие политические понятия и процессы ими обозначаемые (не только термины «консерватизм», «консервативный», «консерватор», но и «либерализм», «оппозиция», «демократия», «прогресс» и т.п.) считали свойственными только западному общественному строю и не подходящими русскому земскому миру. При этом терминами «консерватизм», «консервативный», «консерватор» обозначали чаще всего политические явления и процессы, антилиберальные, антисоциалистические по своему характеру, и свойственные, прежде всего, западным странам, а не России⁴.

Действительно, русскому миру больше подходит не западное «консервирование», а «хранение», «хранительство»⁵. Не случайно

³ См. подробнее: *Ширинянец А.А.* «Консерватор», «консерватизм», «консервативный» в русской социально-политической мысли XIX века // *Sensus Historiae. Vol. XX (2015 / 3).* S. 27-35; *Ширинянец А.А.* «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли XIX века // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* 2015. № 6. С. 112-124.

⁴ Так, Н.М. Карамзин, например, упоминал «Sénat Conservateur» — консервативный Сенат во Франции (См.: *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // *Карамзин Н.М.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 315).

⁵ Концепция русского «хранительства» была предложена М.А. Маслиным и разрабатывается Д.В. Ермашовым, С.В. Перевезенцевым, А.А. Ширинянцем и др. См.: *Ермашов Д.В., Ширинянец А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России) // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* 2006. № 2. С. 5-22; *Ширинянец А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* 2006. № 4. С. 69-87; *Ширинянец А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М.: Русский мир, 2008, и др. Концепция «хранительно-го» направления русской социально-политической мысли реализована в антологии «Хранители России» (Хранители России. Антология. Т. I. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / Под ред. С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблис», 2015; Хранители России. Антология. Т. 2.

уже в произведениях русской духовно-политической мысли⁶ далекого прошлого активно используется слово «хранитель» и производные от него. В них, наряду с упоминаниями Господа — хранителя души (Иларион «Слово о Законе и Благодати», XI в.), ангелов — хранителей и благих заступников (Житие Сергия Радонежского, XV век, «Просветитель» И. Волоцкого, рубеж XV – XVI вв., и мн. др.), и призывами хранить веру, «хранить себя от сребролюбия и прочих грехов, сохранять заповеди Господни» («Палая Толковая», 1406 г., и мн. др.), мы можем встретить коннотации этого слова, близкие политическому дискурсу — Царь — хранитель земли (Житие Александра Невского, вторая половина XIII в.), Чудотворец — недремлющий хранитель (Житие Сергия Радонежского, XV в.), и, наконец, утверждения о том, что «русские князья, православной веры христианской поборники», святые страсто-терпцы и чудотворцы — «истинные охранители», «русские хранители», «хранители царства» («Сказание о Мамаевом побоище», XV в., и мн. др.). В XVIII в. функции хранителя предписываются «властителям» и «властям общественным» — тем, кто «предназначен от Бога хранить порядок» и «спокойствие каждого»⁷. В начале XIX

В поисках нового... консерватизма / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблис», 2015).

⁶ Концепция «духовно-политической» мысли предложена и разрабатывается С.В. Перевезенцевым. См.: *Перевезенцев С.В.* Истоки русской души: Обретение веры. X–XVII в. М.: Эксмо, 2015; *Перевезенцев С.В.* К вопросу о специфике русской политической мысли XI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 4. С. 11–22; *Перевезенцев С.В.* Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М.: Издательство «ФИВ», 2015; *Перевезенцев С.В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв.: Основные идеи и тенденции развития. М.: «Прометей», 1999; *Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А., Ермашов Д.В.* Русская социально-политическая мысль X – начала XX века. Часть I. История политических учений России X–XVII вв.: От Киевской Руси до Московского царства. М.: Информационно-издательская продюсерская компания «Ихтиос», издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2005; *Перевезенцев С.В.* «Слово о гибели Русской земли» как политическая программа возрождения Руси // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 39–45, и др.

⁷ См.: Ранние заметки Великой Княгини Екатерины Алексеевны. 1758–1762 гг. Особая тетрадь: собственноручные заметки Великой Княгини Екатерины Алексеевны. 1758–1761 гг. // *Екатерина II.* Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 43;

века в своих трудах Н.М. Карамзин уже прямо требовал «мудрости хранительной» в политике⁸ и воспевал гений государя — хранителя государства Российского⁹. Позже суть хранительства-служения удачно сформулировал Н.Н. Страхов:

«Все дело в том и состоит, чтобы ничего не переносить, ничему не подражать, а все развивать из того, что есть, и не разрушая того, что есть»¹⁰.

* * *

Политическое кредо Н.М. Карамзина — «мудрость хранительная». Именно он стал инициатором консервативного «хранительного» разворота русской политической мысли, который ознаменовался переменой европейских приоритетов, источников политической мысли, в которых русские теоретики находили вдохновение для своих консервативных воззрений. От просветительских учителей А.Н. Радищева — Руссо, Гельвеция, Локка, Монтескье, Гердера произошла переориентация на идеи Берка, де Местра, де Бональда, немецких романтиков, Шеллинга и Гегеля. Новым источником становится православная святоотеческая традиция, в которой многие русские консерваторы находили главное вдохновение. Прогрессистский оптимизм и политическая проективность как устремленность в будущее, свойственные, например, Радищеву, были существенно пересмотрены в сторону «ретроспективного

Страхов П.И. Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие. На высокаторжественный и всерадостный день восшествия на престол ЕЕ Императорского Величества, Всепресветлейшей Великой Государыни, Императрицы ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Самодержицы Всероссийской, Премудрой законодательницы и истинной Матери Отечества, говоренное в публичном собрании Императорского Московского университета июня 30 дня, 1788 год // *Общественная мысль России XVIII века: В 2-х т. Т. 1: Philosophia rationalis.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 394.

⁸ См.: *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // *Карамзин Н.М.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 314.

⁹ См.: *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // *Ермашов Д.В. Ширинянц А.А.* У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М.: Издательство Московского университета, 1999. С. 135.

¹⁰ *Страхов Н.Н.* Спор об общем образовании // *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 40.

проективизма», обращенности в прошлое¹¹. Почву для этого подготовил уже М.М. Щербатов, создатель первой консервативной утопии «Путешествие в землю Офирскую...» (1784) и критик «повреждения нравов» в современной ему России¹². «Ретроспективность» же главного исторического сочинения Н.М. Карамзина выражалась, в частности, и в том, что в своей «Истории...» он избегал освещения современных событий и прямых параллелей с современностью, «лобовых» политических суждений на «злобу дня». Политические выводы, однако, прямо следовали из его исторических выкладок. Главный из них состоял в доказательстве преимуществ самодержавия — «лучшей» формы государственного устройства для России (ее «палладиума») и одновременно гаранта сохранения «святой веры».

* * *

Стремление обосновать закономерность и необходимость самодержавия для блага России было одной из главных причин, побудивших Карамзина заняться историей.

Уже в «Письмах русского путешественника», написанных в 1791–1792 гг. можно найти мысль, содержащую в зародыше будущее обращение их автора к отечественной истории: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, то есть, писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием»¹³. Карамзин, будучи, по словам В.Г. Белинского, «везде и во всем... не только преобразователем, но и начинателем, творцом»¹⁴, по собственному

¹¹ См.: *Ширинянец А.А.* А.Н. Радищев и политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX вв. // Историческое образование. М., 2014. № 1. С. 90–108. См. также: *Ширинянец А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 88, 92–97.

¹² См.: Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. М.: ООО «Паблис», 2015. С. 677 и сл.

¹³ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // *Карамзин Н.М.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 139.

¹⁴ *Белинский В.Г.* Статьи о Пушкине. Статья вторая // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. С. 135.

почину, добившись звания придворного историографа, на долгие годы «постригся в истории» (выражение П.А. Вяземского).

Первое сугубо историческое сочинение русского мыслителя «Историческое похвальное слово Екатерине II» (1802) было одновременно и его первым политическим трактатом, содержащим в себе монархическую программу автора. Главная мысль этой созданной Карамзиным концепции русской «просвещенной монархии» заключается в словах:

«Сограждане! признаем во глубине сердец благотельность Монархического Правления... Сие Правление тем благотворнее, чем оно соединяет выгоды Монарха с выгодами подданных: чем они довольнее и счастливее, тем власть Его святее и Ему приятнее. Оно всех других сообразнее с целью гражданских обществ: ибо всех более способствует тишине и безопасности»¹⁵.

То, что декларировалось писателем в «Историческом похвальном слове Екатерине II», было аргументировано им в записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811), а затем и в «Истории государства Российского» (1816–1829). Нужно заметить, что «Историческое похвальное слово Екатерине II» характеризует не только литературный стиль эпохи, но шире — стиль консервативного мышления. Содержание консервативного политического дискурса в России всегда определяла национальная идея, синтезирующая патриотизм (соединяющий любовь к Родине в географическом значении с любовью к «русскому духу» — традициям, обычаям, ценностям и идеалам русского народа, сформировавшимся и освященным многовековой историей борьбы за национальное самоопределение в сильном монархическом государстве) и духовную свободу в истинном православии. Великий путь России «от колыбели до величия полного», который Карамзин описал в многотомной «Истории государства Российского»; историко-политический анализ проблем России начала XIX в. в записке «О древней и новой России...»; его представления об «идеальном самодержавии» как панацеи России от внутренних войн и раздоров, дополняются в «Историческом похвальном слове Екатерине II» характеристикой эпохи царствава-

¹⁵ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Ермашов Д.В. Ширинянц А.А. У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М.: Издательство Московского университета, 1999. С. 101.

ния Великой Екатерины, осуществившей на практике идеал самодержавного правления.

Карамзин высоким «штилем», но основываясь только на реальных событиях и фактах эпохи, демонстрирует силу государства и величие русского духа, парадоксальным образом воплотившиеся в императрице, немке по происхождению, сочетавшей либеральные устремления в управлении и культуре с жесткостью по отношению к внешним и внутренним врагам империи.

У читателей этого панегирического по сути произведения Карамзина может возникнуть впечатление, что историческое обоснование необходимости самодержавия для России Карамзин свел к тому, чтобы «придать внешний блеск и оживление тому, что дряхло» (выражение А.А. Кизеветтера)¹⁶. Однако это не так. Карамзин доказывал выгоды абсолютной власти не просто для утверждения уже существовавшего самодержавия со всеми его недостатками, но главным образом для укоренения в сознании русских людей идеи монархической власти как подлинно самобытного русского начала, предопределившего величественное развитие России на много десятилетий вперед.

Заявляя о защите Карамзиным того, что «дряхло», Кизеветтер при этом упустил из вида следующее, на наш взгляд, немало-важное обстоятельство. Карамзин понимал под самодержавием не просто неограниченную единоличную власть монарха. Термин «самодержец», входивший в титул русского царя еще со времен Московской Руси, выражал в первую очередь то, что монарх не является чьим-либо данником (конкретно в ту эпоху — хана), то есть он — суверен, при этом не обязательно обладающий правом на произвол и безответственность. Неограниченную верховную власть одного человека самодержавие стало означать позднее, с царствования Иоанна Грозного. Эту сторону царской власти Карамзин интерпретировал всего лишь как вторичный ее атрибут — хотя и важный, но все же производный, сопутствующий, — выдвинув на первый план трактовку самодержавия как проявления могущества и политической независимости государства. Иными словами, Карамзин призывал учитывать в анализе политики самодержавия не только его институциональные характеристики, но и реальные результаты функционирования. А последние приводили

¹⁶ *Кизеветтер А.А.* Н.М. Карамзин // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1. С. 20.

Карамзина к признанию исторической правоты самодержавия, не раз спасавшего Россию от гибели и имеющего, на взгляд историка, все возможности для того, чтобы и дальше вести государство по неизведанным путям истории.

* * *

Карамзин писал свою «Историю» «для русских, для своих соотечественников»¹⁷. По воспоминаниям немецкого путешественника, побеседовавшего летом 1824 г. с Карамзиным, он услышал от того следующее: «Из всех литературных произведений народа изложение истории его судьбы более всего должно вызвать его интерес и менее всего может иметь общий, не строго национальный характер. Историк должен ликовать и горевать со своим народом»¹⁸. В одном из писем к И.И. Дмитриеву можно найти еще более откровенное признание:

«Я писал для Русских, для купцов Ростовских, для владельцев Калмыцких, для крестьян Шереметева... а не для Западной Европы»¹⁹.

Перед нами очевидное, во всеуслышание заявленное стремление Карамзина доказать своей «Историей...» российскому обществу, что у нас есть собственное прошлое и собственная традиция. Этой традицией является российская государственность, имеющая своей основой принцип самодержавия, в силу которого «Россия развилась, окрепла и сосредоточилась». «Или вся Новая история должна безмолвствовать, или Российская имеет право на внимание»²⁰, гордо заявлял автор в знаменитом предисловии к «Истории...».

* * *

¹⁷ Николай Михайлович Карамзин у графа Н.П. Румянцова в 1824 г. // Русская старина. 1890. Т. 67. № 9. С. 452. — <http://www.runivers.ru/bookreader/book201814/#page/460/mode/1up> (август, 2016).

¹⁸ Там же. С. 453. — <http://www.runivers.ru/bookreader/book201814/#page/460/mode/1up> (августа, 2016).

¹⁹ [Карамзин Н.М. Письмо И.И. Дмитриеву] от 26 января 1820 г. // Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1866. С. 281.

²⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4 кн., 12 т. Репринт. воспроизв. 5 изд. 1843 г. М.: Книга, 1988–1989. Т. 1. С. X. (Далее все ссылки даются по указанному изданию).

Как уже отмечалось, изучение прошлого страны было продиктовано желанием русского мыслителя исторически обосновать свой тезис о том, что «самодержавие есть палладиум России»²¹.

Не случайно анализ отечественной истории Карамзин начал с описания «беспримерного в летописях случая»²² — призвания варягов, основополагающего, по его мнению, факта всего исторического развития России. Слова новгородцев:

«Хотим князя, да владеет и правит нами по закону»²³ — были, как считал Карамзин, не только основанием монархического устава древнего Российского государства. Историк особо выделил то, что «везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили самовластие... в России оно утвердилось с общего согласия граждан»²⁴.

Тем самым Карамзин обосновывал мысль об отсутствии в социальном строе России каких бы то ни было зачатков будущих общественных или политических конфликтов. Факт добровольного и всенародного образования монархического государства свидетельствовал, по мысли историка, о существенных различиях России и Европы в самих своих государственных основах. Образование европейских стран путем завоеваний было главной причиной того, что Запад к началу XIX в. прошел уже через Нидерландскую, Английскую и Французскую революции. Поэтому, считал Карамзин, у России, не имеющей в своих исторических истоках каких-либо революционных начал, должен быть свой, совершенно особый и отличный от европейского, мирный путь развития.

Тем не менее, создатель первой нашей отечественной истории не отделял ее от истории остальных стран. Для Карамзина Россия всегда представляла в виде державы, которая «величественно возвышала главу свою на пределах Азии и Европы»²⁵. Рассказывая о введении христианства на Руси, он подчеркивал, что оно укоренилось у нас «почти в одно время с землями соседственными: Венг-

²¹ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 344. (Далее все ссылки даются по указанному изданию).

²² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. С. 67.

²³ Там же. С. 142.

²⁴ Там же. С. 67.

²⁵ Там же. Т. 6. С. 213.

рию, Польшею, Швециею...»²⁶. «Удельную» систему в России историк называл к «государственной общей язвой тогдашнего времени, которую народы Германские сообщили Европе»²⁷. Карамзин видел в историческом движении народов «какое-то согласное течение мирских случаев к единой цели... связь между оными для произведения какого-нибудь действия, изменяющего состояние рода человеческого»²⁸. Как говорил Вяземский, «Карамзин, *не мудрствуя лукаво*, провел Русскую историю широкими путями Провидения»²⁹, не притязая на проникновение в общий смысл мирового хода событий.

Однако, несмотря на подобный провиденциалистский подход к истории, русский мыслитель не думал, что Россия является антитезой Европы. Он подчеркивал, что в проявлениях скрытого от людей замысла Провидения историк может видеть лишь действия разных и непохожих друг на друга народов, но никак не должен судить о том, кто лучше и кто хуже, «ибо сие мудрование несвойственно здравому смыслу человеческому»³⁰.

Конечно, как признавался сам Карамзин, он «не всегда мог скрыть любовь к Отечеству... Но не обращал пороков в добродетели; не говорил, что Русские лучше Французов, Немцев, но люблю их более: один язык, одни обыкновения, одна участь, и пр.»³¹. В одном из писем к императору Александру I от 10 марта 1824 г. Карамзин, прямо указывая на свою беспристрастность, замечал, что в его «Истории...» «нет, кажется, ни слова обидного для *народов*; описываются только худые дела *лиц*... Я не щадил и Русских, когда они злодействовали и срамились»³². При всей своей любви к роди-

²⁶ Там же. С. 126.

²⁷ Карамзин Н.М. О древней и новой России. С. 280.

²⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 6. С. 210.

²⁹ Вяземский П.А. Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1879. С. 362. — http://imwerden.de/pdf/vyazemsky_polnoe_sobranie_tom02_1879.pdf (август, 2016).

³⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. С. 222.

³¹ Карамзин Н.М. Из приписок 1800 г. К Предисловию // Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. Ч. 1. СПб.: В типографии Н. Тиблена и комп., 1862. С. 206. — http://imwerden.de/pdf/karamzin_neizdannoe_i_perepiska_ch1_1862_text.pdf (август, 2016).

³² Карамзин Н.М. Переписка с императором Александром I. 1824 г. 8. От Карамзина к императору Александру // Неизданные сочинения и

не историк не проходил мимо «общественных злодейств», и если в России было, например, лихоимство, то он честно заявлял об этом. Так, в «Истории государства Российского» Карамзин не скрывал варварских черт в характере россиян, когда они порой заражались «язвою разврата», и описывал праздность русских и их пристрастие к крепким напиткам, языческие обычаи и ереси, распутство и корыстолюбие, излишние жестокости и «окаменение сердец»³³.

Но в этом правдивом изображении событий и заключается, по мнению историка, истинная любовь к отечеству, чья судьба «и в славе, и в унижении равно для нас достопамятна»³⁴.

Тем не менее, необходимо признать, что Карамзин все же не избежал упреков и даже обвинений в адрес иноземцев, и в первую очередь, европейцев. В «Предисловии» мы видим, как автор особо подчеркивал мирное освоение россиянами новых земель — «без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и Америке»³⁵. На страницах многих томов «Истории...» можно прочесть строки, посвященные описанию «низкой, завистливой политики Ганзы и Ливонского ордена»³⁶, «грязных» попыток папы и иезуитов обратить россиян в латинство и втравить их в ненужную войну с турками³⁷; укорял также историограф и лютеран в «примесах мудрований человеческих, несогласных с простотою Евангельскою»³⁸; ставил им как образец «чистоту и неприкосновенность греческого вероисповедания»³⁹; советовал немцам следовать примеру россиян, «которые довольствуются подданством народов, оставляя им на волю верить или не верить Спасителю»⁴⁰.

Отсюда понятно особое отношение Карамзина к Православию. По его мнению, «история подтверждает истину... что вера

переписка Н.М. Карамзина. Ч. 1. СПб.: В типографии Н. Тиблена и комп., 1862. С. 29. — http://imwerden.de/pdf/karamzin_neizdannoe_i_perepiska_ch1_1862_text.pdf (август, 2016).

³³ См. соотв.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 6. С. 62; Т. 11. С. 52; Т. 9. С. 273; Т. 11. С. 71; Т. 12. С. 75.

³⁴ Там же. Т. 2. С. 39.

³⁵ Там же. Т. 1. С. X.

³⁶ Там же. Т. 8. С. 70.

³⁷ См. соотв.: Там же. Т. 7. С. 61; Т. 9. С. 190; Т. 10. С. 109; Т. 12. С. 89.

³⁸ Там же. С. Т. 7. С. 131.

³⁹ Там же. С. 61.

⁴⁰ Там же. Т. 3. С. 90.

есть особенная сила государственная»⁴¹. И в этом отношении православная набожность русских оказала государству величайшую услугу. «Прославим действие веры, — писал историк в томе, содержащем описание России времен татаро-монгольского ига, — она удержала нас на степени людей и граждан... в уничижении имени русского мы возвышали себя именем христиан, и любили отечество как страну православия»⁴².

* * *

Следует подчеркнуть то, что Карамзин, не отделяя Россию от европейской цивилизационной системы, отводил ей совершенно особое место в этой системе, указывая на тот факт, что европейские народы в своем развитии шли приблизительно одним общим путем, тогда как россияне — своим собственным, причем более трудным.

Особенно ярко своеобразие России как самодержавного государства выразил историк на примере деятельности Петра I. В шестом томе «Истории...» автор, сравнивая Иоанна III с Петром, впервые публично поставил вопрос о том, «кто из сих двух венценосцев поступил благоразумнее и согласнее с пользою отечества»⁴³. По его мнению, «Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных»⁴⁴. Петр поступил с точностью до наоборот, чем нанес неисчислимый вред России. Карамзин вовсе не отрицал, что Европа, начиная с XI в., далеко опередила нас в своем развитии: «Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в самое то время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались... Россия, терзаемая моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!»⁴⁵.

В записке «О древней и новой России...», которую М.П. Погодин охарактеризовал как «важнейшее государственное сочинение», стоящее «Политического завещания Ришелье»⁴⁶, Карамзин

⁴¹ Там же. Т. 5. С. 224.

⁴² Там же. С. 218.

⁴³ Там же. Т. 6. С. 216.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 216.

⁴⁶ *Погодин М.П.* Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 2. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. С. 69. —

указывал, что при неравном соотношении уровней развития Запада и России, заимствования европейской культуры вполне возможны, и такие заимствования стали обычными уже в допетровское время: «царствование Романовых: Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению Россиян с Европою». Но, как подчеркивал Карамзин: «Сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы **нехотя**, применяя все к нашему и новое соединяя со старым»⁴⁷. При Петре I «все переменялось». Страсть этого самодержца «к новым для нас обычаям переступила в нем границы благоразумия». Петр, например, «искореняя древние навыки, представлял их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные»⁴⁸, делал это в основном с помощью пыток и казней; при Петре произошло расслоение русского, единого до того народа: «...высшие степени отделились от нижних, и Русский земледелец, мещанин, купец увидел Немцев в Русских дворянах ко вреду братского, народного единодушия Государственных состояний». То есть общество раскололось на две субкультуры — «немецкую» и «традиционно-русскую». Петр уничтожил достоинство бояр, изменил систему государственного управления. «Честью и достоинством россиян сделалось подражание». В области семейных нравов «европейская вольность заступила место азиатского принуждения». Ослабили родственные связи: «имея множество приятелей, чувствуем менее нужды в друзьях и жертвуем свету союзом единокровия»⁴⁹. Петр уничтожил патриаршество и объявил себя главою церкви, ослабив тем самым веру, «а с ослаблением веры Государь лишается способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для Отечества и где Пастырь душ может обещать в награду один венец мученический»⁵⁰. Петр перенес столицу государства на окраину, построив ее на песке и болотах и положив на это множество людских жизней, денег и усилий⁵¹. В результате всего этого, заключает

<http://www.runivers.ru/bookreader/book579651/#page/71/mode/1up> (август, 2016).

⁴⁷ Карамзин Н.М. О древней и новой России. С. 290.

⁴⁸ Там же. С. 291.

⁴⁹ Там же. С. 292.

⁵⁰ Там же. С. 294.

⁵¹ См.: Там же. С. 295.

Карамзин, «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России»⁵². Он считал, что «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество Государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух ... есть не что иное, как привязанность к нашему особенному; не что иное, как уважение к своему народному достоинству»⁵³. И в этом, по утверждению Карамзина, главная ошибка «великого венценосца», ибо «государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях»⁵⁴.

Подобные взгляды историка основывались на твердом убеждении, что государства и народы «могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные»⁵⁵. В этом, на наш взгляд, суть карамзинского принципиального подхода к «мудрой» монархической власти. Карамзин был уверен в том, что приписывать народным обычаям, которые «естественно изменяются», насильственные уставы, «есть насилие, незаконное и для Монарха Самодержавного»⁵⁶.

Таким образом, степень вмешательства государственной власти в сферу народных привычек, обрядов, верований, иными словами, в сферу частной жизни и личного достоинства отдельного человека была для русского мыслителя той чертой, за которой заканчивается самодержавие и начинается деспотизм⁵⁷. «Тирания есть только злоупотребление самодержавия, — писал Карамзин в «Истории...», — самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где обязанность, там и закон: никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блюсти счастье народное»⁵⁸.

С точки зрения Карамзина, требования идеального самодержавия осуществила Екатерина II, и это зависело не только от лич-

⁵² Там же. С. 293.

⁵³ Там же. С. 291.

⁵⁴ Там же. С. 291-292.

⁵⁵ Там же. С. 291.

⁵⁶ Там же. С. 292.

⁵⁷ См.: Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 тт. Т. 2 Статьи по истории русской литературы XVIII — первой половины XIX века. Таллинн: Александра, 1992. С. 201-202.

⁵⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 7. С. 121.

ности императрицы, но и от общего уровня политического развития. Прежде всего, Екатерина обходилась без «средств жестоких», то есть «без казни, без пыток, влияв в сердца Министров, Полководцев, всех Государственных чиновников живейший страх сделаться ей неудобным и пламенное усердие заслуживать ее милость»⁵⁹; она допустила свободу высказываний по отношению к ней и к ее мероприятиям; она деятельно работала над усовершенствованием всех внутренних частей «нашего здания Государственного» и вела национальную внешнюю политику; но самое главное — Екатерина не требовала от россиян ничего противного их совести и гражданским навыкам. Всего этого достаточно, чтобы Карамзин определил екатерининское царствование как «время... счастливейшее для гражданина Российского»⁶⁰.

* * *

Итак, «счастье гражданина», «счастье народное» — вот главная цель государственной власти; и народ как главный носитель национальных традиций является гарантом этой власти, силой, способной решать судьбу самодержавия. В изображении Карамзина русский народ предстает в единстве национального духа, и правители народа лишь носители этого духа, воплощающие в себе лучшие черты национального характера. Причем значение государственного деятеля определяется степенью его связи с народом, и только в ситуации союза власти с народом силы государства удесятерятся.

Одна из главок девятого тома «Истории государства Российского» названа им «Любовь россиян к самодержавию». Как думал Карамзин, эта «любовь» является главным доводом в пользу российского самодержавия, так как русский народ даже в годы тирании Иоанна Грозного понимал необходимость и спасительность монархии для России, считая «власть государеву властью божественною»⁶¹. В непоколебленной деспотией вере российских подданных в самодержавное правление Карамзин усматривал главную «силу государственную». И во многом для того, чтобы укрепить ее, он писал «Историю...», показывая ужасы и пагубу самовла-

⁵⁹ Карамзин Н.М. О древней и новой России. С. 298.

⁶⁰ Там же. С. 300.

⁶¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. С. 98.

ствия⁶², ибо «вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели»⁶³.

Истинное, «мудрое» самодержавие рисовалось Карамзину как равнодействующая и созидательная сила, подчиняющая интересам государства аристократию и олигархию, уничтожающая разъединительные тенденции в обществе и предотвращающая анархию. Утверждая, что «наше правление есть отеческое, патриархальное», историк полагал, что «в России государь есть живой закон» и судит, как отец семейства, без протокола — «по единой совести»⁶⁴. Истинная монархия, по Карамзину, предполагая безграничную власть самодержца, основывается на его личных добродетелях. Поэтому самодержавная власть — это всегда *испытание* ее носителя, преодолевающего искус абсолютной власти, способной развратить любого человека.

Чем же в таком случае должна быть связана воля самодержца? Ответ на этот вопрос мы находим уже в первых томах «Истории...»: «Правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной Политики»⁶⁵. Единственным средством охранения подданных от злоупотреблений власти Карамзин считал совесть монарха и создавшиеся традиции. Определяют границы самовластия монарха, с одной стороны, высокие нравственные качества самодержца, с другой — «дух народный». Ничто другое не должно ограничивать волю самодержца, никому и ни в чем не дающего ответа и ни перед кем не ответственного.

Не отрицая взаимовлияния разных стран и народов, в частности сближения россиян с Европой, Карамзин выступает резко против вмешательства государства в «домашнюю жизнь» народа. В связи с этим, интересна карамзинская характеристика гражданского образа Древней России, в котором соединились черты Востока и Запада. Образ этот, по Карамзину, не что иное, как смесь: 1) древних восточных нравов (славян и монголов), 2) византийских (заимствованных вместе с христианской верой) и 3) «некоторых

⁶² См.: Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. «Опровергнутые верным рассказом событий» // Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1986. С. 61.

⁶³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. С. 250.

⁶⁴ См.: Карамзин Н.М. О древней и новой России. С. 343.

⁶⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. С. 147.

германских, сообщенных им варягами». Утехи рыцарские и дух местничества — германские обычаи, «заклечение» женского пола и строгое холопство — азиатские обычаи, царский двор уподоблялся византийскому. Эта смесь в нравах, «произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною и россияне любили оную, как свою народную собственность»⁶⁶. В этой любви все дело. Главное не степень индивидуальной свободы или псевдолиберальной «толерантности», прагматизма или практицизма, но то, что качества русских людей — идеализм или духовность, стихийный аполитизм или нежелание «государствовать», «царистские иллюзии» или миссианство — органически вырастают из особенностей истории народа, их «природный» характер сводит на нет все критические эскапады русофобов, которые говоря о «русских чертах», обычно приравнивают «русскость» к рабской психологии, отсутствию чувства собственного достоинства, нетерпимости к чужому мнению, холуйской смеси злобы, зависти и преклонения перед чужой властью; любви к сильной, жестокой власти и самой жестокости власти, «тоске по Хозяину»; мечтаниям о какой-то роли или миссии России в мире, желанию чему-то научить других, указать какой-то новый путь или даже спасти мир⁶⁷.

* * *

Взгляд Карамзина на сущность русского самодержавия, которое, по его убеждению, неотделимо от самой «метафизической природы» России, в сконцентрированном виде можно охарактеризовать его же словами из письма к П.А. Вяземскому: «Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорее может упасть, нежели еще более возвеличиться. Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима»⁶⁸. Эксперименты здесь не

⁶⁶ См.: Карамзин Н.М. О древней и новой России. С. 284.

⁶⁷ Цит. по: Шафаревич И.Р. Русофобия // Шафаревич И.Р. Есть ли у России будущее? М.: Советский писатель, 1991. С. 392-393. См. также: Мыркова А.В., Сетов Н.Р., Сорокопудова О.Е., Топычканов А.В., Осадченко З.Н., Шириняц А.А., Шутков А.Ю. Русский вопрос и линия русофобии в истории политики и политической мысли Европы XIX века // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 5-58.

⁶⁸ [Карамзин Н.М. Письмо П.А. Вяземскому] от 21 августа 1818 г. // Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810-1826 (Из Остафьевского архива). СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1897. С. 60.

годятся, уверял Карамзин. Каждый народ в своем историческом бытии реализует присущий только ему тип культуры, в основе которой лежит создание национальной государственности. А история показывает, что «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»⁶⁹.

Идеологическое содержание «Истории государства Российского», записки «О древней и новой России» и других произведений Карамзина дает основание говорить о социально-политической концепции мыслителя как о «манифесте русского консерватизма»⁷⁰. Добавим к этому то, что карамзинский вариант консерватизма не просто прагматически-политическая доктрина, выражавшая интересы лишь узко-корпоративного придворного круга, «официальную догму» и больше ничего, это — начало «хранительного» направления политической мысли, имевшего огромное влияние в России. Произведенный Карамзиным синтез политических принципов самодержавия и гуманистических идей трансформировался в концепциях русских консерваторов позднего времени в еще более «хранительную» по духу и букве систему, содержащую в себе как идеи абсолютной власти, так и высшие нравственные, преимущественно православные ценности. Примером могут служить труды М.П. Погодина, С.П. Шевырева, К.С. и И.С. Аксаковых, К.П. Победоносцева, Л.А. Тихомирова, и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский В.Г. Статьи о Пушкине. Статья вторая // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. С. 132-222.

Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. «Опровергнутые верным рассказом событий» // Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1986. С. 59-64.

Вяземский П.А. Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1879. — http://imwerden.de/pdf/vyazemsky_polnoe_sobranie_tom02_1879.pdf (август, 2016).

⁶⁹ *Карамзин Н.М.* О древней и новой России. М., 1991. С. 284.

⁷⁰ *Пивоваров Ю.С.* Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 13.

- Ермашов Д.В., Ширинянц А.А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 5-22.
- Ермашов Д.В., Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль X – начала XX века. Часть I. История политических учений России X–XVII вв.: От Киевской Руси до Московского царства. М.: Информационно-издательская продюсерская компания «Ихтиос», издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2005. 156 с.
- Карамзин Н.М. Из приписок 1800 г. К Предисловию // Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. Ч. 1. СПб.: В типографии Н. Тиблена и комп., 1862. — http://imwerden.de/pdf/karamzin_neizdannoe_i_perepiska_ch1_1862_text.pdf (август, 2016).
- Карамзин Н.М. История государства Российского: В 4 кн., 12 т. — Репринт. воспроизв. 5 изд. 1843 г. М.: Книга, 1988–1989. — <http://rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/toc.htm> (август, 2016).
- Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Ермашов Д.В. Ширинянц А.А. У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М.: Издательство Московского университета, 1999. С. 81-136.
- Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 279-348.
- Карамзин Н.М. Переписка с императором Александром I. 1824 г. 8. От Карамзина к императору Александру // Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. Ч. 1. СПб.: В типографии Н. Тиблена и комп., 1862. — http://imwerden.de/pdf/karamzin_neizdannoe_i_perepiska_ch1_1862_text.pdf (август, 2016).
- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 82-157.
- [Карамзин Н.М. Письмо П.А. Вяземскому] от 21 августа 1818 г. // Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826 (Из Остафьевского архива). СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1897. С. 59-61.
- [Карамзин Н.М. Письмо И.И. Дмитриеву] от 26 января 1820 г. // Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: в типографии Императорской Академии наук, 1866. С. 281-282.
- Кизеветтер А.А. Н.М. Карамзин // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1. С. 9-26.
- Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 тт. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн: «Александра». 1992. С. 194-206.

- Мырикова А.В., Сетов Н.Р., Сорокопудова О.Е., Топычканов А.В., Осадченко З.Н., Ширинянц А.А., Шутов А.Ю. Русский вопрос и линия русофобии в истории политики и политической мысли Европы XIX века // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 5-58.
- Николай Михайлович Карамзин у графа Н.П. Румянцева в 1824 г. // Русская старина. 1890. Т. 67. № 9. — <http://www.runivers.ru/bookreader/book201814/#page/460/mode/1up> (август, 2016).
- Перевезенцев С.В. Истоки русской души: Обретение веры. X–XVII в. М.: Эксмо, 2015. 528 с.
- Перевезенцев С.В. К вопросу о специфике русской политической мысли XI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 4. С. 11-22.
- Перевезенцев С.В. Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М.: Издательство «ФИВ», 2015. 456 с.
- Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв.: Основные идеи и тенденции развития. М.: «Прометей», 1999. 432 с.
- Перевезенцев С.В. «Слово о гибели Русской земли» как политическая программа возрождения Руси // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 39-45.
- Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 3-15.
- Погодин М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 2. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. С. 69. — <http://www.runivers.ru/bookreader/book579651/#page/71/mode/1up> (август, 2016).
- Ранние заметки Великой Княгини Екатерины Алексеевны. 1758–1762 гг. Особая тетрадь: собственноручные заметки Великой Княгини Екатерины Алексеевны. 1758–1761 гг. // Екатерина II. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 37-64.
- Страхов Н.Н. Спор об общем образовании // Страхов Н.Н. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 39-43.
- Страхов П.И. Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие. На высокотожественный и всерадостный день восшествия на престол ЕЕ Императорского Величества, Всепресветлейшей Великой Государыни, Императрицы ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Самодержицы Всероссийской, Премудрой законодательницы и истинной Матери Отечества, говоренное в публичном собрании Императорского Московского университета июня 30 дня, 1788 год // Общественная мысль России XVIII века: В 2-х т. Т. 1: Philosophia rationalis. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 389-400.

- Хранители России. Антология. Т. 1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / Под ред. С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблис», 2015. 736 с.
- Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблис», 2015. 936 с.
- Шафаревич И.Р.* Русофобия // Шафаревич И.Р. Есть ли у России будущее? М.: Советский писатель, 1991. С. 389-486.
- Ширинянец А.А.* А.Н. Радищев и политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX вв. // Историческое образование. М., 2014. №1. С. 90-108.
- Ширинянец А.А.* «Консерватор», «консерватизм», «консервативный» в русской социально-политической мысли XIX века // *Sensus Historiae*. Vol. XX (2015/3). S. 27-35.
- Ширинянец А.А.* «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 6. С. 112-124.
- Ширинянец А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. 649 с.
- Ширинянец А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М.: Русский миръ, 2008. 412 с.
- Ширинянец А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 69-87.

D.V. ERMASHOV, A.A. SHIRINYANTS

“WE DEMAND THE PROTECTIVE WISDOM,
RATHER THAN THE CREATIVE ONE”

POLITICAL CONSERVATISM OF N. KARAMZIN

The article gives an overview of N.M. Karamzin's vision of the essence of Russian absolutism (*samoderzhavie*). It shows that in the beginning of the 19th century, European orientation of reasoning part of Russian society gave place to conviction that any attempt to bring Russia closer to European civilization should not lead to the loss of its own national roots and spiritual values. Conservative “turnaround” signified the substitution of European priorities and sources of political notions, which previously inspired Russian con-

servative authors. Nikolay Karamzin (1766–1826), Russian historian and thinker, initiated protective conservative turnaround of Russian social-political ideas. It was he, who made “protective wisdom” the key-stone of politics and managed to unite the principles of samoderzhavie with ideas of humanism. Study of “Historical-laudatory word on Catherine II”, “Note on ancient and modern Russia in relation to it’ political and civil state”, “History of the Russian State” and other Karamzin writings proves that his concept of “protective” (“hranitel’stvo”) conservatism was not just a pragmatic political expression of narrow corporative opinion of royal court surrounding, a kind of official dogma, but an idea that influenced Russian political doctrines greatly, justifying the role of Karamzin as the father-founder of Russian conservatism.

Key words: History of Social and Political Doctrines of Russia in XIX century, N. Karamzin, Russian absolutism (samoderzhavie), Russian conservatism, protective (hranitel’stvo).

М.Н. ГРОМОВ, Н.А. КУЦЕНКО

ДОСТОЙНЫЙ ПРЕЕМНИК ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ

Н.М. Карамзин представлен, с одной стороны, как современный исследователь, получивший прекрасное образование, знавший европейские языки, осведомленный в исторической и философской литературе. С другой стороны, признавая, что Россия является частью Европы, он всё более углублялся в её прошлое, результатом чего явилось написание двенадцатитомной «Истории государства Российского», доведённой до 1611 г. Подобно древнерусским летописям его труд соединяет стремление к объективности, философскую основательность, эмоциональную взволнованность, литературное совершенство, патриотическую направленность. Это позволяет считать Н.М. Карамзина продолжателем развитой летописной традиции с использованием современной научной методологии.

Ключевые слова: летописи, источники, историософия, самодержавие, единодержавие, государственность, консерватизм.

*Историю должно писать
с философским умом, с критикою,
с благородным красноречием.*

Н.М. КАРАМЗИН

Обращаясь к биографии и творческому наследию Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), исследователи подчёркивают его европоцентризм в первую половину жизни. Сначала он воспитывался в дворянском пансионе Фовеля в Симбирске, затем в пансионе немецкого профессора И.М. Шадена в Москве, слушал лекции в университете, овладев основными европейскими языками, активно изучал западную литературу и философию¹. В этом нет ничего уди-

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. СПб.: Азбука, 2015. 447 с.

вительного. Таков был начальный путь большинства его образованных современников. В XVIII веке Россия была прилежной ученицей Европы, в XIX столетии стала искать собственную почву, что дало великолепный синтез европейской выучки и заинтересованного обращения к истокам своей истории и культуры. Это мы видим на примере Пушкина, Достоевского, Толстого и многих писателей, мыслителей, художников, композиторов.

Европа всегда была, даже в периоды войны, противостояния, вражды с нею, заповедной “страной чудес”, точнее сказать, совокупностью многих стран, своеобразным цивилизационным мате-риком, дающим разнообразную пищу уму и нередко пример для подражания. Спектр отношений к Европе был (да и сейчас тако-вым является) многообразен — от неумеренного восхваления до враждебного неприятия, разумной же позицией является объек-тивно срединная, состоящая в признании европейского опыта важ-ным для России и осознания нашей культуры частью общеевро-пейской цивилизации со всеми оговорками геополитического, конфессионального, национального и иного характера².

Показательно, что девизом основанного Карамзиным журнала «Вестник Европы» стало выражение «Россия есть Европа», столь напоминающее некоторые нынешние лозунги у нас и у наших сосе-дей³. В идейном плане Карамзин более всего увлекался француз-ским Просвещением и немецкой философией, причём не только по книгам, но и на практике во время путешествия по Европе. Его потрясли события Французской революции, часть которых он видел своими глазами. Он слушал Робеспьера, был свидетелем полемики Мирабо и аббата Мори о статусе католической церкви в республи-канской Франции, где она сначала будет подвергаться гонениям, однако затем наступит пора восстановления её прав. Революцион-ный атеизм не сразу угас. Он проявился во время нашествия без-божного французского воинства не только в России в 1812 г., но также в Испании, где разграблялись единоверные казалось бы французам католические храмы и монастыри.

² Карамзинский сборник. Россия и Европа: диалог культур. Ульяновск: Гос. пед. ун-т, 2001.

³ Кафанова О.Б. Библиография переводов Н.М. Карамзина в «Вест-нике Европы» (1802–1803 гг.) // XVIII век. Сб. статей и материалов. Сб. 17. СПб.: Наука, 1911.

В интеллектуальном смысле весьма важными и полезными были во время европейского вояжа встречи с Кантом, Николаи, Плотнером, Гердером, Виландом и другими философами и общественными деятелями⁴. Немецкая основательность всегда была полезна для ищущей и мятущейся русской мысли как некий образец системного и функционального мышления, однако уподобляться ей полностью не следовало во избежание схематизации и педантизма. Сильная немецкая философия предстает как ценный феномен для изучения, не обязательно для подражания, и одновременно как оппонент в давнем споре и соревновании аристотелевской и платоновской линий в философии, критикующих и взаимообогащающих друг друга.

О глубоком погружении в европейскую культуру и хорошей филологической подготовке свидетельствуют переводы Карамзина с немецкого (А. фон Геллера, С. Гесспера, Г. Лессинга), французского (Ш. Бонне, С.Ф. Жанлис, Ж. Мармонтеля), английского (Дж. Томсона, У. Шекспира, Л. Стерна). Его «Письма русского путешественника» вызвали интерес не только у соотечественников, они были переведены на немецкий, французский, английский, польский языки, явившись своего рода культурным мостом между Россией и Европой, каковым был и сам их автор, много сделавший для популяризации западной культуры на своей Родине, что считал полезным и необходимым делом, поскольку при любом отношении к Европе нельзя не учитывать её исторический и культурный опыт⁵.

Среди всевозможных увлечений и мотивов разносторонней деятельности Карамзина следует отметить непродолжительную вовлечённость в общение с масонами из кружка московских мартинистов (С.И. Гамалея, А.М. Кутузов, И.В. Лопухин, М.М. Херасков). Его привлекали осуждение масонами радикализма, атеизма, вольтерьянства, упор на совершенствование «внутреннего человека», а не внешних обстоятельств, обращение к поэзии и проповеди⁶. Возможно, это увлечение уместно связать с сентиментализмом, основателем которого в русской литературе считают именно Карамзина.

⁴ *Rothe H.* N.M. Karamzin europäische Reise. Berlin; Zürich: Gehlen, 1968.

⁵ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю.М. Лотман, Н.И. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1987.

⁶ *Аржанухин С.В.* Философские взгляды русского масонства. Екатеринбург: УРГУ, 1995.

Интерес к переживаниям живого человека, сочувствие «бедной Лизе» вписываются в проблему малого человека, присущую отечественной литературе. И, разумеется, не следует забывать о роли Николая Михайловича в модернизации русского литературного языка, спорах с традиционалистами, которые обвиняли его в офранцузивании родной речи⁷.

При всём увлечении западной культурой, знатоком и ценителем которой он оставался во все периоды своей жизни, Карамзин уже в молодые годы, в разгар своего еврофильства, обращается к сюжетам из родной старины, столь дорогим сердцу русского человека, как дороги и трогательны были юному Пушкину рассказы его няни Арины Родионовны. В 1792 г. он публикует повесть «Наталья, боярская дочь», напоминающую о втором браке царя Алексея Михайловича с Натальей Нарышкиной, плодом которой явилось рождение царевича Петра, будущего преобразователя России. Карамзин пишет статьи «О любви к отечеству и народной гордости» (1802), «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице» (1802), «О Московском мятеже в царствование Алексея Михайловича» (1803), а также повесть «Марфу Посадницу, или Покорение Новгорода» (1803).

Вскоре наступает второй и самый важный период жизни Н.М. Карамзина, подготовленный предыдущими публикациями и постепенным переносом центра тяжести интересов автора непосредственно на отечественную историю, изучение которой на все последующие годы станет главным его научным, творческим и жизненным призванием. 31 ноября 1803 г. согласно особому указу Александра I он получил звание историографа с соответствующим жалованием, как этого и хотел. По остроумному выражению П.А. Вяземского, он «постригся в историки», как бы принял обет отречения от всего остального. Подобно древнерусскому летописцу Карамзин отбросил все суетные увлечения, отнимающие время и силы, и посвятил себя целиком избранному делу, которое он понимал как призвание, послушание и свой долг. Из европейски образованного интеллектуала, общавшегося со многими выдающимися умами, открытого светскому обществу, он стал едва ли не

⁷ Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – нач. XIX в.: Языковая программа Карамзина и её исторические корни. М.: Изд-во МГУ, 1985.

затворником, который внутренне сосредоточился на изучении и изложении отечественной истории, ее смысла и предназначения. Он спешил, берег время, не отвлекался на иные дела, предчувствуя, очевидно, всю огромность и невыполнимость намеченного труда в полном объеме.

И действительно, Карамзин довёл свою «Историю» только до начала XVII в., не выйдя за пределы Древней Руси. В какой-то степени это обстоятельство также роднит его с летописцами допетровского времени. Описанием отечественной истории до него в Новое время с разным успехом занимались М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, И.Н. Болтин, однако творение Н.М. Карамзина стало единственным в своём роде. Оно было восторженно принято читающей публикой разных социальных слоёв, начиная с первых публиковавшихся томов.

Общеизвестно, что Пушкин, как всегда метко, назвал Карамзина «Колумбом российских древностей», открывшим Древнюю Русь для всех, особенно для тех, кто по причине особенностей своего воспитания хорошо знал античную мифологию, европейское Средневековье и Возрождение, латинскую культуру и западные языки, но о собственной многовековой начальной истории имел самые приблизительные и смутные представления. Он возвращал европеизированным и модернизированным современникам самое себя, собственное самосознание, то, что принято сейчас называть термином «самоидентификация». Со времён петровских реформ прошло всего сто лет, Россия стала другой страной, позабыв свои истоки и корни — Древнюю Русь, которую академик Д.С.Лихачёв называл «нашей античностью», когда создавались отечественная государственность и культура, строились города и сёла, осваивалось жизненное пространство, именуемое Россией, сложилась древнерусская литература, предшественница великой русской литературы Нового времени, а также сформировались живопись, пластические искусства, церковная архитектура и многое иное, чем мы гордимся в настоящее время⁸.

⁸ Громов М.Н. Непреходящее значение культурного и философского наследия Древней Руси // Музыкальное образование в духовной культуре средневековой Руси: междисциплинарный подход. Вел. Новгород; Пермь: Нов. ГУ, ПГГПУ, 2012. С. 20-34.

Н.М. Карамзин по существу исполнил большой гражданский долг перед своим народом, он вернул ему собственную историю, он разрушил ограниченные стереотипы своего времени и призвал соотечественников к глубокому изучению и познанию своего прошлого, которое продолжается в настоящем. Поэтому его можно рассматривать не только как выдающегося историка, но и как видного общественного деятеля, влиявшего на умы современников, их мысли и поступки.

Характерно название главного труда его жизни — «История государства Российского». Император Александр I, удостоивший Карамзина званием историографа, полагал, что он напишет «Историю Российской империи», однако автор уклонился от столь политизированного и модернизированного названия. Не стал он называть свое творение «Историей русского народа», понимая, что в многонациональной России строили и защищали великую страну многие народы вместе с русским.

Касательно терминов «русский» и «российский» следует внести уточнение и разграничение. Русским уместно называть то, что связано с этносом и нацией. Так, существуют русский язык, русская литература, русская музыка, русская философия. Вместе с тем, существуют российское государство, российская армия, российская экономика, российские дороги и российское бездорожье. В старой литературе, даже научной, а порою и в современной, данные понятия не разделяются и нередко употребляются как синонимы, равнозначные по своему смыслу. Очевидно, пора научиться различать два этих важных термина, взаимосвязанных, но не совпадающих по своему значению.

Живший позднее С.М. Соловьев (1820–1879) назвал свой многотомный труд «История России с древнейших времён». В.О. Ключевский (1841–1911), прекрасно знавший прошлое России, в том числе древнерусский период, озаглавил своё творение скромно и лаконично — «Русская история. Полный курс лекций». Все перечисленные выше и многие не указанные дореволюционные обширные исторические сочинения, часто не законченные, носят отчётливо выраженный авторский характер, индивидуальную стилистику и оригинальный язык, особенно ярко они проявляются у Карамзина. Советские же многотомные издания имеют коллективный, безликий, усреднённый, чрезмерно отредактированный характер. В них нет присутствия неповторимого, уникального, единственного в сво-

ём роде автора. У дореволюционных историков всё отмеченное присутствует, что делает их труды привлекательными и запоминающимися подобно литературным сочинениям.

Возвращаясь к названию обширного труда Н.М. Карамзина, необходимо сказать, что оно отнюдь не случайно. Оно подчёркивает основную мысль автора о том, что Россия как великая страна могла состояться только в державном, государственном, политически консолидированном виде. Карамзин выступает как убеждённый государственный, считающий, что без сильной, централизованной политической системы нельзя удержать огромную территорию и многие народы, её населяющие, различные в этническом, культурном, конфессиональном отношении, но все при этом являющиеся россиянами, которым обеспечены надлежащие условия для сохранения их самобытности. Когда государство слабеет, Россия погибает. Так было в Смутное время начала XVII в., так было в 1917 г., так случилось с Советским Союзом и едва не произошло с Российской Федерацией уже в наши дни⁹. Исторический опыт и мудрые его интерпретаторы вроде Н.М. Карамзина напоминают нам об этом.

Себя Николай Михайлович Карамзин называл «философом-историком»¹⁰. Один из исследователей образно именовал его «последним летописцем»¹¹. И это не красное словцо с претензией на оригинальность, это глубокое суждение, помогающее приблизиться к пониманию смысла и характера деятельности Карамзина как философствующего историка с возвышенным слогом изложения, словно некто из прошлого вещает нам о былом. Невольно вспоминается образ летописца Пимена из пушкинского «Бориса Годунова», удалившегося в уединённую келью и исполняющего труд, завещанный от Бога. Или скульптурное изображение летописца Нестора руки М. Антокольского.

Необходимо вкратце рассмотреть, что такое древнерусские летописи и кем были летописцы. В не потерявшей своего значения послевоенной работе Д.С. Лихачёва определяется их культурно-

⁹ Rozpad ZSRR I ego konsekwencje dla Europy i świata. Krakov: Ksioongaria academicka, 2011. 425 s.

¹⁰ Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 138.

¹¹ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Вагриус, 2004.

историческое значение¹². Б.А. Рыбаков связал летописание с былинной традицией¹³. А.Н.Насонов написал обзор отечественного летописания с XI по XVIII век¹⁴. Выходило и выходит множество исследований, посвящённых древнерусским летописям, сами они с 1846 г. публикуются в рамках Полного собрания русских летописей. Карамзин сам внимательно работал с летописями, вводил их в научный оборот, одна из них назвала его именем.

Чтобы лучше понять, что собой представляет летопись, надо обратиться непосредственно к первоисточнику, как это делают серьёзные ученые — историки, филологи, лингвисты, а также представители многих других специальностей, поскольку летописи содержат ценнейшую информацию самого разного характера, иногда явно, а порою неявно выраженную. Это требует тщательной текстологической работы, расшифровки содержания, сравнения его с другими источниками, вписывания фрагментарных свидетельств в общую культурно-историческую канву.

Древнерусское летописание возникло под влиянием византийской исторической литературы, особенно таких сочинений, как «Хроника Георгия Амартола», цитаты и пересказы из которой, в том числе философского и общекультурного плана, присутствуют в древнерусских памятниках. Первоначально подражательное, отечественное летописание набирает силу, всё более развивается и как жанр становится наиболее обширным и развитым в европейской литературе: «Ни в одной средневековой европейской литературе летописание не занимало такого места, как в русской, и не играло столь важной роли в жизни общества»¹⁵.

Старейшей из сохранившихся летописей является знаменитая «Повесть временных лет», создание которой приписывают летописцу Нестору и которая составлена на основе более ранних источников и устных преданий. Текст этой летописи включался в более поздние своды и дошёл до нас в нескольких списках, в том

¹² Лихачёв Д.С. Русские летописи их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

¹³ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

¹⁴ Насонов А.Н. История русского летописания XI — нач. XVIII в. М.: Наука, 1969.

¹⁵ Кусков В.В. Летописи // Литература и культура Древней Руси: Словарь — справочник. М.: Высшая школа, 1994. С. 79.

числе в составе Ипатьевской летописи, обнаруженной Карамзиным в Ипатьевском монастыре под Костромой и введенной им в научный оборот. Летопись многожанровая, имеет сложный состав и информацию различного характера.

Прежде всего она представляет своеобразное средневековое подобие научного труда, фиксированной записи происходивших событий, излагавшихся по годам, или по «летам» в древнерусском произношении (отсюда и название памятника «летопись», т.е. погодное повествование о имевших место событиях). Чисто научным приёмом является вписывание так называемых пустых дат, когда год протокольно ставится, а событий никаких не зафиксировано. Летописец старается максимально объективно, с указанием на свидетелей или упоминая признанные авторитеты, излагать то, что он вписывает, хотя его субъективность несомненно присутствует в тексте. Это позволило некоторым исследователям называть летопись «научной поэмой», поскольку в ней сочетаются наукообразность и поэтичность. Заметим, что сам Карамзин именовал свой труд «исторической поэмой», стилистически сближая его с летописью.

В летописи не просто излагаются те или иные события, им даётся некая глубокомысленная оценка. За эмпирическими фактами видится провиденциальный смысл, проступают некие первопричины. Мир рассматривается как арена борьбы двух космических сил, божественного добра и сатанинского зла. Ею охвачены народы, общества, отдельные люди, даже в природе древнерусские книжники пытаются узреть нравственное противоборство, при этом происходит своеобразная «онтологизация морали» и складывается «панэтизм», столь присущие средневековому сознанию. На этой почве вырастает **историософия** или, говоря иными словами, **философия истории**, получившая в отечественной традиции большое распространение¹⁶.

«Повесть временных лет» изучается и как литературное произведение, ибо в ней зафиксированы в поэтической форме устные предания, например, о миссии апостола Андрея Первозванного в Русской земле, об основании Киева, о походах против кочевников. Сказание о княгине Ольге представляет миниатюрное житие первой русской святой, принявшей в Константинополе христианскую

¹⁶ Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М.: Магистр, 1997.

веру. Повествование об основании Киево-Печерского монастыря и жизнеописания его подвижников отражают агиографическую линию в древнерусской литературе.

В летописи содержится немало вставок философского характера: рассказ о Константине-Кирилле Философе, о волхве Аполлонии Тианском (неопифагорейце, противнике христианства), о введении единой хронологии, упорядочивающей эмпирические факты, о субстанциональном основании бытия и многом ином, явно и неявно наталкивающих читателя на глубокомысленные размышления. То же происходило с читателями «Истории государства Российского», автор которой тяготел к историософской и философской интерпретации описываемых событий, призывая читателя задуматься над смыслом происходившего.

Можно привести ещё немало параллелей между древнерусским летописанием и творением Карамзина, в том числе тяготение к высокому стилю, необыденность речи, торжественность изложения, акцентируемую эмоциональность, учительную морализацию, аппеляцию к высшим силам. Перечисленное позволяет отнести Н.М. Карамзина к продолжателям древнерусской летописной традиции. Вместе с тем, он являлся требовательным учёным, критически относился к первоисточникам и, особенно, к их интерпретаторам. Карамзин был сыном эпохи Просвещения, знатоком западной исторической и философской мысли, что, несомненно, отразилось на его мировоззрении и творчестве. Он был, если позволительно так выразиться, летописцем новой формации, вооружённым современными знаниями, с одной стороны. А с другой, он предстаёт как современный исследователь, преодолевающий ограниченность и стереотипы своей эпохи, всё более погружающийся в исторические глубины и думающий не ограниченными категориями своего времени, но как мыслитель, чей взор прозревает века былого, а душа сопереживает людям и событиям давно прошедшим, но живущим в нашей памяти.

Пора обратиться непосредственно к тексту «Истории государства Российского», не пересказывая, но акцентируя внимание на наиболее значимых и характерных её особенностях. Будем пользоваться фототипическим изданием 1988 г. в 4 книгах и 12 томах, репринтом издания 1844 г. с сопутствующими материалами и статьями Ю.М. Лотмана, В.П. Козлова, С.О. Шмидта. В предисловии, помещённом в начале 1-го тома и датированном 1815 г., автор указывает на принципы, которыми он руководствовался при

создании своего труда: «Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своём, а мыслей единственно в памятиках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и всё, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать века душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого»¹⁷. Принципов указано много, все они уместны, отличаются научной добросовестностью, искренностью и сопереживанием давно жившим людям, которые почитаются как достойные предки нынешних поколений.

Особый раздел, предваряющий основной текст, посвящён источникам, которыми пользовался Карамзин. Их видов перечислено 14, включая летописи, наиболее подробно расписанные, Степенную книгу, Хронографы, жития святых, деловую письменность, разрядные книги и другие самые разнообразные источники. Любопытно привлечение для сравнительного анализа иностранных исторических хроник и деловых материалов. Подобный компаративистский подход используется современной наукой, он позволяет более объективно оценивать внутреннюю информацию. Делая упор на отечественной истории, Карамзин учитывал опыт древней и сопоставимой западной, что позволяло родную историю рассматривать и оценивать как часть общечеловеческой. Подобная установка характерна не только для новоевропейского сознания. Она своеобразно присутствует в древнерусских летописях, где повествование начинается со времён библейских, где описывается разделение народов с их перечислением, как это видно в «Повести временных лет».

Как принято в современной исторической науке, Карамзин начинает рассказ с описания **предыстории** России, с народов, живших на будущей территории империи, особенно в её южной части, где варварские племена скифов, киммерийцев, сарматов постепенно цивилизовались под греческим влиянием, исходившим из

¹⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского: в четырёх книгах. М.: Книга, 1988. Кн. 1, с. XIII.

причерноморских полисов. Догосударственному, до сего дня слабо изученному, архаическому периоду отечественной истории посвящены первые три главы, написанные преимущественно на основе зарубежных источников и отчасти древнерусских летописей, где прошлое описывалось на уровне преданий, заимствованных из устной традиции. Подробно сообщается о быте, нравах, верованиях славян, их языке и разделении на разные народы. Часть этих сведений можно признать достоверными или близкими к таковым, часть носит идеализированный и романтический характер, а иные выглядят вполне баснословными. Последние чаще всего представляют переводы из греческих хроник, где варварские племена гиперборейцев рисовались в весьма приблизительном ракурсе по контрасту с цивилизованными греками. Подобная грекофильская позиция перешла отчасти в литературу Нового времени.

Глава IV имеет важное значение для всего последующего повествования, поскольку в ней объясняется причина возвышения Руси: «Великие народы, подобно великим мужам, имеют своё младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделённое на малые области до 862 года, по летоисчислению Нестора, обязано величием своему счастливому введению Монархической власти»¹⁸. Через весь многотомный труд Н.М. Карамзина проходит как лейтмотив основная идея автора о важнейшей, организующей, спасительной для страны самодержавной единодержавной власти от Рюрика, приглашённого новгородцами справедливо править на севере Руси, до императора Александра I, при котором Россия после победы над Наполеоном достигла вершины своего могущества и который поручил Карамзину как летописцу новейшей эпохи описать многовековую путь исторического развития страны и народа.

Споры норманистов и антинорманистов о значении варяжского фактора в создании древнерусского государства продолжают до сего дня, однако централизаторскую роль династии Рюриковичей от IX до конца XVI века отрицать не приходится, равно как последующую роль династии Романовых. Вместе с тем нельзя не отметить кризис обеих династий в последние годы их правления. Но при Карамзине российское самодержавие казалось незыблемым, недаром он называл его «палладиумом России».

¹⁸ *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в четырёх книгах. М.: Книга, 1988. Кн. 1. Т.I. Гл.4. Стб. 67.

Следующим важнейшим событием явилось крещение Руси при великом князе Владимире в 988 г. Разноплемённая, многоверная, языческая Русь получила духовную основу для своей консолидации и будущего развития. По мнению Карамзина, православие вместе с самодержавием явилось скрепляющим фактором в ранний период формирования древнерусского государства. Позднее к ним будет добавлена народность и возникнет известная уваровская триада как опора существования России. Признавая заслуги позднего Владимира, принявшего христианство, Карамзин довольно красочно описывает его языческую невоздержанность, вероломство, жестокость, рождение многих детей от разных жён, которые вступят в междоусобную войну после кончины князя. Возможно, противопоставление раннего и позднего Владимира, равно как противопоставление ранней и поздней княгини Ольги, его бабки, первой из правителей, принявшей христианство, носит преувеличенный в воспитательных целях характер, присущий всей древнерусской литературе. Её учительная, наставительная, воспитующая роль была сродни древнерусской иконописи, в зримых живописных образах исполнявшей ту же функцию христианского просвещения человеческих душ.

Во второй книге описывается правление Ярослава Мудрого, при котором Киев, подражавший Константинополю, был украшен крепкими стенами с Золотыми воротами и храмом Святой Софии Премудрости Божией. Подробно перечисляются статьи «Русской Правды», принятой Ярославом, что соответствовало общей законодательной политике при Александре I. В стране должен быть порядок, его обеспечивают власть и законы. Карамзин описывает правление Ярослава и его личность как образцовые. Будучи просвещённым правителем, Ярослав вместе с тем вёл успешные войны, расширял пределы государства, имел широкие международные связи. Карамзин использует характерный для него приём: он сравнивает древнерусское законодательство, нравы и обычаи русичей с европейскими, отмечая их сходство и различие. Этот полезный приём применяется и далее, оттеняя мысль автора о близости России Европе и одновременно о её своеобразии.

Описывая правление каждого из князей в период междоусобицы после Владимира Святого и Ярослава Мудрого, Карамзин не упускает общую линию исследования отечественной истории от Киевской Руси до Московского царства, предшественника Россий-

ской империи. Так, в поле внимания третьей книги помещается рассказ о деятельности князя Андрея Боголюбского, укреплявшего новый центр древнерусской государственности на северо-востоке Руси. Автор пишет: «Впрочем Андрей Боголюбский, мужественный, трезвый и прозванный за его ум вторым Соломоном, был конечно одним из мудрейших князей российских... Он явно стремился к спасительному единовластию»¹⁹. Теперь во Владимире, становившемся соперником Киева, строят свои Золотые ворота и соборную Успенскую церковь. Из Вышгорода под Киевом переносят местную чудотворную икону, которую назовут Владимирской. Она станет одной из самых прославленных в Московской Руси, будет торжественно перенесена в новую столицу в 1395 г., где её поместят в Успенском соборе Кремля.

Из третьей книги в четвёртую переходит горестное повествование о Батыевом нашествии, обрушившемся на Русь. Рязань, Владимир, Суздаль, Киев пали под ударами завоевателей, были разграблены и разорены. Карамзин отмечает, что, воспользовавшись ослаблением Руси, с запада на неё напали литовцы и ливонские рыцари. Им дал отпор князь Александр Невский. Он был не только храбрым воином, но и благоразумным политиком. Мечом отстаивая Русь от западных врагов, он вынужден был вести тонкую дипломатическую политику по отношению к Золотой Орде, слишком могущественной в те годы, чтобы с ней можно было бороться на поле брани. Примечательно, что сын Батыя Сартак принял православие и стал названным братом Александра Невского. Ордынцы были многочисленны, разноплеменны и многоверны, разрешая исповедывать покоренным народам любую религию, но строго следя за покорностью хану, чья резиденция находилась в низовьях Волги в городе Сарай-Бату, названным в честь покорителя Руси и разорителя Восточной Европы.

В столице Золотой Орды жило и православное население, которое окормлял епископ Сарский и Подонский, чья резиденция после разгрома Сарай-Бату была перенесена на окраину Москвы в Крутицы. В 1312 г. хан Узбек, находившийся в Крыму в Эски-Кермене (ныне Старый Крым), принял ислам и повелел построить мечеть, частично сохранившуюся до нашего времени. С этого мо-

¹⁹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в четырёх книгах. М.: Книга, 1988. Кн. 1. Т. III. Гл. I. Стб. 20.

мента терпимое отношение к иноверцам сменилось в Орде на нетерпимое, политическое подчинение дополнилось религиозной дискриминацией.

Н.М. Карамзин подобно многим историкам отмечает большие заслуги князя Александра Невского, ставшего в трудные для Руси годы её защитником и справедливым правителем. На него обратили внимание и в Европе: «Слава Александрова, по свидетельству наших Родословных книг, привлекла к нему из чужих земель, особенно из Германии и Пруссии многих именитых людей»²⁰. Приходили послы от Римского папы с предложением принять католичество или вступить в унию, на что получили отказ. Карамзин отмечает, что в это время в Орде начались несогласия, которые приведут к её ослаблению, разделению и падению. Утрата единоначалия погубит могущественную Орду, а его возрастание на Руси приведёт к возвышению и укреплению государства, вместе с ним к процветанию страны и народа. Заканчивается четвёртый том описанием распри в Орде и рождением князя Дмитрия, который будет прозван Донским после грядущей Куликовской битвы.

Читать труд Н.М. Карамзина — дело довольно утомительное, но создавать его было несоизмеримо более тяжким занятием. Об этом свидетельствуют помещенные в конце книги обширные примечания, заимствованные из разных источников: древних греческих хроник, русских летописей и иных сочинений, из трудов западных учёных, описаний арабских путешественников. По объёму примечания сопоставимы с основным текстом, а учитывая более мелкий шрифт, которым они набраны, то порою и превосходят его. Рассматривая эти примечания, набранные из разных источников и изложенные на разных языках, невольно проникаешься уважением к автору, его эрудиции, трудолюбию, добросовестности и желанию вынести обоснованное суждение.

Отмечая научную основательность Н.М. Карамзина, видишь также в его труде большой эмоциональный заряд, живое одушевление при описании событий, особенно значимых и трагических, любовь к своему Отечеству и тем поколениям ушедших предков, кто строил, украшал, защищал родную землю. Будучи дальним потомком татарского мурзы, перешедшего на русскую службу и

²⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского: в четырёх книгах. М.: Книга, 1988. Кн. 1. Т. IV. Гл. II. Стб. 58.

принявшего православие, он предстаёт более страстным патриотом России, чем некоторые русские по крови, но равнодушные к истории своей Родины люди. У многонациональной России были и будут такие патриоты, для которых она является дорогим Отечеством, любовь к коему носит искренний и неподдельный характер.

Книга вторая, включающая в себя V–VIII тома, построена по тому же принципу, что первая. Она также основательна, полна интересных подробностей, снабжена пространными примечаниями. В ней рассматриваются события от княжения Дмитрия Донского до царствования Ивана Грозного. В центре внимания V тома — описание перипетий активной борьбы Москвы против ордынского ига. В начале каждой главы помещён особо выделенный краткий перечень рассматриваемых лиц, событий, выводов, что позволяет лучше ориентироваться в тексте, отыскивая сразу в нем наиболее интересующие читателя места, тем более что на полях страниц указываются эти же места.

С первых строк автор настраивает читателя на взволнованное восприятие драматических событий того времени, когда Русь пробудилась для решительной борьбы с врагами: «Увидим битвы кровопролитные, горестные для человечества, но благословенные Гением России: ибо гром их пробудил её спящую славу, и народу уничиженному возвратил благородство духа»²¹. Текст «Истории» менее всего похож на бесстрастный анализ былого, автор заряжает читателя своей патетикой, эмоциональными всплесками, гневом, восторгом, употребляя вопросительные и восклицательные знаки. Описываемые им исторические персонажи иногда напоминают литературных героев, а само повествование часто носит беллетризованный характер. Научность и сентиментальность, апелляция к источникам и пылкое воображение, подробное перечисление неизвестных ранее обстоятельств и эмоциональные всплески делают текст неровным, но вместе с тем интересным. Его хочется читать как исторический роман. Так, пожалуй, и было с восприятием образованной публикой каждого из постепенно выходивших томов «Истории государства Российского».

От Куликовской битвы до Стояния на Угре Карамзин описывает множество событий, связанных с усилением Москвы: борьба с

²¹ Карамзин Н.М. История государства Российского: в четырёх книгах. М.: Книга, 1988. Кн. 2. Т. V. Гл. I. Стб. 1.

Литвой, принявшей в 1385 г. христианство по католическому образцу, трения с Рязанским и Тверским княжествами, моровые поветрия, пожары, иные горестные и радостные сцены из прошлого. Весьма интересна глава IV, завершающая том V и носящая обзорный аналитический характер «Состояние России от нашествия татар до Иоанна III». Карамзин вспоминает состояние Руси после крещения при Владимире Святом и Ярославе Мудром, обессилившую её междоусобицу, обескровившее монгольское нашествие. Хорошо зная западную историю, Карамзин сравнивает благополучное развитие европейских стран и боровшейся за выживание Руси. Вместе с тем Карамзин, не забывая об ужасах нашествия и тяжести ига, утверждает мысль о пользе борьбы с Ордой, которая сплотила народ, выстроила сильную централизованную власть и привела к возвышению Москвы.

Много внимания уделено правлению Ивана III, его браку с Софьей Палеолог, приезду греков и итальянцев в Россию, утверждению Москвы в качестве преемницы Константинополя. Болонский архитектор Аристотель Фиорованти выстроил замечательный Успенский собор, главный храм России, где будут венчаться на царство все правители страны вплоть до Николая II. Другие храмы, светские сооружения, стены и башни кремля были также возведены итальянскими зодчими так, что он стал походить на западный замок вроде замка Сфорца в Милане. Также итальянцы помогли наладить литейное производство от колоколов до пушек, научили чеканить монету, изготавливать красный кирпич. Заметим, что все они были католиками, в том числе строитель Успенского собора Фиорованти.

Таким образом, задолго до XVIII в., когда в Санкт-Петербурге стали работать западные архитекторы и другие специалисты, в России уже потрудились многие иностранцы. После падения Константинополя заканчивается период византийского влияния, который длится несколько веков. Россия при Иване III разворачивается на запад, с этого времени начинается период всё более возрастающего европейского влияния, достигшего апогея в XVIII–XIX вв. и продолжающийся до сего дня. Россия нуждалась и нуждается в передовых идеях, технологиях, достижениях и охотно их воспринимает, однако при этом твёрдо отстаивая свои национальные интересы, традиции, идентичность: «Иоанн, чувствуя превосходство других европейцев в гражданских искусствах, ревностно желал заимствовать от них всё полезное, кроме обычаев, усердно держась

русских; оставляя вере и духовенству образовать ум и нравственность людей; не думал в философическом смысле просвещать народ, но хотел доставить ему плоды наук, нужнейшие для величия России»²².

Начиная с Ивана III Россия, с одной стороны, подчёркивает свою преемственность от Византии, для чего и нужен был династический брак с Софьей Палеолог, родственницей последнего византийского императора Константина, погибшего при взятии турками Константинополя. Страна устанавливает государственный герб в виде двуглавого орла по подобию византийского. Создаётся теория «Москва — Третий Рим», которая не была, однако, выдумкой московитов, а была желанием вписаться в политическую европейскую идеологию того времени, ибо концепция «Рима вечного» (*Roma aeterna*) была распространена на Западе и ряд стран с великодержавной идеологией, в частности, Священная Римская империя Габсбургов, претендовали на роль преемницы, но не Византии, а непосредственно Рима. Поэтому, с другой стороны, Россия пытается вписаться в политическую систему Европы как равноправный партнёр, с позицией которого надо считаться. Это лишь отчасти соответствовало интересам Запада, который хотел видеть её в качестве среднеразвитого государства на периферии Европы, не вмешивающегося в её дела. Сильная, а тем более могущественная, Россия никогда не была нужна Западу. Так было в прошлом, так выглядит ситуация и сейчас.

В качестве важного события Карамзин говорит о подчинении Новгорода. С симпатией описывая период его расцвета, когда он был своего рода столицей Северной Руси, чьё влияние простиралось от Балтийского моря до Белого, где местные племена платили ему дань. Карамзин вместе с тем подчёркивает необходимость подчинения Москве ради создания сильного централизованного государства на благо России. Новгород до основания Петербурга был торговым окном в Европу, членом Ганзейского союза. Его покорение вдвойне являлось полезным для Москвы, хотя время от времени приходилось удерживать местные сепаратистские поползновения, как это решительно и жестко делал Иван IV. Господин Великий Новгород явился ценнейшим приобретением Москвы, он напоминал

²² Карамзин Н.М. История государства Российского: в четырёх книгах. М.: Книга, 1988. Кн. 2. Т. VI. Гл. II. Стб. 50-51.

о начале отечественной государственности во времена Рюрика. Неподаром в центре местного кремля в 1862 г. был установлен величественный монумент в честь 1000-летия России²³.

Довольно пространно Карамзин описывает правление Василия III, особенно успехи в борьбе с Литвой и возвращение Смоленска, однако главное внимание уделено драматичному царствованию Ивана Грозного, точнее его первой успешной половине. Второй половине посвящена значительная часть третьей книги. Карамзин описывает трудное детство Иоанна после смерти отца и матери, самоуправство князей и бояр, корыстную борьбу различных кланов. Он пытается понять психологию будущего правителя и тирана, его непримиримость и недоверие к феодальной верхушке. Для него весьма важна роль личности в истории, проявление её характера и темперамента в делах государственных и обратное их влияние на реального человека. «Государь-младенец», как его называет Карамзин, постепенно вырос, мужал и, наконец, в 1547 г. произошло его венчание на царство в Успенском соборе Кремля по чину, составленному митрополитом Макарием. На шестнадцатилетнего юношу легла тяжкая ответственность за управление страной в беспокойные времена.

Иван IV стал первым российским царём, т.е. кесарем, императором по византийскому правилу. Но его таковым не признали в Европе, считая равным королю. По европейскому правилу первым императором стал Пётр Великий после победы над Швецией в Северной войне, как и принято считать в нашей литературе. Однако амбиции Ивана IV были поистине императорские: он полагал себя неограниченным правителем, ответственным только перед Богом за свои дела, называл себя «русским Нероном» и утверждал о якобы существовавшем родстве с римским императором Августом через Пруса и Рюрика. Именно при Иване Грозном осуществился первый опыт становления самодержавия в России с его позитивными и негативными последствиями. Карамзин подробно описывает энергичную деятельность царя в первый, позитивный период правления. Были приняты «Судебник 1550 г.», который стал новой «Русской Правдой», «Стоглав» с государственно-церковными установлениями. Митрополит Макарий составил «Великие Минеи

²³ *Смирнов В.Г.* Россия в бронзе: Памятник Тысячелетия России и его герои. Новгород: Рус. провинция, 1993.

Четии», колоссальный труд, своего рода первую гуманитарную энциклопедию в России²⁴. В них помещались, помимо прочих, исторические, философские, назидательные сочинения, предназначенные для благочестивого чтения: творения Дионисия Ареопажита, Иустина Философа, Иоанна Златоуста и современника тех событий Максима Грека, с которым царь встречался и беседовал как с мудрым старцем, однако к советам его не прислушался.

При Иване IV создаётся Лицевой летописный свод, своего рода многотомное иллюстрированное изложение истории былых лет и государств, доведённое до создания Московского царства, завершающего в чреде рассмотренных. Возникает книгопечатание, столь много значащее для развития образования и культуры. Правда, Иван Федоров после напечатания своего «Апостола» был вынужден уехать на территорию нынешней Украины, тогда входившей в состав Речи Посполитой. В Остроге он издал «Острожскую Библию», а во Львове первый на славянском языке «Букварь», подтвердив тем культурную связь русского и украинского народов, несмотря на разделяющие их политические границы. В целом в первую половину царствования Ивана Грозного было совершено немало положительных и добрых дел. После взятия Казани и присоединения Астрахани вся Волга с окрестными землями стала российской, Ермак открыл путь на восток: «Россия, примкнув свои владения к морю Каспийскому, открыла для себя новые источники богатства и силы»²⁵.

Опьянённый успехами на востоке, Иван Грозный решил двинуться на запад, однако здесь его ждало поражение. Неудачная Ливонская война, опричнина, набег крымцев, внутренние нестроения ввергли страну и власть в глубокий кризис. Карамзин говорит «об ужасной перемене в душе царя и в судьбе царствия»²⁶. После отравления царицы Анастасии, первой любимой жены Ивана Грозного, и военных поражений начались расправы, казни, подозрения в измене. Карамзин указывает на внутренние причины в перемене поведения самодержца, связанные с его травмированным детством, и

²⁴ *Иосиф*, архиепископ. Подробное оглавление Великих Четыхминей всероссийского митрополита Макария. М.: Синод. типография, 1892.

²⁵ *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в четырёх книгах. М.: Книга, 1988. Кн. 2. Т. VIII. Гл. V. Стб. 139.

²⁶ *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в четырёх книгах. М.: Книга, 1988. Кн. 3. Т. IX. Гл. I. Стб. 1.

внешние, когда он, угнетённый политическими и военными проблемами, стал подозревать в их возникновении своих подданных, в том числе вчера ещё близких соратников, таких, как князь Андрей Курбский.

Карамзин ужасается безумному поведению царя, которому никто не мог противиться: «Иоанн достиг наконец высшей степени своего тиранства; мог ещё губить, но уже не мог изумлять россиян никакими новыми изобретениями люто́сти»²⁷. Он перечисляет несколько эпизодов неимоверно жестоких расправ с невинными людьми. Царь обезумел и царство его клонится к гибели. Так и произойдёт уже после смерти Ивана и его сына Федора Иоанновича. Тогда в начале XVII в. наступит Смутное время, подготовленное общим кризисом, политическим, экономическим, социальным, военным и династическим, означавшим приближение конца правления династии Рюриковичей.

Заканчивая обзор царствования Ивана Грозного, Карамзин замечает: «В заключение скажем, добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмились новейшими»²⁸. В исторических преданиях, народных песнях и сказаниях царь Иван предстаёт Грозным, но справедливым государем, каравшим изменников, своекорыстных феодалов, вороватых чиновников, но не простой народ, опору державы. Подобное мнение невозможно навязать, оно вырабатывается стихийно и верно. Положим, как ни стремился хитростью пришедший к власти Борис Годунов заполучить доверие народа, он этого не добился, хотя и совершил немало полезных дел, но суть его натуры народ вполне уразумел. Приходит ещё одна мысль при чтении «Истории государства Российского». Представляя позднего Ивана IV в качестве своеобразного антигероя в моральном и гуманном плане, Карамзин подводит нас к мысли о том, что успешным может быть лишь высоконравственный и гуманный правитель, заботящийся о своих подданных и пользующийся их доверием.

Приступая к описанию царствования последнего правителя династии Рюриковичей, Карамзин замечает: «Но царствование жестокое часто готовит царствование слабое: новый венценосец, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая сни-

²⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского: в четырёх книгах. М.: Книга, 1988. Кн. 3. Т. IX. Гл. III. Стб. 95.

²⁸ Там же. Кн.3. Т. IX. Гл. VII. Стб. 278.

скать любовь общую, легко впадает в другую крайность, в послабление вредное государству»²⁹. Историк большое значение придаёт фактору психологическому, личностному, субъективному. При установлении неограниченной власти правителя, а именно это происходило в царствование Ивана Грозного, при отсутствии института коллегиального управления и недопустимости любой оппозиции характер личности правящей особы приобретает исключительное значение. Так будет в царской России, в Советском Союзе, отчасти в нынешней Российской Федерации, что мы видим на примере непрерывной череды сменяющих друг друга царей, императоров, генсеков, президентов.

Вслед за добрым, богомольным, мягким Федором Иоанновичем к власти путем интриг и целенаправленной деятельности приходит умный, энергичный, властолюбивый Борис Годунов, которого не принял народ, и короткое царствие которого закончилось его драматической кончиной. Тень погибшего при невыясненных обстоятельствах царевича Димитрия, сына Ивана Грозного, в Угличе в 1591 г., будет витать над царствованием Бориса Годунова и над всем Смутным временем начала XVII в. Некое фатальное возмездие над несправедливым царством, крушение интриг различных кланов, власть и кровь, так часто связанные друг с другом, принесут бесчисленные страдания народу и испытание самой государственности России.

В цикле памятников того времени авантюрист Григорий Отрепьев, выступивший под личиной царевича Димитрия, сравнивается со «зломудренным Арием». Начитавшись еретических книг, проникнувшись сатанинской хитростью, он становится причиной обмана и гибели многих людей. Поляков он соблазняет обширными русскими землями, своих соотечественников — свержением Годунова, семейство Мнишек — богатыми дарами, Римского папу — обещанием ввести католичество на Руси. Самозванец Лжедмитрий является одновременно и карающим мечом, ниспосланным на несправедливое царство, и жертвой своих собственных интриг и безумных планов, которые в прах рассыпятся вместе с его социальной демагогией.

Изданный посмертно XII том «Истории государства Российского» предваряет короткое вступление, в котором отмечаются достоинства Н.М.Карамзина: любовь к Отечеству, основатель-

²⁹ Там же. Кн.3. Т. X. Гл. I. Стб. 6.

ность историка, проницательность философа, неподражаемость слога, свойственную блестящим литераторам. В этом плане труд Карамзина является единственным в своем роде произведением, доведённым, к сожалению, до 1611 г., когда Смута ещё терзала Русскую землю. Неудачное царствование Василия Шуйского, восстание Болотникова, падение Смоленска, захват поляками Москвы, осада Троице-Сергиевой лавры и другие драматичные события тех лет, тяжкие для страны, но яркие для последующих воспоминаний, подробно описываются Карамзиным. Последняя глава последней книги называется «Междоцарствие», когда тучи всё более сгущаются: москвичи присягают польскому царевичу Владиславу, на короткое время ставшему формальным правителем России, в кремле сидит польский гарнизон, сами поляки ведут себя вызывающе, патриарх Гермоген заточён в Чудовом монастыре, шведы заняли Новгород, Тихвин, Ладогу. «Орешек не сдавался» — это последнее слово историка, за которым следует многоточие.

Описывая всё это, Карамзин подводит нас к апогею 1612 г., когда преданная «седмочисленным боярством» Москва будет освобождена всенародным ополчением, начавшим собирать силы в Нижнем Новгороде, когда сдастся польский гарнизон и начнётся освобождение страны. В память тех событий на Красной площади Дмитрием Пожарским будет выстроен храм в честь Казанской иконы Божией Матери, покровительницы ополчения, а в 1818 г. скульптор Мартос поставит на Красной площади памятник Минину и Пожарскому, который, безусловно, видел Карамзин. Ныне осенний праздник в честь Казанской иконы, отмечаемый 4 ноября по новому стилю, провозглашён в качестве государственного праздника Дня народного единства. Памятник Минину и Пожарскому с центра площади перенесён к Покровскому собору. Эти сооружения как и творение Н.М. Карамзина, напоминают о трагических и героических страницах нашей истории, которые не подлежат забвению.

Подводя итог, обратимся к названию статьи. В России накануне Нового времени существовала развитая летописная традиция. Её авторы не только фиксировали имевшие место события, но пытались их осмыслить, понять причины, движущие силы, нравственные основания. На этой почве сложилась отечественная историософия, трансформировавшаяся позднее в философию истории, которая стала одним из основных направлений русской мысли в целом.

Заслуга Н.М. Карамзина состоит в том, что он, получив прекрасное образование в новоевропейском стиле, будучи хорошо знаком с западной исторической и философской литературой, воочию видя происходившие политические события в России и за рубежом, не стал только сыном своего времени. Вооруженный современным научным знанием, он обратился к отечественной тысячелетней истории, тщательно исследовав доступные ему источники. Это придало его суждениям не сиюминутный, обращенный лишь на злобу дня, но фундаментальный характер, ибо он мог оценивать прошлое исходя из всех ему предшествовавших и следовавших событий во всей совокупности факторов. Также современность он мог расценивать как итог всего того, что было ранее, не оставаясь на поверхностном восприятии происходящего.

Подобно древнерусским летописцам, Н.М. Карамзин не был бесстрастным наблюдателем. Его труд представляет не сухую хронику былого, но глубокое переживание за судьбы людей, народа, страны. Его труд дышит воодушевлением неравнодушного человека, он глубоко эмоционален, исполнен любви к Отечеству, переживанием за постигшие его беды и гордостью за успехи и достижения. Свой колоссальный многотомный труд автор назвал «исторической поэмой» и действительно он отличается литературными достоинствами, украшающими его. Быть может, Николай Михайлович иногда чрезмерно эмоционален, порою сентиментален, проводит неожиданные параллели, но всё это оживляет текст, лишает его нудного протокольного характера и включает самого автора в исторический процесс и его описание.

Собирательным образом древнерусского летописца стал предподобный Нестор, один из создателей «Повести временных лет», покоящийся ныне в пещерах Киево-Печерской лавры. Таким же собирательным образом для России на рубеже XVIII–XIX вв. и достойным продолжателем летописной традиции стал Николай Михайлович Карамзин. За ним последовали С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, но никто не смог превзойти его в концентрированном, фактологически насыщенном, духовно возвышенном отображении отечественной истории, которая представляла как живой, драматичный, нас касающийся процесс. И действительно, история есть непрерывный процесс, труд многих поколений, в который на данном этапе включены и мы, в будущем став для наших потомков персонажами былого. Огромный труд

Н.М. Карамзина и сам он как личность, историк, писатель, общественный деятель являют достойное, заслуженное, переходное звено между древнерусской летописной традицией и философско-исторической мыслью России Нового времени.

Карамзина упрекают в консерватизме. И он действительно был консерватором в позитивном смысле данного слова. Этому научили его собственный личный опыт и размышления над историей России. Как выразился однажды Черчилль: у того, кто не был либералом в молодости, нет сердца, а у того, кто не стал консерватором в старости, нет ума. Киевская Русь погибла из-за отсутствия в ней единства и раздробленности страны. Московская Русь спаслась и окрепла единством, идея которого была выстрадана в борьбе с Золотой Ордой и укреплении всё более разраставшегося государства. Когда Карамзин защищает идею самодержавия, нужно понимать, что он защищает идею **единодержавия**, а не подчёркивания исключительности правителя. Главное — чтоб страна была едина, имела сильную централизованную власть, иначе она распадётся и не будет великой России, о чём всегда мечтали недруги нашей страны.

Интерес к наследию Н.М. Карамзина не уменьшается, как и интерес к истории Отечества. Об этом свидетельствует ряд публикаций последнего времени, из которых можно отметить внушительный том из серии *Pro et contra*³⁰. Выходят исследования и за рубежом, в частности, работа Г. Пановски³¹. В 1791 г. Карамзин основал «Московский журнал», посвящённый не только первопрестольной. В 1991 г., двести лет спустя, он был возобновлён благодаря А.Ф. Грушиной, ныне издаётся на высоком полиграфическом уровне с интересными и разнообразными материалами. В периодически выходящем сборнике статей «XVIII век» нередко встречаются материалы, посвящённые Н.М. Карамзину³². Сам же он подобно летописцу Нестору вошёл в отечественную историю как один из её достойных ревнителей, память которого мы с почтением ныне отмечаем.

³⁰ *Карамзин Н.М. Pro et contra: Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей / Сост., вст. ст. Л.А. Сапченко. СПб.: ПХГА, 2006.*

³¹ *Panofsky G.S. N.M. Karamzin in Germany: Fiction as Facts. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2010.*

³² *Вендитти М. Истолкование мотивов из Екклесиаста в XVIII в.: Вольтер в переводах Хераскова и Карамзина // XVIII век. Сб. 25. СПб.: Наука, 2008. С. 130-157.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аржанухин С.В.* Философские взгляды русского масонства. Екатеринбург: УРГУ, 1995. 223 с.
- Вендитти М.* Истолкование мотивов из Екклесиаста в XVIII в.: Вольтер в переводах Хераскова и Карамзина // XVIII век. Сб. 25. СПб.: Наука, 2008. С. 130-157.
- Громов М.Н.* Славянский перевод Хроники Георгия Амартола как философский источник // Матвеев В., Щёголева Л. Книги временные и образные Георгия Монаха: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 2006. С. 8-13.
- Громов М.Н.* Непреходящее значение культурного и философского наследия Древней Руси // Музыкальное образование в духовной культуре средневековой Руси: междисциплинарный подход. Вел. Новгород; Пермь: Нов. ГУ, ПГГПУ, 2012. С. 20-34.
- Иосиф*, архиеп. Подробное оглавление Великих Четых-миней всероссийского митрополита Макария. М.: Синод. типография, 1892. 524 с.
- Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. 352 с.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского: в четырёх книгах. М.: Книга, 1988 (репринт издания 1842 г.).
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / изд. подг. Ю.М. Лотман, Н.И. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 720 с.
- Карамзин Н.М.* Pro et contra: Личность и творчество Н.М.Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей / Сост., вст. ст. Л.А.Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. 1080 с.
- Карамзинский сборник. Россия и Европа: диалог культур. Ульяновск: Гос. пед. ун-т, 2001. 345 с.
- Кафанова О.Б.* Библиография переводов Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803 гг.) // XVIII век. Сб. статей и материалов. Сб. 17. СПб.: Наука, 1911. С. 249-283.
- Клосс Б.М.* Летописный свод лицевой // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXXIX. Л.: Наука, 1985. С. 114-120.
- Кусков В.В.* Летописи // Литература и культура Древней Руси: Словарь — справочник. М.: Высшая школа, 1994. с. 78-82.
- Лихачёв Д.С.* Русские летописи их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
- Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. СПб.: Азбука, 2015. 447 с.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI — нач. XVIII в. М.: Наука, 1969. 556 с.
- Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории. М.: Магистр, 1997. 328 с.

- Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 474 с.
- Плач о пленении и конечном разорении Московского государства // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 3-е изд. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 219-234.
- Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 362 с.
- Синицына Н.В. Максим Грек. М.: Молодая гвардия, 2008. 236 с.
- Смирнов В.Г. Россия в бронзе: Памятник Тысячелетия России и его герои. Новгород: Рус. провинция, 1993. 222 с.
- Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII — нач. XIX в.: Языковая программа Карамзина и её исторические корни. М.: Изд-во МГУ, 1985. 216 с.
- Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Ч. 1. Пг: Изд. Археографической комиссии, 1916. 403 с.
- Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М.: Мысль, 1973. 350 с.
- Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Вагриус, 2004. 256 с.
- Panofsky G.S. N.M. Karamzin in Germany: Fiction as Facts. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2010. 181 p.
- Roma aeterna. Leiden: Brill, 1972.
- Rothe H. N.M. Karamzin europäische Reise. Berlin; Zürich: Gehlen, 1968.
- Rozpad ZSRR I ego konsekwencje dla Europy i świata. Krakov: Ksioongaria academicka, 2011. 425 s.

M. N. GROMOV, N.A. KUTSENKO

DESERVING SUCCESSOR OF ANCIENT RUSSIAN CHRONICLERS

N.M. Karamzin is presented, on the one hand, as the modern researcher who got a fine education, knowing the European languages, informed in historical and philosophical literature. On the other hand, recognizing that Russia is a part of Europe, it more and more went deep into its past that writing twelve-languid "Was result of history of the state Russian", finished till 1611. Like Old Russian chronicles its work connects aspiration to objectivity, philosophical validity, emotional agitation, literary perfection, a patriotic orientation. N.M. Karamzina the successor of the developed annalistic tradition with use of modern scientific methodology allows to consider it.

Keywords: chronicles, original sources, historiosophy, autocracy, monocracy, State system, conservatism.

А.П. Люсый

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН И ПРОСВЕЩЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ МОСКОВСКОГО ТЕКСТА

Можно ли называть Карамзина отцом-основателем московского текста / супертекста? Актуальность этой проблемы обусловлена задачами адекватного осмысления пространственно-временного континуума русской культуры. Обзорение обширного поля мифологии, связанное как со столичным московско-петербургским метапространством, так и с отдельными точками городского локуса или событиями городской жизни, сама московская мифологизированная модель и ее текстуальное качество, позволяет положительно ответить на основной вопрос статьи.

Ключевые слова: панорамный взгляд, дуальная оппозиция, миф, утопия, пространство, текстопорождающая структура, ансамбль.

После переезда столицы в Петербург Москва, как «вдова / вдовица», не очень следила за своей формой, не столько цитируя, как это оказалось свойственно Петербургскому тексту в истолковании В.Н. Топорова, сколько гастрономически потребляя (в частности, и саму себя), но больше отсыпаясь (и — насытаясь на далекое будущее).

«Расплеснутые по обширному блюду части города словно путешествуют в разные стороны. Главным образом спят. Нет, не части одного города, но как будто многие города (Ломоносов насчитывал их десятками), разделенные пустошами или слепленные вплотную, словно соты. Эти московские “города” почивают днем и ночью или бодрствуют вполглаза.

Повсюду сады, зелеными облаками влекущиеся по земле, открывающие то там, то здесь пестрые скопления домов. Отдельно от остальных встают в парадных позах, редкие, украшенные колоннами, фигуры особняков. Вокруг хаос: ограды,

заборы, лавки, на перекрестках полосатые будки — все по мелочи и дробно, и чем глубже в город, все дробнее и мельче, точно кашу вылили из горшка и она растеклась по столу столы. Улицы угадываются не везде, прохожие и экипажи редки. Церкви, близкие и далекие, перекликаются поверх всего крестами. Чудный вид! Река, пересеченная бродами и запрудами, не то стоит, не то движется.

Все это похоже на тогдашний русский письменный язык. Такое же медленное шевеление инертной массы слов, плотности и прорехи, ничем не объяснимые, и такая же всеобщая — полупустая — слитность. То есть: нежелание одного дома (и слова) оглянуться на другой (другое), стать с ним по линии, составить общей компанией ансамбль, поселить между собой регулярное, твердое пространство города (текста).

...Так же как в языке, в Москве встречаются иноземные вкрапления; эти фигуры очерчены ровно. Немцы на берегу Яузы некогда нарисовали квадрат своей слободы и одною его твердой формой отгородились от остальной Москвы точно невидимой стеной.

Не оттого ли московский переводчик Карамзин так внимательно рассматривает немецкие (языковые) формы? В них ему чудится пространство, которого нет в окружающей его кривоколенной действительности»¹.

Структурированный европейским опытом карамзинский панорамный взгляд на Москву в какой-то мере предопределяет пушкинско-петровское обозрение петербургской панорамы в «Медном всаднике». «Видя в разумно организованном городском “гульбище” следствие просвещенности общества и “утонченного гражданского образования”, Карамзин позволяет себе утопические, как он сам признает, фантазии насчет идеального городского пейзажа на набережной Москвы-реки у Каменного моста: “...Если бы можно было сломать там Кремлевскую стену, гору к соборам устлать дерном, разбросать по ней кусточки и цветники, сделать уступы и крыльцы для всхода, соединить таким образом Кремль с набережною, и внизу насадить аллею”»².

Добавляя к этой воображаемой композиции «вдали Воробьевы горы, леса, поля», Карамзин приходит к выводу: «Вот картина!

¹ Балдин А. Протяжение точки. М., 2009. С. 33-34.

² Марисина И.М. Пейзаж в русской культуре второй половины XVIII века // Ландшафты культуры. Славянский мир. М., 2007. С. 244.

Вот гульбище, достойное великого народа!»³. Так московский пейзаж наделяется общенациональным, государственным звучанием, вступая в соперничество с прославленными европейскими видами. Но при этом пейзаж сей явно наделяется «предпетербургскими» приметами: «Воображаю еще множество лодок и шлюпок на Москве-реке с разноцветными флагами, с роговою музыкою: ежедневное собрание людей на берегу ее без сомнения произвело бы сию охоту забавляться и забавлять других...». Однако есть некая «высшая» точка зрения над таким сопоставлением: «Сверх того Кремль есть любопытнейшее место в России по своим богатым историческим воспоминаниям, которые еще возвысили бы приятность сего гульбища, занимая воображение». Преобразовательные фантазии Карамзина, однако, имеют свой предел: «Но это одна мысль. Кремлевская стена есть наш Палладиум: кто смеет к ней прикоснуться? Разве одно время разрушит ее, так же, как оно разрушило стену вокруг Белого города и Земляного». Образ Москвы Карамзина создает замкнутую текстопорождающую структуру: «И так удовольствуемся своим *бульваром*! Куда, господари мои, вы позволите мне и теперь отправится: ибо облака рассеялись и солнце проглянуло». Верный исторический взгляд, объединяющий «пейзажно-ландшафтное» и «историческое», как будто бы рассеивает скрывающие солнце облака.

В то же время в описании Карамзина возникает архитектурная дуальная оппозиция: Кремль и Пашков дом (на наш взгляд, своеобразное архитектуроведческое предчувствие монументально-экзистенциальной петербургской оппозиции Медного всадника и Евгения). Утопичность проекта Карамзина заключалась в его привязке именно к кремлевским строениям. Идея «народного гульбища» нашла воплощение именно в Пашковом доме, который «вознесся выше» самого Кремля. Первое известное описание знаменитого сооружения словно иллюстрирует идеальные мечты Карамзина: «В многолюдной части города, на Моховой, недалеко от Каменного моста, на значительной высоте высится этот волшебный замок... два входа ведут в дом. По ним достигаешь до верхнего помещения и попадаешь на просторную вышину в куполе дома, откуда — прелестнейший вид на всю Москву. Пройдя

³ Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1988. С. 262-263.

сквозь дом, придешь к романтическому виду на передней стороне дома на улице. По беспорядочно закругленным и змеящимся дорожкам сходишь вниз кустарником по склону горы... Внизу два каменные бассейна, в середине коих находится фонтан, а от улицы все отделяется железной решеткой отличной работы. Сад и пруд кишат иноземными птицами. Китайские гуси, разных пород попугаи, белые и пестрые павлины находятся здесь либо на свободе, либо висят в дорогих клетках. Ради этих редкостей и прекрасного вида по воскресеньям и праздничным дням собирается здесь множество народа... всюду вход открыт, двери не заперты, а там и сям поставленные слуги вежливо дают указания спрашивающим... Впечатление, производимое домом, неопишимо...»⁴.

Пашков дом, с легкой руки Карамзина, стал одним из главных героев «московского текста» (далее — МТ). В частности, героем двух очерков книги искусствоведа М.М. Алленова «Тексты о текстах». С одной стороны, Дом Пашкова стал «окаменевшим эхом» потерпевшего крах проекта грандиозного большого Кремлевского дворца В. Баженова, воплощение «события несвершения». С другой, этот дом «вознесен и красуется “главою непокорной”» как образец частной постройки, самый выдающийся памятник «антиимперской республиканской московитости». М. Алленов пишет о символичности несостоявшейся кремлевской постройки, направленной на претворение в наглядный образ идеи «Москва — Третий Рим» путем «романизации» планировочной структуры и всей архитектурной панорамы Кремля. Это было воспринято при дворе как «экспансия Первого Рима в цитадель Рима Третьего», направленная на искоренение «Рима Второго» в лице православных кремлевских соборов. Искусствооведам предложена по своему интересная архитектурно-мифографическая теорема якобы баженовского «вычитания из Третьего Рима, он же Второй Иерусалим, собственно римского, романского компонента», в результате которого «Москва предстает как одна из экзотических провинций Римской империи, вроде той, какой некогда был Иерусалим, или как феномен перманентного эллинизма в мировом культурном космополисе». Собственно, можно, пожалуй, вести речь об особом Пашковом субтексте МТ, если построить общий сюжет о значении дома Пашкова в творчестве художника Василия Сурикова и писателя

⁴ Чурбанов В. Судьба Пашкова дома. Ч. II // Пульс. № 9. С. 12.

Михаила Булгакова. Алленов называет «провиденциальным» помещение картины Александра Иванова «Явление Христа народу» в 1862 году именно в стенах этого дома. Эта картина в зале с видами на Кремль и Замоскворечье, по мнению Алленова, являя собой символический образ петровского, петербургского «окна в Европу», сквозь которое открывались дали и веяло воздухом Средиземноморья, открыла для В. Сурикова путь к истории «в художественно осуществленном тождестве исторического и символического»⁵.

Как оценивает А. Балдин, просветительский проект Карамзина в целом на историческом фоне Пугачевского восстания, он «выглядит попыткой кристаллизации русского сознания посредством “немецкого” переоформления, опространствления русского языка. ...России необходимо строить идеальное “государство языка”, способное удержать лавину народного бунта»⁶. Для Карамзина Москва остается квинтэссенцией традиционного русского сознания, подтверждением чему является полное отсутствие какого-либо внимания к Петербургу. «Этот город есть результат встречи Москвы с Европой; он уже достаточно осмыслен — он сам себя готов наблюдать и осмыслять (что и является сущностью Петербургского текста (далее — ПТ), как и любого локального текста. — А. Л.). Другое дело, Москва: для “немца” Карамзина она, как вечная загадка, так же вечно будет интересна»⁷.

Особенно «плотным локусом» Москвы в литературе, по выражению В.Н. Топорова⁸, стало место действия повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». В.Н. Топоров показывает, что три начальных, образующих экспозицию фрагмента «Бедной Лизы» построены по принципу последовательного возрастания текстового объема при сужении “разыгрываемого” в каждом из этих фрагментов локуса»⁹. В первом из них повествователь утверждает: «Может быть никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без

⁵ Алленов М.М. Тексты о текстах. М., 2003.

⁶ Балдин А. Протяжение точки. С. 54.

⁷ Балдин А. Протяжение точки. С. 60.

⁸ Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М., 1995. С. 146.

⁹ Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. С. 94.

цели — куда глаза глядят — по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты». Как отмечает В.Н. Топоров, «здесь игра стоит на контрасте между некой всеобщностью (локус — практически все окрестности Москвы во всем их многообразии — луга, рощи, холмы, равнины) и абсолютной выделенностью того, что характеризует Я (ср. трехкратное “никто..., как...”, “никто чаще”, “никто более”))». Вот специфическая московская текстопорождающая модель, в отличие от «где... — там...» петербургской!

Во всякое лето открываются новые красоты, и это предполагает потенциально их полный набор. Однако уже в следующем отрывке начитается сужение, происходит выбор одной из московских окраин, выбирается одно определенное место, из которого, впрочем, видно многое, хотя и не происходит суммирования всех отмеченных ранее московских окрестностей. «Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах. К небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодороднейших стран Российской Империи и наделяют алчную Москву хлебом». «Этот отрывок, — комментирует В. Топоров, — представляет собой панорамное описание того, что видно (*видишь, видна, видны, представляется глазам*) на три четверти окоема: к северу (на правой стороне), в отдалении почти вся Москва, громада домов, купола и кресты ее церквей; к западу (на другой стороне реки) — роща, Данилов монастырь, Воробьевы горы; к югу (на левой же стороне) — поля, лесочки, деревеньки, Коломенское и его дворец. Москва видится средоточием “исторического”, “культурного”, “рукотворного”, но особенно великолепен ее вид, когда сама природа идет навстречу зрителю, — при вечерних лучах заходящего солнца, — образ, предвосхищающий Достоевского (московского Достоевского! — А. Л.)... если конкретный природный ландшафт Москвы частично возмещается

пейзажем ближнего плана в западном направлении — “внизу”, между холмом Симонова монастыря и рекой с грузными стругами, — то по ту сторону реки пейзаж господствует безраздельно вплоть до Воробьевых гор, сливающихся с горизонтом. Только златоглавый Данилов монастырь нарушает в этом направлении пространство “природного”. Сходная ситуация открывается и при взгляде на юг: разнообразные ландшафты с несколькими деревеньками на переднем плане и — как предел — Коломенское с его двором. Организация этого второго фрагмента заслуживает очень высокой оценки: не случайно, подобный панорамный принцип был усвоен прозой на рубеже XVIII и XIX веков и широко использовался именно как карамзинское изобретение. Организация осуществляется по нескольким пространственным параметрам — по странам света, кодируемым как правое, левое, переднее; по дальности — близости (дальний и ближний планы); по вертикали (гора — низ)».

Топоровская экскурсия по карамзинским пейзажам напоминает его сценарий всестороннего обозрения Медного всадника¹⁰. Теперь В. Топоров дает четкое представление, как «работает» МТ Н. Карамзина: «В результате получается очень компактное, экономное и вместе с тем очень емкое описание, достойное той “великолепной картины”, которая открывается зрителю от стен Симонова монастыря. Само описание дано очень искусно: создается полная иллюзия того, что в нем нет долгих перечислений. Увлеченный разворачиваемой картиной, читатель незаметно для себя “пристраивается” к автору, вовлекается в последовательный обзор панорамы и начинает как бы поторапливать автора (“далее”, “а что там еще” и т.п.), не замечая, что два десятка строк, прочитанных немногим более чем за минуту, вмещают не только “великолепную”, но и очень богатую и разнообразную картину, о которой отчасти можно судить по спискам объектов и их свойств»¹¹.

В третьем фрагменте осуществляется переход от панорамы, от взгляда вдаль. В пространство природы, кое-где оживляемом монастырями и деревеньками, к рассмотрению того, что не там, а здесь, вблизи и даже внутри, что связано не столько с природой,

¹⁰ Топоров В.Н. О динамическом контексте «трезмерных» произведении изобразительного искусства (семиотический взгляд). Фальконетовский памятник Петру I // Он же: Петербургский текст. М., 2009. С. 778-813.

¹¹ Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. С. 96-97.

сколько с культурой и историей. Это требует «не только и не столько физического взгляда (глаз), сколько духовного видения, которое облегчается предшествующей реконструкцией далекого прошлого и воспоминанием о недавнем прошлом»¹². «Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с Природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий. Там, опершись на развалины гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, — стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет»¹³. «Именно в этом, третьем, фрагменте становится понятным смелый и не понятый ни современниками, ни последующими поколениями читателей замысел Карамзина соположить два совершенно разных и дотоле несопоставимых контекста — «исторический» и «интимный», повествуящий о любви и смерти одного нежного сердца. Сверхзадача Карамзина, по мнению В. Топорова — включить себя в «переживаемую историю». Такой «переживаемой историей» стала и его «История государства Российского».

Т.А. Алпатова обращает внимание на то, что существенной частью МТ в том виде, каким он предстает в прозе Карамзина, нужно признать мифологические коннотации, возникающие как в связи с изображением Города как целого, так и отдельных локусов, конкретизирующих изображение «места действия» повестей или отдельных эпизодов. Как известно, мифологическое восприятие всякого города в обобщенном виде укладывается в две полярные модели: «идеальный Город» и «Остров блаженных»¹⁴. В русской культуре Москва и Петербург представляют классические типы этих городских мифоутопических модусов¹⁵. Но в рамках «петер-

¹² Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. С. 97.

¹³ Там же. С. 98.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Телегин С.М. Миф Москвы как выражение мифа России (по страницам книги М.Н. Загоскина «Москва и москвичи») // Литература в школе. 1997. №. 5. С. 5-21.

¹⁵ Не случайно современный исследователь видит метафизическую сущность привычного разговора о противостоянии «двух столиц»: «В его <конфликта Москвы и Петербурга> основе — неодинаковое представление о мире, о том, что составляет его подлинную сущность — конфликт, вечная борьба между культурой и природой... между разумной волей и

бургского мифа», как, вероятно, и «мифа московского» присутствует довольно много аспектов, значительно усложняющих схему простого противопоставления.

«Московский миф» Карамзина — созданный прежде всего в «Бедной Лизе» и «Наталье, боярской дочери», а также в историко-краеведческих исследованиях писателя периода 1800-х гг. («О московском землетрясении 1802 года», «Записки старого московского жителя», «Путешествие вокруг Москвы», «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре», «Записка о московских достопамятностях») — реализуется в двух вариантах: «прямом» и инверсионном. Москва как мифоутопическая модель «острова блаженных» в карамзинском повествовании либо оправдывает, либо опровергает возлагаемые на нее надежды и ожидания. Идиллически счастливы «праведные» жители допетровской Москвы в повести «Наталья, боярская дочь» — разбиваются судьбы героев «Бедной Лизы» (к этому следует прибавить, что в последующих повестях Карамзин показывает, сколь разрушительное влияние оказывает город на судьбы героев-современников — см. «Юлия» и др.). Таким образом, сам топоним Москвы оказывается в карамзинском повествовании в сложных отношениях с системой читательских ожиданий, предопределенных литературной и культурной традицией, а во многом и заложенных в самом тексте произведений.

Внешние приметы облика Москвы, составляющие МТ карамзинских произведений в целом, укладываются в характерную для мифа об «острове блаженных» систему. В ее основе прежде всего общий абрис города, в случае с Москвой — концентрическое строение, предполагающее, с одной стороны, постепенность и «ес-

волей слепой, иррациональной, безумной, или гармония, обусловленная возможностью и неизбежностью взаимопроникновения обоих начал. Москва, в отличие от Петербурга, являлась зримым свидетельством органичности культуры, ее естественного, произвольного, «природного» произрастания, и эта органичность подтверждала, вселяла надежду на имманентную одухотворенность природы, на то, что ею правит не слепая, равнодушная к человеку воля, а мудрый таинственный законодатель», см.: *Межуев Б.В.* В.Соловьев и Москва («Крепчайшими цепями прикован я к московским берегам») // Москва и московский текст русской культуры. Сб. статей. М., 1998. С. 82-83; О «противопоставлении культуры (Москва) и цивилизации (Петербург), духа и разума, божественного и мирского» (см.: *Телегин С.М.* Указ. соч. С. 13).

тественность» возникновения, с другой же — огражденность, защищенность человека, живущего в городе. Это заложено в самой «сакральной топографии» города подобного устройства и отмечалось исследователями на основе анализа культурной идеи самых различных городов. Так, по мысли С.М. Телегина, «круговая форма города несет всегда идею совершенства, законченности, гармонии. Круг в мифе обозначает пространство, которое характеризуется концентрацией особой сакральной энергии <...> Круглая форма связана с формой и движением Солнца, с небом, а также с материнским лоном. Так и город, особенно круговой организации, ассоциируется с материнским началом: он всех принимает в себя и все из себя порождает»¹⁶. У Карамзина приметы Москвы также обрисовываются чаще всего в виде круговой панорамы. Москва «...представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо, когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся!»; «На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подалее, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим» («Бедная Лиза»); «...Древний Кремль с златоглавыми соборами и готическим дворцом своим; большая зеленая гора и приятными отлогостями и цветниками; река немалая и довольно красивая, с двумя мостами, где всегда движется столько людей; огромный Воспитательный дом с одной стороны, а с другой длинных, необозримый берег с маленькими домиками, зеленью и громадами плотового леса; вдали Воробьевы горы, леса, поля — вот картина!» («Записки старого московского жителя») и др. Сам подбор характеризующих деталей и эпитетов представляет, с одной стороны, черты реальной топографии, с другой же — определяется идеями величия и «приятности»; карамзинская панорама Москвы — самодостаточный мир, охватывающий все — от земли до неба, от городского ландшафта

¹⁶ Телегин С.М. Указ. соч. С. 7.

до бесконечных необозримых далей, все ее части охвачены взором человека, а сам он словно погружен в эту панораму, защищен разлитым вокруг ощущением красоты и блага¹⁷. Город воспринимается как единое одухотворенное целое, иной раз приобретающее антропоморфные или зооморфные черты (таково уподобление Москвы птице, а затем и самой героине в повести «Наталья, боярская дочь» — Наталья пробуждалась «... и подходила к круглому окну высокого своего терема, чтобы взглянуть на прекрасную картину оживляемой натуры, — взглянуть на златоглавую Москву, с которой лучезарный день снимал туманный покров ночи и которая, подобно какой-нибудь огромной птице, пробужденной гласом утра, в веянии ветерка стряхивала с себя блестящую росу <...> “Как хороша Москва белокаменная! Как хороши ее окружности!” Но того не думала Наталья, что сама она в утреннем своем наряде была всего прекраснее...»). Последовательность уподоблений подтверждает здесь мифоутопическое представление о Москве как целостном органичном единстве, живом — женственном — существе, ожидающем восхищения и любви и дарящим счастье тем, кто прикоснется к нему.

Город как «остров блаженных» вырастает в протяженную, в пределе же — бесконечную историческую, временную перспективу. Эпоха его возникновения настолько отдалена от современности, что может быть уподоблена сотворению мира (никто из ныне живущих

¹⁷ Анализируя панораму, открывающую повесть Карамзина «Бедная Лиза» и отмечая главный принцип ее построения — принцип «последовательного возрастания текстового объема при сужении разыгрываемого в каждом из этих фрагментов локуса», В.Н. Топоров выделяет интересную закономерность карамзинского размышления. Во внешнем строении панорамы, а, в сущности, в самом мирозерцании автора-повествователя можно видеть «переход от панорамы, от взгляда вовне, вдаль, в пространство природы с ее ландшафтами, лишь кое-где оживляющимися <...> — к рассмотрению того, что не там, а здесь, вблизи, даже внутри, что связано не с природой, но с культурой и историей и что требует не только и не столько физического взгляда... сколько духовного видения, которое облегчается предшествующей реконструкцией далекого прошлого и воспоминанием о недавнем прошлом». В результате происходит «поворот от общего к конкретному, от анонимно-безличного... к личному... от идиллического и сиюминутного настоящего к трагическому и давнему, от “природно-пейзажного” к “историческому”». См.: *Топоров В.Н. Указ. соч. С. 94, 97, 98-99.*

не видел ее воочию; и Город, подобно мирозданию, дается каждому из его жителей целиком, как сложившееся гармоничное целое). Возникающий в результате масштаб парадоксально уравнивает события, происходившие в городе во все времена его существования. Прошлое оказывается рядом с настоящим, и время как линейно направленное начало исчезает, живущие в городе — на «остове блаженных» люди погружаются в вечность. Подобные временные коннотации появляются и в экспозиции «Бедной Лизы». Идеальное время-вневременность охватывает весь круг сезонов («часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе и с природою»).

Т.А. Алпатова выступила с доказательной концепцией рождения МТ русской литературы в творчестве Н.М. Карамзина. Новаторство карамзинского художественного осмысления Москвы определяется прежде всего тем, что именно в повестях Карамзина МТ выстраивается как целостная многоуровневая и многофункциональная система, определяющая строение самых разных слоев произведения. «Московский» характер карамзинской прозы как особая установка на специфический автобиографизм текста, рождение «автобиографического модуса повествования», некой эмоциональной ауры, охватывающая события и героев. Отчетливо строя свою литературную биографию как писатель-«москвич», не принимающий условий «официального» Петербурга, Карамзин-автор избирает Москву местом действия подавляющего большинства своих повестей, тем самым сближая сферу «изображаемого» — собственно художественный мир произведения, и сферу «изображения» — заданные автором и известные читателю пространственно-временные «координаты», в которых разворачивается сам акт рассказывания. «Явление “московского текста” становится возможным в силу того подхода к пониманию художественного пространства в его поэтической, эстетической и, наконец, онтологической функции, которое оформилось в творчестве Карамзина как представителя новой литературной школы. В его основе — двунаправленное стремление, с одной стороны, увидеть и понять реальный мир во всем его многообразии и красочности, а с другой — найти в этом эмпирически-однородном континуальном пространстве некие точки отсчета, которые структурировали бы его, параллельно структурируя сознание человека, удерживая для него мир в единстве. Этот двунаправленный процесс интересно прослежива-

ется уже в “Письмах русского путешественника”, в которых эмпирическое видение и многообразное, часто символически-иносказательное осмысление увиденного переплетаются столь причудливо, что в отдельных случаях некие пространственные локусы становятся едва ли не “персонажами” текста и “собеседниками” автора. Подобная функция, оказывается, унаследована и карамзинским изображением Москвы, которая впервые предстает в творчестве Карамзина как целостное органичное единство»¹⁸. Н.М. Карамзин — и отец-основатель МТ в русской литературе, и в то же время своеобразный «гений места» если не всей Москвы, то окрестностей Симонова монастыря, где он любил совершать зафиксированные современниками прогулки.

Привлекая для чтения Карамзина в качестве теоретической основы «Диалектику Просвещения» М. Хоркхаймера и Т. Адорно, А. Шёнле доказывает, что отмеченные выше архитектурные оппозиции Москвы в плотном локусе «Бедной Лизы» перерастают в идеологические. К ним повествователь, да и сам автор, проявляют сознательно амбивалентное отношение. С одной стороны, «картина престольной Москвы с “бесчисленными” куполами и крестами, в которых отражаются вечерние лучи солнца, впервые вводит в текст тему православной идентичности России. Москва предстает как средоточие традиционной религиозной культуры, укорененность и незыблемость которой подтверждается выбором архитектурных кодов». С другой стороны, Москва предстает в качестве центр империи, процветающий за счет торговли с подвластными территориями. («Грузные струги» из «плодоноснейших стран Российской империи» снабжают «алчную Москву хлебом»). «В этой перспективе Москва предстает уже не как “святой город”, а как политический центр, находящийся в асимметричных отношениях с окраинами империи. Потребительская зависимость города компенсируется его политической властью. “Алчность” Москвы явно противоречит ее религиозной идентичности, а установленные активные торговые и военные связи контрастируют с инертным архитектурным обликом города. Таким образом, с самого начала повести вводится два взаимоисключающих, но при этом сосуществующих в едином художе-

¹⁸ Алтатова Т.А. «Московский текст» и пути формирования образа повествователя в прозе Н.М. Карамзина // Москва и «московский текст» в русской литературе и фольклоре. М., 2004. С. 16.

ственном пространстве представления о судьбе России: представление о традиционалистской стране, для которой характерен религиозно-аскетический отказ от всего мирского, и образ динамичной империи, ориентированной на расширение своей власти и приобретение новых материальных ресурсов»¹⁹.

Сам повествователь, как отмечает А. Шёнле, не в состоянии разрешить данную коллизию, возникающую при соположении этих двух точек зрения. Описывая Москву и свои впечатления от «великолепной картины» города и «ужасной громады домов и церквей», он использует категорию возвышенного. Отметим, что «ужасное», ввиду отсутствия описанного выше гипотетического «Московского всадника», вобравшего в себя весь городской «Ужас», подобно Медному всаднику, рассредотачивается в Москве по горизонтали разнородных строительных нагромождений. Называя Москву «величественным амфитеатром», Карамзин в итоге, по мысли А. Шёнле, дистанцируется от проблемы политического и идеологического статуса древней столицы, переходя к восприятию города как чисто эстетического феномена (т.е. — культурного текста). «Колебание между позитивной и негативной характеристиками, между чувствами великолепия и ужаса — свидетельство невозможности оперировать оценочными категориями, неперенная составляющая переживания возвышенного зрелища»²⁰.

В «Бедной Лизе» тема разрыва с прошлым моделируется прежде всего образом развалин Симонова монастыря. Опустошение монастыря, еще в первой половине XVIII в. находившемся в расцвете, в известной степени стало результатом «просвещенной» политики Екатерины II. А. Шёнле обращает внимание на параллель между разрушением монастыря и «печальной историей тех времен, когда свирепые татары и литовцы огнем и мечом опустошали окрестности российской столицы». Т.е. разрушительное воздействие импортированного в Россию из Западной Европы Просвещения отождествляется с нашествиями вражеских войск. И в том, и в другом случае, согласно логике образа, над Россией совершалось насилие. А. Шёнле, опираясь на исследование А.Л. Зорина и А.С. Немзера, выражает несогласие с предыдущими трак-

¹⁹ Шёнле А. Между «Древней» и «Новой» Россией: руины у раннего Карамзина как место «modernity» // НЛЮ. № 59 (2001, № 1). С. 129.

²⁰ Шёнле А. Между «Древней» и «Новой» Россией... С. 129.

товками (Г.А. Гуковского, Ф.З. Кануновой), согласно которым присутствующая в повести атмосфера эстетизации любви приводит к снижению значения исторических и идеологических мотивов (противоречия которых, как отмечено выше, находят разрешение в панорамных эстетизациях).

Москва — «беззащитная вдовица». «В лютых своих бедствиях» она может уповать только на Божье провидение. Образ овдовевшей Москвы связан с судьбой еще одной вдовы повести — Лизиной матери, также вручающей свою судьбу Богу. И эта параллель усилена описанием развалин Лизиного дома, второго после Симонова монастыря описанного в повести разрушенного здания: «пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу», с обвалившейся крышей, оказывается столь же беззащитной перед стихиями, как Лизина мать перед суетной жизнью тогдашней Москвы. «Развалины этого дома — не что иное, как пустая, неопределенная форма, напоминающая то, что Вальтер Бенъямин называет “пористой формой”»: место, где сочетание обветшалости и незавершенности открывает небывалые возможности для импровизации, для спонтанного и мимолетного наделения формы определенным содержанием»²¹. Так образный строй повести показывает, что и Москва, и сама Россия являются такой «пористой формой». Не будучи в состоянии определиться самостоятельно, она ожидает наполнения, в частности, идеологического — извне. Амбивалентность, заключенная в экспозиции картины Москвы, оказывается в ходе дальнейшего развития сюжета мотивирована культурной несамостоятельностью России, подверженной влиянию извне.

Вопрос о самоопределении оказывается важным и по отношению к судьбе России, и по авторскому отношению к главным героям «Бедной Лизы». Эксперимент, который Эраст осуществляет в своих отношениях с Лизой, по мнению А. Шёнле, не что иное, как попытка «автономного самоопределения». «Я буду жить с Лизой, как брат с сестрою», думает он. Повествовательское отношение к данному эксперименту скептическое: «Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?»²². Ведь речь идет о заимствованной из прочитанного по-

²¹ Шенле А. Между «Древней» и «Новой» Россией... С. 131.

²² Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. С. 513.

пытке подчинить свое поведение контролю разума, что было, согласно Канту, главной задачей Просвещения.

Идейный мейнстрим XVIII века, настолько повлиял через словесность на Эраста, что он стал активным поборником Просвещения, стремящимся воплотить в жизни его главные установки. Идиллическая Москва стала местом приложения утопических представлений насчет «страстной дружбы» и противопоставленному ей «сладострастию», что было в известной мере близко и самому Карамзину. Отвечая в «Письмах русского путешественника» на призыв, завершающий повесть Вольтера «Кандид»: «Друзья! пойдем работать в саду!», Карамзин изменил смысл этой заключительной фразы. Обращения к друзьям в тексте Вольтера не было. Для Карамзина же этика труда и попытка обустроить (переписать!) окружающую, в его случае, московскую среду связаны именно с дружбой как идеальной формой человеческого общения.

МТ становится для Карамзина текстом перетолковывания текста Просвещения. Отказываясь от абстрактной философии, он выступает не только в пользу стремления познать сущность мира в человеческом измерении, но и в пользу активного вмешательства в повседневную жизнь человека деятельной любви, из которой при этом исключены сексуальные отношения. Любовь, но к родным и друзьям — такова карамзинская программа истинно просвещенного поведения. Первое положение новой московской любви по Карамзину — совершенствованием предметов и явлений внешнего мира попытаться облегчить повседневную жизнь человека, что созвучно позиции Вольтера. Но второе положение: апология десексуализированной любви — уже собственно карамзинское привнесение, которое, в свою очередь, является логическим следствием кантовского определения. Несмотря на зависимость программы Карамзина от кантовской концепции Просвещения, Карамзин не снимает и традиционного для эстетики той эпохи классицистического противопоставления разума и сердца, долга и сладострастия. Он накладывает одну тему на другую, подразумевая разные уровни прочтения. Аналогичная повествовательная стратегия используется писателем и в других произведениях — в «Письмах русского путешественника» или в «Истории Государства Российского», где простой и неспешный рассказ соседствует с развернутыми, иногда полемичными по отношению друг к другу примечаниями, усложняющими восприятие текста. Так повествователь становится

посредником между древней и новой Россией, между прошлым и модернизацией.

Повествователь и Эраст — представители одного и того же социального круга, что и Эраст. Первый знаком с образом жизни второго, понимает его внутренние побуждения, может описать генеалогию идиллических моделей его мышления и поведения, заранее предсказав последующее охлаждение и непостоянство героя. Однако если легкомысленный Эраст воодушевляется исключительно идиллическими картинами пастушеской жизни, то фантазия повествователя разворачивается уже в трагическом плане. На развалинах Симонова монастыря он «внимает глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных». Под влиянием этого настроения в тексте повести появляются картины печальной монашеской жизни и воспоминания о тяжелых военных испытаниях Москвы, а далее — рассказ о плачевной Лизиной судьбе. Описание руин становится формой вызова радужным идиллическим мечтам, а также счастливой возможностью отойти от современности и совершить терапевтическое погружение в историю.

Желание повествователя «бродить пешком, без плана, без цели — куда глаза глядят» неизбежно сопровождается уходом в прошлое. Проводится параллель между жертвой Москвы в допетровское время и сокрушительным воздействием Просвещения на Лизину судьбу, но при этом также восславляется современная мощь России. А. Шенле использует для характеристики московского хронотопа Карамзина непереводаемый, на его взгляд, термин *modernity*. «Все три главных персонажа повести оказываются на том промежуточном участке, который введение “modernity” открывает в пространстве между уходящей “древней” и еще не вступившей полностью в свои права “новой” Россией. Лизино увлечение Эрастом означает ее постепенное отчуждение от природного мира старой Москвы и ценностной системы ее матери. А привязанность Эраста и повествователя к Лизе направляет их в обратную сторону — к природе и к прошлому. И в том и в другом случае это нарушение культурных границ представлено как естественный результат психологической эволюции, хотя героя оно приводит к катастрофе, а повествователь так и не выходит за рамки внутренней, мыслительной жизни»²³.

²³ Шенле А. Между «Древней» и «Новой» Россией... С. 135.

Двойственная оценка автором воображения связана с внутренней противоречивостью Просвещения как проекта. С одной стороны, там доминировала установка на замену воображения и мифотворчества позитивным знанием и его перепрочтением. С другой стороны, внедрение этого проекта была невозможна без постоянного воскрешения «идеологических противников» — мифа и воображения. Так руины стали наиболее удачной эмблемой данной амбивалентности. Увлеченность руинами является знаком такого рода рефлексии, в ходе которой колебание между приверженностью идее прогресса и ностальгией по ушедшему миру, между новым и древним, завершиться не может.

Карамзиным было предложено два образа России, взаимоисключающих друг друга. Сияющая златоглавая Москва реализует такую эстетическую установку, как парадигму «возвышенного», а развалины Симонова монастыря — отчасти противостоящую предыдущей установку «живописного». Каждая из этих двух моделей предполагает особое отношение к феномену целостности. Первое является попыткой ухватить целостность явлений на интеллектуальном уровне, после того как чувственное постижение целого потерпело неудачу. Оно строится на метафорическом отношении между конкретным видимым объектом и абстрактным познаваемым целым, утверждая тем самым банкротство воображения, на смену которому приходит концептуальное мышление. В основе второго, напротив, лежит эстетика случайного. Случайность, как и руина, представляет лишь осколок целого и предполагает участие воображения в «дорисовывании» картины. Его отношение к целому метонимично. Восстановление целостности требует особого рода взгляда, ухватывающего отдельные фрагменты и истории, и эмпирики. Введением в текст повести семантически противопоставленных образов Москвы и России, Карамзин намечает тем самым проблему невозможности выявить и однозначно определить идентичность города и страны в целом. Противоречие между концептуальным, абстрактным, просветительским представлением о ее миссии, с одной стороны, и конкретным историческим опытом — с другой, неразрешимо, опрокидываясь из времени в пространство. Наглядно это столкновение двух форм мышления и двух эстетических систем проявляется в физических и интеллектуальных «блужданиях» повествователя, скользящей незафиксированности его отношения к событиям и героям, так как его симпа-

тии к старой и новой России оказываются равными. Тем самым, как отметил А. Шенле, повествователь в «Бедной Лице» как бы добровольно приносит в жертву — самого себя²⁴.

Эта повествовательная (текстостроительная) жертва сопоставима с архетипом «строительной жертвы» МТ. Допуская полемику по поводу наличия МТ в данную эпоху, подчеркнем, что тогда родился, ценою такой жертвы, язык для МТ, современный русский язык, которому Москва, по выражению А. Балдина, составила «материнское лоно, матрицу, по которой можно определить его “родовые” свойства. Первый толчок его появления дал Карамзин, его дело продолжил Блудов²⁵ со товарищи, *безвестные арзамасцы*, — выходит, что все они прятались в Москве от внешнего, немосковского пространства. Москва прячется сама в себе от этого внешнего пространства. Отсюда и язык ее — “фокусничающий”, центростремительный, бегущий от краев к центру»²⁶.

Язык, который был предъявлен «вместо пространства», как и вместо истории. «Можно сказать и так: Россия не обрела большего языка, слова в пространстве: центробежного, “зрячего”, внятно располагающего ее во внешнем мире и так же осмысленно координирующего между собой ее внутренние (изначально конфликтные) движения. Россия получила язык не для эволюции, но для революции, с гипертрофией функции “сейчас”, язык нетерпеливый и нервный, с претензией на тотальность и вербальную сакральность, и при всем этом “детский”, требующий сказочной завершенности, литературности от всякого реального исторического сюжета»²⁷.

Этот язык и был замкнут в МТ.

²⁴ Шенле А. Между «Древней» и «Новой» Россией... С. 139.

²⁵ Д.Н. Блудов (5[16]. 04. 1785 – 19. 02 [2. 03]. 1864), литератор, дипломат, государственный деятель. Один из участников и организаторов литературного общества «Арзамас» (1815), по прозвищу «Кассандра». Был делопроизводителем Следственного комитета по делу декабристов, министром внутренних дел, президентом Академии наук, председателем Государственного совета и Кабинета министров.

²⁶ Балдин А. Протяжение точки. С. 192.

²⁷ Балдин А. Протяжение точки. С. 321.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алленов М.М.* Тексты о текстах. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 400 с.
- Алтаева Т.А.* «Московский текст» и пути формирования образа повествователя в прозе Н.М. Карамзина // Москва и «московский текст» в русской литературе и фольклоре. М.: МГПУ, 2004. С. 15-37.
- Балдин А.* Протяжение точки. М.: Первое сентября, 2009. 575 с.
- Карамзин Н.М.* Записки старого московского жителя. М.: Моск. рабочий, 1988. 525 с.
- Марисина И.М.* Пейзаж в русской культуре второй половины XVIII века // Ландшафты культуры. Славянский мир. М., 2007. 256-276.
- Межуев Б.В.* В.Соловьев и Москва («Крепчайшими цепями прикован я к московским берегам») // Москва и московский текст русской культуры. Сб. статей. М., 1998. С. 82-98.
- Телегин С.М.* Миф Москвы как выражение мифа России (по страницам книги М.Н. Загоскина «Москва и москвичи») // Литература в школе. 1997. № 5. С. 5-21.
- Топоров В.Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения М.: РГГУ, 1995. 509 с.
- Топоров В.Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 819 с.
- Чурбанов В.* Судьба Пашкова дома. Ч. II // Пульс. № 9. С. 37-54.
- Шенле А.* Между «Древней» и «Новой» Россией: руины у раннего Карамзина как место «modernity» // НЛЮ. 2001. № 59. № 1. С. 132-144. — <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/sh6.html>.

A.P. LIUCYI

NIKOLAI KARAMZIN AND THE ENLIGHTENMENT ORIGINS OF THE MOSCOW TEXT

Can we call Karamzin the father-founder of the Moscow text / supertext? Relevance of this problem is caused by tasks of adequate judgment of a spatio-temporal continuum of the Russian culture. The review of an extensive field of the mythology, connected both with capital Moscow and Petersburg metaspace, and with separate points of a city locus or events of city life, the Moscow mythologized model and its textual quality, allows to answer the main question of article positively.

Key words: panoramic look, dual opposition, myth, utopia, space, structure of birth of text, ensemble.

Н.В. ДАНИЕЛЯН

РАЦИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЙ ПОДХОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Н.М. КАРАМЗИНА

**РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПЕРВЫМ ТОМОМ
«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»**

В основании рационально-нравственной составляющей политических взглядов Н.М. Карамзина, направленных на построение общества «всеобщего блага», лежат такие идеи, как просвещение всех сословий, христианская вера, добродетельный Государь, любимый своими подданными. Автором доказывается мысль, что рассмотрение справедливого государства, в котором сохраняются самодержавие, сословный строй и крепостное право, противоречит самой идее свободы и прогресса. Задачей статьи стал сопоставительный анализ взглядов на просвещение и государственное устройство Н.М. Карамзина, Платона и Аристотеля, в котором были выявлены как их сходства, так и отличия. В статье делается вывод, что нравственность или «сила души» может быть рассмотрена в качестве средства познания на основании русской литературно-философской традиции.

Ключевые слова: просвещение, нравственность, вера, «открытая» рациональность, «закрытая» рациональность, монархия.

В год празднования 250-летия со дня рождения Н.М. Карамзина представляется интересным еще раз сказать о важности и актуальности рационально-нравственной составляющей, присущей всем его работам и, в особенности, основному труду его жизни — «Истории государства Российского». Как известно, Николай Михайлович рассматривал нравственное совершенствование личности в качестве одной из основных задач философии, поскольку

именно оно может помочь в достижении свободы. Однако в его взглядах содержится и ряд противоречий, на которые хотелось бы обратить внимание в рамках данной статьи. За основу размышлений был взят первый том «Истории государства Российского», так как на примере его текста можно проследить основную проблематику, затрагиваемую далее.

В основании рационально-нравственной составляющей политических взглядов Н.М. Карамзина, направленных на построение общества «всеобщего блага», лежат такие идеи, как просвещение всех сословий, христианская вера, добродетельный Государь, любимый своими подданными. Начнем с первого компонента — просвещения, которое неразрывно связывается им с верой: «Успехи разума и способностей его, необходимое следствие гражданского состояния людей, были ускорены в России Христианскою Верою. ...Народ, погруженный в невежество, считал действием сверхъестественного знания всякую догадку ума, всякое отменное счастливое предприятие...»¹. Из этого следовало, что, вслед за Платоном, который видел основную цель образования в развитии знания для достижения гармонии между реальностью и творческой идеей, заложенной в душе человека, Николай Михайлович находил корень всех проблем государства в непросвещенности его граждан, то есть в отсутствии гармонии. Поэтому первоочередной задачей, решение которой способно преодолеть жестокость нравов и регулирование государственного устройства, как можно судить по заключительным строкам первого тома, он видел в доступности образования для всех сословий: «Одно просвещение долговременное смягчает сердца людей...»².

Разовьем данную идею, исходя из работ Платона, а затем обратимся к воззрениям Аристотеля на просвещение народа. В диалоге «Алкивиад I» сказано: «Но кто не знает своего, тот, по тем же причинам, не может знать и чужого»³, следовательно, такой человек не обладает добродетелью и неспособен стать политиком, поскольку он «не будет знать, что делает»⁴. Платон первым поднимает проблему факторов, влияющих на развитие личности человека, по-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 171.

² Там же. С. 174.

³ Платон. Диалоги. Алкивиад I. СПб., 2011. С. 71.

⁴ Там же. С. 72.

скольку образование как самосовершенствование, прежде всего, направлено на «припоминании» душой неизменных и высших идей: «Ведь человек должен познавать истину под формой так называемого эйдоса, который составляется из многих чувственных представлений, приводимых рассудком воедино, а это делается через воспоминание о том, что душа знала, когда сопровождала бога, и, презирая все называемое ныне существующим, приникала мыслью к истинно сущему»⁵. Очевидно, что при таком подходе у каждого человека будет свое предназначение в жизни, направленное на благо общества в целом. Такую же цель видит в образовании и Н.М. Карамзин через много веков после Платона. Образование порождает добро, а незнание — зло, препятствующее развитию государства.

В труде «Государство» Платон рассуждает о «хорошем» управлении городом в случае, если «в нем будут начальствовать люди поистине богатые — не деньгами, а тем, чем должен быть богат человек счастливый, — доброю и разумною жизнью»⁶. Он связывает просвещенность с общественным благом: «...пользуясь этим образцом, они станут, каждый по своим силам, в продолжение остальной жизни украшать и город, и частных людей, и самих себя»⁷. Однако, это путь избранных, тех, кто смог возвыситься душой и отличиться познаниями среди прочих. У Карамзина, напротив, речь идет не только о просвещенности правителей, но и всего народа, поскольку это позволяет им выйти из состояния дикости и варварства. Относительно обычая славян умертвлять новорожденных девочек или немощных стариков-родителей в случае их бесполезности и «тягостности» для семьи, он восклицает: «Так народы самые добродушные, без правил ума образованного и Веры истинной, с спокойною совестью могут ужасать Природу своими делами и превосходить зверей в лютости!»⁸ Следует здесь отметить, что если у Платона просвещенность ведет к совершенствованию души, то у Карамзина служит воспитанию нравственности народа.

Конечно, как и Платон, он отмечает благотворное влияние образованности на правителей и государственные законы. Вслед за идеями эпохи Просвещения, возродившими идеалы справедливого

⁵ Платон Диалоги. Федр. СПб., 2011. С. 397.

⁶ Платон. Государство. СПб., 2016. С. 232.

⁷ Там же. С. 255.

⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 65-66.

государственного устройства Платона, Николай Михайлович неоднократно пишет о необходимости мудрого правителя для процветания государства. Так, князь Олег, покоривший Царьград и заключивший выгодный договор с греками, прославляется как утвердивший России «бытие могущественное», но здесь же отмечает, что «мудростию Правителя цветут Государства образованные...»⁹. Для древнего государства славян характерно избрание князей на правление народом, лишь немногим из них удавалось передавать власть по наследству. Им приходилось исполнять законы, однако мало что отделяло их от неограниченной власти, что произойдет позже в истории. Карамзин указывает на личные добродетели государя, которые не позволяют его власти превратиться в деспотию. Следовательно, только просвещенность и мудрость правителя, как и у Платона, является гарантией разумного управления государством. Подобные модели так и остались по сей день «утопическими» и «идеальными». Ярким примером тому служит бурная история Франции, претерпевшая так много изменений и потрясений после своей Великой революции в попытке обрести справедливое государственное устройство.

Обратимся теперь к взглядам Аристотеля на цель воспитания и образования. Продолжая и развивая идеи своего учителя Платона, он видит ее в развитии души, которая может быть трех видов: растительной, ответственной за питание и размножение, животной, связанной с ощущениями и желаниями, и разумной, направляющей мышление и познание. Следовательно, природа души с необходимостью требует всестороннего развития человека, состоящего из единства нравственного, физического, эстетического и умственного воспитания. Данные принципы были положены Аристотелем в основание школы нового типа, в которой воспитывался Александр Македонский, и нашедшей продолжение, например, в Царскосельском лицее, в котором обучался А.С. Пушкин. Она сочетала в себе и обучение наукам, и театр, и спортивные занятия, и ораторское искусство для подготовки всесторонне развитой личности, что говорило о пользе многостороннего и многоаспектного подхода.

На основании идей Аристотеля, изложенных в «Никомаховой этике», можно прийти к следующим выводам: 1) счастье — это тоже деятельность (от бездействия счастливым не станешь);

⁹ Там же. С. 110.

2) счастье есть продолжение нас и нашего ума, добродетель которого «отделена от тела и страстей»¹⁰, что подтверждается учением Платона о душе; 3) человеческая жизнь — путь ума, который составляет основную часть нашей жизненной силы.

В труде Карамзина не дается столь подробного анализа проблемы, однако данное отступление выглядит уместным и важным, так как говорит в пользу просвещения и подтверждает необходимость следования «путем ума» в целях личного и общественного благоденствия.

Если обратиться к русской философско-литературной традиции, то можно выявить взгляды, схожие с проанализированными. Так, В.Н. Татищев отмечал, что «разумная польза» определяет жизнь человека в целом, ее различные стороны и проявления, влияет на отношение человека к самому себе, к другим людям и Богу¹¹. Разум, как средство познавательной деятельности, считался им достоинством одного только человека, а не божественным явлением. Ум, как и у Аристотеля, являлся «силой души», определяющей возможность осмысления человеком объективного мира. Он также близок к нравственности Карамзина, так как в соответствии с теорией разумного эгоизма Татищева, носит избирательный характер и направлен на удовлетворение потребностей человека наилучшим образом, что невозможно без процветания государства и общества.

Довольно схожих представлений придерживался и Л.Н. Толстой, который писал, что «нравственность же есть всегдашнее руководство жизни, вытекающее из этого отношения»¹². То есть под нравственностью или «силой души» человека можно понимать тот фактор, который руководит его поведением в окружающем мире, являясь, тем самым, средством познания. Если у человека недостаточно развита нравственность ввиду непросвещенности его ума, то и формируемый в его сознании образ познаваемого предмета будет несколько иным, чем у образованного человека. Ведь от того, какова нравственность познающего, зависит формируемый в его сознании образ познаваемого. Итак, на основании анализируемых работ рус-

¹⁰ *Аристотель*. Никомахова этика. — <http://slonam.ru/stati/aristotele-nikomahova-etika/main.html> (август, 2016).

¹¹ *Татищев В.Н.* Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ // Татищев В.Н. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 8. М., 1996. С. 51-132.

¹² *Толстой Л.Н.* Религия и нравственность // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. М., 1956. Том 39. С. 26.

ских философов, можно заключить, что нравственность или «сила души» может быть рассмотрена в качестве средства познания.

Следующим компонентом в концепции Карамзина, требующим рассмотрения и анализа, является вера. Он рассматривает ее не только как источник формирования государственности, но и нравственности народа. Народы «дикие», верящие в своих божеств, не были лишены веры, поскольку она помогала им укрепляться «мыслию о Силе Всевышней, которая может спасти их от ударов рока, неотвратимых никакою мудростию человеческою»¹³. Принятие христианства способствовало не только объединению княжеств и стало началом русской государственности, но и дало мощный импульс развитию просвещения, зодчества, искусств. В нравственном плане оно удовлетворяло «всем главным потребностям души человеческой»¹⁴, так как примиряло мир земной и небесный, обещая «блаженство вечной жизни» после смерти.

Аналогичных взглядов придерживался и П.Я. Чаадаев. В его концепции совершенное общество — это Царство Божие на земле. Оно вполне достижимо, так как он верил в добрую природу человека и в силу нравственного прогресса; более того, полагал, что в западных странах оно отчасти уже было реализовано. Чаадаев был убежден, что в будущем станет лучше в связи с полным обновлением человеческой природы, обеспечивающей возможность бесконечного развития, и полагал, что «все нравственные силы сольются в одну, разрозненные индивиды соединятся в высшем синтезе»¹⁵. Идея изменения мира сопоставлялась с возможностью проникнуться божественной идеей, обновить себя, стать нравственным. Сходство можно найти и с работами В.С. Соловьева, у которого любовь как путь к всеединству — тоже деятельная сила, победа духа над материей, преображение всего.

Рассмотрим теперь нравственную составляющую, привносимую верой, в позиции «закрытой» и «открытой» рациональности. Согласно концепции «закрытой» рациональности¹⁶, в познавательной деятельности ее проявление можно обнаружить в утверждении,

¹³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Том 1. М., 1989. С. 75.

¹⁴ Там же. С. 149.

¹⁵ Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 138.

¹⁶ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 94.

разработке и распространении определенной концептуальной позиции. На практике такой тип рациональности обычно рассматривается в связи с целесообразностью практической деятельности и ее направленностью на определенный конечный результат. Под «открытой» рациональностью понимается способность субъекта познания выйти за пределы фиксированной системы исходных познавательных координат, то есть за рамки жестких конструкций, ограниченных смыслами, предпосылками и концепциями, заданными изначально. Таким образом, основное отличие «закрытой» и «открытой» рациональности заключается в том, что «открытая» рациональность направлена на развитие познавательных возможностей человека, что ведет к расширению границ познания им реальности. Н.М. Карамзин понимает веру как путь к познанию человеком окружающего мира, что приводит к нравственному поведению личности. Но не ведет ли такое понимание процесса познания к ограничению свободы личности, то есть к «закрытой» рациональности? Критерием формирования свободного человека является ценностная установка, лежащая в основе идеи «открытой» рациональности, которая предполагает перманентное развитие познавательных возможностей человека, горизонтов постижения им реальности¹⁷. Направленность творческих усилий сознания человека на неограниченное постижение окружающего его мира, связанного «с максимальной открытостью перед этим миром в критической рефлексии по отношению к любым фиксированным, “конечным” позициям мировосприятия»¹⁸, и составляет сущность данного подхода.

Можно сделать вывод, что в познании, основанном на вере, человек не свободен в выборе средств познания, а может пользоваться только готовыми, предлагаемыми ему данной религией. Нравственность в таком типе общества будет неизменной и определяемой религиозной моралью, следовательно, личность перестает быть свободной. Таким образом, познание, основанное на вере, относится к «закрытой» рациональности, так как содержит утверждение определенной концептуальной позиции. Определяющая

¹⁷ Даниелян Н.В. Свобода личности и рациональность // Преподаватель XXI век. 2009. № 4. С. 258-266.

¹⁸ Швырев В.С. О понятиях «открытой» и «закрытой» рациональности (рациональность в спектре ее возможностей) // Рациональность на перепутье. В 2-х книгах. Книга 1. М., 1999. С. 23.

ценностная установка с позиции современного общества содержится в идее «открытой» рациональности, поскольку последовательное проведение этого принципа в жизнь дает основу для перехода на позиции диалогического сознания, готовности и способности работать в пространстве различных идейных позиций, соревнующихся между собой на равных, каждая из которых открыта для критики и не претендует на безусловную правоту.

И последний аспект, который будет проанализирован в рамках данной статьи, — это убежденность Карамзина, что государством должен управлять добродетельный Государь, любимый своими подданными. Этому вопросу уделяется достаточное большое внимание на страницах первого тома «Истории государства Российского». Хотелось бы начать с того, как Карамзин понимает историю, рассматривает ее влияние и важность для правителей и обычных людей. Он полагает, что история способна преподавать уроки нравственности и государственного мышления, примирить с настоящим, не допустить бунта и государственного переворота, что может привести страну к катастрофе, поскольку «...праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества»¹⁹. Эти мысли были важны в начале XIX века после окончания войны с Наполеоном, когда в российском обществе зрело недовольство существующим строем и порядками в стране. Как известно, Карамзин — сторонник монархического строя правления. Когда Наполеон приходит к власти во Франции, он восхищен им, так как тот «умертвил чудовище революции». Можно полагать, что отсутствие единой централизованной власти, как это показано в первом томе анализируемого труда великого русского историка, ведет к кровопролитию, междоусобицам, борьбе за власть, одичанию нравов, распущенности и жестокости народа. И прокатившаяся волна революций XVIII–XX веков подтверждает эту мысль. То есть разумность в истории принадлежит тому, что объединяет народы, делает государство сильным, несет с собой законность, порядок и просвещение. Согласно Л.Г. Кислягиной, «революция поставила под сомнение основную идею его философии — идею развития мира и человечества по восхо-

¹⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Том 1. М., 1989. С. 13.

дящей линии»²⁰. Однако налицо исторический факт: любая монархическая форма правления ведет к злоупотреблениям властью.

Здесь интересно отметить и склонность Карамзина продемонстрировать императору независимость собственного мнения. Ю.М. Лотман описывает следующий эпизод, произошедший в 1819 году, когда Николай Михайлович прочел Александру I «Мнение русского гражданина», в котором он возражает против планов царя по восстановлению Польского королевства в его целостности, и говорит: «Я не боюсь ничего. Мы все равны перед Богом. ...мне дорога лишь та свобода, которую никакой тиран не сможет у меня отнять»²¹. Здесь снова налицо противоречие в его мыслях и словах: с одной стороны, самодержавное правление, поддерживающее крепостной строй, отвергающий всякую личную свободу простого народа, с другой стороны — свобода выражения собственного мнения, но лишь только избранными. Да и в «Истории государства Российского», как было проанализировано в данной статье, Карамзин рассуждает о необходимости просвещения всех сословий, что неизбежно ведет к свободомыслию и, в итоге, свержению монархической и любой деспотической формы правления.

Личные добродетели государя никогда не оказываются достаточной гарантией справедливого правления, какие бы консультативные и совещательные органы не предлагались (Н.М. Карамзин отводит подобную роль Сенату, хотя и ставит его в зависимость от воли монарха). К тому же, одна и та же форма государственного устройства не может оставаться вечно, поскольку ее уровень разумности снижается и постепенно изживает себя. В анализе веры был сделан вывод, что накладываемые ограничения в обществе всегда ведут к однонаправленности и ограниченности проводимой государством идеологии, отсутствию диалога в управлении страной и плюрализма мнений. Следовательно, нравственность народа под давлением опять же будет постепенно деградировать, так как все решения и законы навязываются ему насильственным образом. Рациональность в подобном государстве принимает все более «за-

²⁰ Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина // В книге: Карамзин Н.М. История государства Российского. Том 1. М., 1989. С. 503.

²¹ Цит. по: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 351.

крытый» характер или полностью исчезает. Следует отметить, что под рациональностью обычно понимается философское понятие, характеризующее умственную и практическую деятельность на основе критериев разумности, целесообразности, систематичности. Очевидно, что с общественным, научным и техническим прогрессом «закрытые» формы правления перестают быть удовлетворительными для народа, так как умерщвляют его дух. По данному поводу Ф. Ницше писал: «Змея, которая не может сменить кожу, погибает. Так же и дух, которому не дают сменить убеждения: он перестает быть духом»²².

Научно-технический прогресс в современном мире как рациональная форма деятельности также вносит много позитивного в расширение свободы человека, то есть появляется новая рациональность, которая «рождается из объединения альтернативных форм видения мира»²³. Таким образом, рационально-нравственная составляющая, в отличие от подхода, предлагаемого Н.М. Карамзиным, принимает все более «открытый» характер. Оценка формы государственного правления, в основе которой лежит определение: «...народ стонал, и проливал слезы. Что можно сказать сильнее и разительнее в похвалу Государя умершего?»²⁴ (данная на смерть князя Олега), как можно видеть на примере проведенного анализа, давно канула в лету. В современном очень сложном и комплексном мире существует огромный спектр возможностей для дальнейшего успешного развития государства и общества, основанных на принципах не угнетения и единовластия, а социальной справедливости и демократических формах правления. Однако хотелось бы закончить данную статью словами Н.М. Карамзина, представляющими истинную цель рационального и нравственного подхода к управлению государством: «Мы одно любим, одно желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; ...да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!»²⁵.

²² Цит. по: Цвейг С. Фридрих Ницше. — <http://jsulib.ru/Lib/Articles/972/772/> (август, 2016).

²³ Режабек Е.Я. В поисках рациональности. М., 2007. С. 180.

²⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Том 1. М., 1989. С. 110.

²⁵ Там же. С. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель*. Никомахова этика. — <http://slonam.ru/stati/aristotele-nikomahova-etika/main.html> (август, 2016).
- Даниелян Н.В.* Свобода личности и рациональность // Преподаватель XXI век. 2009. № 4. С. 258-266.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Том 1. М.: Наука, 1989. 640 с.
- Кислягина Л.Г.* Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина // В книге: Карамзин Н.М. История государства Российского. Том 1. М.: Наука, 1989. С. 480-514.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб.: Искусство–СПБ, 1994. 399 с.
- Платон* Государство. СПб.: Азбука, 2016. 352 с.
- Платон* Диалоги. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 448 с.
- Режабек Е.Я.* В поисках рациональности. М.: Академический проект, 2007. 383 с.
- Татищев В.Н.* Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ // Татищев В.Н. Собрание сочинений в 8-ми томах. Том 8. М.: Ладомир, 1996. С. 51-132.
- Толстой Л.Н.* Религия и нравственность // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 39: Статьи 1893-1898 годов. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 296 с.
- Цвейг С.* Фридрих Ницше. — <http://jsulib.ru/Lib/Articles/972/772/> (август, 2016).
- Чаадаев П.Я.* Сочинения. М.: Правда, 1989. 656 с.
- Швырев В.С.* О понятиях «открытой» и «закрытой» рациональности (рациональность в спектре ее возможностей) // Рациональность на перепутье. В 2-х книгах. Книга 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 9-45.
- Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 91-105.

N.V. DANIELYAN

RATIONAL-MORAL APPROACH
IN KARAMZIN'S POLITICAL PHILOSOPHYREFLECTING ON THE FIRST VOLUME OF
«HISTORY OF THE RUSSIAN STATE»

The basis of a rational-moral component in Karamzin's political views directed to the creation of the «common good» society is

formed by the ideas of an accessible public education for all estates, Christian faith, a virtuous monarch beloved by his people. The author proves that the idea of creating a fair state while keeping monarchy, social estates and serfdom contradicts the idea of freedom and progress. The article's task is a comparative analysis of Karamzin, Plato and Aristotle's opinions concerning public education and state system. The analysis has revealed their similarities and differences. The article concludes that morality or «soul power» can be considered as a means of cognition following the Russian literary and philosophical tradition. Reflecting on the concepts of faith and «wise» monarchy suggested by Karamzin, the author concludes that any constraints imposed in the society always lead to the one-directed state ideology, absence of both a dialogue in a country's government and pluralism of opinions. As a result, people's morality is deteriorated slowly. The reason is that all decisions and laws are forced them violently. Having taken the concept of «open» and «closed» rationality as a basis of reasoning and having examined the limitation of personal and cognitive freedom under this approach, the author comes to the conclusion that rationality becomes more and more «closed» or disappears completely in such a state. As a modern alternative the social state conception is offered. Its foundation is laid by the ideas of social equality, right to work, improving the well-being of people and their lifestyle.

Key words: public education, morality, faith, «open» rationality, «closed» rationality, governance, monarchy, social state, freedom.

Д.Э. ЛЕТНЯКОВ

ИДЕИ Н.М. КАРАМЗИНА И ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА¹

В статье рассматривается роль Н.М. Карамзина в формировании националистического дискурса в Российской империи, анализируются условия и причины возникновения националистических идей в России второй половины XVIII — начала XIX вв., их развитие, а также различные коллизии, связанные с усвоением европейского концепта нации в самодержавном, сословном и имперском государстве. Автор показывает, что Н.М. Карамзин сумел наметить в своем творчестве ряд важных для русского национализма тем и заложил определенные мировоззренческие особенности, присущие этой идеологии вплоть до 1917 г. Поэтому политико-философское наследие Карамзина следует интерпретировать не только в контексте идей русского консерватизма, как это обычно делается, но и с точки зрения идеологии русского национализма.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, национализм, консерватизм, идеология, Россия, Европа, нация, народ, народность.

Если человеку, знакомому с историей русской мысли, задать вопрос, какое место в ней занимает Н.М. Карамзин, наверняка первое, о чем будет упомянуто, — это значение Карамзина как родоначальника русского консерватизма, как человека, который впервые внятно сформулировал ключевые постулаты этой идеологии применительно к России². Есть, однако, и другой аспект интеллек-

¹ Первоначальный вариант этого текста был опубликован в журнале «История философии». 2016. Т. 21. №1.

² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Hist. msu. ru. — <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/karamzin.htm> (ноябрь, 2015).

туального наследия Карамзина, о котором говорится намного реже, — это его роль как одного из создателей националистического дискурса в России.

Стоит на всякий случай оговориться, что термин «национализм» употребляется здесь в ценностно-нейтральном ключе, без каких-либо заведомо негативных коннотаций, связанных с шовинизмом, ксенофобией и пр. Говоря о национализме, я имею в виду совокупность взглядов, идей, а также практик, связанных со строительством национальных государств. Это чрезвычайно широкое определение, однако дать более точную дефиницию весьма затруднительно в силу разнородности национализма как явления и многозначности самого термина, заставляющего исследователей делать выводы, что «национализма как такового не существует»³, ибо каждый раз мы имеем дело с конкретной интерпретацией понятий «нация» и «национализм», с той или иной разновидностью националистического дискурса.

Соответственно, говоря о национализме применительно к российским реалиям конца XVIII – начала XIX вв., я в первую очередь имею в виду *круг идей, связанных с новым восприятием государства*: теперь оно начинает пониматься не просто как совокупность земель, находящихся под управлением монарха, но как политическое тело конкретной общности населения — русского / российского народа (слово «нация» тогда использовалось намного реже). Иначе говоря, перед нами начало одной из важнейших трансформаций эпохи Модерна — перехода от традиционного, сословно-династического к национальному государству. Это был долгий процесс, который и в европейских странах занял не одну сотню лет, а в России тем более был сложным и извилистым в силу ряда причин: запаздывания политической и экономической модернизации в сравнении с Западом, существования континентального типа империи, где было сложно отделить метрополию от колоний и т.д.

Таким образом, в данной статье будет рассмотрено *самое начало* российского пути к национальному государству, а именно — продуцирование частью русской интеллектуальной и политической элиты во второй половине XVIII – начале XIX вв. нового для России дискурса, связанного с понятиями «нация», «народ», «национальный характер», «отечество», «патриотизм» и пр. Меня бу-

³ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Учебное пособие. М.: КДУ, 2005. С. 9.

дуг интересов, прежде всего, условия и причины возникновения упомянутых идей на русской почве, их развитие, а также различные коллизии, связанные с усвоением европейского концепта нации в самодержавном, сословном и имперском государстве. При этом основной акцент будет сделан на творчестве Н.М. Карамзина. Он представляется мне чрезвычайно важной фигурой, вокруг которой и может быть выстроен разговор о зарождении русского националистического дискурса, но прежде чем перейти непосредственно к Карамзину, стоит хотя бы кратко обозначить тот идейно-политический контекст, благодаря которому стало возможным формирование его взглядов.

ПЕТРОВСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕ

В допетровской Руси термин «государство» был неразрывно связан с «государем», «держатъ государство» означало распространять свою власть на определенную территорию. И хотя в политическом дискурсе XVII в. постепенно происходят определенные изменения, например, появляется слово «народ», возникают тенденции к деперсонализации института государства, его обособлению от государя, все же в допетровскую эпоху государство в России мыслится почти исключительно в сословно-династической логике.

Серьезная трансформация в понимании природы государства прослеживается в ходе петровских реформ, когда в России возникает само понятие «отечество», «отчизна»⁴, что знаменовало собой начало принципиально важного для нас процесса — отхода от традиционной трактовки государства лишь как собственности государя. Очевидно, что интересующая нас перемена произошла под влиянием европейских политических идей, — вспомним, что уже один из ближайших сподвижников Петра I, Феофан Прокопович, привносит в Россию новые представления о государстве, учреждаемом ради достижения «общей пользы» в соответствии с «волей народной»⁵ (теория общественного договора). Соответственно,

⁴ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. С. 189.

⁵ Прокопович Ф. Правда воли монаршей // Прокопович Ф. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 350, 357.

расширяется и содержание понятия «служба» — если раньше существовала лишь «государева служба», то теперь говорится и о «службе Отечеству». С петровской эпохи можно проследить и употребление в России слова «нация», которое было заимствовано, по-видимому, из Польши и долгое время оставалось полисемантическим, употребляясь в значении суверенной державы, всего населения страны, а также дворянского сословия⁶.

Разумеется, все сказанное вовсе не означает, что при Петре в России появляется что-то близкое к идее гражданства — весьма показательна в этом смысле введенная царем новая форма члобитных на Высочайшее имя, согласно которой просители должны были подписываться «Вашего Величества нижайший раб такой-то»⁷. Тем не менее импорт из Европы ее политического вокабуляра стал первым важным шагом в сторону переосмысления природы российского государства, отхода от его средневекового понимания, что вело, в свою очередь, к необходимости каким-то образом обозначить, идентифицировать ту общность населения, которая ради «общей пользы» учредила верховную самодержавную власть в своем «отечестве». Отсюда и появление новых терминов, незнакомых допетровской эпохе, — «народ Российский», «нация», «россияне» и т.д.

Следующим логичным шагом стало наделение «народа Российского» какими-то отличительными чертами, конституирующими это сообщество. И здесь зарождающийся русский национализм не демонстрирует никакой специфики — он закономерно следует в русле общеевропейских тенденций, апеллируя, прежде всего, к языку, истории и особому национальному характеру.

Первый видится воплощением национального своеобразия (вспомним известную идею И. Гердера о том, что «душа народа» находит свое выражение в языке), важнейшей предпосылкой появления самобытной культуры. Прославление родного языка можно встретить у многих авторов той эпохи — В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.С. Шишкова. Для последнего «древний Славенский язык» (т.е. церковнославянский) — основа национальной традиции, та самая духовная опора, которой можно противопоставить инозем-

⁶ Миллер А. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 163-164

⁷ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. С. 188.

ное культурное влияние, поэтому столь важно, доказывает он, воспитывать и обучать отпрысков русских дворян не на французском, а на их родном языке, иначе они не станут настоящими русскими.

Не менее языка для националистического дискурса важно и конструирование исторического нарратива, поэтому в XVIII в. начинается активная работа над созданием русской истории. Первоначально у истоков отечественной исторической науки стояли преимущественно немецкие ученые, однако затем возникает идея, что свою национальную историю русские должны писать сами, что история — это, прежде всего, описание подвигов предков, героизация великого прошлого. Отсюда полемика М.В. Ломоносова с «норманнской школой» в историографии, выдвинувшей «антипатриотический» тезис о скандинавском влиянии на зарождение русской государственности, в этом же контексте можно рассматривать и создание первых исторических поэм в России — ломоносовского «Петра Великого» и «Россиады» М.М. Хераскова.

Наконец, третий важный элемент формирующегося националистического дискурса — это так называемый «национальный характер». Ближе к концу XVIII в. в русском образованном обществе становятся крайне популярными выражения типа «душа народа», «народный характер», «национальный вкус», «народное свойство» и другие подобные термины⁸, отражающие распространенные тогда примордиалистские, романтические представления о нации. Так, один из членов «Дружеского литературного общества» А.Ф. Мерзляков много рассуждал об «образованности народной», которая была у него синонимом понятия «национальный характер», — составляют ее «качества врожденные и приобретаемые, которыми отличается один народ от другого, зависящие от климата, религии, правительства»⁹.

Таким образом, можно констатировать, что к рубежу XVIII – XIX вв. многие важные составляющие националистического дискурса вполне укореняются среди русской интеллектуальной элиты: это само понятие нации в значении всего населения страны; идея русского патриотизма; это концепт «народа российского», обла-

⁸ Бадалян Д.А. Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Е. Копосов. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. С. 109.

⁹ Там же. С. 111.

дающего особым национальным характером и другими отличительными свойствами; стремление к развитию русского литературного языка и его популяризации среди «офранцузившегося» дворянства и пр. При этом национализм в России с самого начала появляется как продукт европейского заимствования — петровская вестернизация послужила толчком к возникновению такого рода дискурса, западные веяния определяли и его дальнейшее развитие в XVIII — начале XIX в. Так или иначе, подходя к ключевой для нас фигуре Н.М. Карамзина, мы можем зафиксировать, что формирование его национально-консервативного мировоззрения было уже подготовлено развитием соответствующих идей в российском обществе в предшествующие годы и даже десятилетия.

ВКЛАД Н.М. КАРАМЗИНА В ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В конце XVIII – начале XIX в. события, связанные с Францией, дважды послужили мощным катализатором патриотических и националистических настроений в России: в первый раз причиной стала Великая французская революция, во второй — наполеоновские войны (включая, естественно, Отечественную войну 1812 г.). Творчество Н.М. Карамзина наглядно отражает это воздействие французских или, шире, европейских событий на националистический дискурс в России.

Если влияние наполеоновских войн на формирование русского национализма вряд ли нуждается в объяснении, то его связь с Великой французской революцией все же требует комментариев. А дело заключалось в том, что события революции, в особенности казнь короля и якобинский террор, заставили значительную часть русского образованного класса более настороженно относиться к Европе, откуда исходят столь опасные для существующего порядка веяния. Стремление оградить русское общество от «заразы французской» необходимым образом вело и к поиску каких-то фундаментальных отличий России от Европы — в историческом развитии, в политическом строе, в чертах пресловутого национального характера и т.д. Ведь если мы другие, если мы чем-то сущностно отличаемся от Европы, значит, у нас есть шанс убежать от повторения французского сценария.

В этом контексте становится понятным пристальное внимание Карамзина к русской истории — написав две исторические повести, «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-посадница, или покорение Новгорода», в 1803 г. Карамзин в звании официального историографа начинает многолетнюю работу над «Историей государства российского». Изучение отечественной истории объяснялось, конечно же, не только исследовательским любопытством; Карамзин ставит перед собой две чисто идеологические задачи: (а) «приучить россиян к уважению собственного»¹⁰, иначе говоря, возбудить патриотические настроения и (б) продемонстрировать русскому обществу, в чем состоит его особость, национальная индивидуальность. И можно сказать, что эти задачи во многом были решены. После выхода «Истории государства Российского» образованные «россияне» действительно наконец-то узнали собственное прошлое, вернее увидели его сквозь талантливо сконструированный исторический миф, многие положения которого в разных формах воспроизводятся до сих пор. Хотя Карамзин был не первый, кто взялся за написание фундаментального труда по отечественной истории, все предыдущие попытки были сделаны либо поллатыни и по-немецки (А. Шлецер), либо на архаичном русском языке, с тяжелым и неповоротливым слогом (В. Татищев, М. Щербатов), а потому они не могли оказать большого влияния на русскую культурную жизнь¹¹. Карамзинская же «История» сразу стала одной из самых читаемых книг того времени, что безусловно стало важным моментом в формировании национального самосознания и русского патриотизма.

Что касается второй задачи — обнаружения в прошлом какой-то исконной русской самобытности, то Карамзин справляется и с ней, находя эту особость в самодержавии. Последнее превращается у него не просто в основу политической традиции, но в *сущностную черту русскости как таковой*. Быть русским значит любить царя, это чувство Карамзин делает одной из главных черт русского национального характера, тем, что принципиально отли-

¹⁰ Карамзин Н.М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Karamzin.net.ru. — <http://www.karamzin.net.ru/lib/al/book/3538> (ноябрь, 2015).

¹¹ Thaden E.C. The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia // The American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13. № 4. P. 506-507.

чает русских от народов Западной Европы, где отношения между властью и обществом нередко основывались на конфликте. Давние патерналистские чувства русского народа есть гарантия того, что политическое развитие России не пойдет по революционному европейскому пути. Тем самым, как верно отмечает В. Живов, у Карамзина концепт нации не противопоставляется абсолютной монархии, но дает последней новую легитимность¹², ведь самодержавие есть то, что отвечает глубинным свойствам русского национального характера. Поэтому-то Карамзину крайне важно показать органичность самодержавия для России; стремясь максимально удлинить отечественную патерналистскую традицию, он уже призвание Рюрика в Новгород называет «основанием монархии»¹³, ставя тем самым знак равенства между политической историей русских и историей самодержавия.

Все это делает национализм Карамзина весьма своеобразным. С одной стороны, в нем совершенно отсутствует не только принцип суверенитета народа, но также и гражданского равенства — в «Записке о древней и новой России» Карамзин прямо защищает сословные привилегии, утверждая, что к России вообще неприменимо понятие общегражданских прав. Таким образом, Карамзиным по понятным причинам отвергается концепт политической нации, идущий от Великой Французской революции. С другой стороны, его нельзя назвать в полной мере и сторонником культурной трактовки нации, которая обычно связывается с традицией немецкого романтизма. Увлеченность Карамзина описанием «необходимости самовластья» приводит к тому, что общая культурная идентичность «россиян» становится для него вопросом вторичным. В этом смысле Карамзин, пожалуй, квази-националист, его «монархический патриотизм»¹⁴ — явление переходное, пытающееся примирить традиционный тип легитимации власти, основанный на лояльности монарху, с нарождающимся национальным типом легитимации.

¹² Живов В. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 129.

¹³ Карамзин Н.М. История государства Российского в XII томах. В 3 кн. М.: АСТ; Изд-во «Хранитель», 2007. Кн. 1. С. 86.

¹⁴ Raeff M. At the Origins of a Russian National Consciousness: Eighteenth Century Roots and Napoleonic Wars // The History Teacher. 1991. Vol. 25. № 1. P. 18.

Кроме того, Карамзин не делает и другого шага, характерного для более поздних националистов, — он почти не пытается выделить собственно русских среди других народов империи, не стремится очертить границы «исконных русских земель», русской национальной территории и как-то соотнести их с общеимперским пространством¹⁵. Столь любимое им слово «россияне» означает у него просто жителей России, всех подданных русского царя, а не этнических русских. Это явно видно, в частности, по тексту под названием «Мнение русского гражданина», адресованному Александру I в связи с его планами восстановления польской государственности. Осуждая все подобные проекты, Карамзин, среди прочего, замечает, что «Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас опаснее Поляков-Россиян»¹⁶.

Можно упомянуть еще одну особенность национально-консервативного мировоззрения Карамзина: при всей своей настояренности по отношению к политическому развитию Европы и критике галломании среди русских дворян, он вовсе не антизападник. Карамзин как автор «Писем русского путешественника», написанных в ходе его поездки по Европе, кажется мне едва ли не лучшим воплощением феномена русского европейца. Он предстает там как человек, который привязан к своей стране, но вместе с тем чувствует себя в Европе как дома, он прекрасно знаком с западной культурой, говорит на трех европейских языках, он запросто заходит в гости к И. Канту, чтобы выразить ему свое почтение и т.д. И все же Карамзин, возможно, сам того не желая, стал, как мне кажется, фигурой во многом рубежной, знаменующей собой возникновение нового типа дискурса об отношении России к Западу. Если среди русских интеллектуалов XVIII в. практически безраздельно господствовал концепт «российской Европии», т.е. идея России как части Европы, в чем-то еще отсталой, но успешно преодолевающей свое отставание благодаря гению Петра, то на рубеже XVIII–XIX вв. возникают предпосылки для альтернативных

¹⁵ Подробнее о том, как решал эту проблему более поздний русский национализм см.: Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛЮ, 2008. С. 69–71, 147–171.

¹⁶ Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 365–366.

представлений о цивилизационной идентичности России. Дискурс о «неевропейскости» России складывался постепенно — Карамзин, испугавшись западной «свободы, равенства и братства», поспешил указать на русскую особость исключительно в политической сфере, фактически сделав патернализм главным отличием русских от западных народов; славянофилы, творчески развив эту карамзинскую идею, добавили к ней целый комплекс различий между Россией и Западом, вроде русского общинного духа, православной духовности и пр. А уже во второй половине XIX в. среди русских националистов и консерваторов возникнет тот самый *рес-сентимент* в отношении Запада, о котором писала Л. Гринфельд, ошибочно назвав его *истоком* русского национализма. Наверное, можно сказать, что окончательный переход от идеи «российской Европы» к модели «Россия и Европа» очевиден в концепции Н.Я. Данилевского, автора одноименной работы.

Возвращаясь к эпохе Карамзина, замечу также, что серьезной проблемой для формирующегося русского национализма стал культурный разрыв между элитой и народом, корень которого виделся в петровских реформах. То, что элита говорит на другом языке, нежели остальное население, имеет иную культуру и образ жизни, не считалось чем-то аномальным в донационалистическую эпоху. В династическом государстве элита часто даже стремилась подчеркнуть свое иноэтническое происхождение. Однако националисты, рассматривающие народ как единое целое, как живой организм, уже считают культурный раскол патологией, которую необходимо устранить. Галломанию русского дворянства высмеивали многие интеллектуалы еще екатерининской эпохи — Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков и пр., — однако Карамзин был одним из первых, кто в этом вопросе пошел гораздо дальше сатиры и различных острот, пытаясь концептуально обосновать ложность существующего в русском обществе положения. Он доказывает, что нация в идеале составляет некую неразрывную целостность, ибо люди, в нее входящие, должны чувствовать и думать одинаково: «Жители одного государства образуют всегда, так сказать, электрическую цепь, передающую им одно впечатление посредством самых отдаленных колец или звеньев»¹⁷. Это органическое единство и было утрачено в России в ходе петровских реформ: «Русский земледелец, мещанин, купец увидел

¹⁷ Там же. С. 232.

Немцев в Русских Дворянах», у последних же сформировалось чисто космополитическое сознание (они «стали гражданами мира»). В результате ослабел «дух народный»¹⁸.

Позже ламентации по поводу культурной раздвоенности русского народа станут неотъемлемой частью риторики славянофилов и почвенников. Русские самобытники, вслед за Карамзиным, будут видеть в сосуществовании высокой европеизированной культуры элит и автохтонной культуры масс какую-то уродливую особенность отечественной жизни, хотя в действительности культурная пропасть между элитой и народом не была уникальным российским явлением, скорее спецификой России было то, что у нас этот разрыв практически не сокращался до 1917 г. Культурная разорванность русского общества ставила перед национально мыслящими представителями дворянства болезненный вопрос о своем месте в составе русского народа — могут ли вообще представители этого «поврежденного класса полуевропейцев» (формулировка А.С. Грибоедова) считаться частью национального тела?

Нетрудно догадаться, что выход из этого положения Карамзин видел в русификации русского образованного общества. Как литератор он обращал внимание, в первую очередь, на развитие русского языка, видя своей главной задачей, чтобы русское дворянство снова начало говорить и думать по-русски. С этим связана деятельность Карамзина как издателя — желая, чтобы русская образованная публика читала отечественную литературу, он выпускает первые в России литературные альманахи — сборники стихов («Аониды») и прозы («Аглая»); издает «Пантеон российских авторов».

Наконец, нельзя не сказать об еще одном казусе, с которым регулярно сталкивались русские консерваторы и националисты и который также обнаруживается в творчестве Карамзина: как защищать одновременно самодержавие и национальную традицию, если верховная власть сама подчас становится радикальным разрушителем традиций¹⁹? А таких примеров в последние 200 лет существования царизма было довольно много — петровская эпоха,

¹⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Hist.msu.ru. — <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/karamzin.htm> (ноябрь, 2015).

¹⁹ Подробнее об этом см.: Мусихин Г.И. Противоречие авторитета и традиции в мировоззрении немецких и российских консерваторов // Полис. 1999. № 1.

реформы М.М. Сперанского и Александра II, Манифест 17 октября 1905 г. Карамзин, кажется, был первым, кто столкнулся с этой проблемой в «Записке о древней и новой России»: с одной стороны, самодержавие «есть палладиум России», Россия всегда «спасалась мудрым самодержавием» и само существование этого института придает целостность нашей тысячелетней истории; с другой стороны, Карамзину приходится признать, что самодержавие в лице Петра I произвело действия, катастрофичные по своим последствиям для всего русского общества, для национального духа, для многовековой традиции; а сейчас (в царствование Александра I) власть вторично хочет сделать вещи не менее страшные: отменить крепостное право, дать конституцию и т.д. «Всякая новость в государственном порядке есть зло», объявляет в «Записке» ее автор, но что делать, если причиной этого зла становится сила, как раз и призванная служить *основанием* государственного порядка? На мой взгляд, внятного ответа на этот вопрос Карамзин не дает, не смогли этого сделать и люди, в той или иной мере продолжавшие заложенную им интеллектуальную традицию. Национализм в до-революционной России так и не разорвет своей прочной связи с консерватизмом и монархизмом, в итоге он будет совершенно отделен «от идей конституционализма, светскости и демократизма»²⁰. Наверное, одно из немногих исключений — это декабристы, у которых как раз прослеживалась идея суверенной политической нации на французский манер: «Русская Правда» П.И. Пестеля, т.е. фактически конституция России, должна была быть принята от имени «Великаго Народа Российскаго»²¹.

При этом интересно, что, несмотря на преимущественно консервативный характер русского национализма, у власти долгое время сохранялись довольно сложные отношения с ним. Помимо того, что любой национализм как бы априори вызывал подозрения в политической неблагонадежности из-за его идейной связи с революциями и восстаниями против имперской власти (например, польское восстание 1830–1831 гг.), существовала также боязнь, что националистический принцип подорвет традиционную имперскую легитимность элит и будет угрожать целостности империи. Ведь выделение каких-то элементов внутри имперского тела (с

²⁰ Миллер А. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 178.

²¹ Там же. С. 170.

одной стороны русские, с другой — прочие народы) так или иначе разрывало единство империи, сегментировало ее. И не важно, шла ли речь о периферийном антиимперском национализме поляков или финнов, или о национализме «государствообразующего» русского народа. Отношение самодержавия к русскому национализму принципиально изменилось лишь с правления Александра III и особенно в годы царствования Николая II, когда острый кризис монархии заставил ее обратиться к крайнему национализму в лице «черной сотни».

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Как было показано в статье, Н.М. Карамзин вполне может рассматриваться как один из основоположников не только консервативного, но и националистического дискурса в России. При этом интерес к фигуре Карамзина в контексте разговора о зарождении идей национализма в России определяется, во-первых, глубиной его рефлексии — в своем творчестве Карамзин, по сути, реагирует на те же вопросы, что и многие его современники, но там, где у Д.И. Фонвизина или Я.Б. Княжнина видна лишь сатира драматургов, у Ф.В. Ростопчина эмоциональность памфлетиста, Карамзин стремится выстроить более или менее стройную теоретическую конструкцию. Во-вторых, Карамзин сумел наметить ряд важных тем, которые и в дальнейшем будут волновать многих русских националистов (проблема культурного раскола в обществе, обоснование русской национальной специфики и пр.); Карамзин заложил и определенные мировоззренческие тенденции, присущие всему русскому национализму по крайней мере до 1917 г. (его сугубо консервативный и антизападнический характер, неотъемлемая связь с монархизмом). В-третьих, Карамзин в немалой степени способствовал появлению у русского национализма какой-то реальной основы в виде готового исторического нарратива, собственной национальной традиции, к которой можно апеллировать, а также разработанного национального языка.

Вместе с тем, относя Карамзина к числу мыслителей, создававших националистический дискурс в России, стоит еще раз подчеркнуть, что в конце XVIII – первой половине XIX вв. в России затруднительно обнаружить идею национализма в чистом виде — патриотизм и национальная идентичность еще часто определяются

в духе прежней донациональной эпохи через служение царю и православную веру. Не было в большом ходу в обозначенный период времени и само слово «нация», гораздо чаще говорили о народе, затем в 1820-е гг. П.А. Вяземский изобрел слово «народность», которое в конечном итоге подхватывает граф С.С. Уваров и привносит его в официальный дискурс (уваровская триада) как вариант перевода на русский язык слова «нация», которое бы не содержало нежелательных для самодержавия коннотаций²².

В мою задачу не входит рассмотрение дальнейших перипетий развития русского национализма даже до 1917 г. — в истории этого идеологического течения было много интересных персоналий и любопытных дискуссий, у меня нет также возможности затронуть такую важную тему, как инкорпорирование национализма в официальную идеологию Российской империи, начало «национализации» империи при Николае I²³. Все эти темы далеко отстоят от вопросов, волновавших Н.М. Карамзина и других интеллектуалов его эпохи, однако, обратиться к истокам какого-то явления всегда бывает интересно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадалян Д.А.* Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Е. Копосов. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Алетей, 2006. С. 108–122.
- Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. 527 с.
- Живов В.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114–140.

²² *Миллер А.* История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 168–169, 173–174.

²³ Подробнее об этом см.: *Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004; *Миллер А.И.* Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004.

- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Hist.msu.ru. — <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/karamzin.htm> (ноябрь, 2015).
- Карамзин Н.М.* История государства Российского в XII томах. В 3 кн. М.: АСТ; Изд-во «Хранитель», 2007. Кн. 1. 668 с.
- Карамзин Н.М.* Мнение русского гражданина // *Карамзин Н.М.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 363-366.
- Карамзин Н.М.* О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Karamzin.net.ru. — <http://www.karamzin.net.ru/lib/al/book/3538> (ноябрь, 2015).
- Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. Учебное пособие. М.: КДУ, 2005. 315 с.
- Миллер А.И.* Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 263-285.
- Миллер А.* История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 162-186.
- Мусихин Г.И.* Противоречие авторитета и традиции в мировоззрении немецких и российских консерваторов // Полис. 1999. № 1. С. 175-184.
- Прокопович Ф.* Правда воли монаршей // *Прокопович Ф.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 328-382.
- Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 163-196.
- Raeff M.* At the Origins of a Russian National Consciousness: Eighteenth Century Roots and Napoleonic Wars // The History Teacher. 1991. Vol. 25. № 1. P. 7-18.
- Thaden E.C.* The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia // The American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13. № 4. P. 500-521.

D.E. LETNYAKOV

N.M. KARAMZIN'S IDEAS
AND THE ORIGIN OF RUSSIAN NATIONALISM
IN THE LATE 1700S – THE EARLY 1800S

The paper is devoted to the process of formation of nationalist ideas in Russia by the close of XVIII and the early XIX centuries.

The author considers the terms and the causes of these ideas' rise, their development and different collisions concerned with adoption of European idea of nation in autocratic, estates system and empire state. It is shown that N.M. Karamzin played a crucial role in the genesis of Russian nationalist discourse so his philosophical heritage should be estimated not only with reference to ideology of Russian conservatism but in the context of nationalism.

Key words: N.M. Karamzin, nationalism, conservatism, ideology, Russia, Europe, nation, the people (narod), narodnost'.

В.Л. ШАРОВА

«ДЛЯ СУЩЕСТВА НРАВСТВЕННОГО НЕТ БЛАГА БЕЗ СВОБОДЫ...»

**Н.М. КАРАМЗИН ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЕ**

В статье раскрывается ряд аспектов понятия свободы в политической философии Николая Михайловича Карамзина. Делается акцент на соотношении морали и политики в концепции Карамзина; при этом высказывается предположение, согласно которому консервативная позиция, традиционно приписываемая Карамзину, не противоречит органичному присутствию в теории мыслителя идеи свободы, присущей не только либеральному дискурсу, но и философии эпохи Просвещения в целом. В контексте рассуждений о свободе анализируются взгляды Карамзина на природу наилучшего правления, при этом, в частности, подвергается сомнению тезис о том, что «республиканец в душе» Карамзин был исключительным апологетом русского самодержавия.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, философия истории, философия политики, история России, свобода, либерализм, консерватизм, политика и мораль, республика, самодержавие.

Что представляет собой соотношение свободы и порядка, одно ли и то же свобода и воля, как взаимодействуют друг с другом мораль и политическая целесообразность? Всё это вопросы, принципиально важные для политической философии в целом и для неё же в отечественном изводе — в частности. На протяжении вот уже столетий они не теряют своей актуальности; зачастую для того, чтобы полнее и глубже проанализировать современное состояние подобных дискуссий, необходимо обращаться к их истокам, к тем идеям, что составляют фундамент российской историко-философской и общественно-политической мысли. В этом смысле сочине-

ния Николая Михайловича Карамзина сегодня, в год 250-летия со дня рождения писателя и мыслителя, продолжают давать чрезвычайно богатую и разнообразную пищу для размышлений.

«Для существа нравственного нет блага без свободы...» Эта цитата, вынесенная нами в заглавие настоящей статьи — из небольшого текста (по сути, просто наброска) Карамзина, имеющего название «Мысли об истинной свободе». Относящийся к последнему году жизни историографа, он в некотором смысле в сжатой форме суммирует предшествующие размышления Карамзина о том, что же является истинным благом для человека и народов в отношении государственного управления и общественного устройства. Эволюция рассуждений Карамзина о свободе политической и человеческой, свободе «вообще» — предмет нашего краткого исследования.

«Свобода» является основной и центральной ценностной категорией либерализма, так же, как «традиция» — консерватизма; эти, казалось бы, прописные истины политической философии при ближайшем рассмотрении требуют прояснения и уточнения, в том числе и в контексте философии Карамзина, считающегося «отцом-основателем» русской консервативной мысли.

«Личная свобода — вот подлинная современная свобода; политическая свобода выступает ее гарантом. Но требовать от нынешних народов, как от древних, пожертвовать всей их личной свободой ради политической свободы — самый верный способ заставить народы отрешиться от личной свободы; когда это удастся, то у них вскоре похитят и свободу политическую»...¹. «Значение свободы для каждого отдельного человека состоит в том, что он может поступать так, как ему нравится: мы должны понять, что ему нравится, прежде чем пришло время поздравления, которые в скором времени могут обернуться болезнованиями. Осторожность требуется даже тогда, когда речь идет об отдельном, частном человеке; но свобода, когда она становится принадлежностью массы, обретает власть»².

¹ *Констан Б.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 97.

² *Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию, в письме, предназначенном для парижского дворянина, написанном достопочтенным Эдмундом Бёрком // Электронная библиотека «Гумер». — http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php (август, 2016).

Сравнивая эти две цитаты, мы едва ли увидим в них разницу, что называется, концептуальную: обе они, очевидно, относятся к одному проблемному полю, и могли бы — теоретически! — выйти из-под пера одного автора. Между тем, первая из них принадлежит одному из виднейших теоретиков либерализма Бенжамену Констану (пассаж из его знаменитой лекции «О свободе у древних в её сравнении со свободой у современных людей»), а вторая — Эдмунду Бёрку, британскому политическому мыслителю, идеологу консерватизма в его классической версии. Это не случайное совпадение.

Само понятие «свобода» в политической философии эпохи Просвещения отнюдь не ограничено либеральным дискурсом. Пристальное внимание к этой проблематике универсально для всей эпохи: о свободе, как политической, так и духовной, рассуждали и либералы, и консерваторы, и те, кому, скажем так, предстояло стать социалистами (в частности, Жана-Жака Руссо сложно отнести к какому-либо из этих двух лагерей, при том, что размышления о сути свободы в обществе занимают существенное место в его теории). Конечно, речь идёт о дискуссии, подчас весьма ожесточенной — интерпретации свободы у представителей разных интеллектуальных лагерей существенно различаются. Тем не менее, в самой связке «свобода — консерватизм» нет ничего принципиально противоречивого. Посмотрим, как эта связка «работает» в концепции Н.М.Карамзина.

Уникальная роль Карамзина в отечественной культуре заключается в том, что именно ему суждено было стать первопроходцем во многих отношениях и областях: прежде всего, в исторической науке, в становлении нового литературного и разговорного языка (многими из неологизмов, введенных Карамзиным, мы до сих пор пользуемся, не отдавая себе отчёта в том, каково их происхождение), но и в политической философии значение Карамзина нельзя недооценивать. Собственно, сам его понятийный аппарат — а Карамзин говорит о тирании, о республике и республиканцах, о либералах, революции (ниже мы несколько подробнее обратимся к этой теме), о свободе — одно только это уже вполне даёт Карамзину «прописку» в пространстве европейской философии Просвещения, в общественно-политической мысли его времени. Есть даже точка зрения, согласно которой Карамзин был ни кем иным, как первым русским политологом! (Такой позиции придерживается, в

частности, Ю. Пивоваров, предположивший, что, в частности, «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» суть «один из первых у нас опытов ретроспективной и сравнительной политологии»: довольно смелое утверждение, с учетом, тем более, некоторой непроясненности относительно корней отечественной политической науки вообще, но отнюдь не лишённое оснований). Интересно, кстати, что сам Карамзин политику как таковую длительное время не жаловал, вполне в духе своего времени отказывая ей в публичности и противопоставляя её открытой дискуссии. «Я представил бы Кардинала не с Христианскою, святою Религиею, а с чудовищем, которое называется Политикою», так характерно пишет Карамзин о своих размышлениях на могиле одного из самых значительных политических деятелей Золотого века Франции — кардинала Ришелье, и тут же цитирует Вольтера:

Дщерь гордости властолюбивой,
Обманов и коварства мать,
Все виды может принимать:
Казаться мирною, правдивой,
Покойною в опасный час;
Но сон вовеки не смыкает
Ея глубоко-впавших глаз;
Она трудится, вымышляет;
Печать у Истины берет
И взоры обольщает ею;
За Небо будто восстает,
Но адской злобою своєю
Разит лишь собственных врагов...³.

Но, по мере того, как трансформируется общественно-политический ландшафт России рубежа XVIII – XIX веков, взгляды Карамзина на природу политического и на его собственную роль в политическом процессе претерпевают ряд изменений. В 1796 году умирает Екатерина II; со смертью императрицы завершается эпоха, которая Карамзиным не раз, прямо или косвенно, будет представлена как весьма достойный вариант государственного правления: не идеализируя её, историк всё же видел многочисленные преимущества царствования Екатерины, вполне вписывающегося в рамки «просвещенной монархии», а недостатки его

³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда. Главная редакция восточной литературы. 1988. С. 375.

усматривал, опять же, в области нравов. «У нас были академии, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и великая монархия, — не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни» — эта характеристика, сформулированная Карамзиным в «Записке о древней и новой России...» очевидно связывает «хорошее правление» (популярное в современной политической науке понятие «good governance», в противопоставлении «bad governance») с определенным состоянием духа общества⁴. В этом же духе рассуждает Карамзин-политик, в таком «амплуа» предстающий по завершении эпохи Павла I (которая историку виделась в довольно мрачных тонах) и в начале нового царствования — Александра I. Александр, обнадеживший многих заверениями в том, что будет верен «политическому курсу» своей бабки, Екатерины II, поначалу вызывал энтузиазм у Карамзина: последний тогда видел свою роль и в том, чтобы давать своеобразные философские наставления молодому царю. В это время тема свободы звучит у Карамзина в духе не философско-отвлеченном, но вполне конкретном.

Короны блеском ослепленный,
Другой в подвластных зрит — рабов;
Но ты, душою просвещенный,
Не терпишь стука их оков;
Тебе одна любовь прелестна,
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарным быть?
Любовь со страхом не совместна;
Душа свободная одна
Для чувств ее сотворена...

Так пишет Карамзин в стихотворении по случаю коронации Александра, и продолжает следующим образом:

Свобода там, где есть уставы,
Где добрый не боясь живет;
Там рабство, где законов нет,
Где гибнет правый и неправый!

⁴ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991 г. С. 44.

Свобода мудрая свята,
Но равенство одна мечта⁵.

Фактически готовое определение свободы «по Карамзину», в либерально-консервативном духе. По крайней мере, в его тогдашнем видении: философ сам еще достаточно молод, и мы еще не видим здесь той разочарованной, во многом скептической интонации, которая будет гораздо позже читаться в «Мыслях об истинной свободе». Связь свободы с законностью и благом, соотносительность всех этих категорий, в свою очередь, с *ratio* вообще — идея, не то что бы изобретенная Карамзиным; для XVIII в. подобные дискуссии более чем характерны: от Хатчесона до Руссо, от Юма до Вольтера — кто только не поднимал эти темы. Особняком в длинном ряду просветителей — фундаментальная фигура Иммануила Канта, которая особенно интересна в контексте эволюции карамзинской концепции свободы еще и потому, что русский писатель и прусский философ — не просто современники, но и собеседники.

С позиций кантовской этики, свобода есть сущностная характеристика человека, но что касается нравственности — то это, позволим себе такую формулировку, лишь одна из возможных опций: как сфера свободы мораль даёт человеку возможность действовать автономно, соотнося свою деятельную волю лишь с нравственным законом (кантовский «категорический императив»). В этом заключается такой аспект свободы, как добрая воля человека — разумного и потенциально нравственного существа. Карамзина, конечно, нельзя назвать кантианцем, но весьма красноречив описанный им в «Письмах русского путешественника» эпизод встречи его лирического героя, молодого русского дворянина и писателя, с кенигсбергским философом. Это, кстати, вообще одно из первых значительных впечатлений путешественника в его странствиях — от границы своей родины он в тот момент удалился не столь уж далеко.

Вопрос, который, прежде всего, по замечанию самого Карамзина, интересовал его в беседе с Кантом — именно нравственность; в его изложении взгляды философа на это свойство челове-

⁵ Карамзин Н.М. На торжественное коронование его императорско-го величества Александра I, самодержца всероссийского // Русская виртуальная библиотека. — <http://rvb.ru/18vek/karamzin/1bp/01text/01text/143.htm> (август, 2016).

ческой натуры представлены в довольно пространной цитате. Человек, замечает Кант в пересказе своего гостя,

«...не может быть никогда совершенно доволен обладаемым и стремится всегда к приобретениям... Дай человеку все, чего желает, но он в ту же минуту почувствует, что это все не есть все. Не видя цели или конца стремления нашего в здешней жизни, полагаем мы будущую, где узлу надобно развязаться. <...> Помышляя о тех услаждениях, которые имел я в жизни, не чувствую теперь удовольствия, но, представляя себе те случаи, где действовал сообразно с законом нравственным, начертанным у меня в сердце, радуюсь. Говорю о нравственном законе: назовем его совестью, чувством добра и зла — но они есть»⁶.

Не случайно, что названия сочинений Канта, которые записывает путешественник, дабы потом ознакомиться с ними — «Критика практического разума» и «Метафизика нравов» (имеется в виду, конечно, «Основы метафизики нравственности», вышедшие в свет в 1785 г.; собственно «Метафизика нравов» же была опубликована лишь в 1797 г., путешествие же молодого Карамзина по Европе состоялось в 1789–1790 гг.) Оба этих труда Канта были посвящены этико-философским размышлениям; таким образом, уже в этом небольшом сюжете мы можем усмотреть некоторые контуры анализируемого нами условного треугольника «свобода — нравственность — благо». И в более поздних сочинениях Карамзин так или иначе возвращается к этой проблематике; зачастую она приобретает не только общеполитическую, но и выраженную общественно-политическую окраску, и к тому же неразрывно связана с тем вкладом, который Карамзин внёс в развитие русской литературы. Говорим — Карамзин, подразумеваем — сентиментализм, но что это за *sentiment*, «чувство», лежащее в основе литературной традиции XVIII – начала XIX столетий и послужившее основой немалого числа философских сочинений, в том числе — и в первую очередь — вышедших из-под пера одного из основоположников сентиментализма, Жана-Жака Руссо.

По Руссо, человек не только разумен — он ещё и сострадателен, его разум — разум нравственный⁷, хотя здесь вполне уместен

⁶ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда. Главная редакция восточной литературы. 1988. С. 53.

⁷ Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М. Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской политической мысли. М.: Аквилон, 2015. С. 67.

вопрос: до какой степени это свойство присуще только лишь человеку (ведь сострадать в каком-то смысле могут и животные). Что же до свободы, то она есть уникальное качество человека, другое дело, что проблематизируется она не в естественном состоянии, а позже, по достижении стадии гражданственности, и, по сути, является следствием преодоления самой природы («чтобы установить рабство, пришлось совершить насилие над природой», прямо формулирует Руссо)⁸.

Зачастую то влияние, которое на Карамзина оказал Руссо, интерпретировалось достаточно узко, даже односторонне: так, видный литературовед XIX в., Александр Пыпин, например, вовсе отказывал Карамзину в последовательности и глубине, списав отзывы «поклонника Руссо» о событиях во Франции (в «Письмах русского путешественника») на молодость и поверхностность суждений, альтернативные же мнения приписав «панегиристам» и «апологистам» писателя и заметив, что довольно скоро «Карамзин очень последовательно пришел к консерватизму, вообще самому непривлекательному»⁹.

Вопрос, однако, не так прост. Рассуждать о консерватизме в контексте начала XIX века — значит, так или иначе обращаться к проблематике революции вообще и прежде всего вполне конкретной — революции во Франции (которая на тот момент еще не успела обзавестись приставкой «Великая», но будоражила умы интеллектуалов по всей Европе, независимо от их идеологических пристрастий). Крайне негативное отношение свежее испеченных консерваторов к революции, собственно, рождение консерватизма из духа революционаризма — это верно в целом, но требует пояснения в частности.

Действительно, с одной стороны, Карамзин отзывается о революции во Франции как об «ужасной» (в частности, в «Записке о древней и новой России»), но, на наш взгляд, более интересен его взгляд уже не только и не столько как придворного советника и в каком-то смысле ментора самодержца («Записка...» была, как известно, адресована царю Александру I через посредничество его

⁸ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Электронная библиотека «ЛитМир». — <http://www.litmir.co/br/?b=157480&p=20> (август, 2016).

⁹ Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I // AZ.LIB.RU. — http://az.lib.ru/p/pypin_a_n/text_0020.shtml (август, 2016).

сестры, великой княгини Екатерины Павловны), но как исследователя с оригинальными и вполне независимыми воззрениями. Их мы можем видеть в статье «Несколько слов о русской литературе», которая была опубликована в журнале «Spectateur du Nord» («Северный вестник») в октябре 1797 г. Статья стала своеобразным комментарием к вышеупомянутому эпистолярному роману «Письма русского путешественника», в котором Карамзин, будучи в Париже, уже обращается к размышлениям о революции. В этой статье он уточняет и развивает те соображения, которые ранее были им высказаны вскользь.

«Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков», — пишет историк. «Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел... Я слышу пышные речи за и против; но я не собираюсь подражать этим крикунам. Признаюсь, мои взгляды на сей предмет недостаточно зрелы. Одно событие сменяется другим, как волны в бурном море; а люди уже хотят рассматривать революцию как завершённую. Нет. Нет. Мы ещё увидим множество поразительных явлений. Крайнее возбуждение умов говорит за то. Я опускаю занавес»¹⁰.

Карамзин-литератор, предположим мы, здесь всецело уступает место Карамзину-историку и даже, может быть, более — Карамзину-философу.

Колоссальное значение революции как феномена совершенно нового, во всех отношениях новаторского, на тот момент было отнюдь не очевидно не только для российских мыслителей, но и для их европейских коллег. Революциям только предстояло стать существенным маркером эпохи Модерна и во многом — самим истоком Современности: далеко уйти от своего первоначального, этимологического смысла «вращения» и «возвращения» и задать тон решительных и масштабных преобразований всего прежнего уклада — политического, экономического, культурного и т.д. Но, как часто бывает в подобных случаях, эти размашистые мазки на полотне истории можно было как следует рассмотреть лишь на некотором удалении (в хронологическом смысле). Карамзин, таким образом, делает глубокое и прозорливое замечание, рассуждая

¹⁰ Карамзин Н.М. Несколько слов о русской литературе // Русская виртуальная библиотека. — http://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/_01text/vol2/02criticism/52.htm (август, 2016).

не только как историк (ретроспективно), но и как прогностик (перспективно).

В прикладном смысле революция отнюдь не представлялась Карамзину вестницей и носительницей свободы — не только лишь потому, впрочем, что она имела своей целью сокрушение монархии. Может показаться парадоксальным, но самых радикальных поборо-ников революции — якобинцев — «республиканец в душе» Карам-зин винит не за то, что они уничтожили прежний порядок, ассоции-ровавшийся в первую очередь с абсолютной монархией но за то, что они скомпрометировали саму идею республики. В этом смысле для Карамзина следующий лишь своей прихоти самовластный монарх и радикальный революционер — явления в равной степени нежела-тельные, опасные и *безнравственные*, способные породить лишь тиранию и хаос. Не случайно в «Записке о древней и новой Рос-сии...» Карамзин сравнивает приспешников Робеспьера и русского императора Павла I: никакого противоречия в этом сравнении, если следовать логике Карамзина, нет: ведь «что сделали якобинцы в от-ношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодер-жавию: заставил ненавидеть злоупотребления оногo...».

Таким образом, самодержец Павел попадает, по Карамзину, в тот же ряд несимпатичных персонажей русской политической ис-тории, что и Иван IV («Ивашкины злодейства», так именовал автор посвященный эпохе Ивана Грозного IX том «Истории государства Российского»...) Царь Иоанн, обладавший и природным умом, и образованностью, тем не менее, стал одним из самых жестоких правителей, «беспримерных тиранов» в отечественной истории (так что трактовать феномен просвещения в узком смысле интел-лектуализма нельзя — по крайней мере, в отношении теории Ка-рамзина)¹¹. Размышления о личности и правлении этого монарха, кстати, вполне вписываются в жанр, о котором принято говорить применительно к гораздо более позднему периоду: жанр психо-биографического портрета¹².

Сегодня же, добавим, когда общественная дискуссия о воз-можной установке памятника Ивану IV набирает нешуточные обо-

¹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX // Москва. №8. М.: Художественная литература. 1989 г. С. 147

¹² Часто можно встретить точку зрения, согласно которой автором первых психобиографических портретов был Зигмунд Фрейд, предло-живший этот метод лишь в начале XX века.

роты, иным уже современным политическим деятелям, смело записывающим себя в ряды консерваторов и государственников, не мешало б перечесть классика консерватизма и мыслителя, безусловно, радевшего о благе государства...

В этом же перечне исторических фигур, с оговорками, и Пётр I. Он, при всём своём величии (этого историк не отрицает), подвергается критике Карамзина за то, что «унижал россиян в собственном их сердце», при том, что «еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей...» «Петр, любя в воображении некоторую свободу ума человеческого, долженствовал прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания своих, впрочем, столь верных подданных» — в этом замечании Карамзина, полагаем мы, содержится существенный смысл его воззрений на природу властвования: что должно и чего не должно делать тому, кто оказался наделен столь обширной властью над людьми. Но где пределы этой власти? Если над государством и обществом власть монарха сообразна закону земному и Божиему (это имеет в виду Карамзин, утверждая, что «самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для её счастья»¹³), то над частным человеком нет власти, кроме высшей — божественной и моральной. Это касается не только правления монархического: ведь и «республика без добродетели и геройской любви к отечеству есть неодушевленный труп»¹⁴. И, превыше всего: «просвещение есть палладиум благонравия» — фактически, формула всей карамзинской этики¹⁵.

Пусть имя Карамзина и не в первую очередь приходит в голову, если мы говорим о мотиве свободы в русской философии, в отечественной общественно-политической мысли. Но не случайно, например, Ю. Лотман в классическом для карамзиноведения труде «Сотворение Карамзина» делает акцент на такой ипостаси свободы у писателя, как свобода творца, художника — то есть свободы ин-

¹³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 105.

¹⁴ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Литература и жизнь. — http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_is-toricheskoe_pohvalnoe_slovo.html (август, 2016).

¹⁵ Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Русская виртуальная библиотека. — http://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/_01text/vol2/02criticism/49.htm (август, 2016).

теллектуальной и моральной *par excellence*¹⁶. Конечно, было бы слишком большим преувеличением приписывать Карамзину освободительный пафос в его непосредственном, практическом смысле — применительно, допустим, к вопросу, принципиально важному для всей русской общественно-политической мысли XIX века: вопросу о крепостной зависимости крестьянства. Интересно, однако, что здесь мыслитель не просто верен классическому консервативному видению общества как соединения естественно неравных в социальном смысле индивидов: его обоснование юридической и фактической несвободы большей части граждан российского государства имеет более развернутый характер, хотя и весьма осторожный.

«Мне кажется, — уклончиво рассуждал Карамзин, — что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным...» Прежде чем человека освободить, необходимо его просветить: не просто образовать, но и улучшить его моральные качества, полагал мыслитель. И в этом смысле он вполне верен себе, продолжая напутствие следующим образом: «Государь! История не упрекнет тебя злом, которое прежде тебя существовало (положим, что неволя крестьян и есть решительное зло), — но ты будешь ответственать Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных Уставов»...¹⁷.

По замечанию историка Ю.С. Пивоварова, Карамзин стал первопроходцем в создании русской модели независимого человека. Модель эта, на наш взгляд, одновременно и европейская — ведь её источником послужила философия Просвещения, самый дух её — но и глубоко самобытная по сути. Идея возможности непрерывного совершенствования человека, развития его интеллектуальных и моральных свойств, столь характерная для просвещенческой традиции, у Карамзина прочитывается как бы в двух фокусах: с одной стороны, с позиции консервативного подхода, выстроенного на сбережении и продолжении традиции, а с другой — либеральной идеи ценности человеческой личности, свободы и ответственности каждого

¹⁶ Лотман Ю.Н. Сотворение Карамзина // Электронная библиотека «ЛитМир». — <https://www.litmir.co/br/?b=157092&p=6> (август, 2016).

¹⁷ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991 г. С. 74.

разумного существа. Слова Карамзина, процитированные в начале данной статьи, заслуживают того, чтобы привести и продолжение их: «для существования нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к провидению!»¹⁸.

«Карамзин защищал власть, ограничивающую свободу, но защищал ее как свободный человек»¹⁹, — представляется, что это замечание Ю.Н. Лотмана очень точно и тонко передает сложный, неоднозначный, но логически выстроенный и, при ближайшем рассмотрении, непротиворечивый взгляд писателя и мыслителя на соотношение свободы политической и духовной — внешней и внутренней свободы, из которых последняя является неотъемлемой. Если же любая политическая сила, некая власть на *эту* свободу покушается — то она уже теряет право именоваться монархией ли, республикой ли: в этой точке она превращается в тиранию, независимо от того, в каких институтах она представлена, какими лозунгами репрезентирует себя и какие идеологемы берет на вооружение.

«Все русское просвещение начинается, вертится и сосредотачивается в Карамзине», — писал князь Петр Андреевич Вяземский в письме к Пушкину. Можно (и нужно) продолжать дискуссии о том, был ли Карамзин консерватором или либералом, отстаивал ли интересы самодержавной монархии или призывал к установлению наилучшего правления какого-либо иного рода, и так далее. Но одно, на наш взгляд, стоит отметить в особенности: будучи человеком и мыслителем своей эпохи, унаследовавшей духовный и интеллектуальный багаж европейского XVIII века, Карамзин полагал неразрывной связь государственного и морального, политического и этического; был убежден, что залог прогресса общества суть в первую очередь интеллектуальный и духовный прогресс индивида. В этом смысле его рассуждения не утратили своей актуальности и сегодня.

¹⁸ Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // AZ.LIB.RU. — http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0650-1.shtml (август, 2016).

¹⁹ Лотман Ю.Н. Сотворение Карамзина // Электронная библиотека «ЛитМир». — <http://www.litmir.co/br/?b=157092&p=86> (август, 2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию, в письме, предназначенном для парижского дворянина, написанном достопочтенным Эдмундом Бёрком // Электронная библиотека «Гумер». — http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php (август, 2016).
- Капустин Б.Г. Мюрберг И.И. Федорова М.М.* Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской политической мысли. М.: Аквилон, 2015. 288 с.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 111 с.
- Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // Электронная библиотека «Литература и жизнь». — http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_istoricheskoe_pohvalnoe_slovo.html (август, 2016).
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IX // Москва. № 8. М.: Художественная литература. 1989. С 96-157.
- Карамзин Н.М.* Мысли об истинной свободе. // AZ.LIB.RU. — http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0650-1.shtml (август, 2016).
- Карамзин Н.М.* Несколько слов о русской литературе // Русская виртуальная библиотека. — http://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol2/02criticism/52.htm (август, 2016).
- Карамзин Н.М.* Нечто о науках, искусствах и просвещении // Русская виртуальная библиотека. — http://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol2/02criticism/49.htm (август, 2016).
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. М.: Правда. 1988. 544 с.
- Констан Б.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 97-106.
- Лотман Ю.Н.* Сотворение Карамзина // Электронная библиотека «Лит-Мир». — <https://www.litmir.co/br/?b=157092&p=1> (август, 2016).
- Пыпин А.Н.* Очерки общественного движения при Александре I // AZ.LIB.RU. URL: http://az.lib.ru/p/pypin_a_n/text_0020.shtml (август, 2016).
- Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Электронная библиотека «ЛитМир». — <http://www.litmir.co/br/?b=157480&p=20> (август, 2016).

V.L. SHAROVA

“THERE IS NO GOOD
FOR A MORAL BEING WITHOUT FREEDOM...”

NIKOLAI KARAMZIN
ON INDIVIDUAL AND INTELLECTUAL FREEDOM

The article deals with some aspects of the concept of freedom in the political philosophy of Nikolay Mikhailovich Karamzin. The emphasis is done on the relationship of morality and politics in Karamzin's concept; it's suggested, that the conservative position, traditionally attributed to Karamzin, does not contradict the presence of the ideas of freedom in his theory. These ideas are inherent not to the liberal discourse only, but also to the philosophy of the Enlightenment in general. In the context of discussion about freedom Karamzin's views on the nature of the best government are analyzed. In particular, the idea is questioned, whether the “Republican at heart” Karamzin was an exceptional advocate of Russian autocracy.

Key words: N.M. Karamzin, philosophy of history, philosophy of politics, philosophy, history of Russia, freedom, liberalism, conservatism, politics and morality, republic, autocracy.

Н.С. ЧИЖКОВ

КОНЦЕПЦИЯ СВОБОДЫ Н.М. КАРАМЗИНА И ЕЁ ИСТОКИ

Статья посвящена анализу концепции свободы Н.М. Карамзина. Несмотря на то, что у Карамзина всего несколько небольших работ, специально посвященных проблематике свободы, попытки осмыслить истоки свободы, ее значение в жизни человека и роль в истории постоянно осуществляются им не только в философских, публицистических, исторических, но и в художественных произведениях. Карамзин различал два разных вида законов: законы природы и законы нравственного мира, то есть законы свободы. Следуя Канту, Карамзин считал, что человек как духовное существо в принципе свободен: каждый сам себе дает свободу настолько, насколько он может определять свои поступки нравственными законами. В то же время, человек свободен настолько, насколько он может поступать в соответствии со своими наклонностями и убеждениями, которые формируются у человека духом народа, его традициями. Эти два отличающихся подхода к свободе лежат в основании либеральных и консервативных элементов его мировоззрения, необходимо сосуществуя в истории.

Ключевые слова: Карамзин, свобода, нравственный закон, человеческое достоинство, философия, мировоззрение, дух народа, Просвещение, либерализм, консерватизм, монархия.

Наследие Николая Михайловича Карамзина (1766–1826) неизменно привлекает к себе внимание российской общественности и ученых. Историки по праву считают Карамзина одной из ключевых фигур в русской историографии, одним из основателей русской исторической науки. В первую очередь, Карамзина чтят за фундаментальное исследование по русской истории. Его двенадцатитомная «История государства Российского», которой он отдал более двадцати лет жизни, — одно из наиболее читаемых и изучаемых произведений.

Большой интерес представляют также его художественные произведения, переводы, идеи в области языкознания. Карамзин всегда рассматривался как один из крупнейших реформаторов русского языка и один из создателей русского литературного языка¹. Историки, литературоведы, филологи, и культурологи всегда и неизменно высоко оценивали роль Карамзина, его научное и художественное наследие.

Иначе обстоит дело с его философским и социально-историческим наследием и отношением к этому наследию в русском обществе. Первое, что следует отметить, это то, что интерес к мировоззрению Карамзина, его философским, социально-историческим и социально-политическим идеям возникает, как правило, на переломных этапах российской жизни, российской истории. Вторая особенность, на которую следует обратить внимание, это необычайная поляризация оценок его теоретического наследия. При этом критика этого наследия велась и ведется как «слева», так и «справа».

Наследие Карамзина в последнее время вызывает повышенный интерес и не только в связи с юбилеем. Сегодня в России вновь возрождаются дискуссии по всем тем проблемам, которые поднимал и на которые вполне определенным образом отвечал Карамзин. Это касается и проблемы общего и особенного в русской истории, и проблемы российской идентичности, и проблемы соотношения свободы, порядка и общего блага, и проблемы взаимосвязи нравственного уровня развития граждан и политических свобод в государстве. Острота полемики вокруг идей Карамзина обусловлена во многом остротой тех социальных и мировоззренческих проблем, которые стоят сегодня перед Россией.

К сожалению, в этих дискуссиях Карамзина пытаются представить крайне односторонне, как теоретика некой российской исключительности, что абсолютно неверно. Карамзин всегда говорил о самобытности истории любой страны, в том числе и России, но он никогда не утверждал, что у России есть какой-то свой особый,

¹ Сергей Михайлович Соловьев так охарактеризовал Карамзина: «Первый писатель эпохи, творец нового литературного языка Карамзин посвятил свою деятельность отечественной истории, и всё, что мог сделать сильный талант для внешней живописи событий, всё было сделано Карамзиным; мечта Ломоносова сбылась: русская история нашла своего Ливия». — *Соловьев С.М.* Учебная книга по русской истории. М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1860. С. 558.

отличный от других, путь. Это в корне бы противоречило его мировоззрению, базовым интенциям его мысли, его идеям об универсальном нравственном содержании, реализуемом в истории любой страны.

НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН И СВОБОДА

Влияние идей И. Канта и И.Г. Гердера на Карамзина было весьма значительным и это при том, что сам Карамзин не был тогда и не стал позднее знатоком теоретического наследия этих мыслителей. Влияние это было скорее мировоззренческим, открывшем новые горизонты для собственной мысли Карамзина.

В «Письмах русского путешественника» Карамзин вспоминает, какое сильное впечатление на него произвело изложение Кантом существа его концепции нравственного закона. «Помышляя о тех наслаждениях, которые имел я в жизни, не чувствую теперь удовольствия; но, представляя себе те случаи, где действовал сообразно с законом нравственным, начертанным у меня в сердце, радуюсь. Говорю о нравственном законе: назовем его совестью, чувством добра и зла — но он есть. Я солгал; никто не знает лжи моей, но мне стыдно»². Нельзя сказать, что Карамзин усвоил кантовскую концепцию практического разума, но определенное направление его дальнейшим размышлениям на эту тему было задано на всю жизнь.

Влияние Гердера также было довольно значительным. В отличие от встречи с Кантом, для встречи с Гердером Карамзин был подготовлен более существенно, поскольку был знаком с рядом его произведений. В «Письмах» он пишет, что до встречи с Гердером его произведения «читал, много не понимал; но что понимал, то находил прекрасным»³. Историческая концепция Карамзина во многом формировалась под сильным влиянием идей Гердера, но не только она. Представление Карамзина о том, что жизнь в гармонии с духом народа, его традициями — это тоже вид свободы, вероятнее всего тоже навеяны Гердером, его концепцией творческой сущности народного духа.

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 13. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 26.

³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 13. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 89.

Карамзин, как и Кант, различал два разных вида законов: законы природы и законы нравственного мира (законы свободы), но источник этого разделения для Карамзина находится не в разуме, а в воле Божьей. Человек как реальное существо живет в реальном мире и подчиняется его законам. Эти законы существуют со времени сотворения мира, Бог в них больше не вмешивается. Поэтому люди борются за свои интересы, государства воюют за свои интересы и так будет еще очень долго. Но есть душа человека, которая может поступать нравственно, то есть свободно, и которая может отстаивать ценности более высокие, чем интерес. Свобода человека состоит в возвышении над законами реального мира и следовании нравственному закону. Свобода составляет основу жизни человека, но по-настоящему свободен не тот, кто ничем не ограничен в своих поступках, а тот, кто следует в своей жизни голосу совести.

Вот очень важная мысль Карамзина: «Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению!»⁴.

Проблема в том, что нравственный закон был дан человечеству много позже, чем сотворен реальный мир с его неизменными законами выживания. Нравственный закон, считает Карамзин, дан был только в Новом Завете. Это порождает многочисленные противоречия и требует от человека постоянно осуществлять выбор между интересом и совестью, а этим выбором пронизана вся земная жизнь человека. Но наличие выбора или необходимость делать выбор — это еще не сама свобода. Человек свободен именно тогда, когда делает нравственный выбор. Влияние Геллерта и Канта здесь не вызывает сомнений.

Человек, по Карамзину, как духовное существо в принципе свободен. Каждый сам себе дает свободу настолько, насколько он может определять свои поступки нравственными законами. В своей реальной жизни человек зависит от множества обстоятельств и условий, он может поступать эгоистично, но может поступать

⁴ Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 46.

нравственно и жить в гармонии с окружающими его людьми. В этом случае он более свободен, чем тогда, когда он живет с ними в разладе. Однако в реальной жизни не может быть полной гармонии и человек вынужден преследовать свои интересы. Эти интересы диктуются законами реального мира, к которому человек принадлежит телесно, и не имеют нравственного смысла. Эпохи в истории народов, по мнению Карамзина, и отличаются друг от друга тем, насколько все люди данной эпохи способны в реальной жизни определяться в своих поступках нравственными законами.

Для Карамзина человек всегда возвышен и конкретен, он сочетает в себе универсальность нравственного закона, уникальность духа народа, его традиций, и заложенную в нем природой потребность выживать в реальной жизни, то есть человек в себе всегда «сочетает небеса и землю».

Что же может способствовать моральному возвышению человека? Карамзин в отличие от своего кумира Руссо, с которым он спорит на страницах альманаха «Аглая», считает, что мораль и нравственность тесно связаны просвещением народа. Если степень просвещения человека низкая, то ожидать поступков, основанных на нравственном законе, нам не приходится. Но и винить такого человека мы тоже не можем, так как он действует из своего собственного интереса, возможно корыстного, но никакого другого он не знает. Просвещение необходимо для избавления человека от эгоизма, оно учит быть добропорядочным и добродетельным по отношению к другим людям и возвращает в нас семя добра. «Что же есть мораль, из наук важнейшая, альфа и омега всех наук и всех искусств? Не она ли доказывает человеку, что он для собственного своего счастья должен быть добрым? Не она ли представляет ему необходимость и пользу гражданского порядка? Не она ли соглашается волю его с законами и делает его свободным в самых узах? Не она ли сообщает ему те правила, которые разрешают его недомыслия во всяком затруднительном случае, и верною стезею ведет его к добродетели? — Все животные, кроме человека, подвержены уставу необходимости: для них нет выбора, нет ни добра, ни зла; но мы не имеем сего, так сказать, деспотического чувства, сего естественного побуждения, управляющего ими; вместо его дан человеку разум, который должен искать истины и добра. Зверь видит и действует; мы видим и рассуждаем, то есть сравниваем, разбираем

и потом уже действуем»⁵. По Карамзину, наука и добродетель теснейшим образом взаимосвязаны и друг без друга существовать не могут. Наука без добродетели может стать служанкой злых намерений, а добродетель без науки законсервирует общество и не будет никакого развития, которое необходимо человечеству для достижения всеобщего блага и процветания. На страницах альманаха «Аглая» Карамзин пытается показать, что учёный может иметь порочные нравы, но это не следствие его научных достижений, а лишь следствие его дурного воспитания.

Таким образом, Карамзин не просто отводил место морали в научной сфере, но и считал её важнейшей составляющей науки, именно мораль должна определять пользу научных достижений. Только наука во главе с моральными нормами может привести человечество к безопасному и счастливому будущему.

СВОБОДА И ДУХ НАРОДА

Помимо свободы, проистекающей из нравственного закона, у Карамзина мы встречаем и другую ее интерпретацию. Довольно часто он, говоря о свободе, связывает ее с духом народа. Эта интерпретация вносит в его концепцию свободы совершенно новый и по сути своей консервативный мотив, связанный с трактовкой свободы как жизни в соответствии со сформировавшимися в народной жизни традициями и обычаями. Спокойная жизнь в гармонии с ними и с народом — это тоже по Карамзину свобода.

Что же такое дух народа, почему и как он связан со свободой, ведь свобода проистекает из нравственности, а дух народа может ей не соответствовать. Может быть, Карамзин говорит всего лишь об исторических рамках, в которые свобода вписана и которые должна учитывать ради сохранения общественного спокойствия?

Дух народа или национальный дух — это понятие, получившее широкое распространение в эпоху Просвещения. Во Франции его использовали Вольтер и Монтескье для обозначения национальных черт характера, позволяющих отличать представителей одного народа от другого. В Германии это понятие приобрело уже некий ме-

⁵ Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 403.

тафизический смысл и стало обозначать не просто сумму черт народа, а исторически сложившуюся сущность его культуры. Понятие «народный дух» получало у разных авторов разные оттенки: романтические, националистические, иррационалистические. Для Гердера дух народа — это часть духа единого человечества. Это не нечто застывшее, а активно развивающаяся сущность народа, развивающаяся через образование, науку, культуру, в том числе и народную. Народный дух, по Гердеру, допускает «прививки» от других народов, но при этом должна сохраняться его идентичность.

Народный дух по Карамзину формируется на протяжении всего исторического пути народа, в нём закрепляются общие наклонности и убеждения, в соответствии с которыми люди начинают жить и согласовывать свои поступки. Через синтез свободы и народного духа формируются традиции и обычаи конкретного народа. Народный дух — это творческая сила. Люди, не похожие друг на друга, но составляющие данный народ, реализуют себя внутри народного духа. Этот процесс должен происходить бесконфликтно в условиях порядка и безопасности. Противопоставление себя народному духу ведет к конфликту, а наличие конфликта, приводящего к беспорядку, — это первый и главный признак несвободы. Французскую революцию, ее радикализм, Карамзин связывал именно с гибелью народного духа под влиянием радикальных идей. Именно поэтому Карамзин выступает против всего, что с его точки зрения ведет к конфликту в обществе, и против таких «взрывоопасных» понятий эпохи Просвещения как рациональное законодательство, то есть законодательство, созданное на основе «придуманных», взятых не из жизни, а из головы мыслителей принципов, не имеющих оснований в истории народа. Все попытки перестроить жизнь на основе такого законодательства губительны. Работа законодателя заключается в подготовке законов, основанных на обычаях, сложившихся у народа в его истории. То есть разумность законодателя заключается в том, чтобы выработать подходящие для народа законы, которые были бы ясны и понятны народу на интуитивном уровне, а не требовали бы от него бездумного подчинения. Но без глубокого изучения народного духа такая работа не возможна.

Свобода состоит в возможности для человека жить в соответствии со своими наклонностями. При этом сами наклонности в идеале должны соответствовать исторически сформировавшемуся

народному духу. При этом Карамзин подчеркивает, что это не подчинение некой внешней традиции, а самореализация, которую осуществляет человек в условиях общности представлений и убеждений. В силу единства убеждений наклонностей людей, а это единство есть признак наличия народного духа, этот процесс самореализации должен происходить бесконфликтно, но конфликты в реальной жизни неизбежны.

Таким образом, для Карамзина свобода и порядок тесно связаны, существовать друг без друга они не могут. Друг без друга каждый из них превращается в свою противоположность: свобода без порядка превращается в несвободу, а порядок без свободы в принуждение и насилие.

Идея народного духа, однако, допускает и другие интерпретации, которые позволяют построить вполне апологетическую модель для существующих порядков в духе гегелевского принципа, что все действительное разумно, а все разумное действительно. Обоснование исторического выбора России в пользу монархии построено у Карамзина во многом именно по этой логике.

МОНАРХИЯ И СВОБОДА В ГОСУДАРСТВЕ

По Карамзину, монархия в России — это исторический выбор народа. Народ выбрал не просто монархию, а монархию в форме самодержавия, то есть абсолютную монархию. Для Карамзина также важно, что это был не просто выбор, а именно свободный выбор народа, подтверждаемый многократно в его истории. Поэтому в монархии Карамзин видел отражение народного духа. Отсюда и его идея о том, что монархия и свобода в России тесно связаны. Без самодержавия в России не будет условий для свободы (спокойствия духа и безопасности), но главное, считает Карамзин, без самодержавия нравственность перестанет быть основанием устройства русской жизни, поскольку только в лице монарха нравственность в России обладает реальной силой.

Таким образом, монархия не только не враг свободе, а еще и ее гарант. Ее функция как раз и состоит в том, чтобы, поняв дух народа, выработать соответствующие ему законы. Вот как он определяет суть самодержавия в «Историческом похвальном слове Екатерине II»: «Оно есть не что иное как спокойствие духа, происходящее от безопасности, и право делать все дозволяемое законами; а законы не

должны запрещать ничего, кроме вредного для общества; они должны быть столь изящны, столь ясны, чтобы всякий мог чувствовать их необходимость для всех граждан; и в сем-то единственно состоит возможное равенство гражданское! Законодатель сообразуется с духом народа; мы всего лучше делаем то, что делаем свободно и следуя природной нашей склонности. Когда умы для лучших законов не готовы, то приготовьте их; когда же надобно для счастья народа переменить его обычаи, то действуйте одним примером»⁶.

Чем выше уровень образования людей, тем ценней для них свободы в государстве. Карамзин отмечает также, что именно спокойствие духа обеспечивает возможность излагать свои мысли, без страха наказания, поэтому и полная цензура излишня и опасна, так как становится угнетением разума. Монарх не должен воспринимать неприятную критику в свою сторону, в качестве преступления, так как это ведет к невежеству, «отнимает охоту писать и гасит дарования ума»⁷.

Карамзин, правда, не предлагает полностью отказаться от цензуры, так как считает, что свобода не есть своеволие, она ограничивается рамками закона, поэтому без цензуры, люди могут отклониться от истины, а цензура должна направлять людей в правильное русло, она должна запрещать только явное зло — «разум может уклоняться от истины, подобно как сердце от добродетели, и неограниченная свобода писать столь же безрассудна, как неограниченная свобода действовать»⁸.

Также мы можем видеть, что Карамзин считает возможным, а в некоторых случаях даже необходимым проведение монархией либеральных реформ, таких как свобода слова, определенные гарантии частной собственности, обеспечение личной свободы и равенства всех перед законом. Он считает их вполне возможными и допустимыми в монархическом государстве, потому что эти идеи не противоречат справедливости и нравственным требованиям, а скорее закрепляют их.

Но память о крайностях Французской революции сказывалась и на этих его размышлениях: все свободы должны допускаться

⁶ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: ТЕРРА – Кн. луб, 2009. С. 107.

⁷ Там же. С. 303.

⁸ Там же. С. 326.

вместе с возможностью их ограничения. Он придерживался той точки зрения, что если человеку дать свободу и не объяснить, для чего она ему нужна, то он будет не должным образом ею пользоваться и это может привести к похожим революционным событиям. Задача монарха здесь заключается в том, чтобы не дать человеку запутаться в его мыслях и идеях, чтобы человек не встал на путь зла. Отсюда Карамзин делает вывод, что свобода должна быть очень широкой, но существовать под чутким контролем монарха, иначе это может привести к несчастью.

Поэтому и политические свободы могут предоставляться в государстве только при определенном уровне нравственного развития общества, а точнее всех его граждан. В России этот уровень еще не достигнут. Карамзин критикует проекты Сперанского, содержащие идею ограничения власти монарха и предлагающие введение некоторых форм представительного правления. Он опасается, что все это приведет лишь к тому, что между монархом и народом встанет корыстная и мощная аристократия, которая займется не общим благом, а собственным обогащением. Монарх, ограниченный в правах, не сможет противостоять разрушению страны, сползанию ее к всеобщей борьбе корыстных интересов. Свобода преследовать свои интересы для одних обернется несвободой для всех.

Бог более не вмешивается в ход земных событий, поэтому и государства и люди в реальном мире ведут себя довольно просто — они преследуют свои интересы. При этом считает Карамзин, наиболее образованные умеют эти интересы не только преследовать, но и хорошо обосновывать, убеждать других в их законности, убеждать других в том, что это хорошо для всех. Карамзин пишет: «Можно ли в нынешних книгах или журналах... без жалости читать нынешние слова: настало время истины; истиною все спасем; истиною все ниспровергнем... Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод.

Аристократы! Вы доказываете, что вам надобно быть сильными и богатыми в утешение слабых и бедных; но сделайте же для них слабость и бедность наслаждением! Ничего нельзя доказать против чувства: нельзя уверить голодного в пользе голода... Речи и

книги Аристократов убеждают Аристократов, а другие, смотря на их великолепие, скрежещут зубами, но молчат или не действуют, пока обузданы законом или силою»⁹.

Карамзин считает, что разделение общества на богатых и бедных не преодолимо, никакие преобразования не изменят этого положения дел. В обществе «основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание»¹⁰. Поэтому, Либералисты также не правы, когда хотят установить реальное равенство в обществе. Они полагают, что тем самым наступит счастье и свобода, но, полагает Карамзин, счастье и свобода вообще никак не связаны. Более того, Карамзин вообще сомневается, а «есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти?»¹¹.

Развитие народов неизбежно приводит их к формированию республиканской формы правления. Люди не могут навсегда оставаться под опекой монархии. Так он крайне критически относился к установившейся в Германии в рамках полицейского государства опеке над всеми сторонами жизни своего населения. Карамзин убежден, что опека вредит развитию нравственности в людях.

Карамзин не исключал Россию из этого процесса развития, ведущего к республике. Приписывая монархии такие важные атрибуты, как соблюдение стабильности, уважение свобод граждан, сохранение традиций и народного духа, утверждение в общественной жизни идеи общего блага, предполагал, в конечном счете, что и Россия перейдет к республиканской форме правления.

Каким же путём и при каких обстоятельствах Россия этого достигнет? Нет произведения, где Карамзин бы явно изложил бы свою концепцию в отношении России, но некоторые положения все же можно реконструировать.

Во-первых, Карамзин считал, что народ нужно обучить грамоте, поэтому историограф, как и масоны 1780-х годов, видит решение проблемы во всеобщем просвещении, в создании общеобразовательных школ. Карамзин не даёт специального обоснования, почему нужно учить грамоте население. Но для него является оче-

⁹ Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 45.

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ Там же. С. 46.

видным тот факт, что человек, будучи необразованным, не может определить свою судьбу, а самое главное — часто просто не может отличить добро от зла. Поэтому первостепенная задача монархии, перед тем как давать свободу крестьянам, состоит в необходимости воспитать подходящее поколение юношей не только среди дворянства, но и среди народа путём создания сельских школ, а не новых лицеев и университетов. Для Карамзина очевидно, что уровень развития общества определяется не уровнем развития некоторых, а уровнем развития всех.

Во-вторых, переход к республике возможен только путём нравственного развития и совершенствования граждан. По Карамзину республика требует от граждан высокого уровня нравственности. Пока население не разовьётся до определённого нравственного уровня, лучшей формой правления будет монархия. Именно в торжестве нравственного закона над эгоизмом Карамзин видел предпосылку перехода всех народов к республиканской форме правления.

В-третьих, если нравственный закон может существовать отдельно от граждан и воплощаться в личности монарха, то в республике это просто невозможно: в идеале каждый гражданин сам должен быть воплощением нравственности. Такое вряд ли возможно в полной мере, поэтому в республике кроме нравственного закона должен действовать еще и закон юридический, который надо соблюдать неукоснительно. Только при условии соблюдения законов и поддержания высокого нравственного уровня каждым гражданином республика может развиваться и сохранять свои лучшие традиции.

В-четвертых, Карамзин предупреждает об опасности революционного перехода от монархии к республике. Он считает, что только постепенным, поступательным развитием можно осуществлять переход, ибо люди, впавшие в революционное безумие и проливавшие кровь, уже никогда не смогут возвыситься до нужного республике нравственного уровня.

Интересно отметить одну особенность в концепции Карамзина: сам переход к республике не является задачей монархии. Монархия должна подготовить почву путём усовершенствования жизни общества в соответствии с нравственным законом и, опираясь на обычаи и традиции, выработать соответствующие народному духу законы, которые будут понятны каждому свободному гражданину. А республику создают уже люди, которые, получив

должное образование, научились находить гармонию между личным и общественным интересами, сумели преодолеть свою злую природу и взрастили божественное семя добра в своей душе.

СВОБОДА И БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ.

Концепция свободы будет не полна, если оставить без внимания ее отношения к одной из ключевых идей в мировоззрении Карамзина — к идее провидения.

Совершенно очевидно, что идея провидения может разрушить все построения, о которых писалось выше. Во-первых, деизм и провиденциализм очень плохо согласуются: если Бог, сотворив мир, не принимает больше участия в его судьбе, то откуда берется Божественное провидение? Во-вторых, провидение действует, не считаясь с реальными стремлениями людей и чаще всего именно вопреки им. В-третьих, для провидения не существует нравственного закона, оно действует, не взирая ни на какие законы. В этой ситуации понятно, что свобода и провидение не могут и не должны быть связаны, но Карамзин как раз на этой связи настаивает.

Очень часто Карамзин использует идею провидения для того, чтобы объяснить события, не имеющие нравственного обоснования и даже противоречащие элементарным представлениям о нравственности и свободе. В своей исторической повести «Марфа-посадница, или покорение Новгорода» он очень точно и с глубокой симпатией к Новгороду передает весь драматизм ситуации, чувства горожан, их стремление отстаивать свою законную свободу. Он точно приводит все правовые и нравственные аргументы в пользу прав Новгорода и его граждан на свободу. Но провидение, руководящее действиями Ивана III, не считается ни с чем, кроме необходимости подчинить Новгород Москве и объединить Русь. Карамзин показывает, что, как бы нам не было жалко граждан Новгорода, какие бы симпатии мы не испытывали к ним, провидение не считается ни с правовыми, ни с нравственными резонами и действует неотвратимо.

Карамзин различает судьбу и провидение. Судьба — это те результаты, которые проистекают из событий, которые можно объяснить. События могут складываться по-разному, но мы их видим и понимаем, а главное то, что судьба находится в руках самих людей и народов. Провидение — это некая невидимая рука, кото-

рая ведет человечество к чему-то, что ни один человек не может ни предвидеть, ни осмыслить. Смысл провидения выше человеческого понимания. Карамзин, правда, иногда предполагает, что цель провидения — это общее благо человечества.

Провидение может на многие годы обречь на несчастье целую страну, как это было во время правления Ивана Грозного, а затем продолжилось после его смерти, вплоть до воцарения на престоле дома Романовых. «Так готовилась Россия к ужаснейшему из явлений в своей истории; готовилась долго: неистовым тиранством двадцати четырех лет Иоанновых, адскою игрою Борисова властолюбия, бедствиями свирепого голода и всеместных разбоев, ожесточением сердец, развратом народа — всем, что предшествует ниспровержению Государств, осужденных Провидением на гибель или на мучительное возрождение»¹².

Пути провидения могут казаться человеку несправедливыми, жестокими, но Карамзин предлагает полностью довериться провидению. Оно может действовать в этом мире непосредственно, но чаще — через государственных деятелей и в первую очередь через монарха: «Предадим, друзья мои, предадим себя во власть провидению: оно, конечно, имеет свой план; в его руке сердца государей — и довольно»¹³.

Без доверия провидению нет и подлинной свободы, поскольку доверие провидению — это доверие самому Богу, источнику всего, что есть у человека, в том числе и его свободы. Без доверия провидению человеческая свобода не полна. Подлинную «свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению»¹⁴.

Иррационалистическое содержание идеи провидения не страшит Карамзина, он неоднократно высказывал мысль, что земная жизнь человека не только наполнена необъяснимыми событиями, но сама по себе в принципе представляет загадку.

В заключение хотелось бы отметить, что концепция свободы

¹² Карамзин Н.М. История государства Российского // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 11. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 64.

¹³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 13. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 277.

¹⁴ Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 46.

Н.М. Карамзина явилась результатом глубокого осмысления им не только социальных и исторических процессов, но в первую очередь осмысления глубинных основ человеческого существования. Его мировоззрение, сформировавшееся на основе идей и ценностей эпохи Просвещения, пропитано идеями гуманизма, но именно этого гуманизма он меньше всего видит в действительности. Его концепция свободы, в основе которой лежит нравственный закон, — это попытка понять смысл и задачи человеческого существования в условиях постоянного вызова этому закону со стороны социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Карамзин Н.М.* История государства Российского // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 1-12. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009.
- Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 87-142.
- Карамзин Н.М.* Мысли об истинной свободе // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 45-46.
- Карамзин Н.М.* Нечто о науках, искусствах и просвещении // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 13. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 391-407.
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 13. М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2009. С. 7-472.
- Кара-Мурза А.А.* К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // *Филология: научные исследования.* 2016. № 1(21). С. 101-106.
- Летняков Д.Э.* Н.М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // *История философии.* 2016. Т. 21. № 1. С. 74-86.
- Соловьев С.М.* Учебная книга по русской истории. М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. 1860. 592 с.
- Соловьев Вл. С.* Мэстр, де // *Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.Е. Ефрон.* СПб., 1897. Т. XX (39). С. 352.
- Струве П.Б.* Б.Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности // *Струве П.Б.* *Patriotica:* Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика. 1997. С. 455.

Жозеф де Местр. Четыре не изданные главы о России. О свободе // Жозеф де Местр. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 27-46.

N. S. CHIZHKOV

THE CONCEPT OF FREEDOM
BY N.M. KARAMZIN AND ITS ORIGINS

This article analyzes the concept of freedom by N.M. Karamzin. Despite the fact that Karamzin had only a few minor works devoted to the problems of freedom, he always tried to understand the origins of freedom, its importance in human life and role in the history. He developed this concept not only in the philosophical, journalistic and historical works, but also in short stories and novels. Karamzin thought that in the world exist two different types of laws: the laws of nature and the laws of the moral world, which are the laws of freedom. Karamzin followed Kant in the idea that human being as a spiritual creature is free: everyone gives himself freedom as much as he can determine his behavior by moral laws. According to Karamzin, Ages in the history of peoples differ from each other by how people could determine their behavior in real life by moral laws. In addition to his concept of freedom, which is connected with the moral law, Karamzin also developed a concept of freedom that comes from the spirit of the people: a person is free in a society only if he has the ability and opportunity to act in accordance with his inclinations and beliefs, which are formed in the person by the traditions and the spirit of the people. According to Karamzin, life in harmony and peace with others is the freedom; life in conflict is the lack of freedom. These two different approaches to freedom underlie in liberal and conservative elements of his world view, but they need to coexist in the history.

Key words: Karamzin, freedom, moral law, human dignity, philosophy, world view, national spirit, the Enlightenment, liberalism, conservatism, monarchy.

А.В. ПЕНТЕГОВА

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М. КАРАМЗИНА

Н.М. Карамзин, являясь одним из самых неоднозначных толкователей Российской истории, остается одним из самых полных ее классификаторов. В работе проведен анализ русско-турецких отношений в «Истории государства Российского». В данном контексте также рассматривается восточный и крымский вопрос в политике России. Оценивая внешнюю политику России в восточном вопросе, Карамзин придерживается мирного направления. Познавая Россию и Турцию через призму роли правителей, он считал, что, прежде всего, надо полагаться именно на нравственные качества правителя, которые и образуют его властные полномочия. При этом наличие критических оценок по отношению к определенным самодержавцам характеризует Карамзина как думающего историка, ищущего идеальный или близкий к идеалу образ правителя России. В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин дает весьма высокую оценку внешней политике России на восточном направлении.

Ключевые слова: Турция, Россия, Н.М. Карамзин, двусторонние отношения, политика, история, философия, Крымский вопрос, восточный вопрос.

*Искал я к истине пути,
Хотел узнать всему причину...*

Н.М. КАРАМЗИН

Николай Михайлович Карамзин, являясь одним из самых неоднозначных толкователей Российской истории, остается одним из самых полных ее классификаторов. Его вклад в историческое, философское и политическое развитие отечественной мысли невозможно не оценить.

В своём труде «История государства Российского» Н.М. Карамзин не отказался от литературы, а наоборот, скорее расширил ее границы. Оставляя после себя записки для потомков, он полагал, что история имеет смысл, однако этот смысл скрыт от людей и не может быть предметом исторического описания¹.

«История государства Российского», несомненно, является плодом длительного изучения различных источников и обобщения огромного исторического опыта России. Отдельным блоком Н.М. Карамзин рассматривает взаимоотношения России и Турции, и довольно часто через призму Крымского вопроса. Первое упоминание о них относится ко времени «государствования Иоаннова»² (1461–1505): «Явился на Черном море сильный Турецкий флот под начальством Визиря Магометова, Ахмета Пашы; сей искусный Вождь, пристав к берегам Тавриды, в шесть дней овладел Кафою, где в первый раз кровь Русская пролилася от меча Оттоманов»³.

Во времена Иоанна Карамзин также задается вопросом: «могли Иоанн оставить без примечания Державу Оттоманскую, которая уже столь сильно действовала на судьбу трех частей мира?»⁴. Признавая, что внешние сношения — дело неоднозначное и многогранное, Н.М. Карамзин показывает, что и тогда было популярно «дружить» против кого-нибудь: «...он долженствовал быть врагом Султанов; но не хотел себя обманывать: видел, что еще не пришло время для России бороться с ними; что здравая Политика велит ей употреблять свои юные силы на иные предметы, ближайшие к истинному благу ее: для того, заключая союзы с Венгриєю и Молдавиєю, не касался дел Турецких, имея в виду одну Литву, нашего врага естественного»⁵.

Торговые отношения между Россией и Крымскими владениями Порты в тот период были затруднены: «...купцов Российских

¹ Лотман Ю.М. Колумб русской истории // История государства Российского. Сопроводительные статьи / Вед. ред. Синюков В.И. Кн. 4. М., 1989. С. 5.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5–8. М., 1989. С. 8.

³ Там же. С. 467.

⁴ Там же. С. 507.

⁵ Там же. С. 508.

обижали в Азове и в Кафе, так что они перестали наконец ездить в Султанские владения»⁶. Однако тесная связь между Иоанном и Ханом Таврическим оставалась, подтверждаемая, «частыми Посольствами и дарами»⁷: «Хан любил дары; просил кречетов и соболей для Турецкого Султана»⁸.

При оценке способностей Иоанна ко внешней политике Карамзин был весьма скромнен: «Мы знаем характер Иоаннов, для коего умеренность была законом в самом счастье; знаем ум его, который не любил отважности, кроме необходимой»⁹. Подозревая заговор против него как правителя и против самой России, Иоанн делал достаточно неоднозначные заявления в отношении Турции: «Султан Турецкий, Баязет, получив грамоту Великого Князя и строго запретив утеснять купцов наших, торгующих в Кафе и Азове, немедленно отправил в Москву Посла с дружественными уверениями: Александр велел ему и бывшим с ним Константинопольским гостям возвратиться из Киева в Турцию, приказав к Иоанну, что никогда Султанские Послы не езжали в Россию чрез Литву и что они могут быть лазутчиками»¹⁰.

Впоследствии Н. М. Карамзин отмечает, что взаимодействия между Россией и Султаном довольно часто осуществлялись именно через Крымского Хана: «Хотя Посол Турецкий и не доехал до Москвы, однако, Иоанн решился тогда отправить своего в Константинополь, чтобы изъяснить признательность Султану за его доброе намерение, и поручил сие дело Михайлу Андреевичу Плещееву: Хан Крымский дал ему письма и вожатых»¹¹. Добрые намерения Иоанна в отношении Султана преследовали экономическую выгоду «...доставить нашим купцам безопасность и свободу в торговле с областями Султанскими»¹². Во всей этой схеме Крымский Хан, как вассал Султана, будучи посредником между Турцией и Россией, имел свою экономическую выгоду.

⁶ Там же. С. 508.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 509.

¹⁰ Там же. С. 515.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 519.

«Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношение России с Оттоманскою Державою! Ни та, ни другая не могла предвидеть, что Судьба готовит их к ужасному взаимному противоборству, коему надлежало решить падение Магометанских Царств в мире и первенство Христианского оружия!»¹³, — писал Н.М. Карамзин.

Карамзин признавал также, что и обещания Иоанна Литве в оказании помощи против захватнических действий Османа («Россияне в силу мирного договора готовы помогать, когда Турки действительно вступят в Литву»¹⁴) были лишь громкими дипломатическими словами: «Сие обещание не было искренним: Султан успел бы взять Вильну прежде, нежели Россияне тронулись бы с места»¹⁵. Это подтверждает неимоверную осторожность и бесконфликтность Иоанна в проводимой им внешней политике.

Н.М. Карамзин вновь возвращается к русско-турецким отношениям во времена правления Василия Иоанновича (1505–1534). После гибели Баязета Василий направляет Посла в Константинополь «еще не думая, чтобы Россия могла иметь выгоды от союза с Константинополем в делах внешней Политики»¹⁶, однако, предусмотрительно уверяя, что «Отцы наши, жили в братской любви: да будет она и между сыновьями»¹⁷, стараясь всеми силами поддерживать дружественные дипломатические отношения. В ответ был послан первый Турецкий Посол в Москву. Визит был скорее дружеский, так как они не имели полномочий на заключение каких-либо соглашений от имени Султана. Не забывая и здесь Крымский вопрос, Карамзин отмечает, что проблемные моменты с Крымским Ханом вынуждают в обратной грамоте просить Султана о помощи: «...чтобы Селим запретил Хану дружить с Литвою»¹⁸. Взаимоотношения Крымского Хана с Литвой в тот период беспокоили Василия намного больше завоеваний Султана на Востоке и христианских земель в Европе. На протяжении всего правления Васи-

¹³ Там же. С. 520.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 524.

¹⁶ Там же. С. 561.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 565.

лия Карамзин отмечает именно экономическую и торговую выгоду в делах между Россией и Турцией, показывая отсутствие должных политических связей и договоренностей в двусторонних соглашениях по проводимой внешней политике.

О времени первой русско-турецкой войны (1568–1570) Н.М. Карамзин очень емко сказал одной фразой: «Надлежало отвратить еще другую опасность, которая тогда явилась для России, но недолго тревожила Иоанна и дала без победы новую воинскую славу его Царствованию. Что замыслил против нас Солиман Великий, то сын его, малодушный Селим, хотел исполнить: восстановить Царство Мусульманское на берегах Ахтубы». Экономическую выгоду правители не забывали и в это непростое время: «Несмотря на явную вражду Султана, Россияне еще торговали в Кафе, в Азове, а Турки в Москве».

Отношения между Россией и Турцией привлекают внимание Карамзина и после первой русско-турецкой войны во время царствования Феодора Иоанновича (1584–1598). Османская Турция в этот период планировала свое расширение за счет захвата новых земель в Европе, заставляя тем самым европейские государства напрягать все силы для борьбы с Султаном¹⁹. Говоря о русско-турецких отношениях того времени, Н.М. Карамзин отмечает: «Император, бедный казною, не стыдится платить дань Султану, единственно на время удаляя тем грозу меча Оттоманского»²⁰.

Оценивая внешнюю политику России в восточном вопросе, Карамзин придерживается мирного направления: вошедший на престол в июле 1584 г. Феодор отправляет «посланника Благова в Константинополь, известить Султана о восшествии своем на престол, объяснить ему миролюбивую систему России, в рассуждении Турции, и склонить Амурата к дружественной связи с нами»²¹.

Многочисленные проекты изгнания турок с христианской земли в XVI веке терпели сокрушительные поражения. Познавая

¹⁹ *Георгиев А.В., Киняпин Н.С.* Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII – начало XX в. / Отв. ред. Н.С. Киняпин. М.: Наука, 1978. С. 12.

²⁰ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9–12. М., 1989. С. 364.

²¹ Там же. С. 373.

Россию и Турцию через призму роли правителей, Н.М. Карамзин писал: «Султан велик между Государями Мусульманскими, Царь велик между Христианскими»²², — считая, что прежде всего надо полагаться именно на нравственные качества правителя, которые и образуют его властные полномочия. При этом наличие критических оценок по отношению к определенным самодержавцам характеризует Карамзина как думающего историка, ищущего идеальный или близкий к идеалу образ правителя России.

Последовавшее далее «восстановление Терской крепости и присвоение Грузии»²³ сталкивали внешнеполитические векторы России и Турции. «Досаждая Султану, мы еще более возбуждали его негодование дружбою с Персиею»²⁴. И дальнейшие действия по персидскому направлению только усугубляли противоречия. Однако неожиданный мир Аббаса с Султаном нанес удар по «честолюбивой» политике «Феодорова Царствования или Годунова владычества»²⁵.

Смерть Стефана Батория всколыхнула противостояние Москвы, западных государств и Османской империи. В столь непростое время внешняя политика России не дремала: «смело уверяя Султана, что мы из дружбы к нему не хотим дружить с его врагами, двор Московский искреннее прежнего желал союза с ними»²⁶. Политика Феодора, или простое нежелание вступать в явную вражду с другими властителями, подтверждалась и его письмами к Королеве Англии: «Царь хочет жить в братстве с знаменитыми Монархами, с Султаном, Императором, Королями Испанским, Французским, с Елисаветою, и со всеми не для выгоды купцев, а для своего обычая государственного»²⁷.

В «Истории государства Российского» Николай Михайлович Карамзин дает весьма высокую оценку внешней политике России на восточном направлении. Слава и спасение христианского народа, сочетаясь с двойными стандартами в отношении Султана и

²² Там же.

²³ Там же. С. 374.

²⁴ Там же. С. 375.

²⁵ Там же. С. 373.

²⁶ Там же. С. 382.

²⁷ Там же. С. 388.

сношениями с западом, позволяет поддерживать вес России в мировой политической системе того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Георгиев А.В., Киняпин Н.С.* Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII – начало XX в. / Отв. ред. Н.С. Киняпин. М.: Наука, 1978. 426 с.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского Кн. 2. Т. 5–8. М., 1989. 616 с.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского Кн. 3. Т. 9–12. М., 1989. 732 с.
- Лотман Ю.М.* Колумб русской истории // История государства Российского. Сопроводительные статьи / Вед. ред. Синюков В.И. Кн. 4. М., 1989. С. 3–16.

A.V. PENTEGOVA

RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN «HISTORY OF THE RUSSIAN STATE» NIKOLAY KARAMZIN

Nikolay Karamzin is one of the most controversial commentators of the Russian history, but moreover he is one of the most complete of its qualifiers. The purpose of the research is the analysis of the Russian-Turkish relations, the Crimean issue and the Eastern question in «History of the Russian State». N. Karamzin adhered to peaceful view in the assessment of the foreign policy of Russia. He believed that moral qualities are important for the ruler, and they form power. And Nikolay Karamzin was the thinking historian, who wanted to find the ideal Russian ruler. In the «History of the Russian State» N. Karamzin gives a very high assessment of the Russian-Turkish relations, the Crimean issue and the Eastern question.

Key words: Turkey, Russia, Nikolay Karamzin, bilateral relations, politics, history, philosophy, the Crimean issue, the Eastern question.

А.А. КАРА-МУРЗА

ЗАГАДКА «ТАРТЮФА»

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ Н.М. КАРАМЗИНА (1789–1790)

В статье выдвигается версия, что европейское путешествие двадцатидвухлетнего Николая Карамзина, совершенное им в 1789–1790 гг. и описанное в знаменитых «Письмах русского путешественника», было совершено им не по собственной воле. Карамзина отослали из Москвы друзья, стремившиеся избежать конфликта между «кружком Новикова» и властями, которые готовили разгром московских масонов. Этим объясняется продолжительность путешествия (четынадцать месяцев) и полное отсутствие писем Карамзина к братьям, сестре и близким друзьям, оставшимися в Москве. Позднее Карамзин превратил краткие заметки из дорожного дневника эмигранта в литературное произведение, получившее название «Письма русского путешественника».

Ключевые слова: Русская история, русская литература, Россия и Европа, Просвещение, путешествие, масонство.

Причины, побудившие весной 1789 г. двадцатидвухлетнего отставного поручика и начинающего литератора Карамзина прервать литературное сотрудничество в московской «Типографической кампании» масона-просветителя Н.И. Новикова (единственное, что давало ему регулярный заработок) и отправиться в длительное — четырнадцатимесячное! — странствие по Германии, Швейцарии, Франции, Англии, до сих пор остаются до конца не выясненными¹.

Прежде всего озадачивает и до сих пор не получает должного объяснения тот факт, что за время своего длинного путешествия Карамзин *практически ничего не писал в Россию* — ни родным

¹ См.: Кара-Мурза А. Чем беглец отличен от путешественника. Загадка европейского турне Николая Карамзина // НГ-Сценарии, 2016. № 7 (165), 27 сентября. С. 14.

братьям Василию и Федору, ни сестре Екатерине (в замужестве Кушниковой), ни самым близким друзьям. Объяснение этому может быть только одно: отправляясь за границу, Карамзин предупредил родных и друзей, что *писать не будет*, и просил, чтобы *они не писали ему*. Похоже, прав литературовед В.В. Сиповский: «Можно предположить, что Карамзин, заноса свои впечатления в записную книжку, вел “заглазную беседу” со своими друзьями...»².

Остается открытым и вопрос, *на какие средства* совсем небогатый Карамзин совершил свое «путешествие»? А.В. Старчевский, один из первых биографов Карамзина, писал, что в конце XVIII – начале XIX в. в столичных кругах ходил слух, «будто известный патриот, Новиков, желая содействовать распространению просвещения в отечестве и видя в молодом Карамзине человека, подающего большие надежды, доставил ему средства совершить путешествие по образованнейшим государствам Европы, с тем чтобы Карамзин, возвратившись с богатым запасом новых идей, содействовал его видам»³. По словам Старчевского, долгое время принималось за доказанный факт и то, что, отправляясь за границу, Карамзин получил от видного масона Семена Гамалеи подробную «инструкцию», которой должен был руководствоваться в Европе «в выборе предметов изучения». Более того, согласно Старчевскому, «копии с этой инструкции имелись у многих любителей русской старины в Москве»⁴.

Обсуждались в обеих столицах и свидетельства литератора Ф.Н. Глинки (будущего декабриста), который ссылался на слова самого Карамзина, будто бы доверительно сообщившего ему, что «был направлен за границу на средства масонов» и что «общество», отправившее его, «выдало путевые деньги из расчета на каждый день на завтрак, обед и ужин». И поэтому, например, для покупки книг за границей он вынужден был экономить на еде и т.д.⁵.

² Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб.: Тип. В. Демакова, 1899. С. 156.

³ Старчевский А.В. Николай Михайлович Карамзин. СПб.: Тип. К. Крайя, 1849. С. 28.

⁴ Там же. С. 29. Правда, сам Старчевский в своем сочинении посетовал, что, при написании биографии Карамзина, ни одной из этих «копий» у него «под рукой не оказалось» (Там же).

⁵ См.: Шторм Г.П. Новое о Пушкине и Карамзине // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 19. Вып. 2. С. 150.

В дальнейшем, однако, «масонская версия» путешествия была задвинута на дальний план — общими усилиями как друзей Карамзина, сочувствовавших ему и уберегавших от возможных неприятностей, так и самих «властей предержащих», приблизивших со временем Карамзина ко двору и сделавших его имя частью официоза. «В новейшее время доказано, — уверенно продолжает тот же Старчевский, — что эта молва (о “масонском следе” в вояже Карамзина. — А. К.) не имеет никакого основания и что молодой Карамзин путешествовал на свой собственный счет, уступив часть имения, приходившуюся ему по смерти отца, своему старшему брату, Василию Михайловичу»⁶.

Вот и сегодня большинство исследователей карамзинского вояжа, ставшего поистине культовым, продолжают верить, что Карамзин смог позволить себе длительное пребывание за границей (в одной Женеве он, например, прожил пять месяцев!) на те небольшие деньги, которые он якобы выручил от продажи брату доли отцовского наследства⁷. Это тем более удивительно, что доказано, что основную часть этих очень небольших денег Карамзин получил лишь несколькими годами позже, в 1795 г. (и, кстати, известно, как потратил — на помощь нуждающейся семье своих друзей Плещеевых)⁸.

Представляется, однако, глубоко неверной и точка зрения, согласно которой Карамзин отправился в Европу «с заданием от масо-

⁶ *Старчевский А.В.* Николай Михайлович Карамзин. С. 28.

⁷ Не приносявшее особого дохода отцовское имение Знаменское было, согласно завещанию, разделено между тремя сыновьями от первого брака — Василием, Николаем и Федором. Поэтому особенно забавным выглядит утверждение М.П. Погодина, что Карамзин употребил на путешествие «часть полученных денег» (курсив мой. — А. К.) от продажи брату Василию своей трети отцовского наследства (см.: *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М., 1866. Ч. 1. С. 70).

⁸ О том, что вырученные от продажи имения деньги Карамзин решил отдать А.А. Плещееву, он тут же написал старшему (на пятнадцать лет) брату Василию, которого всю жизнь боготворил и называл только на «вы»: «Я, получив от вас деньги, по долгу сердечной дружбы, обязан отдать их Алексею Александровичу, который имеет в них нужду. Странно было бы для всех, знающих связь мою с его домом, если бы я поступил иначе» (Цит. по: *Погодин М.П.* Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. С. 254).

нов». Известно, что в иерархии московских мартинистов Карамзин имел невысокий статус «брата», полученный еще в Симбирске, — с таким статусом ни в какую Европу с «заданиями» не посылают! Очевидно, что Карамзину помогло не «сообщество», а, скорее, лично Н.И. Новиков, — а это совершенно разные вещи. Отправляя Карамзина за границу, Новиков мог увлечь его «журналистским заданием» с обещанием последующих публикаций и даже в счет будущих гонораров, — сейчас об этом можно только гадать. Гораздо важнее другой и главный вопрос: а зачем Новикову вообще потребовалось отсылать Карамзина за границу весной 1789 г.?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо внимательно перечитать переписку двух очень близких в то время Карамзину людей: матерински любившей и опекавшей его А.И. Плещеевой и его масонского наставника А.М. Кутузова, ранее действительно посланного кружком Новикова в Берлин «с заданием». Из этих писем, зачастую непростых для восприятия (оба участника догадывались о перлюстрации), можно сделать, тем не менее, однозначный вывод: весной 1789 г. Карамзин *не собирался уезжать за границу и отправился в Европу не по своей воле*.

Так, 22 июля 1790 г. Плещеева писала из орловского имения Кутузову в Берлин: «К счастью, не все, например, вы знаете причины, которые побудили его (Карамзина. — А. К.) ехать. Поверите ль, что я из первых, плакав пред ним, просила его ехать; друг ваш Алексей Александрович (Плещеев. — А. К.) — второй; знать сие было нужно и надобно. Я, которая была вечно против одного вояжа, и дорого мне стоила оная разлука. Да, таковы были обстоятельства друга нашего, что сие непременно должно было сделать»⁹. Из этих слов следует, что супруги Плещеевы, имевшие большое влияние на Карамзина, уговаривали его весной 1789 г. ехать в Европу — после того, как узнали о неких «обстоятельствах».

И далее в письме к Кутузову Плещеева указывает на некоторое «лицо» (хотя прямо и не называет его), поведение которого стало главной причиной отъезда Карамзина: «После этого скажите, возможно ли мне было и будет любить злодея, который всему почти сему главная причина (курсив мой. — А.К.)? Каково расставаться с сыном и другом, и тогда, когда я не думала уже увидеться в здешнем

⁹ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг.: Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1915. С. 5–6.

мире. У меня тогда так сильно шла горлом кровь, что я почитала себя очень близкой к чахотке. А того, кто причиной сего вояжу, вообразить без ужаса не могу, сколько я зла ему желаю! О, Тартюф!»¹⁰.

О ком именно шла речь в сумбурном письме Плещеевой, установить непросто. Важным ключом к поискам лица, ставшего причиной отъезда Карамзина за границу, является плещеевское именование пресловутого «злодея» — «Тартюфом». Подобная характеристика наводит на мысль, что речь идет не о заведомом, явном враге, а, напротив, о человеке, который числился одно время среди «своих» и, возможно, был даже вхож в дом Плещеевых. Ведь «Тартюфом», вслед за Ж.-Б. Мольером¹¹, принято называть до поры не разоблаченного, показного святошу (в душе абсолютно порочного), ловко прикидывающегося «другом дома». Очевидно, в рассказанной истории А.И. Плещеева сама невольно отождествляет себя с мольеровской Эльмирой, которой, как известно, хотя и не сразу, удалось разоблачить Тартюфа...

Первый публикатор переписки Плещеевой и Кутузова в журнале «Русская старина» (1874) был склонен искать «Тартюфа» среди высокопоставленных московских масонов, близких к Новикову, и высказал предположение, что в письме Плещеевой «Тартюфом» назван масон С.И. Гамалея, человек набожный и имевший репутацию «Божьего человека»¹². Несколько позднее публикатор масонской переписки Я.Л. Барсков выразил сомнение в подобной «методе» поисков «Тартюфа», потому что как раз репутация Гамалеи всегда была безупречной¹³. Добавлю от себя, что в письме А.А. Петрова Карамзину в Женеву от 20 сентября (ст. ст.) 1789 г., среди общих знакомых, которые, по словам Петрова, «желают тебе всякого добра», под инициалами «С.И.» наверняка упоминается

¹⁰ Там же. С. 6. Уже после возвращения Карамзина в Россию А.И. Плещеева, в письме к А.М. Кутузову из Москвы от 10 ноября 1790 г., сетуя на то, что «Рамзей» (масонское прозвище Карамзина) вернулся из Европы сильно изменившимся («сердце его сто раз было нежнее и чувствительнее»), снова возвращается к теме «злодея», из-за которого Карамзин вынужден был покинуть Россию: «Есть ли человек, столь великодушный, который бы мог простить злодея, причинившего все эти перемены? Считайте меня, как хотите, но я не себя виню, а виню того злодея, который был причиной моего согласия на отъезд Рамзея» (Там же. С. 29).

¹¹ Комическая пьеса «Тартюф» была написана Мольером в 1664 г.

¹² «Русская старина», 1874, январь. С. 5.

¹³ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. С. 289.

именно Гамалея¹⁴. Это окончательно убеждает, что С.И. Гамалея, разумеется, никак не мог быть «Тартюфом».

В своей книге о Карамзине 1899 г. В.В. Сиповский также был склонен полагать (правда, не называя конкретных имен), что интрига против молодого Карамзина шла «изнутри» ближайшего круга Н.И. Новикова: «Из первых писем Плещеевой, писем, в которых чувствуются и слезы, и страх, — видно, что тогда в новиковском кружке не всё было благополучно: какая-то трагедия разыгрывалась там втихомолку на глазах у Плещеевой, а она, перепуганная женщина, спасая дорогих ей людей, дерзала бороться с каким-то “злодеем”, “Тартюфом”...»¹⁵.

Иначе интерпретирует смысл письма Плещеевой Кутузову Ю.М. Лотман: «Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем, кого Плещеева называла “злодеем” и “Тартюфом”, но мы вряд ли ошибемся, если предположим связь этих событий с гонениями, обрушившимися в это время на московский круг единомышленников Н.И. Новикова, к которому принадлежал и Карамзин»¹⁶. Лотман, таким образом, склоняется скорее к версии, что весной 1789 г. молодой Карамзин каким-то образом оказался мишенью начинающихся репрессий со стороны императорского двора против кружка Новикова¹⁷.

¹⁴ Письма А.А. Петрова к Карамзину. 1785–1792 (подготовка текста Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского) // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 509.

¹⁵ Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника»... С. 143–144.

¹⁶ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 35.

¹⁷ Наиболее радикальное предположение в этой связи выдвигает М.Б. Муравьев — автор новейшей биографии Карамзина в серии «Жизнь замечательных людей». Припомнив пушкинское определение Екатерины II, данное поэтом в бессарабской ссылке 1822 г.: «Тартюф в юбке и короне», Муравьев делает смелый вывод: «Так что теперь к письму А.И. Плещеевой можно сделать объяснительное примечание: Тартюф — это российская императрица Екатерина II» (Муравьев В. Карамзин. М., Молодая гвардия, 2014. С. 104–105). Если быть последовательным, то по Муравьеву выходит, что весной 1789 г. двадцатидвухлетний Карамзин бежал из России, став объектом преследования не кого-нибудь, а самой русской императрицы! Однако, увы, догадка эта в книге Муравьева не имеет никакого продолжения и в дальнейшем изложении автор полностью воспроизводит привычный разговор о Карамзине как о «вольном путешественнике».

Мне представляется, что к разгадке внезапного отъезда Карамзина из России весной 1789 г. (им самим не планируемого, тем более — на столь длительный срок), с разных сторон, парадоксальным образом, приблизились многие перечисленные исследователи: угроза для Карамзина исходила *как изнутри, так и извне его близкого окружения*.

Еще в 1975 г. исследовательница русской культуры конца XVIII — начала XIX вв. Л.В. Крестова в одной из своих последних статей «А.И. Плещеева в жизни и творчестве Карамзина» писала: «А.И. (Плещеева. — А. К.) огорчалась из-за отъезда Карамзина за границу в 1789 г. и осуждала его врага. Им был, по-видимому, князь Г.И. (?) Гагарин, порвавший в это время с масонами и доносивший Прозоровскому об участии Карамзина в кружке Новикова...»¹⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что в своих предположениях Л.В. Крестова делает акцент на поведении искомого «Тартюфа» в 1792 г., во время следствия по делу масонов, затеянного новым «главнокомандующим Москвы» князем И.И. Прозоровским, и оставляет в стороне интересующие нас более ранние события начала 1789 г., когда Карамзин отправился за границу. Кроме того, в рассуждениях Крестовой содержится очевидная описка в инициалах кн. Гагарина: речь может идти, конечно, не о «Г.И. Гагарине»¹⁹, а о князе Гаврииле Петровиче Гагарине, крупнейшем петербургском масоне шведского обряда, знатоке шведского мистика Эммануила Сведенборга (в то время как Н.И. Новиков и его московские друзья тяготели к немецким розенкрейцерам).

В 1780-х гг. кн. Гавриил Гагарин, уловив смену настроений Екатерины II, постепенно свернул деятельность своих лож в Пе-

¹⁸ Крестова Л.В. А.И. Плещеева в жизни и творчестве Карамзина. // XVIII век. Сборник 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР П.Н. Беркова. Л.: Наука, 1975. С. 266.

¹⁹ Трудно предположить, что исследовательница такого уровня, как Л.В. Крестова, окончившая классическое отделение университета еще до революции (1914), могла всерьез вести речь о другом Гагарине — князе Григории Ивановиче, будущем известном дипломате. Г.И. Гагарин и по возрасту не подходит на роль «Тартюфа» (в 1789 г. ему было семь лет!), и впоследствии будет в самых приятельских отношениях с Карамзиным. Единственное, что сближало Гавриила и Григория Гагариных, — это страсть к сочинению «эротических стихов», в чем оба они были большие мастера.

тербурге и вскоре получил назначение на высокую гражданскую должность в Москве — обер-прокурора 6-го департамента Сената. Разумеется, появление в «первопрестольной» знатока эзотерических текстов и масонского гроссмейстера (хотя и иного, чем москвичи, обряда) не могло не остаться не замеченным кругом Новикова, который сделал попытку сблизиться с Гагариным.

Похоже, однако, что сам тайный советник Гагарин очень скоро повел двойную игру: вникая в секреты новиковцев, он не прочь был поучаствовать в их разгроме: в 1792 г. он станет одним из главных свидетелей на процессе против Новикова и его друзей. Уже после смерти кн. Гагарина граф Ф.В. Ростопчин, человек, очень близкий в те годы к Карамзину²⁰, представит в 1811 г. императору Александру I свои «Заметки о мартинистах», где о покойном кн. Гаврииле Гагарине говорилось следующее: «Этот человек был гроссмейстером тайной масонской ложи в Москве и решился пристать к мартинистам; но, узнав, что им грозит гонение, счел за лучшее избавиться от всякой ответственности и выслужиться посредством разоблачения вверенных ему тайн. Он сделался предателем единственно из страха... Это был человек умный, опытный в делопроизводстве, но корыстный, склонный к пьянству, погрязший в долгах и никем не уважаемый»²¹. Очень вероятно, что эту свою характеристику кн. Гагарина Ростопчин, мало сведущий в масонских делах, писал со слов близкого к нему Карамзина.

Каким именно образом весной 1789 г. двадцатидвухлетний Карамзин оказался замешанным в гагаринские интриги, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Однако нам известна развязка тех событий: Карамзин был выведен из-под удара и отправлен за грани-

²⁰ По московским меркам, Карамзин и Ростопчин считались родней: жена Ростопчина и первая жена Карамзина (урожденная Протасова) были двоюродными сестрами. В 1811 г. Ростопчин был частым гостем в доме Карамзиных; вместе они наведывались в тверскую резиденцию сестры Александра I, вел. кн. Екатерины Павловны, через которую передавали «аналитические материалы» для царя. А летом 1812 г. Карамзин, в свою очередь, переехал с семьей жить в дом Ростопчина, назначенного генерал-губернатором Москвы.

²¹ Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Ростопчин Ф. Мысли вслух на Красном крыльце. М., Институт русской цивилизации, 2014. С. 140-141.

цу — скорее всего, лично Новиковым, не желавшим ни «сдавать» молодого сотрудника, ни ссориться с влиятельным Гагариным. Новиков тогда еще надеялся, что гнев императрицы минует его, и что он по-прежнему будет пользоваться покровительством московского наместника («главнокомандующего») П.Д. Еропкина, чей глава канцелярии И.А. Барнашев был активным масоном и близким к Новикову человеком.

Если принять нашу версию, что «путешествие» Карамзина 1789–1790 гг. фактически было бегством за границу, то «Письма русского путешественника» предстают литературно обработанным дорожным дневником эмигранта и читаются принципиально иным образом. Начиная с самого первого «письма», помеченного «*Тверь, 18 мая 1789 г.*», которое историк и литератор М.П. Погодин назвал ни много ни мало «эпохой в истории Русского слова»: «С него начинается наша настоящая литература...»²².

В самом деле, при новом прочтении, описанные Карамзиным чувства расставания с близкими не выглядят самоэкзальтацией, ранее списываемой комментаторами на сентименталистские пристрастия автора. Беглец покидает родину на неопределенный срок и без гарантий возвращения, а поэтому и «путешествие в Европу», о котором он когда-то мечтал, окрашивается в совершенно иные тона: «О сердце, сердце! Кто знает: чего ты хочешь? — Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения?.. Но, когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и со всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего... Простите! Дай Бог вам утешений! — Помните друга, но *без всякого горестного чувства* (курсив мой. — А. К.)»²³. О каком «горестном чувстве» говорит Карамзин? Понятно, что сам «путешественник» будет тосковать по оставшимся в России друзьям, но почему друзья должны вспоминать о нем «с горестным чувством»?

Хорошо известен фрагмент из начала «Писем русского путешественника», где Карамзин описывает, как его московский друг А.А. Петров провожал его до тверской (петербургской) заставы на

²² *Погодин М.П.* Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. С. 72.

²³ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. С. 5, 6.

выезде из Москвы: «Там обнялись мы с ним, и еще в первый раз видел я слезы его; — там сел я в кибитку, взглянул на Москву, где оставалось для меня столько любезного, и сказал: прости! Колокольчик зазвенел, лошади помчались... и друг ваш осиротел в мире, осиротел в душе своей!»²⁴. Ю.М. Лотман, много сделавший для того, чтобы выявить документальную основу «Писем...», в своем комментарии к данному фрагменту полностью, без перепроверки, следует литературному тексту: «18 мая 1789 г. (ст. ст.) по петербургской дороге из Москвы выехала карета. В ней сидел молодой путешественник. До петербургской заставы его проводил друг. Расстались они в слезах»²⁵.

Согласно же моей версии, вынужденный изгнанник Карамзин не мог не взять с собой в дорогу (до русской границы) надежного сопровождающего, посвященного во все «обстоятельства». И поэтому после расставания с Петровым в «кибитке», помимо Карамзина, продолжал оставаться еще один человек, имя которого было решено впоследствии не упоминать. Этим «вторым», по моему мнению, был еще один близкий друг Карамзина — литератор И.И. Дмитриев: об этом говорит фрагмент, на который ранее исследователи не обращали внимания, из письма Карамзина Дмитриеву (в то время — александровскому министру юстиции!) от 4 августа (ст. ст.) 1810 г. В нем Карамзин, говоря о своем скором отъезде из Москвы в Арзамас по делам своего нижегородского имения, в частности, невольно «проговаривается»: «Эта дорога напомнит мне лета первой молодости и *путешествие мое с тобою к пределам нашей общей родины* (курсив мой. — А. К.)»²⁶.

²⁴ Там же. С. 5-6.

²⁵ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 29.

²⁶ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. С. 119. Не вызывает сомнения, что в этом фрагменте речь идет именно о мае 1789 г. — начальном этапе европейских странствий Карамзина. Никак не упомянутый в «Письмах русского путешественника», И.И. Дмитриев, в свою очередь, до конца жизни хранил тайну карамзинского вояжа в Европу. В своих поздних мемуарах он так написал об общении с Карамзиным в конце 1780-х гг.: «Несколько раз встречались в Москве, и, наконец, разлучились уже на долгое время: он отправился в чужие края, но не за счет общества, как многие о том разглашают, а на собственном иждивении» (*Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М.: Типография В. Готье. 1866. Кн. 2. С. 100).

Проанализируем подробно один принципиальный фрагмент из текста «Писем русского путешественника» Карамзина. Выше я уже кратко упоминал о письме А.А. Петрова к Карамзину от 20 сентября 1789 г., которое нашло его в Женеве²⁷. Послание Петрова интересно не столько само по себе, сколько упоминанием о том, что оно писалось в ответ на короткое письмо (до нас не дошедшее) самого Карамзина из Дрездена — единственное известное нам письмо, посланное из-за границы за весь 1789-й год! Если верна наша догадка о том, что перед «путешествием» был заранее обговорен полный запрет на переписку, то в Дрездене Карамзин должен был попасть в некие «форс-мажорные» обстоятельства, или вынудившие его (и одновременно позволившие ему) единственный раз прервать молчание.

По моему мнению, обмен письмами между Карамзиным и Петровым является, в первую очередь, свидетельством того, что выехавший в Европу Карамзин, начал испытывать финансовые затруднения уже через пару месяцев после начала путешествия — в Саксонии. По крайней мере, на это намекает следующий фрагмент из ответного послания Петрова: «Ты жалуешься, что всё, примечания достойное, что ты видел, стоило тебе денег. Пожалуйста, уведомь, в каких обстоятельствах твой кошелек, и не должен ли ты больше издерживать денег, нежели прежде думал?»²⁸. Судя по всему, дрезденский «сигнал» от Карамзина, полученный через Петрова, был воспринят московскими друзьями Карамзина правильно, и уже в Швейцарии его финансовое положение вполне стабилизировалось.

Факт посылки Карамзиным письма именно из столицы Саксонии заставляет внимательнее вчитаться и в посвященные пребыванию в Дрездене фрагменты из «Писем русского путешественника». Что-то случилось в Дрездене такое, что подвигло Карамзина нарушить договоренность и черкнуть все-таки весточку в Москву!

Согласно «Письмам...», Карамзин был в Дрездене проездом из Берлина с 10 по 13 июля 1789 г. Главка, помеченная автором «За две

²⁷ Женева, судя по всему, изначально планировалась в качестве основного пункта пребывания Карамзина за границей: «путешественник» проживет здесь с октября 1779 г. по начало марта 1790 г. — долгих пять месяцев.

²⁸ Письма А.А. Петрова к Карамзину. 1785–1792 (подготовка текста Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского) // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 509.

мили от Дрездена, 10 Июля, 1789», является, по своему настроению, одной из самых грустных во всей книге. Небывалая тоска охватила Карамзина еще накануне, в Берлине: «В тот же вечер стало мне так грустно, что я не знал куда деваться. Бродил по городу, нахлобучив себе на глаза шляпу, и тростью своею считал на мостовой камни... Что же делать?...»²⁹. И далее — важнейшая (может быть, самая важная во всей книге!) фраза: «*Кто еще не заперт в клетку*» (курсив мой. — А. К.) — кто может, подобно птичкам небесным, быть и здесь и там, и там и здесь — тот может еще наслаждаться бытием своим, и может быть счастлив, и должен быть счастлив»³⁰.

«*Кто еще не заперт в клетку...*» — эта горькая мысль мало подходит «вольному вояжеру», каким представляется Карамзин в традиционной интерпретации, зато она очень логична для сознания скитальца, вынужденного — во избежание худшего! — бежать из родного дома действительно «куда глаза глядят». Только скитальцу остается радоваться тому, что он, хотя и лишен родины, но во всем остальном — «подобно птичкам небесным» — абсолютно свободен.

Тема разлуки с отечеством и друзьями не оставляет Карамзина и на подъезде к Дрездену. Переменяя на одной из почтовых станций лошадей, «русский путешественник» познакомился с прекрасной незнакомкой — «в Амазонском зеленом платье с белым платком в руках»: «Вы конечно иностранец, если смею спросить? — Так сударыня. — Конечно Англичанин? Потому что англичане хорошо говорят по-Немецки. — Извините сударыня: я Москвитянин. — Москвитянин? Ах, боже мой! Я еще от роду не видывала Москвитян. Как вы к нам заехали? — Из любопытства сударыня. — Надобно, чтобы вы были очень любопытны. Ведь вы, конечно, оставили в отечестве своем много любезного? — Много, сударыня, много: я оставил отечество и друзей...» и т.д.³¹. Пассаж об исключительном «любопытстве», заставившем его «оставить отечество и друзей» — блестящий литературный образец горькой самоиронии автора «Писем русского путешественника».

Остается вопрос: кто мог переправить дрезденское письмо Карамзина в Москву, если официальной почте он категорически (и справедливо) не доверял? Согласно «Письмам русского путешественника», 12 июля Карамзин посетил русское посольство при сак-

²⁹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 49.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 50-51.

сонском дворе. Поскольку сам посланник³² был в отъезде, Карамзин, по его словам, «познакомился с секретарем нашего Министра»³³. Очень вероятно, что именно этот человек и стал тем лицом, который конфиденциально переправил (по дипломатическим каналам, а, возможно, и лично) письмо Карамзина в Москву — такова моя версия происхождения ставшего полной неожиданностью для московских друзей Карамзина его послания из Дрездена к А.А. Петрову.

Понятно, что отослав важную для него весточку в России, наш «путешественник» на следующее утро, 13 июля, отправляясь из Дрездена в Лейпциг, был уже в совершенно ином, приподнятом состоянии духа: «Так ясно было небо, так ясна была душа моя...»³⁴.

...Когда летом 1790 г. Н.М. Карамзин вернулся в Россию, властям было уже не до него: новый наместник Екатерины II в Москве князь И.И. Прозоровский начал открытый поход против масонской верхушки, который окончился в 1792 г. полным разгромом «кружка Новикова». Недолгий, но яркий период русского «просветительства» сменился очередным «затемнением».

* * *

Драма русской эмиграции: от Александра Герцена через массовый пореволюционный исход к диссидентам новейшего времени — во все времена состояла в том, что эти люди, зачастую цвет отечественной культуры, вынуждены были, в силу обстоятельств, предпочесть родине — «свободу». Не секрет и то, что эта высокая экзистенциальная трагедия у людей попроще часто подменялась банальным вопросом: «зачем мне родина без свободы?», из чего следовал по-своему логичный для людей такого склада вывод: «где хорошо — там и родина».

Особое, выдающееся место Николая Михайловича Карамзина в русской истории и культуре обусловлено в том числе и тем, что он — безусловный европеист по образованию и воспитанию³⁵ —

³² Русским посланником в Дрездене был тогда князь Александр Михайлович Белосельский-Белозерский (1752–1809), кстати, родной отец ставшей знаменитой впоследствии княгини Зинаиды Волконской, родившейся в Дрездене в декабре того самого, 1789-го года.

³³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 56.

³⁴ Там же. С. 57.

³⁵ Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина //Филология: научные исследования. 2016. № 1(21). С. 101-106.

впервые сумел (или осмелился?) поставить вопрос принципиально иначе: «а зачем мне свобода без родины?...» Над этой непростой философской дилеммой стоило бы задуматься не только нашим «западникам», подчас снисходительно отторгающим «патриота» Карамзина, но и доморощенным «самобытникам», которым очень далеко до настоящего патриотизма и Карамзина, и его прямых наследников в нашей культуре — либеральных патриотов Б.Н. Чичерина, П.Б. Струве, Г.П. Федотова, В.В. Вейдле³⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг.: Издательство Императорской АН, 1915. 405 с.
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Ред.: Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Ленинград: Наука, 1984. 720 с.
- Кара-Мурза А.А.* Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // *Филология: научные исследования*. 2016. № 1(21). С. 101–106.
- Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. СПб.: Азбука, 2015. 448 с.
- Муравьев В.Б.* Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014. 479 с.
- Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 1866. 730 с.
- Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: В 2 ч. СПб.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. Ч. 2.
- Сиповский В.В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб.: Типография В. Демакова, 1899. 654 с.

³⁶ См. об этом мое большое интервью газете «Культура», в котором речь идет в том числе о Карамзине (*Кара-Мурза А.* «За границей хорошо, если можешь вернуться» // *Культура*, 2012, № 28, 21–27 декабря. С. 7). Следующим за Карамзиным «русским путешественником», который предпочел родину — свободе, стал П.Я. Чаадаев (чьим кумиром, кстати, был Карамзин), который после поездки по Европе (1823–1826) не побоялся вернуться в Россию летом 1826 г., в самый разгар правительственных репрессий против декабристов. (См. подробнее: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2016. С. 117–125). Этот удивительный факт: «был на Западе — и... вернулся» — во многом явился источником исключительного нравственного влияния Чаадаева на современников. И этот же факт, похоже, стал для российских властей очевидным свидетельством «сумасшествия» Чаадаева.

Старчевский А.В. Николай Михайлович Карамзин. СПб.: Типография К. Крайя, 1849. 280 с.

A.A. KARA-MURZA
THE RIDDLE OF «TARTUFFE»
UNKNOWN PAGES OF THE EUROPEAN VOYAGE
OF N.M. KARAMZIN (1789–1790)

This essay proves that on his European journey of 1789–1790, made famous by «The Letters Of a Russian Traveler» the twenty-two year old Nikolay Karamzin did not embark «on his own free will», but rather was removed from Moscow by friends, in order to avoid conflict between the «Novikov circle» and the authorities that were getting ready to launch an attack on the moscovite Masons. This accounts for the long duration of the «journey» (fourteen months) and the complete absence of correspondence between Karamzin and his family, as well as close friends, who remained in Moscow. According to the author's version, Karamzin subsequently turned the brief notes of an emigrée «diary» into the literarily edited «Letters Of a Russian Traveler».

Key words: Russian history, Russian literature, Russia and Europe, Enlightenment, voyage, freemaconery.

ОБ АВТОРАХ

БЕССЧЕТНОВА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА — кандидат философских наук, преподаватель Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; e-mail: ebesschetnova@hse.ru.

БЫКОВА МАРИНА ФЕДОРОВНА — доктор философских наук, профессор философии университета Северной Каролины (США), почетный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала *Russian Studies in Philosophy*; e-mail: mfbykova@ncsu.edu.

ГРОМОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН; e-mail: dr_gromov@mail.ru.

ГУРЕВИЧ ПАВЕЛ СЕМЁНОВИЧ — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН; e-mail: gurevich@rambler.ru.

ДАНИЕЛЯН НАИРА ВЛАДИМИРОВНА — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники»; e-mail: vend22@yandex.ru.

ЕРМАШОВ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ — кандидат политических наук, доцент факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: dm_em@mail.ru.

ЖУКОВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА — доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; e-mail: logoscultura@yandex.ru.

КАНТОР ВЛАДИМИР КАРЛОВИЧ — доктор философских наук, профессор, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; e-mail: vlkantor@mail.ru.

КАРА-МУРЗА АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором философии российской истории Института философии РАН; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru.

КИСЕЛЕВА МАРИНА СЕРГЕЕВНА — доктор философских наук, заведующая сектором методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН; e-mail: markiseleva@gmail.com.

КУЦЕНКО НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН; e-mail: dr_gromov@mail.ru.

ЛЕТНЯКОВ ДЕНИС ЭДУАРДОВИЧ — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН; e-mail: letnyakov@mail.ru.

ЛЮСЫЙ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва; e-mail: allyus1@gmail.com.

МЕЖУЕВ ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философии российской истории Института философии РАН; e-mail: olgazdr@mail.ru.

ОЛЬХОВ ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета; e-mail: pavel.olkhov@yandex.ru.

ПЕНТЕГОВА АСЯ ВЛАДИМИРОВНА — независимый исследователь, e-mail: asia913@mail.ru.

ПРУЖИНИН БОРИС ИСАЕВИЧ — доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»; e-mail: prubor@mail.ru.

СИЗЕМСКАЯ ИРИНА НИКОЛАЕВНА — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН; e-mail: sizemskaya@mail.ru.

СПИРОВА ЭЛЬВИРА МАРАТОВНА — доктор философских наук, заведующая сектором истории антропологических учений Института философии РАН; e-mail: elvira-spirova@mail.ru.

ЧИЖКОВ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ — лаборант научно-организационного отдела, аспирант Института философии РАН; e-mail: nik.fall@gmail.com.

ШАРОВА ВЕРОНИКА ЛЕОНТЬЕВНА — кандидат политических наук, научный сотрудник сектора философии российской истории Института философии РАН; e-mail: veronika.sharova@gmail.com.

ШИРИНЯНЦ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ — доктор политических наук, профессор факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: jants@yandex.ru.

ЩЕДРИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета, редактор журнала «Вопросы философии»; e-mail: tannirra@yandex.ru.

CONTRIBUTORS

BESSCHETNOVA, ELENA — CSc in Philosophy, lecturer, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; e-mail: ebesschetnova@hse.ru.

BYKOVA, MARINA — PhD, Dr. Habil, Professor of Philosophy, Honorary Associate of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of *Russian Studies in Philosophy*; e-mail: mfbykova@ncsu.edu.

CHIZHKOV, NIKOLAY — Assistant of the Department of Research Organization, graduate student, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: nik.fall@gmail.com.

DANIELYAN, NAIRA — DSc in Philosophy, Assistant Professor, Professor of Philosophy, Sociology and Politology Chair. National Research University of Electronic Technology; e-mail: vend22@yandex.ru.

ERMASHOV, DMITRII — CSc of Political Sciences, Docent. Moscow State University, Faculty of Political Science; e-mail: dm_em@mail.ru.

GROMOV, MICHAIL — DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: dr_gromov@mail.ru.

GUREVICH, PAVEL — DSc in Philosophy, DSc in Philology, Professor, chief researcher at the Department of the History of Anthropological Doctrines, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: gurevich@rambler.ru.

KANTOR, VLADIMIR — DSc in Philosophy, Professor, National Research University Higher School of Economics; e-mail: ylkantor@mail.ru.

KARA-MURZA, ALEKSEY — DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Russian History, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru.

KISELEVA, MARINA — DSc in Philosophy, Head of the Department of Methodology of the Interdisciplinary Study of Man, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: markiseleva@gmail.com.

KUTCENKO, NATALIA — CSc in Philosophy, Senior Researcher. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: dr_gromov@mail.ru.

LETNYAKOV, DENIS — CSc in Political Science, Senior Researcher. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: letnyakov@mail.ru.

- LIUCYI, ALEXANDER* — CSc of Cultural Studies, Senior Researcher, Centre for fundamental Research of Culture of the Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev; e-mail: allyus1@gmail.com.
- MEZHUEV, VADIM* — DSc in Philosophy, Chief Researcher of the Department of Philosophy of Russian History, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: olgazdr@mail.ru.
- OLKHOV, PAVEL* — DSc in Philosophy, Docent, Professor of Department of Philosophy and Theology. Belgorod National Research University; e-mail: pavel.olkhov@yandex.ru.
- PENTEGOVA, ASIA* — independent researcher, e-mail: asia913@mail.ru.
- PRUZHININ, BORIS* — DSc in Philosophy, editor-in-chief of journal «Voprosy Filosofii», Professor at Department of Philosophy of School of Humanities at Far Eastern Federal University, Leading Researcher of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: prubor@mail.ru.
- SHAROVA, VERONIKA* — CSc in Political science, research associate, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
veronika.sharova@gmail.com.
- SHCHEDRINA, TATIANA* — DSc in Philosophy, Professor at Department of Philosophy of Institute of Social Humanitarian Education at Moscow Pedagogical State University, Professor at Department of Philosophy of School of Humanities at Far Eastern Federal University, Editor of journal «Voprosy Filosofii»; e-mail: tannirra@yandex.ru.
- SHIRINYANTS, ALEKSANDR* — DSc in Political Sciences, Professor. Moscow State University, Faculty of Political Science; e-mail: jants@yandex.ru.
- SIZEMSKAYA, IRINA* — DSc in Philosophy, Chief Researcher of the Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: sizemskaya@mail.ru.
- SPIROVA, ELVIRA* — DSc in Philosophy, head of the Department of the History of Anthropological Doctrines, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: elvira-spirova@mail.ru.
- ZHUKOVA, OL'GA* — DSc in Philosophy, PhD in Cultural Studies, Professor. School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; e-mail: logoscultura@yandex.ru.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Общая редакция и составление
А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии РАН

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано к печати 17. 10. 2016
Формат 60х90/16

Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл. печ. л. 25. Тираж 1000 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978-5-906578-16-7

9 785906 578167